

МАГАЗИНЪ
ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЙ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

Николая Фролова.

ТОМЪ VI.

СОБРАНИЕ СТАРЫХЪ И НОВЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА,
на Мясницкой улицѣ.
1860.

M. A. Castrey.

Канинскіе Самоѣды.

Тиманскіе Самоѣды.

Sobranije starux i novux

СОБРАНИЕ СТАРЫХЪ И НОВЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ.

ЧАСТЬ II.

Путешествіе **Александра Кастрена** по Лапландіи, сѣверной Россіи и Сибири
(1838—1844, 1845—1849).

СЪ РИСУНКОМЪ И ПОРТРЕТОМЪ КАСТРЕНА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА,
на Мясницкой улицѣ.

1860.

СОБРАНИЕ

СТАРЫХ И НОВЫХ

НАТЯЖЕСТВЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Москва. Сентября 3-го дня, 1860 года.

Ценсоръ Я. Прибыль.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ АННОНАСА СЕРВЕА

на Мясницкой улицѣ

1860

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(А. Шитнера, переводчика на нѣмецкій языкъ.)

1852-й годъ лишилъ Финляндію двухъ мужей науки, имена которыхъ произносятся съ уваженіемъ не только на родинѣ, но и въ другихъ земляхъ. 11 (23) октября умеръ внезапно профессоръ Георгъ Августъ Валинъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ своимъ семилѣтнимъ странствованіемъ между Бедуинами; а 25 апрѣля (7 мая), менѣе чѣмъ за шесть мѣсяцовъ передъ нимъ, скончался неутомимый изслѣдователь сѣверно-азіатскихъ языковъ профессоръ Матіасъ Александръ Кастренъ. Обоимъ, возвратившимся на родину послѣ многотрудныхъ путешествій, привелось не долго дѣйствовать въ университетѣ своей родины. Они оба, въ одно время, изъявили готовность предпринять задуманную Императорскою Академіей Наукъ лингвистическую и этнографическую экспедицію на сѣверъ Азіи, и Академія избрала Кастрена главнымъ образомъ потому, что Кастренъ нѣсколько уже лѣтъ занимался пригготовительнымъ изученіемъ, и напечаталъ уже нѣсколько многообъщающихъ результатовъ этой дѣятельности.

Кастренъ родился 20 ноября (2 декабря) 1813-го года въ Остроботніи, гдѣ отецъ его, Христіанъ, былъ сперва капеланомъ въ Терволѣ, а потомъ пасторомъ въ Рованьеми. По смерти послѣдняго, въ 1825 году, молодой Кастренъ перешелъ къ дядѣ, Матіасу Кастрену, служившему пасторомъ въ Кеми, человѣку, отличавшемуся какъ душевными качествами, такъ и ученостью; отъ него-то онъ и замѣтствовалъ первую любовь къ наукѣ. Двѣнадцати лѣтъ помѣстили его въ Улеборгскую школу, гдѣ ему пришлось содержать себя уроками младшимъ товарищамъ. Шестнадцати лѣтъ поступилъ онъ въ университетъ въ Гельсингфорсѣ. Сперва онъ думалъ посвятить себя духовному званію, и изучалъ три года сряду, вмѣстѣ съ греческимъ, съ особенною любовью языки Востока.

Мало по малу любовь къ родинѣ взяла однакожь перевѣсъ, и онъ перешелъ къ изученію не только финнскаго языка, но и всѣхъ языковъ такъ называемаго уральскаго корня. На это изученіе его навели, кажется, сочиненія Раска. Для подробнаго же изслѣдованія отдѣльныхъ языковъ этого огромнаго корня, необходимо было познакомиться съ ними на мѣстѣ, чрезъ живую рѣчь самаго народа. Съ этой цѣлью Кастренъ предпринялъ еще въ 1838-мъ году свое первое путешествіе въ Лапландію, и затѣмъ въ 1839 г. — въ Русскую Карелію. Въ 1839-мъ же году назначенъ онъ доцентомъ финнскаго и древне-сѣвернаго языка въ гельсингфорскомъ университетѣ, во уваженіе его диссертациі: *De affinitate declinationum in lingua Fenica, Esthonica et Laponica*. Въ 1841-мъ году издалъ онъ свой переводъ на шведскій языкъ народнои финнской эпопеи: «Калевала» — переводъ, который, при всей вѣрности, кажется самобытнымъ поэтическимъ созданіемъ. Въ томъ же году, вмѣстѣ съ знаменитымъ собирателемъ и издателемъ эпическихъ финнскихъ пѣсень, докторомъ Эліасомъ Лёнротомъ, отправился онъ снова въ пограничную Лапландію, и черезъ Колу пробрался въ Архангельскъ. Отсюда Лёнротъ воротился назадъ; Кастренъ же, вслѣдствіе неожиданнаго пособія изъ финнскаго казначейства, получилъ возможность распространить свои изслѣдованія на ближайшихъ Самоѣдовъ. Онъ изучалъ языкъ ихъ на многотрудномъ странствованіи черезъ пустыни и Уралъ до Обдорска, въ который пріѣхалъ 9 ноября 1843-го года. Разстроенное здоровье принудило его поспѣшить отсюда въ Березовъ, а изъ Березова въ Тобольскъ, изъ котораго, въ мартъ 1844-го года, возвратился кратчайшей дорогой на родину для возстановленія ослабѣвшихъ силъ своихъ. Здѣсь занялся онъ печатаніемъ зырянской грамматики (*Elementa grammatices Syrjaenae*), за которой въ слѣдующемъ году вышла, напечатанная въ Куопіо, черемисская грамматика (*Elementa grammatices Tscheremissae*). Въ ноябрѣ 1844-го переслалъ онъ въ Академію статью: «*Vom Einflusse des Accents in der Lappländischen Sprache*», которая напечатана въ «*Mémoires des savants étrangers* Ч. VI. стр. 1—44. — Къ веснѣ 1844-го года, благодаря искусству врачей, здоровье Кастрена поправилось на столько, что онъ могъ начать большое ученое путешествіе по порученію Академіи. Отъ прибытія его въ Тобольскъ, въ концѣ мая 1845 года, до на-

чала возвратнаго путешествія изъ Нерчинска лѣтомъ 1848 года, несмотря на частые возвраты болѣзни и все изнурительныя трудности пути, онъ занимался постоянно и неутомимо изученіемъ лингвистическихъ и этнографическихъ отношеній различныхъ племенъ сибирскихъ Самоѣдовъ, Остяковъ, Татаръ, Тунгузовъ и Бурятъ. Въ теченіе этого времени онъ переслалъ цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ отчетовъ въ Академію и множество писемъ къ друзьямъ и къ горячему заступнику его научной дѣятельности въ Академіи (Шёгрену),— писемъ полныхъ за-частую веселаго юмора и въ самыя тяжелыя мгновенія. Многія изъ этихъ писемъ и отчетовъ были напечатаны въ историко-филогическихъ извѣстіяхъ Академіи и въ финскихъ журналахъ 1845—1848 годовъ. Осенью 1849 года изданъ былъ Академіей первый плодъ его Сибирскаго путешествія: «*Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre.*—Въ февраль 1850-го неутомимый изыскатель въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и тотчасъ же занялся прибывшими туда Самоѣдами, для пополненія своей грамматики Самоѣдскаго языка. Осенью того же года, желая занять вновь учреждаемую кафедру финскаго языка и литературы, онъ напечаталъ разсужденіе: «*De affixis personalibus linguarum Altaicarum.*». Въ первыхъ числахъ мая 1851 года онъ имѣлъ счастье принять изъ рукъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, какъ Канцлера Александровскаго Университета, утвержденіе въ званіи профессора. Несмотря на многія занятія по службѣ, онъ неутомимо работалъ и надъ своей Самоѣдскою грамматикою, которую, за исключеніемъ ученія о звукахъ (*Lautlehre*), окончилъ за нѣсколько недѣль до своей смерти. Трудъ этотъ, который Кастрень почиталъ главнымъ подвигомъ своимъ, еще при жизни завѣщалъ онъ Академіи. По кончинѣ его, Академія вошла въ сношеніе съ наслѣдниками и друзьями покойника, для пріобрѣтенія прочихъ лингвистическихъ трудовъ его. Вслѣдствіе этого, кромѣ Самоѣдской грамматики, будутъ изданы и его собранія матеріаловъ для языковъ енисейско-остяцкаго, татарскаго, тунгузскаго и бурятскаго. Эти собранія составляютъ болѣе или менѣе обработанныя грамматики и словари повменованныхъ языковъ, по различнымъ ихъ нарѣчіямъ.

Кромѣ лингвистическихъ сочиненій, Кастрень оставилъ еще нѣсколько весьма интересныхъ статей объ этнографическихъ отношеніяхъ различныхъ народовъ великаго Алтайскаго племени и о мн.

эологіи Финновъ. Отрывокъ изъ его мифологическихъ лекцій и именно: «О значеніи именъ Юмала и Укко въ финской мифологіи» былъ напечатанъ въ 9-ой книжкѣ историко-филологическихъ извѣстій Академіи.

Вскорѣ по возвращеніи изъ трехлѣтняго путешествія своего, Кастренъ принялся, въ часы отдохновенія, собирать и частію перерабатывать письма и путевыя записки, печатавшіяся въ разныхъ финскихъ журналахъ 1840—1844 годовъ. Работа эта, которой онъ занимался и въ продолженіи послѣдней болѣзни, была прервана его кончиной. Друзья покойнаго издали это собраніе въ 1853 году, безъ малѣйшаго измѣненія противъ рукописи, подъ заглавіемъ: «M. A. Castréns Reseminnen från åren 1838—1844»; а въ 1856 вышла и вторая часть его путешествій подъ заглавіемъ: «M. A. Castréns Reseberättelser och Bref åren 1845—1849».

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЛАПЛАНДІЮ,

ВЪ 1838 ГОДУ.

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

BP 1233 1011

d

I.

**ПУТЕШЕСТВІЕ ОТЪ ТОРНЕО ВЪ КИРЬБИ, ВЪ ЭНАРСКОМЪ ОКРУГЪ
ПОГРАНИЧНОЙ ЛАПОНИИ.**

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, рѣшился я посвятить всю дѣятельность жизни моей изслѣдованію языка, правовъ, религій, обычаевъ, образа жизни и прочихъ этнографическихъ отношеній Финскаго народа и другихъ съ нимъ родственныхъ племенъ. Для этой цѣли, во время пребыванія моего въ университетъ, я старался теоретически и практически изучитъ Финскій языкъ и вмѣстѣ познакомиться съ родственными ему языками—Эстонскимъ и Лапландскимъ. Скоро увидѣлъ я, что, для лучшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, мнѣ необходимо пріобрѣсть знанія прочіе и обилыѣе тѣхъ, которыя доставляются печатными пособіями, и что должно предпринять для этой цѣли путешествія въ различныя страны Азіи и Европы. Затрудняясь въ средствахъ, необходимыхъ для столь дальнихъ путешествій, я начиналъ отчаиваться въ успѣхѣ и отказывался отъ лучшихъ плановъ моей юности, когда соученикъ и другъ мой, докторъ Эрстрёмъ, предложилъ мнѣ, въ 1838 году, объѣхать съ нимъ вмѣстѣ Финскую Лапонию, которую онъ, въ качествѣ врача, намѣревался обозрѣть въ теченіе лѣта. Хотя такое, слишкомъ посибшное, обозрѣніе не могло принести мнѣ желаемыхъ плодовъ, однакоже я съ радостію принялъ дружеское предложеніе и рано весною выѣхалъ изъ Гельсингфорса.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда, другой воспитанникъ Александровскаго университета, магистръ Бланкъ, рѣшился посѣтить Лапонию, для изученія ея по части естественныхъ наукъ, и присоединился къ нашему обществу. Случилось въ то же время, что пасторъ Дурхманъ получилъ отъ соборнаго капитула въ Або порученіе отправиться въ Энаре въ

пограничную Лапландію, для назиданія паствы своей. Всѣ мы незадолго до Иванова дня собрались въ Торнео, мѣсто пребыванія Эрстрёма, составили общій планъ нашему Лапландскому путешествію и отправились 13-го іюня.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города Торнео, возвышается знаменитая гора Аава-Сакса (Aawa-Saksa), на которую путешественники, съ востока и запада, собираются каждый годъ передъ Ивановымъ днемъ, для того чтобы полюбоваться незаходящимъ Ивановскимъ солнцемъ. Мы пошли въ сопровожденіи одного молодого Нѣмца и взобрались на вершину горы ровно къ 12-ти часамъ. Тутъ нашли мы нѣсколько городскихъ дамъ и мушницъ; Голландскаго профессора Аккерсика, который, казалось, пріѣхалъ сюда для того, чтобы повѣрить по солнцу часы; — кучу простаго народа, который кричалъ: *antakaa lantti!* (дайте слантъ — мѣдную деньги) и толпу мушницъ и женщинъ, сидѣвшихъ около огромнаго костра. Когда первые упомянутые господа удалились, а отъ вторыхъ откупились мы деньгами, мы присоединились къ сидящимъ у разведеннаго огня и тутъ только начали наслаждаться представлявшеюся картиной. Вершина горы само-себѣ некрасива, но окрестность восхитительна. Большая рѣка Торнео и рѣка Тенгельюки сливаются у самой подошвы горы; острова ихъ украшены красивыми домами и деревьями; видны двѣ церкви: Матаранги на Шведской сторонѣ, Алкула на Финской, а горизонтъ весь окаймленъ высокими горами. Вообрази наше маленькое веселое общество, сидящее за нѣсколькими бутылками вина: молодые люди низвергаютъ со скалы камни, дѣвцы болтаютъ и смѣются у огня, свѣтлое лѣтнее солнце озаряетъ всю окрестность; — вообрази все это, и ты получишь слабій очеркъ Ивановской ночи, проведенной нами на горѣ Аава-Сакса.

Мы собрались идти домой — и всѣ поднялись за нами. Пріятно было смотрѣть на густую толпу людей, спускавшихся по извилинамъ горной тропинки; всѣ вмѣстѣ дошли мы до берега рѣки; дѣвушки пѣли пѣсни, и когда мы разстались, было уже 4 часа. Нашъ Нѣмецъ былъ виѣ себя отъ восторга; «прекрасно! чудесно! восхитительно!» — кричалъ онъ на каждомъ шагѣ. Все казалось ему въ высшей степени интереснымъ и замѣчательнымъ; и когда мы на станціи обѣдали, то онъ положилъ въ карманъ кусокъ хлѣба (здѣсь употребляютъ ржаной хлѣбъ) и сказалъ, что, возвратясь въ Любекъ, покажетъ его друзьямъ и расскажетъ, какъ ѣдятъ на границахъ Лапландіи.

На слѣдующій день мы осматривали церковь Алкула и гору Луинію (Lurpio), представляющую замѣчательную игру природы — совершенное подобіе нагорнаго замка съ отвѣсными стѣнами, лѣтницами, гротами, сводами изъ прямоугольныхъ каменныхъ массъ, и т. д. Не могли мы узнать

никакихъ преданій касательно этого мѣста, и когда я спросилъ на самой горѣ у одного изъ проводниковъ : *onko tässä haltiota* (живетъ ли здѣсь духъ) ? онъ смутился и отвѣчалъ шопотомъ : *kyllähän se täällä on haltio* (конечно, здѣсь живетъ духъ).

Подлѣ церкви Алула, дорога сухимъ путемъ прекращается, и путники ѣдутъ уже въ лодкахъ. Берега рѣки и прибрежныя деревья являютъ глубокіе слѣды прохожденія льдинъ, которыя плутъ съ ужасною силою; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода поднималась на три сажени противъ обыкновенной своей поверхности. Замѣчено здѣсь, что приливъ (*tulwa*) случается всегда черезъ 20 лѣтъ. И теперь еще рассказываютъ про ужасное веселіе наводненіе 1798 года, и про другое, случившееся въ 1818 г.; въ нынѣшнемъ 1838 г., вода была также выше обыкновеннаго, но не было такого опустошенія, какъ въ оба прежніе раза.

25-го числа, въ 11 часовъ утра, замѣтили мы большую переменъ во всемъ окружающемъ : горы и холмы исчезли, земля понизилась ; показались болота, мохъ, а на берегахъ—растенія, принадлежащія исключительно одной Лапландской флорѣ ; лѣсу множество, особливо сосноваго, но каждое дерево носитъ печать дряхлости, каждое стоитъ печально, пасмурно, покрытое мхомъ и какъ будто у могилы живой природы,—недостаетъ большого креста и надгробной надписи. — Взгляни на эти бѣлыя массы, чувствуешь ли, какой холодъ онѣ распространяють ? — Знаешь ли причину такой переменъ ? — Мы перѣехали полярный кругъ.

Здѣсь-то настоящая граница Лапландіи. Въ этомъ царствѣ ночи и холода нельзя было ожидать малѣйшихъ слѣдовъ строенія, и намъ было очень пріятно ошибиться въ этомъ. Съ удовольствіемъ упоминаю о двухъ свѣтлыхъ точкахъ, озарившихъ намъ этотъ хаосъ.

Первая есть домъ директора Е... въ Тортола, за 12 миль къ сѣверу отъ Торнео, домъ, — который могъ бы служить украшеніемъ вездѣ въ Финляндіи ; — тутъ находилось все, что сдѣлалось необходимою самаго утонченнаго высшаго образованія, книги, музыкальныя ноты, инструменты, и т. п. Къ сожалѣнію, дочерей директора не было дома ; однакоже насъ угощали музыкой, и когда мы легли въ постель, полночное солнце уже освѣщало новый, начинающійся день.

Вторая свѣтлая точка есть желѣзный заводъ Кенгистъ, лежащій еще далѣе къ сѣверу. Тутъ образованность водворилась еще слишкомъ за 200 лѣтъ. Заводъ этотъ получилъ привилегію въ 1637 году, отъ королевы Христинны, и неутомимо продолжаетъ съ той поры свои разработки. Желѣзо добывается изъ сосѣдней горы, гдѣ прежде находилась и мѣдная руда. Заводъ расположенъ прямо надъ слияніемъ рѣки Торнео съ Муонио, въ дикой, живописной странѣ. Водопадъ здѣсь — одинъ изъ вели-

чайшихъ, какіе я видалъ : на протяженіи 2000 футовъ онъ имѣеть 72 фута паденія.

Надобно теперь сказать нѣсколько словъ о туземцахъ. Отъ Торнео до Муониионски, Лапландія населена Финнами, частію происшедшими отъ Лапландцевъ, прежнихъ обитателей страны, частію отъ колонистовъ изъ различныхъ частей Финляндіи и съ береговъ Бѣлаго моря. Многія семейства могутъ еще дать отчетъ о своемъ происхожденіи, и по рассказамъ ихъ видно ясно, что первые колонисты привлечены были въ эту пустыню изобиліемъ дичи и богатствомъ рыбнаго промысла. Но мало-по-малу эти промыслы уменьшились и каждый годъ земледѣліе и скотоводство стали замѣнять ихъ. Вообще прирѣчные жители Торнео имѣють теперь въ образѣ жизни много общаго съ остальными обитателями страны, что даже видно въ ихъ постройкахъ. Дворъ обыкновенно образуетъ четвероугольникъ, застроенъ со всѣхъ сторонъ и заключаетъ въ себѣ : 1) жилой домъ, состоящій изъ одной большой комнаты, *rökte* (*), гдѣ собираются днемъ и работаютъ, и другой маленькой, гдѣ лѣтомъ спятъ ; 2) маленькое строеніе, гдѣ нѣсколько горницъ лѣтнихъ и для гостей ; 3 — 4) различныя службы. Окна и двери украшены вырѣзанными деревянными выкрашенными фигурами ; иногда на кровлѣ виситъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ (обыкновенно изъ *Trollius europaeus*, купальницы, сем. лютиковыхъ) и тѣ же цвѣты разбросаны по полу. Хотя эти украшенія весьма незначительны, однако радуютъ взоры, свидѣтельствуя, что жители могутъ не всѣ часы своей жизни посвящать тяжелымъ заботамъ о насущномъ хлѣбѣ. — Мебель чрезвычайно скудная, но все, что необходимо для ежедневнаго употребленія, содержится чисто и опрятно. Особенно пріятно видѣть молочни опытныхъ хозяекъ и ихъ бѣлыя кадушки съ молокомъ, которое невольно возбуждаетъ аппетитъ.

Причину особенной чистоты, какую встрѣчали мы на всѣхъ станціяхъ, было, вѣроятно, ожиданіе скорого прибытія Французской полярной экспедиціи, для принятія которой приказано было имѣть все въ готовности. Рѣдкихъ гостей этихъ ожидали съ любопытствомъ, но не съ удовольствіемъ. Еще прежде Французы были здѣсь и показали себя не съ выгодной стороны : они не хотѣли переносить трудностей пути, и не выходили изъ лодокъ, какъ это дѣлають всѣ путешественники, чтобы по берегу пройти нѣшкомъ, пока помощью длинныхъ багровъ не проведуть лодки между быстрыми водоворотами. Англичане также, по словамъ туземцевъ, заботятся объ удобствахъ, но платять гораздо дороже за перевозъ, и на быстринахъ часто останавливаясь удить, дарятъ весь уловъ лодочникамъ.

(*) Почти всегда въ этой комнатѣ есть окна и большая печь съ трубой, но случается, что это—просто дымяя колура, т. е. безъ оконъ и безъ трубы.

Что до насъ касается, то нельзя было пожаловаться, чтобы мы слишкомъ заботились о своихъ удобствахъ. Мы шли цѣлые дни по лѣсамъ и полямъ, переходили по болотамъ и вязкимъ трясинамъ, помогали лодчишкамъ тащить лодки и проводить ихъ около берега подлѣ быстригъ, и т. д. Между тѣмъ, жаръ былъ несносный, мошки и комары нестерпимы. Жаръ былъ такъ утомителенъ, что мы иногда днемъ отдыхали и продолжали путь ночью. Если дождь заставлялъ насъ между станціями, мы разводили на берегу огонь и сушили платья. Плохо запасшись провіантомъ, часто принуждены были утолять голодь ржанымъ сухимъ хлѣбомъ, испеченнымъ пополамъ съ соломой, и другой еще менѣе вкусной пищей. Не взирая на всѣ эти неприятности и неудобства, мы шли бодро и весело, и 30-го іюня прибыли въ Муоніониску.

Тутъ мы провели недѣли двѣ, для того чтобы отдохнуть и собраться съ новыми силами, и для того, чтобы запастись всѣмъ нужнымъ. Я уговорилъ товарищей остановиться здѣсь, частію потому, что очень изнурился дорогой, частію потому, что нашелъ здѣсь неожиданный случай для достиженія цѣли моего путешествія. Одинъ природный Лапландскій катехизаторъ, воспитанный пасторомъ Штокфлетомъ и помогавшій ему въ изданіи на Лапландскомъ языкѣ религіозныхъ книгъ, находился въ Муоніонискѣ. Такъ какъ изученіе упомянутого языка было главною цѣлью моего путешествія, то не хотѣлось мнѣ упустить такой удобный случай. Съ другой стороны, катехизатору было важно воспользоваться моею помощью для изученія Финскаго языка, ибо съ одной этой цѣлью пріѣхалъ онъ изъ Норвегіи въ Муоніониску. Мы соединили наши взаимныя стремленія и работали усердно, каждый надъ своимъ предметомъ. Товарищи моего путешествія нашли также пищу для своей дѣятельности. Блэккъ обѣгалъ вдоль и поперегъ всю окрестную страну, собирая насѣкомыхъ; Дурхманъ помогалъ духовенству въ отправленіи требъ; Эрстрёмъ, какъ врачъ, имѣлъ возможность практически употребить свои познанія, но непредвидѣнные обстоятельства вынудили его черезъ нѣсколько дней оставить Муоніониску и возвратиться въ Торнео.

Мы же, три остальные путешественника, пробыли въ Муоніонискѣ до 16-го іюля; Лапландское лѣто такъ быстро шло къ концу, что мы принуждены были пуститься въ путь, дабы имѣть возможность заблаговременно возвратиться домой. Не составя предварительно плана всего путешествія, направили мы путь свой къ хребту, разделяющему воды, текуція въ Ледовитое море, отъ вѣдъ, текущихъ въ Ботнической заливъ. Для сокращенія дороги перешли мы черезъ славную Палласову скалу, Pallas-felsen, которую одинъ изъ товарищей сравнилъ съ «колоссальнымъ храмомъ исполновъ, со многими куполами». — Перешедши скалу, прошли мы нѣшкомъ четыре мили и пришли въ Кирёби, лежащее въ округѣ Соданкила, въ приходѣ

Киттила. Оттуда въ лодкѣ, вверхъ по теченію Унасіоки (Unasjoki), впадающей въ Кемп, проплыли мы еще пять миль, до деревни Пельдовуома (Peldovuoma), въ Лапландскомъ округѣ Энонтекись.

Прибывши въ упомянутое мѣстечко, мы собрали совѣтъ изъ старыхъ и опытныхъ жителей деревни, чтобы рѣшить, какъ намъ перебраться черезъ горный хребетъ Лапландіи, съ возможно меньшими издержками и неудобствами. Между тѣмъ, мы уже напередъ придумали купить лодку въ деревенькѣ Вуонтисерви, недалеко отъ Пельдовуома, проплыть на ней 4 мили вверхъ по горному ручью, называемому Кэккэлэйоки, потомъ перетащить эту лодку по горному хребту, цѣлую милю, до ручья Нуоласіоки, и внизъ по теченію доплыть до рѣки Энаре, которая въ нижнемъ теченіи своемъ называется уже Тено, и ведетъ къ границамъ Утсѣйоки Лапландской. — Старики, собранные на совѣтъ, отвергли это предложеніе многими основательными доводами. «Кэккэлэйоки», говорили они, «стремителенъ, а въ это время года такъ мелководенъ, что и пустая лодка съ трудомъ по немъ протащится. Для переноски же черезъ скалы всѣхъ вещей и лодки, нужно нанять множество людей, или по-крайней-мѣрѣ лошадей. Въ Нуоласіоки, даже во время разлива, такъ мало воды, что и тогда внизъ по теченію нужно лодку тащить на себѣ». — Но больше всѣхъ трудностей пути испугали насъ сопряженные съ ними издержки. Говорили о сотнѣ рублей, и даже больше, которыхъ жители Вуонтисерви требуютъ съ путешественниковъ за этотъ переѣздъ. Не въ состояніи будучи платить такую сумму, должны мы были отказаться отъ нашего намѣренія. Тотчасъ сдѣлано было другое предложеніе, а именно: вмѣсто того, чтобы покупать лодку въ Вуонтисерви, сдѣлать собственную въ деревнѣ Саунаерви, лежащей при истока рѣки Энаре. Это предложеніе принято было съ общимъ одобреніемъ, и мы стали спрашивать всѣхъ присутствующихъ плотниковъ, кто изъ нихъ возьмется соорудить намъ лодку, какъ Эрикъ Пельдовуома, главное лице нашего почтеннаго собранія, съ насмѣшливой улыбкой спросилъ: откуда достанемъ лѣсъ на стройку? — Потомъ съ величайшимъ добродушіемъ далъ намъ слѣдующій совѣтъ: «Возмите, господа, ваши ранцы на плеча», сказаламъ онъ, «запаситесь на 4 или 5 дней съѣстною провизіей и ступайте пѣшкомъ до Йоргастака (Лапландская деревня на берегу рѣки Тено). Тамъ найдете непременно рыбаковъ, которые охотно въ лодкѣ, внизъ по Тено, доvezутъ васъ до Утсѣйоки. — Если же этотъ совѣтъ вамъ не нравится», продолжалъ Эрикъ, «то ничего другаго не остается, какъ идти черезъ Энаре; эта дорога 20-ю милями длиннѣе и въ тысячу разъ затруднителнѣе». — Двѣ причины заставили насъ принять послѣднее предложеніе: первая та, что Бланкъ въ такомъ только случаѣ соглашался намъ сопутствовать; вторая, что Дурхманъ полагалъ, что его

прихожане около этого времени соберутся въ Энаре и будутъ ждать его назидательныхъ бесѣдъ.

Рѣшивши главный вопросъ, оставалось намъ узнать, гдѣ можемъ найти хорошаго проводника, который согласился бы указывать намъ дорогу. «*I e s s i o* проводить васъ и никто другой», сказала утвердительно Э р и к ъ. «*I e s s i o*», примолвилъ другой, «выведетъ васъ изъ—подъ воды и на дорогѣ не броситъ».—Все собраніе подтвердило это выгодное объ *I e s s i o* мнѣніе; позвали его, и онъ охотно взялся быть нашимъ проводникомъ, только выпросилъ на одиѣ сутки съѣздить въ Вуонтисьерви проститься съ женой и дѣтьми, и обѣщавъ скоро возвратиться въ Пельдовуома. Тутъ собраніе разошлось, и мы отправились на покой. Слѣдующій день прошелъ весь въ приготовленіяхъ. На другое утро явился *I e s s i o*, совсѣмъ готовый къ путешествію; Э р и к ъ предложилъ намъ также проводить насъ до хребта, т. е. сопутствовать намъ первые двое сутокъ. Съ полною довѣренностью поручили мы себя покровительству обоихъ, уложились въ маленькой лодкѣ и — собственно тутъ только начали Лапландское наше путешествіе.

День былъ дождливый; весьма непріятно было пуститься въ путь въ такой день, когда знаешь, что на пространствѣ 30-ти миль не найдешь другой надъ головою кровли, кромѣ мрачнаго Лапландскаго неба, другаго очага, кромѣ зажженнаго на минутную потребность сословаго пня, другой постели, кромѣ сырой почвы, или, въ счастливомъ случаѣ, ущелья въ горѣ. Мысль о предстоящихъ трудностяхъ умножала еще настоящія неудобства. Со всею доброю волей, не могли мы побѣдить печальнаго расположенія духа, и каждый сидѣлъ въ лодкѣ молча и пасмурно, погруженный въ свои мысли. Я же имѣлъ и ту неспрѣчную, что сидѣть было мнѣ неловко, и потому началъ раздумывать, нуженъ ли намъ весь забрапный съ нами запасъ? — Запасъ этотъ былъ хотя весьма незначителенъ, но я отдалъ бы охотно нѣкоторую часть его за то, чтобы сидѣть покойнѣе. Вѣсть въ чемъ состоялъ онъ: два, или три лисфунта (отъ 40 до 60 фунтовъ) хлѣба, пять фунтовъ мяса, столько же рыбы, три канны (6½ ведеръ) водки, пять фунтовъ табаку, и т. д. Кромѣ того, каждый путешественникъ взялъ для себя ранецъ, въсомъ фунтовъ въ 15, и Лопарскую шубу (*mudd*). — Ублудывать послѣднюю казалось мнѣ вовсе не нужно, и потому чувствуя, что у меня вся спина промокла, я рѣшился облечься въ эту Лопарскую одежду. Превращеніе мое развеселило наше общество. Шуба была объ одномъ рукавѣ, во многихъ мѣстахъ съ мѣхомъ, въ другихъ совсѣмъ голая, и доставала только до колѣнъ, а тутъ начинались мѣховые сапоги, укрѣпленные ремнями на икрахъ. Бѣлая модная шляпа и очки на глазахъ составляли пресмѣшную противоположность съ остальною одеждой.

Во весь первый день нашего путешествія, дождь не переставалъ идти; мы съ трудомъ плыли, вверхъ противъ теченія, по маленькой рѣчкѣ

Пельдайоки. Къ—вечеру небо начало проясняться и солнце выглядывать изъ — за рѣдѣющихъ облаковъ. Живительный блескъ разлился по теплой поверхности водъ; деревья и цвѣты просвѣтлѣли; рыбы заплескались въ волнахъ и жители воздуха, щебеча, вылетѣли изъ лѣсныхъ убѣжищъ. Радостное чувство проснулось и въ нашемъ кружкѣ. Права рулемъ, Эрикъ сталъ пѣть, простымъ стариннымъ напѣвомъ, о прекрасной дочери Лоуги, о походахъ въ Пойолу Вэйнамойнена, и т. д.— Съ изумленіемъ слушалъ я на границахъ Лапландіи пѣсни, рѣдкія въ самой Финляндіи, и спросилъ о происхожденіи жителей Пельдовума. Эрикъ отвѣчалъ мнѣ, что его родъ происходитъ изъ богатой пѣснями Кареліи. Первый его предокъ, поселившійся въ Лапландіи, назывался А й з а р и; у него былъ сынъ, по имени П э й в і о, или П э й в і э, который, вмѣстѣ съ тремя своими сыновьями, пріобрѣлъ великую славу во всей пограничной Финнской Лапландіи. Эрикъ обѣщался рассказать мнѣ, когда остановимся на ночлегъ, многія чудесныя дѣла, совершенныя родомъ Пэйвию; но, прежде нежели передадимъ ихъ, сообщимъ читателямъ извлеченіе изъ вышедшаго въ 1672 году описанія Лапмаркена, Торнео и Кеми, округовъ пограничной Лапландіи, сдѣланнаго пасторомъ и пробстомъ, магистромъ Торнеусомъ.

«Въ деревнѣ Пэльдо-іерфъ жилъ Лопарь, П э д е р ь П э й в і о, честный, богатый и богобоязненный Лопарь. Два года тому назадъ, его убили. У него было много сыновей, и онъ прежде долго, со всѣми домашними, вѣрно служилъ идолу своему С е й т ь (Сейда, Seida, Seita) и почиталъ его. Случилось однажды, что у него издохло нѣсколько оленей; онъ обратился съ мольбою къ Сейтѣ и усердно поклонялся ему; но это не помогло и олени не переставали умирать. Тогда онъ со всѣми сыновьями идетъ къ идолу, беретъ съ собою множество сухихъ дровъ, украшаетъ идола свѣжими пихтовыми вѣтвями, приноситъ ему въ жертву кожи, снятыя съ мертвыхъ оленей, вмѣстѣ съ рогами и головами ихъ; — всѣ падаютъ на колѣна, цѣлый день умоляютъ идола явить свое могущество какимъ—нибудь знакомъ; но какъ знака никакого не являлось, то они встали, бросили весь сухой лѣсъ, привезенный ими, на идола, сожгли его и такимъ образомъ уничтожили предметъ обожанія цѣлой деревни. Когда же язычники хотѣли за то умертвить П э д е р ь П э й в і о, то онъ, подобно Гедеону (Книга Судей, 6), отвѣчалъ имъ: «пусть идолъ отмститъ за себя самъ». — Этотъ Пэйвию такъ былъ твердъ въ вѣрѣ, что когда язычники сражались противъ него и старались испугать его заклинаніями и колдовствами, онъ началъ пѣть «Отче нашъ» и религиозныя гимны: *Trones och Fader vārs sānger*, и пр. Послѣ того жегъ онъ всѣхъ Сейтѣ, гдѣ ни находилъ ихъ, и послалъ старшаго своего сына, В у о л а б б а, на жительство въ знаменитую Лапландскую деревню Энаръ, которая была данницею трехъ королей, для того, чтобы могъ

онъ съесть тамъ всѣхъ идоловъ и Сейтъ, которыхъ тамъ было множество. Вуолабба исполнилъ это, и за-то принужденъ былъ бѣжать въ другое королевство, въ Норвегію, гдѣ живетъ и по-нынѣ ».

Изъ этого разсказа прорета Торнеуса ясно видно, что родъ Пэйвио происхождения Лапландскаго; это подтверждаютъ торжественно всѣ Лапландцы. По словамъ Торнеуса, этотъ родъ прославился подвигами за вѣру христіанскую. Преданіе утверждаетъ то же самое, и сверхъ того прибавляетъ, что Пэйвио съ своими тремя сыновьями отличился и другими воинственными подвигами; въ особенности прославилъ себя на войнѣ съ Русскими Карелами, которыхъ Лапландцы въ своихъ преданіяхъ называютъ просто Русскими. Съ своей стороны Карелы имѣютъ также преданія о воинскихъ подвигахъ рода Пэйвио, и даже Калевала воспѣваетъ Пэйвила и Пэйвен-пояка, какъ непріятелей народа Калева. Хотя преданія Кареловъ и Лапландцевъ объ этомъ славномъ родѣ похожи на мифъ, но также мало можно отрицать историческое основаніе этихъ преданій, какъ и всѣмъ извѣстные набѣги Кареловъ на Лапландію.

Но чтобы возвратиться къ нашему разсказчику, выйдемъ на берегъ и усядемся подъ густою тѣнью березъ. Эрикъ сѣлъ подлѣ меня и съ глубокимъ благоговѣніемъ началъ разсказъ свой: — о Пэйвио отцѣ, зналъ онъ только, что онъ славился мужествомъ въ битвахъ съ Карелами, — «которые въ великомъ множествѣ находили на Лапландію для грабежа и убійства, мучили людей неимоверными муками, выштывая, гдѣ скрыты ихъ сокровища, и возвращались только тогда, когда всѣ лодки ихъ были наполнены серебромъ и другими драгоценностями». — Пэйвио, по несмѣтнымъ богатствамъ своимъ, больше другихъ подвергался корыстнымъ нападеніямъ Кареловъ. Главное богатство его заключалось въ оленьихъ стадахъ, которыхъ было такое множество, что онъ долженъ былъ нанимать 30 работниковъ и 30 работницъ, для присмотра за ними. Сверхъ того, было у него много серебра, которое, однакожъ, онъ, не задолго до своей смерти, закопалъ въ землю, и до сихъ поръ никто не знаетъ мѣста, гдѣ оно находится.

Изъ сыновей Пэйвио, самый знаменитый, по словамъ нашего разсказчика, былъ Олофъ, по-лапландски Вуолабба. Высокій, сильный, храбрый, онъ, подобно отцу своему, сдѣлалъ цѣлью жизни своей — сражаться съ Карелами. Вотъ какъ Эрикъ описалъ одинъ изъ подвиговъ этого героя: «Однажды Олофъ намѣревался куда-то идти, и боясь, чтобы враги въ отсуствие его не сдѣлали набѣга на его жилище, перенесъ необыкновенно огромное дерево на скалу, положилъ у входа палатки своей и велѣлъ женѣ говорить непріятелямъ: нашъ сынъ принесъ сюда это дерево. — Скоро послѣ отъѣзда Олофа явилась толпа Карель, и тотчасъ замѣтила

огромное дерево. Никакъ не могли они понять, какъ могло оно попасть на эту крутую скалу, и требовали объясненія у молодой жены Олофа. Жена отвѣчала такъ, какъ мужъ приказалъ ей. Карелы пришли въ неописанное изумленіе, когда услышали, что у такой молодой женщины такой сильной сынъ, и грабить не стали. Между тѣмъ, рѣшились дожидаться возвращенія Олофа и какъ-нибудь убить его. Когда же Олофъ возвратился, никто не посмѣлъ на него напасть. — Тогда Карелы стали хвастать, что и въ ихъ землѣ есть богатырь, съ которымъ Олофъ не справится, и предложили Пэйвиову сыну идти съ ними въ Карелію и помѣриться силами съ ихъ богатыремъ. Олофъ принялъ предложеніе и отправился съ Карелами въ ихъ землю. Когда оба богатыря встрѣтились, то подали другъ другу руки, и Карель такъ крѣпко сжалъ руку Олофа, какъ только могъ. Олофъ схватилъ противника своего поперегъ тѣла и бросилъ на землю. Карель поднялся и обхватилъ въ свою очередь Олофа, но вторично былъ низвергнутъ. Тогда Олофъ совѣтовалъ ему не испытывать болѣе счастья въ борьбѣ съ нимъ, но озлобленный Карель бросился на него съ яростью, и въ третій разъ Олофъ ударилъ его о землю, но уже такъ, что избавилъ отъ труда когда-либо встать ».

Много разсказывалъ Эрикъ о силѣ Олофа, между прочимъ слѣдующее : « Олофъ возвращался однажды съ рыбной ловли, и былъ застигнутъ на озерѣ Энаре противнымъ вѣтромъ и непогодю. вмѣсто того чтобы бороться съ волнами, угрожавшими залить его лодку, нагруженную сѣтями и рыбой, рѣшился онъ пристать къ маленькому островку, тамъ поднялъ тяжелую ладью на плеча и перенесъ на берегъ. — Въ другой разъ, Олофъ шелъ по лѣсу; тамъ увидѣлъ онъ Стало, который силится поднять камень; но камень былъ такъ необычайно великъ, что Стало не могъ поднять его и принялся медленно передъ собою катить. Олофъ долго слѣдилъ, незамѣченный, за успіями Стало, потомъ вышелъ изъ-за дерева, посмѣялся надъ безсиліемъ Стало и отнесъ камень на указанное имъ мѣсто. Стало, испугавшись такого мощнаго врага, бросился бѣжать. Олофъ долго смотрѣлъ на его бѣгство, наконецъ разсердился и побѣждалъ за нимъ. Стало, добѣжавши до рѣки Нейды, перепрыгнулъ на противоположній берегъ и думалъ, что избавился отъ преслѣдованія; но Олофъ сдѣлалъ такой же прыжокъ, догналъ Стало и убилъ его ». — При этомъ разсказѣ должно замѣтить, что Стало (множест. Сталокъ) значитъ у Лапландцевъ исполннѣ; по-шведски *jättar*; по-фински *jättilaiset* и *hiidet* (исполннскія, сверхъестественныя существа), въ единственномъ *hiisi*. — Лопари описываютъ Сталокъ жестокими, людододами. Во времена язычества, ихъ племя было распространено по всей Лапландіи, но послѣ введенія христіанства они переселились на морскіе острова.

Олофъ отличался также быстротою бѣга. Однажды онъ догналъ волка, бѣгущаго за его оленьимъ стадомъ, схватилъ его за хвостъ и ударилъ о скалу. Въ другой разъ, бывши на охотѣ за дикими сѣверными оленями, съ вѣрнымъ работникомъ своимъ и постояннымъ спутникомъ, Вуоллеббмъ (Олофъ) Валлемъ, нарочно погналъ на него встрѣтившуюся ему самку съ ея дитѣнкомъ. Валле упрекнулъ господина своего въ такой излишней смѣлости; тогда Олофъ побѣждалъ за оленемъ, догналъ, убилъ дротикомъ, а дитеныша принесъ живаго, и, презирая такую маловажную добычу, отдалъ ее своему скромному слугѣ. Никогда не преслѣдовалъ онъ дикихъ оленей шпаче, какъ когда ихъ множество соберется въ кучу.

Что Торнеусъ разсказываетъ о Пэйвио родоначальникѣ и объ его обращеніи въ христіанскую вѣру, то самое разсказывалъ мнѣ Эрикъ о его сынѣ Олофѣ. Олофъ долго былъ ревностнымъ почитателемъ идоловъ, но когда молва о новомъ ученіи достигла до него, то онъ рѣшился испытать боговъ своихъ. Ударилъ въ волшебный барабанъ, чтобы по звуку колокольчиковъ узнать, счастлива ли будетъ его охота на оленей. Колокольчики прозвенѣли благоприятное предзнаменованіе, но охота была неудачна. Въ другой разъ, вздумалъ онъ разжечь огонь во время проливнаго дождя, и просилъ своихъ Сейтовъ помочь ему. Когда же желаніе его не исполнилось, то онъ обратился съ молитвою къ истинному Богу, и труть тотчасъ загорѣлся. Послѣ такого испытанія Олофъ сжегъ волшебный барабанъ, изломалъ Сейтовъ и раззорялъ всѣ языческіе памятники, гдѣ бы ни встрѣтилъ ихъ.

Второй сынъ Пэйвио, по имени Псаакъ, отличался искусствомъ стрѣлять изъ лука. Онъ попадалъ въ хариуса (*Aesche, Salmo thymallus*, сем. лососевыхъ), когда онъ показывался надъ поверхностью воды. Также и онъ совершилъ много славныхъ подвиговъ и побѣдъ надъ Карелами, между которыми замѣчательна слѣдующая: во главѣ одной толпы Кареловъ, опустошавшихъ Лапландію, былъ вождь, покрытый съ ногъ до головы непроницаемою бронею. Отъ этой брони, ему такъ трудно было двигаться, что онъ не могъ донести вилки до рта, и слуга приставленъ былъ для того, чтобы кормить его. Псаакъ долго наблюдалъ за этимъ начальникомъ, и однажды подстерегъ, когда онъ готовился обѣдать. Псаакъ натянулъ лукъ, и какъ скоро слуга сунулъ вилку въ ротъ, прилетѣвшая стрѣла ударила въ вилку и воткнула ее въ горло вождю.

Третьяго сына Пэйвио звали Юганомъ. Объ этомъ разсказывалъ Эрикъ, что онъ былъ такимъ могучимъ колдуномъ, какихъ потомъ и на свѣтѣ не было. Онъ часто своими чародѣйствами истреблялъ Кареловъ, когда они приходили грабить Лапландію. Однажды принудили они его вести ихъ къ

мѣсту, гдѣ надѣялись найти богатую добычу. Юганъ повелъ ихъ на крутое, отвѣсное мѣсто скалы Палласъ, и чародѣйствомъ своимъ показалъ имъ, вмѣсто ужасной пропасти внизу, деревни, гдѣ свѣтились огни и звѣнѣли колокола. «Туда ведетъ дорога», сказалъ грабителямъ Юганъ, «а чтобы въ такую темную ночь никто не сбился съ дороги, то я съ факеломъ пойду впередъ». — За тѣмъ, бросилъ онъ факель въ пропасть и остался на скалѣ невидимъ никому. Карелы бросились за горящимъ факеломъ и все погибли въ пропасти.

Последнее происшествіе разсказывается одинаково у Финновъ и у Лапарей, но не всегда приписываютъ его сыну Пэйвио; иногда дѣйствуетъ другой знаменитый герой, котораго по-фински называютъ Лаурукайнепъ, по-лапонски: Лаурукадъшъ. О немъ разсказывалъ Эрикъ многія другія повѣсти, когда мы на другой день плыли вверхъ по рѣчкѣ Пельдойоки.

«Когда ты пріѣдешь въ настоящую Лапландію», говорилъ онъ мнѣ, «то узнаешь, что лучше Лапарей нѣтъ проводниковъ. Привыкнувъ съ дѣтства бѣгать повсюду и рыскать какъ собаки, они на разстояніи нѣсколькихъ миль знаютъ каждый камень, каждое дерево, каждый источникъ. Но не было еще человѣка, который зналъ бы Лапландію вдоль и поперекъ такъ хорошо, какъ Лаурукайнепъ. По этой причинѣ Карелы всегда старались взять его проводникомъ при своихъ набѣгахъ; съ своей стороны, Лаурукайнепъ всегда готовъ былъ указывать имъ дорогу; онъ былъ человѣкъ хитрый и умѣлъ такъ устроить, что Карелы никогда не избѣгали постыдной смерти, какъ скоро попадались ему въ руки. Однажды взялся онъ проводить толпу этихъ разбойниковъ черезъ озеро Оунасіерви. При переездѣ Карелы проголодались и просили Лаурукайнена причалить къ маленькому острову. Утоливши голодъ, легли они спать, но прежде представили часоваго къ лодкамъ, которыхъ было семь (иные говорятъ три) и все были наполнены съѣтными припасами и награбленными сокровищами. На бѣду ихъ, заснулъ и часовой; тогда Лаурукайнепъ перенесъ въ лодки все, что вытасчено было на берегъ, именно: топоры, мечи, котлы, съѣтные припасы, и т. д. Потомъ отчалилъ все лодки отъ берега и едва успѣлъ вскочить въ последнюю, какъ часовой проснулся, хотѣлъ схватить мечъ свой, но его уже не было; тогда онъ бросился въ воду и ухватился за первую ближнюю лодку, въ которой былъ именно Лаурукайнепъ. — Лаурукайнепъ взялъ мечъ и отрубилъ часовому пять пальцевъ; они упали въ лодку вмѣстѣ съ золотымъ перетнемъ. Часовой поднялъ тревогу, но когда Карелы прибѣжали на берегъ, Лаурукайнепъ отплылъ уже далеко. Видя бѣду, Карелы стали умолять Лаурукайнена и говорили ему: «Приди сюда, добрый братъ, мы дадимъ тебѣ

каши съ Шведскимъ масломъ , будешь ѣсть своею собственной ложкой (иные говорятъ: ложкой твоего господина)». — Лаурукайнень отвѣчалъ: « Каши и муки у меня здѣсь довольно ». Когда же Карелы увидѣли , что просьбы ихъ напрасны, то одинъ изъ нихъ закричалъ : « Приди сюда, мы зальемъ тебѣ горло горячимъ оловомъ ! » — Послѣ того , Лаурукайнень плавалъ въ лодкѣ около острова девять дней и девять ночей, стерегъ Кареловъ, чтобъ они не ушли. На десятый день сошелъ на берегъ и тогда увидѣлъ, что все Карелы лежали тамъ мертвые, исключая одного, который могъ еще повернуть голову. Островъ, гдѣ это происходило, до-сихъ-поръ называется Карельскимъ (*Karjalan saari*)».

« Въ другой разъ », продолжалъ Эрикъ, « Карелы взяли Лаурукайнена проводить ихъ внизъ по теченію рѣки Падсъйоки (*Patsjoki*). Когда они проходили вблизи тамошняго водопада , то Лаурукайнень связалъ вмѣстѣ ихъ семь судовъ и просилъ самихъ Кареловъ спрятаться подъ палубу, чтобы не испугаться при видѣ страшнаго водопада. Не подозрѣвая обмана, Карелы спокойно послушались совѣта; тогда Лаурукайнень направилъ суда прямо къ берегу, самъ вскочилъ на скалу , а Карелы все погибли, увлеченные стремленіемъ водопада.

« Въ другой разъ направилъ онъ судно Кареловъ прямо на скалу, въ срединѣ самой рѣки. Судно разлетѣлось, и все Карелы потонули, но Лаурукайнень спасся, ибо *тѣвъ воды* (по-фински *weden ärimys*) до него не касался.

« Послѣ такихъ подвиговъ, Лаурукайнень сдѣлался ненавистнымъ Кареламъ , такъ что они рѣшились убить его. Это и удалось имъ послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ. Однажды застали они его въ горницѣ, гдѣ у него хранилось мясо, и воображали, что онъ уже совѣмъ въ ихъ рукахъ; стали у дверей и съ нетерпѣніемъ ждали, чтобъ онъ изъ горницы вышелъ, вызывая его оттуда угрозами. Лаурукайнень не спѣша завертывалъ мясо въ шубу свою , и когда Карелы громко и грозно общались выломать дверь , если онъ къ нимъ не выйдетъ , то онъ выбросилъ имъ шубу изъ слуховаго окна. Карелы приняли мясомъ набитую шубу за самаго Лаурукайнена и бросились на нее съ кошками ; во время суматохи Лаурукайнень ушелъ , и такъ оморочилъ враговъ своихъ чарами, что они обратили оружіе другъ на друга, воображая вездѣ видѣть Лаурукайнена , и до послѣдняго все погибли ».

Эту же повѣсть слышалъ я послѣ, съ той переменной, что, вмѣсто мяса, Лаурукайнень набилъ шубу пухомъ , и когда выбросилъ ее , то пухъ разлетѣлся и засыпалъ глаза Кареламъ, а Лаурукайнень, пользуясь этимъ, ушелъ.

Едва только Эрикъ кончилъ свой рассказъ , какъ мы приблизились къ

небольшому озеру, называемому Сейдаерви. Я замѣтилъ Эррку, что его должно скорѣе называть Сайвоерви, потому, что вода была очень чиста. Ибо, по разсказамъ Лапландцевъ, такія озера часто носятъ это названіе въ-слѣдствіе мѣтня, прежде бывшаго въ ходу у Лапландцевъ, что въ такихъ озерахъ обитаютъ божества, называемыя Сайво; они не позволяютъ въ своихъ владѣніяхъ ловить рыбу, и потому тѣ рыбаки, которые хотятъ ловить въ ихъ озерѣ, должны были обманывать водяныя божества, стараясь грести тихо и безъ шума.—Эрикъ не обратилъ никакого вниманія на мое замѣчаніе, и утверждалъ, что озеро называется Сейдаерви, основываясь на томъ, что на мысѣ, выдающемся налѣво противъ насъ, стоялъ прежде Лапландскій Сейта. Этотъ Сейта принадлежалъ прежде знаменитому колдуну Ломпсоло, который, съ помощью кумира, всегда имѣлъ удачный рыбной ловъ. На противоположномъ берегу другой колдунъ устроилъ себѣ рыбную ловлю, но такъ какъ у него не было Сейты, то ни одна ловля ему не удавалась. Вотъ онъ и вздумалъ поправить свое дѣло, и покуда Ломпсоло спалъ, утащилъ и бросилъ его Сейту, послѣ чего рыба стала ловиться. Ломпсоло же напротивъ, лишившись помощи своего Сейты, пересталъ ловить удачно, и ни одна рыба ему не попадалась. Чтобы поправить дѣла свои, Ломпсоло добылъ себѣ поваго Сейту, и вотъ всѣ рыбы стали опять ходить въ его сѣти, до тѣхъ поръ, пока другой колдунъ опять не свалилъ его Сейты. Чтобы прекратить споры, оба колдуна согласились сойтись на ближнюю гору и начать поединокъ, въ которомъ другаго оружія не будетъ, кромѣ чародѣйства и заклинаній. Ломпсоло пришелъ на назначенное мѣсто, принявъ на себя видъ оленя и надѣясь, что въ такомъ видѣ противникъ его не узнаетъ. Но другой колдунъ, который стоялъ уже на горѣ, готовый сразиться, только что увидѣлъ бѣгущаго оленя, закричалъ ему издалі: « Ты Ломпсоло »! — Не отваживаясь на другое испытаніе, Ломпсоло призналъ себя побѣжденнымъ и убѣжалъ, ибо ясно видѣлъ, что безъ помощи своего Сейты не можетъ имѣть никакого успѣха въ борьбѣ съ врагомъ своимъ.

— « Мы сбились съ дороги; проводникъ ошибся ». — Эта мысль часто смущаетъ утомленнаго подъ своей ношей путешественника по Лапландіи, когда онъ идетъ, не видя еще цѣли. Статься можетъ, что ею смущается и благосклонный мой читатель, если взялъ на себя трудъ сопутствовать намъ въ нашихъ странствованіяхъ по богатымъ легендами Лапландскимъ краямъ. Въ такомъ случаѣ, считаю долгомъ взять на себя роль проводника и успокоить моихъ спутниковъ, увѣряя ихъ, что мы идемъ по настоящей дорогѣ. Выѣхавши изъ Пельдовуома, проплыли мы четыре мили вверхъ по Пельдойоки и находимся теперь недалеко отъ Пельдотунтури, на берегу Сейдаерви. Изъ этой скалы (Пельдотунтури), вытекаетъ Пельдойоки, течетъ чрезъ Патаерви и Армо-

іерви, но становится судоходна только, когда Сейдаіерви приносят ей въ дань свои воды. Даже во время разлива съ трудомъ можно водою добраться до Армаіерви; въ это же время года, какъ объявилъ Эрикъ, водяной путь совершенно невозможенъ. Онъ предложилъ проститься съ водяной системой Пельдойоки и идти къ хребту другою дорогой. На югъ отъ Пельдотунтури находятся, на довольно большемъ разстояніи, множество маленькихъ озеръ, доходящихъ до самаго горнаго хребта. Эти озера не имѣютъ между собою соединенія, и мы должны будемъ, по замѣчанію Эрика, нести вещи наши на себѣ, а лодку перетаскивать по суху отъ одного озера до другаго. Хотя подобный трудъ не весьма былъ намъ пріятенъ, но мы согласились предпринять этотъ путь, въ надеждѣ на частыя озера, на которыхъ можно будетъ отдыхать. И такъ, поклажу раздѣлили на три части, каждая отъ полутора до двухъ пудъ вѣсу; Эрикъ и Иессіо безъ церемоній взвалили ее на наши плеча, сами же потащили пустую ладью. Такимъ образомъ перешли мы все пространство между Сейдаіерви, Кааккуриціерви, Ноккавайненъ и Патаіерви. Всѣ эти озера находятся другъ отъ друга весьма недалеко, но отъ Патаіерви до ближняго озера Виттаіерви, разстоянія по-крайней-мѣрѣ четверть мили. Черезъ это пространство, мы всѣ соединенными силами тащали лодку, а притащивши ее въ Виттаіерви, всѣ вмѣстѣ воротились къ Патаіерви за поклажею, которая оставалась тамъ на берегу. Переѣхавъ озеро Виттаіерви, очутились мы у самаго подножія горнаго хребта, который называется тутъ, если память меня не обманываетъ, Корсатунтури. Тутъ-то начались большіе труды наши; отъ самаго берега Виттаіерви поднимается крутая скала, по которой мы должны были взбираться цѣлые три четверти мили. Утомленные усиліями прошедшаго дня, мы всѣ предложили здѣсь отдохнуть и начать на другое утро восхожденіе на скалу; но Эрикъ съ жаромъ противился такому предложенію и увѣрялъ, что нѣсколько часовъ отдохновенія утомятъ насъ еще больше; что мы не въ состояніи будемъ двинуться ни однимъ членомъ. Иессіо утверждалъ то же; и мы рѣшились, въ 9 часовъ вечера, пуститься въ многотрудный путь нашъ. Поклажу оставили мы опять на берегу озера и потащили всѣ вмѣстѣ пустую лодку. Съ величайшими усиліями удалось намъ взобраться на скалу, но тутъ вся бодрость пропала и всѣ силы ослабѣли; къ довершенію горя, Эрикъ объявилъ, что не совѣмъ увѣренъ въ дорогѣ, а ведетъ насъ по разсказамъ другихъ. Въ раздумьи усѣлись мы на скалѣ, закурили трубки и стали держать совѣтъ. Общее единогласное рѣшеніе состояло въ томъ, что одинъ изъ путешественниковъ долженъ идти къ Виттаіерви, достать изъ поклажи нашей единственную бутылку рома, находившуюся въ нашемъ владѣніи, и принесть ее остальному обществу, которое, по мѣрѣ силъ,

потащить опять лодку, следуя указаніямъ Эрика. — Принести бутылку рома довѣрили мнѣ, и я, къ общему удовольствію, благополучно ее доставилъ, хотя не понимаю, какъ не заблудился, идя по дикой утесистой горѣ. Между тѣмъ мы дошли до маленькаго горнаго ручья, который доказывалъ, что Эрикъ не ошибся въ дорогѣ. Онъ утверждалъ, что ручей этотъ впадаетъ въ Кореаерви, а этого-то именно и стремились мы достигнуть. Опороживши бутылку, потащили мы соединенными силами лодку, — сначала по направленію ручья, но тутъ лежало столько огромныхъ камней, что мы принуждены были возвратиться на прежнюю дорогу. Цѣлую ночь провели мы въ этомъ трудномъ подвигѣ, и, не видя озера, рѣшились послать проводниковъ нашихъ отъскрывать его. Они возвратились съ радостной вѣстью, что мы идемъ по настоящему пути и что озеро Кореаерви уже не далеко. Въ шесть часовъ утра пришли мы къ нему. Эрикъ и Иессю отирались къ Витаерви за нашими вещами, а мы улеглись отдыхать на берегу Кореаерви.

Вскорѣ послѣ полудня проспунувъ мы, промокшіе отъ сырости, дрожа отъ холода; всѣ члены казались разбитыми, въ груди колотье, ноги не двигались, и всѣ мы — въ чрезвычайно дурномъ расположеніи духа. Словоохотный проводникъ нашъ простился съ нами, и путешествіе наше показалось намъ всею крайне неприятно. Но я не хочу утомлять читателя подробностями, скажу только нѣсколько словъ о направленіи нашего пути, для пользы будущихъ путешественниковъ. Мы плыли сначала по Кореаерви; озеро узнать не трудно: оно стѣснено между двухъ скалъ, имѣеть полмили длины и такъ нешироко, что становится примѣтнымъ съ земли только тогда, когда придешь къ самому берегу. Къ сѣверу оно все болѣе и болѣе суживается и постепенно теряется въ незначущемъ ручьѣ, по которому должно перетаскивать лодку на каждомъ шагу. Пройдя около полумили вдоль этого ручья, приходишь къ большой рѣкѣ Ивалоюки, впадающей въ озеро Энаре. Эта рѣка такъ глубока, что путешественникъ можетъ сидѣть въ лодкѣ, даже при самомъ ея петокѣ, если не желаетъ прыгать по мокрому бугристому берегу, между пвнякомъ и осокою. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды по Ивалоюки, приближаешься къ *ломполо* (lompolo), т. е. къ широкому, озерообразному разливу рѣки. — Тутъ представляется взору прекрасный сухой берегъ, съ тѣшными березами и богатою растительностью. Ботаникъ найдетъ тутъ конечно многія рѣдкія растенія; но мы занимались охотнѣе зоологіей, затѣяли охоту за дикими гусями, и намъ удалось значительное количество ихъ прибавить къ съѣтнымъ нашимъ припасамъ. Потомъ продолжали спускаться внизъ по рѣкѣ, при дружныхъ взмахахъ весель.

Еще нѣсколько часовъ ѣзды — и всѣ мы въ одно время вскрикнули:

«дымъ! люди!» — На берегу встрѣтилъ насъ рыбакъ, лежавшій у разведеннаго огня, слѣдующими словами: «Кто вы, плывущіе по Ивалоюки? куда держите путь? Впрочемъ, за чѣмъ же спрашиваю о томъ, что уже мнѣ извѣстно! я всѣхъ васъ видѣлъ во снѣ, а тебя, Иессію, въ образѣ твоего покойнаго отца». — Когда рыбакъ такими словами далъ знать, какого онъ свойства, я тотъ же часъ привелъ въ движеніе свою артиллерию, т. е. поднесъ ему водки, далъ немного табаку, купилъ, не торгуясь, нѣсколько бездѣлицъ и подарилъ его сынишкѣ книжекъ. Проглотивъ другую рюмку водки, рыбакъ сталъ самымъ любезнымъ, откровеннымъ колдуномъ и разсказалъ намъ тысячу чудныхъ повѣстей про себя и про другихъ колдуновъ. Но, къ сожалѣнію, всѣ разсказы его были несвязны, вѣроятно въ слѣдствіе второй рюмки. Слѣдующій разсказъ объ Іоганнѣ Пэйвіо, и о другомъ чародѣѣ, Торагасѣ, былъ понятіе про чихъ.

«Одна вѣдьма-колдунья, изъ пограничной Лапландіи, которую звали Кирети-Нотута, отправилась въ Киттила, чтобы оттуда перебраться къ себѣ на родину всѣхъ дикихъ оленей. Пэйвію, узнавши ея намѣреніе, послалъ Торагаса къ Ивалоюки, чтобы тамъ заколдовать вѣдму и не допустить оленей переплыть рѣку. Когда Торагасъ увидѣлъ бѣгущихъ оленей, то началъ всѣхъ внимательно осматривать, подозрѣвая, что вѣдьма-колдунья можетъ и сама превратиться въ оленя. Однакоже во всемъ стадѣ не было ни одного такого оленя, котораго можно бы принять за превращенную Кирети; всего менѣе могъ онъ вообразить, чтобы она приняла образъ хромаго, пзуреннаго, тошаго урода оленя, который наслу тащлася за скакавшимъ стадомъ. Тогда только убѣдился онъ, что этотъ уродъ олень была именно вѣдьма Кирети, когда увидѣлъ, что она не плыла черезъ рѣку вмѣстѣ со всѣмъ стадомъ, а вынырнула изъ нея на другой берегъ. Но дѣлать было нечего: стадо было все на другомъ берегу, гдѣ чары Торагаса дѣйствовать не могли. И такъ онъ возвратился къ Пэйвію и разсказалъ ему, какъ было дѣло. Пэйвію рѣшился тогда послать Торагаса въ Русскую пограничную Лапландію, и приказалъ ему узнать подробно имя, свойства и всѣ отношенія вѣдьмы-колдуньи. Торагасъ исполнилъ похвально данное ему порученіе, и Пэйвію, посредствомъ мощныхъ чаръ своихъ, взялся воротить оленей. Тотчасъ послалъ онъ Торагаса поглядѣть, не увидитъ ли онъ гдѣ оленей. Они приближали съ такимъ топотомъ, что за три мили Торагасъ слышалъ, какъ щелкали (nasasi) ихъ копыта. Стадо находилось тогда при рѣкѣ, названной въ память этого происшествія Назамайоки».

Всѣ разсказы рыбака были подобнаго содержанія. Всегда описывалъ онъ чудесные подвиги славныхъ шамановъ, и въ особенности способность

древних шамановъ принимать всякой образъ, какой захотятъ. Такое вѣрованіе въ эту способность шамановъ было повсемѣстно распространено въ Финляндіи и въ Лапландіи, и до-сихъ-поръ еще не совсѣмъ искоренено изъ головы Лапландцевъ. По-крайней-мѣрѣ въ нашей Финской Лапландіи увѣряютъ, что въ Русскихъ деревняхъ живутъ шаманы, которые, подобно Торагасу и Пэйвио, могутъ принимать на себя, по желанію, образъ оленей, медвѣдей, волковъ, рыбъ, птицъ, и т. д. Въ такомъ превращеніи шаманъ называется у Лапландцевъ Вироладшъ, у Финновъ Виролайненъ, что, по-настоящему, означаетъ просто Эстонца. Рыбакъ спѣлъ мнѣ Финскую пѣсню, гдѣ было очень много подобныхъ превращеній. Такъ какъ эта пѣсня совсѣмъ безъ связи, то я просто расскажу ея содержаніе. Волшебникъ, именемъ Каркіасъ, жалуется на убытокъ, который терпитъ его родина, ибо Торагасъ чарами своими перегналъ оттуда всѣхъ дикихъ оленей въ Киттила. За этой жалобой слѣдуетъ описаніе того срама, который Каркіасъ самъ вытерпѣлъ отъ злаго врага («onda owän») своего Торагаса, который изрубилъ его и бросилъ въ озеро. Тамъ Каркіасъ ожилъ, и нѣсколько лѣтъ жилъ въ немного измѣненномъ видѣ, подъ печенью одной щуки. Потомъ Торагасъ поймалъ эту щуку и вмѣстѣ съ Каркіасомъ держалъ ее три года въ своемъ амбарѣ. Освобождаясь оттуда, началъ-было Каркіасъ ходить въ человѣческомъ образѣ, но Торагасъ поймалъ его на охотѣ и въ другой разъ убилъ. Далѣе Каркіасъ снова оживаетъ, но, какъ кажется, живетъ въ могилѣ, и тутъ начинаетъ горевать о сынѣ своемъ. — Лишь только выговорилъ онъ тоску свою по сынѣ, какъ сынъ прилетаетъ къ нему въ видѣ тетерева-глухаря. Досадуя, что сынъ равняется съ нимъ въ искусствѣ колдовать, Каркіасъ начинаетъ ругать его; сынъ улетаетъ. Тогда отецъ превращается въ нырка-гоголя (Quakerente, Fuligula clangula), преслѣдуетъ сына, догоняетъ и приводитъ къ себѣ назадъ. За тѣмъ слѣдуетъ ужасная брань отца съ сыномъ, и пѣсня заключается тѣмъ, что сынъ навсегда покидаетъ отца.

Я записалъ всѣ пѣсни и рассказы рыбака и за-то такъ щедро подчивалъ его табакомъ и водкою, что рыбакъ крѣпко полюбилъ меня и звалъ къ себѣ въ Киттила. Тамъ обѣщавъ онъ рассказать мнѣ кучу чудесныхъ повѣстей и сверхъ того показать Сейту, принадлежавшаго Пэйвио. «Этотъ Сейта», говорилъ онъ съ таинственною торжественностью, «ѣсть людей, но ты не бойся, при мнѣ онъ ничего тебѣ не сдѣлаетъ худаго». — При всемъ уваженіи къ собственному могуществу, принималъ онъ Бланка и меня тоже за чародѣевъ. Орудія, которыми Бланкъ ловилъ насѣкомыхъ, и пощипцы его — казались ему чѣмъ-то волшебнымъ, а когда я прочитывалъ записанное мною на бумажкѣ заклинаніе, то онъ, увидя зачеркнутое мѣсто, указалъ на него, говоря: «Смотри, вотъ тутъ-то вся сила!» — Рыбакъ

этотъ родомъ былъ Лопарь, дѣтство провелъ въ Финляндіи, и тамъ лишился сознанія своей народности, и съ нимъ вмѣстѣ всякаго человѣческаго достоинства. Въ существѣ его обнаруживалась трусость, лицемерное смиреніе, хитрость, корыстолюбіе и многія другія способности, такъ легко развивающіяся у людей угнѣтенныхъ. Онъ былъ отмѣнно искусенъ въ торговомъ ремеслѣ. Мы купили у него нѣсколько свѣжихъ форелеобразныхъ рыбъ, которыхъ онъ называлъ хариусами (Aeschen) и за которыхъ онъ взялъ столько, сколько самъ назначилъ. Обрадовавшись нашей щедрой платѣ, вытащилъ онъ изъ вонючаго кошеля своего два сушеные хариуса, покрытые всякой нечистотой, и попросилъ за нихъ почти ту же цѣну, какую взялъ за свѣжую рыбу. Мы и въ этомъ удовлетворили его желаніе; тогда сталъ онъ собирать остатки послѣдняго своего обѣда, состоявшаго изъ гусиныхъ лапокъ, и предложилъ намъ купить ихъ; когда и эта продажа удалась ему, онъ съ радостью воскликнулъ: «кто бы могъ подумать, что здѣсь, на Ивалоюки, я такъ прибыльно буду торговать!»— Между тѣмъ сынъ его собственной нашей смазкой намазалъ сапоги наши, и хотя трудъ его щедро окунался подаренными ему деньгами, книгами, хлѣбомъ и пр., но когда мы садясь въ лодку, рыбакъ торопливо кричалъ намъ: «смазка не заплачена, смазка не заплачена!»— Когда же мы и за это заплатили и воображали, что совершенно удовлетворили всѣмъ его желаніямъ и требованіямъ, то попросилъ онъ еще рюмку водки на придачу.

Дальнѣйшій путь внизъ по рѣкѣ Ивало былъ замѣчательнъ величавостью окрестной природы; не успѣли мы потерять изъ виду бездомнаго нашего хозяина, какъ шумъ и грохотъ ревушихъ пороговъ поразилъ слухъ нашъ и не переставалъ раздаваться цѣлые три дня и три ночи. Эти пороги были чрезвычайно опасны, но намъ не было другаго нехода, и должно было отважно бросаться въ кипящія волны, угрожающія на каждомъ шагу величайшей опасностью. Масса воды Ивало хотя не слишкомъ велика, но слишкомъ достаточна для поглощенія нашей маленькой лодки. Мы должны были безрестанно сдерживать лодку длинными шестами (lärlingar), иначе могла она силою порога удариться о скалы и огромные камни, насъ окружающіе. Весь день заняты мы были этою трудною работою; ночь же проводили около разложеннаго огня. Нигдѣ не было крова головамъ нашимъ, цѣлые восемь дней жили мы подъ открытымъ небомъ, постоянно терпя проливной дождь и пасмурную, холодную погоду.

Но возвратимся къ рѣкѣ и ея окрестностямъ. Во всей верхней части своего теченія Ивало бѣжитъ между высокими, ужасными скалами, которыя въ иныхъ мѣстахъ нависли надъ поверхностью воды и непрерываются на пространствѣ нѣсколькихъ миль. Часто Бланкъ и я взбирались съ опасностью жизни на эти скалы, въ надеждѣ порадовать себя нако-

нець, хоть издали, видомъ озера Энаре. Но куда зрѣніе ни простиралось, на сѣверъ, югъ, западъ и востокъ, вездѣ оно встрѣчало одиѣ необозримыя горы и скалы. Тамъ, гдѣ между скалами погружалась болѣе глубокая долина, туманъ, плавающій надъ долиной, иногда принималъ видъ озера, и мы нѣсколько разъ воображали, что видимъ желанное Энаре; но Иессіо разочаровывалъ насъ, увѣряя, что не покажется намъ Энаре, пока не кончится цѣпь скалъ.

За нѣсколько миль до впаденія рѣки Пвало въ озеро Энаре, суровыя скалы, которыя, подобно злему геію, сжимали бѣшеную, стремительную рѣку, начали мало-по-малу исчезать и вдали только видѣлись ихъ голыя вершины. Вокругъ насъ явилась красивая, зеленою травой покрытая равнина. Стремительность рѣки уменьшилась, образовались на ней маленькіе островки (holme), украшенные густыми кустами лиственныхъ деревьевъ; потомъ показались признаки человѣческаго жила: стоги сѣна, пахатныя земли, и т. д.— Мы употребили послѣднія силы, чтобы усиленною греблею скорѣе достигнуть жилья, и едва повѣрили глазамъ своимъ, когда, вмѣсто жалкихъ хижинокъ, увидѣли, въ среднѣ Лаплацдіи, красиво построенные Финскіе дома, окруженные зеленѣющими лугами и засѣянными полями. Нельзя повѣрить, какъ благотворно дѣйствуетъ такое зрѣлище, послѣ утомительнаго путешествія. Непрерывный рядъ высокихъ, дооблачныхъ скалъ, ревъ и кнѣзье водонадовъ смущали и каменили намъ душу. Человѣкъ не можетъ долго выносить грозную дикость природы; гибкость и воспримчивость чувствъ теряются, и впечатлѣнія грозной, охватывающей васъ со всѣхъ сторонъ природы не перерабатываются въ души и только производятъ въ ней какое-то мрачное оцѣмѣніе. Когда же природа становится спокойна, когда дикія стихіи, въ мирномъ согласіи, отражаютъ красоты созданія, тогда и въ сердцахъ людей пробуждаются свѣжія, радостныя чувства. Достоинно, однакоже, замѣчанія, что самая красивая природа является мертвымъ трупомъ, если не видно на ней человѣческаго слѣда; но малѣйшій признакъ: какой-нибудь дорожный знакъ, сломанное весло, обгорѣлый костеръ, однимъ словомъ, малѣйшій признакъ обладателя вселенной, — и самая мрачная пустыня наполняется жизнью, благомъ, красотой. — Какимъ же земнымъ раемъ показался намъ Кирёон!

II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ОТЪ КИРЕБИ ДО УТСЪЙОКИ.

Приходъ Киттила во все время былъ петиннымъ мѣстомъ бѣдности и горя. Около ста лѣтъ передъ симъ, одинъ жившій тутъ землевладелецъ, по имени Генрикъ Кирро, вынужденъ былъ, по случаю ужаснаго голода, оставить домъ свой, поля и землю, и въ чужихъ мѣстахъ искать пропитанія. Съ такимъ намѣреніемъ онъ поселился на Ивалоюки, на мѣстѣ, названномъ послѣ его имени — Кирёби, гдѣ хорошіе луга и богатая рыбная ловля обѣщали ему беззаботное существованіе. Сначала все шло благополучно; но скоро волки и медвѣди стали навѣщать уединенную его хижину, опустошили его стада, и Кирро снова обѣднялъ, и будучи не въ состояніи болѣе содержать при себѣ многочисленное семейство свое, отпустилъ старшихъ сыновей искать пропитанія собственными трудами. Старшій сынъ его, Ларсъ, отправился въ Норвегію, и посѣтивъ Киттилу, сталъ предлагать ея жителямъ, не хочетъ ли кто изъ нихъ купить богато устроенную колонію, въ Кирёби, которую онъ будто довелъ до самаго цвѣтущаго состоянія. Томасъ Кирро, его родственникъ, давно уже терпѣлъ несносную бѣдность, которая тяготѣла надъ нимъ въ Киттилѣ, и потому купилъ, не выдавши, предлагаемую колонію, за очень дорогую сумму. Рано весной отправился онъ на новое жилище: онъ правилъ самъ ладью своею, вдоль по рѣкѣ Ивалоюки, а жена по скалпестому берегу гнала стадо. Оба вытерпѣли на пути неслыханныя затрудненія, и утѣшали себя единственно надеждою, что въ прекрасной колоніи беззаботно проведутъ весь остатокъ жизни. Но пришедши на мѣсто, они не нашли ни избытки, гдѣ бы можно было приклонить голову, и ни одного клочка земли, который бы былъ обра-

Трогательно было слушать, какъ жена старика Томаса рассказывала эту печальную повѣсть; горькія слезы лились изъ глазъ ея при одномъ воспоминаніи о томъ. Самъ же Томасъ благодушно говорилъ: «Что прошло, то прошло! полно, старуха, роптать на пути Провидѣнія». — Когда она рассказывала о вѣсѣхъ обманутыхъ своихъ надеждахъ, Томасъ прибавлялъ: «Здѣсь не было дома, правда; за-то былъ лѣсъ, изъ котораго можно было строить дома, и не нужно было лошади, чтобъ издалека привозить его. На томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь домъ, срубилъ я его своими руками. Песчаный пригорокъ превратился въ зеленый бархатный лугъ, гдѣ, какъ ты знаешь, у меня паслись 30 коровъ и 60 овецъ». — Тутъ жена прервала его замѣчаніемъ, что всѣ 60 овецъ въ одну минуту были зарѣзаны волками. — «Правда», отвѣчалъ Томасъ, «но за наши труды и несчастія я получилъ медаль на шею, и серебряный кубокъ, изъ котораго пили двое знатныхъ госнодь!»

Благосостояніе, до котораго мало-по-малу достигъ Томасъ, привлекло въ Кирёби нѣсколькихъ Финновъ изъ Китпилы и Энонтекиса. Такимъ образомъ, по нижнему теченію рѣки Ивало, со временемъ возникло около дюжины Финскихъ колоній. Эти-то колоніи называются Кирёби.

Покорные указаніямъ природы, колонисты въ Киро избрали себѣ родъ жизни самый естественный во всей нашей сѣверной Финляндіи. Они преимущественно занимаются скотоводствомъ, охотою и рыбною ловлею; земледѣліе же у нихъ — второстепенное занятіе и ограничивается сѣяньемъ ржи, сажаньемъ картофеля и рѣпы. Луга ихъ такъ тщательно обработаны, что я не помню, гдѣ бы видѣлъ такую прекрасную траву, какъ въ Кирёби. Въ концѣ ноября, они привозятъ на оленяхъ масло въ Норвежскія морскія бухты и промѣниваютъ его на муку. Большая часть этой муки перегоняется въ водку; хлѣба же Финны въ Энаре употребляютъ мало.

Духовныя лица въ Киро очень хорошо отзывались мнѣ о нравственности и благочестіи тамошнихъ жителей. Я самъ видѣлъ, рѣдкія въ другихъ мѣстахъ, доказательства ихъ услужливости и гостепріимства, и не могу удержаться, чтобы не упомянуть о томъ. Въ продолженіе скучнаго нашего переѣзда по Ивалойоки, съѣли мы весь нашъ запасъ хлѣба. Пріѣхавши въ Киро, мы купили у Томаса всю муку, которая была у него; ее стало только на восемь хлѣбовъ, изъ которыхъ два тотъ же часъ были съѣдены. Остальными шестью должны мы были всѣ четверо довольствоваться въ теченіе пяти дней. По первому опыту, увидя невозможность такой умѣренности, мы рѣшились посѣтить одного колониста, живущаго ниже, на берегу Ивало; у него, по словамъ нашихъ хозяевъ, было много муки. Пріѣхавши въ колонію, мы узнали, къ

великому нашему огорченію, что вся мука уже пошла на водку, и намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ продолжать наше путешествіе. Сильный дождь съ грозой удержалъ насъ на нѣсколько часовъ въ колоніи. Когда онъ прошелъ, мы пустились опять въ дальнѣйшій путь, и не успѣли проплыть двухъ миль, какъ увидѣли на пригоркѣ, у одной колоніи, дѣлую сходку мужчинъ и женщинъ, въ праздничныхъ одеждахъ. День склонился уже къ вечеру, гребцы наши не соглашались пристать къ берегу, а напротивъ спѣшили до сумерекъ добраться до островка, лежащаго на озерѣ Энаре, гдѣ была Лапландская деревня Юуутуа. Ночью опасно плыть по озеру; послѣ солнечнаго захожденія, оно часто покрывается такимъ густымъ туманомъ, что самый искусный кормчій легко сбивается съ пути. Между тѣмъ собравшіеся на пригоркѣ люди такъ привѣтно глядѣли, что мнѣ непремѣнно хотѣлось видѣть ихъ вблизи. Съ этой дѣлюю, я объявилъ товарищамъ, что у Иессіо, какъ онъ мнѣ прежде сказывалъ, между этими колонистами былъ родственникъ, и причины этой было достаточно, чтобы возбудить во всѣхъ, исключая Иессіо, желаніе выйдти на берегъ. Еще мы не успѣли причалить, какъ всѣ мужчины, стоявшіе на пригоркѣ, прыгнули въ воду по-колѣно, схватили лодку, вытащили на сухой берегъ и привѣтствовали насъ радушными словами. Потомъ насъ повели въ горницу, гдѣ мы увидѣли полъ, гладко укатанный и усыпанный еловыми вѣтками, столъ и скамейки, уставленные въ порядкѣ, и недавно поновленный очагъ, не успѣвшій еще высохнуть. Всѣ оказывали намъ необыкновенную благосклонность, а хозяйка подала два огромные, еще горячіе хлѣба, прося не взыскать на бѣдномъ угощеніи. Дѣло въ томъ, что пока мы пережидали грозу и дождь, изъ той колоніи послано было, безъ нашего вѣдома, извѣстіе прочимъ колонистамъ о томъ, что мы нуждаемся въ хлѣбѣ. Посланный заѣзжалъ въ нѣкоторые построенные въ лѣсу дворы, и всѣ жители единодушно побѣждали на встрѣчу новаго гостя своего, вѣхавшаго съ нами. Чтобы принять насъ достойнымъ образомъ, они наскоро привели въ порядокъ и исправили комнату. По счастью, въ колоніи нашлось нѣсколько муки, изъ коей успѣли въ теченіе нѣсколькихъ часовъ напечь для насъ хлѣба. Какимъ образомъ все это сдѣлалось такъ скоро, я не могу объяснить; но увѣряю, что это дѣйствительно было такъ.

Наша бесѣда съ дружелюбными жителями этой колоніи длилась не долго; мы поплыли опять вдоль по Ивалу. Вечеръ давно уже туманилъ воздухъ, когда мы достигли озера Энаре. На западной сторонѣ его еще видѣлись темные очерки высокихъ скалъ, между тѣмъ какъ на восточной было безчисленное множество острововъ. Между островами были видны необозримыя бухты, которыя ночь покрывала уже чернымъ своимъ покрываломъ. Наша дорога шла не черезъ эти островскія бухты, но черезъ бухту большаго

озера. Пока мы плыли, кормчій разсказывалъ намъ все, что зналъ объ этомъ озерѣ. Онъ увѣрялъ, что Энаре (или *Энари*, *Энара*, по-фински *Инари*, по-лапландски *Анара*, *Эйнара*), въ длину имѣеть 12 миль, въ ширину 8, что на немъ столько острововъ, что ни одинъ смертный не могъ сосчитать ихъ, развѣ только Пэйвио. Одинъ Лапяръ хотѣлъ нѣкогда измѣрить глубину озера, привязалъ котель къ канату и спустилъ его въ воду. Но когда канатъ опустился на 200 сажень, то водяной духъ (*haltia*), стражъ острова, обрѣзалъ канатъ и завладѣлъ котломъ. Съ тѣхъ поръ никто не смѣлъ измѣрять глубину Энаре, но все принимаютъ на вѣру, что большія бухты по серединѣ озера—совсѣмъ безъ дна.

Желая прежде ночи добраться до Юуутуа, мы смѣнили гребцовъ нашихъ и сами сѣли гребти. Мы гребли поочередно; отслуживъ мой чередъ, я легъ спать, и проснулся уже передъ утромъ, но не въ Юуутуа, а у необитаемаго острова, куда кормчій принужденъ былъ пристать, чтобы не заблудиться на озерѣ, покрывшемся густымъ туманомъ. Поутру туманъ началъ разсѣиваться, и мы вновь пустились въ путь. Черезъ нѣсколько часовъ мы прибыли благополучно въ упомянутую Лапландскую деревню, — первую, которую пришлось намъ увидать съ самаго начала путешествія.

Видъ Лапландской деревни совсѣмъ непривлекателенъ, по-крайней-мѣрѣ, лѣтомъ. Вездѣ валяются: рыба внутренность, чешуя, гнилая рыба и всякаго рода дрянь, заражающая сквернѣйшимъ запахомъ воздухъ. Не успѣешь перенести это ужасное испытаніе, какъ появится другое, еще неспособнѣе. Изъ-подъ низкаго выхода палатки выползаетъ куча людей, до-того покрытыхъ грязью, насѣкомыми и всякою мерзостью, что нельзя не содрогнуться отъ отвращенія, при первомъ взглядѣ на нихъ. Но сами они очень спокойно на себя смотрять. Учтивость требуетъ, чтобы все обитатели этой палатки, не выключая и дѣтей, показали руку путешественникамъ, въ знакъ привѣта. Когда эта церемонія въ глубокомъ молчаніи окончится, то можно ожидать неперемѣнно слѣдующихъ вопросовъ: «Все ли спокойно у насъ? здоровъ ли государь, епископъ, начальникъ округа (*Landshöfdingen*)?» Сверхъ того у меня спросили, изъ какой я земли, и когда я отвѣчалъ, что моя земля за горами, далеко, то одинъ Лапландецъ спросилъ, не оттуда ли я пришелъ, гдѣ растетъ табакъ. — Я вспомнилъ пѣснь Мишьоны: *Kennst du das Land, wo die Citronen blühen?*

Пока я разговаривалъ съ Лапландцемъ, женою полъ деревушки оказывалъ великую суетливость. Любопытно было смотрѣть, какъ эти коротельскія и на-взглядъ неповоротливыя существа торопливо бѣгали отъ одной палатки къ другой. Велѣдъ за тѣмъ послѣдовало приглашеніе войти въ маленькую, темную конурку, которая представляла комнату. Б л а н к ѣ и я неустранимо приняли приглашеніе, Д у р х м а н ѣ еще прежде спасся бѣг-

ствомъ, и до тѣхъ поръ странствовалъ въ лѣсу, пока не собрался съ духомъ и не рѣшился наконецъ приблизиться къ грязному Лапландскому гнѣзду. Между тѣмъ я преспокойно уснулъ въ тѣнной этой избушкѣ, и, проспавшишь, почувствовалъ себя столь свѣжимъ, что готовъ былъ отважно вступитъ въ каждое Лапландское жилище.

Хижина Лапландская, такъ какъ и всѣ Энарескія хижины, состоятъ изъ четвероугольнаго фундамента, котораго каждая сторона состоитъ изъ трехъ сложенныхъ другъ на друга бревенъ, и изъ верхней досчатой части, имѣющей видъ пирамиды. Въ Утѣйоки, гдѣ мало лѣсу, нижнюю часть кладутъ изъ камня, и всю палатку обкладываютъ торфомъ, для тепла. Кромѣ того тамошнія жилища не имѣютъ пирамидальной формы, но скруглены и похожи на полушаріе. Что же касается до внутренняго устройства, то оно почти одинаково во всѣхъ Лапмаркахъ. Во всю длину избы, т. е. между дверью и задней стѣною кладутся параллельно двѣ балки; двѣ другія балки пересекаютъ ихъ поперегъ, также отъ одной стѣны къ другой. Такимъ образомъ образовывается въ избѣ девять отдѣленій; три переднія, то есть, тѣ, что у двери, служатъ для складки дровъ, кожъ для сапогъ и грубой домашней утвари; въ трехъ заднихъ, то есть тѣхъ, которыя къ задней стѣнѣ, сохраняются жизненные принасы и то, что поцѣнише; изъ трехъ отдѣленій, находящихся въ середнѣ, въ самомъ среднемъ, подъ дымовой трубой, находится печь; отъ нея вправо живутъ хозяева, влево — остальные домочадцы. Если же семья многочисленна, то младшіе ея члены размѣщаются по остальнымъ отдѣленіямъ.

Кромѣ избы, или палатки, у Энарескихъ Лапландцевъ есть и другія строенія. Около главнаго жилья всегда построены одна или нѣсколько маленькихъ клѣткъ, на высокихъ подставкахъ. Тутъ Лапландцы кладутъ рыбу; высота предохраняетъ клѣтки отъ нападенія волковъ, медвѣдей, лисицъ и прочихъ хищныхъ звѣрей. У богатыхъ Лапландцевъ есть кромѣ того комнаты, въ которыхъ впрочемъ не живутъ лѣтомъ.

Когда мы пріѣхали въ Юуутуа, то застали жителей въ простой, всѣдневной одеждѣ; пока мы отдыхали, всѣ они переодѣлись въ праздничное платье. И мужчины и женщины сняли черныя свои *пески* (*peski*): это лѣтняя верхняя ихъ одежда, сшитая на—подобіе рубашки изъ дубленой оленьей кожи; — вмѣсто нея они надѣли такую же рубашку, только сукопную. Сверху этой рубашки женщины надѣваютъ корсетъ, а на шею навязываютъ холстинный воротничокъ, отъ котораго висятъ длинные концы въ—родѣ кармана. Пояса у мужчинъ и женщинъ украшены блестящими серебряными и мѣдными пряжками. Головной уборъ у женщинъ также довольно оригиналенъ: онъ возвышается дюйма на три надъ макушкою и похожъ на подкову. Мужчины не держатся определенной формы въ головномъ

покровъ. Оба пола носятъ обувь и панталоны изъ мягкой оленьей кожи, съ которой шерсть соскоблена. Подробное описаніе Лапландской одежды можно найти въ книгѣ А. Н. Шёгрена (Sjögren): «*Anteckningar om församlingarna i Kemi Lappmark*», стр. 244 и слѣд. (Замѣчанія объ общинахъ Ланмарка-Кеми.)—Здѣсь я замѣчу только, что зимою мужчины и женщины носятъ верхнюю одежду изъ оленьей кожи съ шерстью; одежда эта, также какъ и пески (peski), спереди наглухо сшита, и имѣетъ только одну небольшую прорѣху, такъ что кто не привыкъ, тому очень трудно надѣвать и снимать ее.

Что касается до наружности Лапландцевъ, то извѣстно, что все они невелики ростомъ и обликомъ приближаются къ типу Монгольскому, т. е. у нихъ низкій лобъ, выдающіяся скулы, маленькіе глаза. По природѣ они лѣнны, унылы и угрюмы. Замѣчаютъ въ нихъ зависть, недоброжелательство, злопамятство, хитрость и прочія тому подобныя качества; но за то хвалятъ ихъ благочестіе, услужливость, гостепріимство, смиреніе и цѣломудренную семейную жизнь.

Богатое рыбами озеро Энаре отъучило Лапландцевъ отъ ихъ первоначальной, многотрудной бродячей жизни. Теперь во всемъ округѣ не найдешь ни одного настоящаго горнаго Лапландца, и ни одного кочующаго, который бы занимался однимъ оленеводствомъ. Все они рыбаки, или такъ называемые лѣсные Лапландцы, изъ коихъ послѣдніе лѣтомъ ловятъ рыбу, зимою пасутъ оленей. Впрочемъ рыбный промыселъ—общее, главное занятіе, а оленеводство такъ упало, что, по словамъ самихъ жителей, стада ихъ оленей значительно уменьшились. Лѣсные Лапландцы имѣютъ то преимущество передъ горными, что стада ихъ не уходятъ весною на берега Ледовитаго моря, а остаются зимою и лѣтомъ въ лѣсахъ; но за-то, они требуютъ большаго присмотра, потому что могутъ заблудиться, одичать, попасться волкамъ, или перебѣжать въ стада горныхъ Лапландцевъ. Чѣмъ болѣе Лапландецъ втягивается въ рыбный промыселъ, тѣмъ труднѣе ему становится необходимый уходъ за оленями, и потому горный Лапландецъ неизбежно рано или поздно сдѣлается рыбакомъ. Это превращеніе совершилось въ короткое время, не только въ погостѣ Энарскомъ, но и въ главномъ приходѣ Утсѣйоки. Вообще, въ нашей Финн-ской Лапландіи, жители прошли уже первыя двѣ степени дикости, оставили горы и лѣса, или другими словами, перестали быть горными и лѣсными Лапландцами. Теперь они перешли на степень рыбаковъ, и вѣроятно не далеко то время, когда они всецѣмъ отвыкнутъ отъ жизни дикой и сдѣлаются колонистами.

Не излишне будетъ сказать нѣсколько словъ объ образѣ жизни Финн-скихъ Лапландцевъ, преимущественно живущихъ въ погостѣ Энаре. Весна, или Маріино время, есть самая важная эпоха въ однообразной жизни

Лапландца. Все рыбаки из Утсёйоки и Энаре, также большая часть поселян из Соданкилы, идут к морским берегам Норвегии, в округ «Фаледь» (Faelleds-District), чтобы, по древне-принятому обычаю, ловить там рыбу. Обычай этот состоит в том, что двое или трое наших сходятся с рыбаком Норвежским, употребляют вместе с ним его лодку и сети, дают ему потом половину лова, а другую делят между собою. Десятую часть этой ловли, как Финны, так и Норвежцы, должны отдать тамошнему духовенству, а оно тут же передает ее торговцам, живущим в течение лета при бухтах и мѣняющим на муку все, что рыбаки могут добыть. Лапландцы жалуются на притѣсненія этих торговцев, и за счастье почитают, если могут продать ловлю свою Русским купцам, прибѣгающим в концѣ юля и в началѣ августа, на ярмарку в бухтах, когда дозволена свободная торговля. Во время этой ярмарки Русских съѣзжается много. Если вѣрить показаніям одного словоохотливаго Лапландца, то вотъ какая разница в цѣнахъ Русских и Норвежскихъ купцовъ: за одну вагу (waag=165 фунтовъ) муки Норвежецъ требуетъ 5 вагъ свѣжей, или вагу сушеной рыбы, а Русскій отдаетъ одну вагу муки за двѣ с половиной ваги свѣжей рыбы, и одну вагу и 8 марокъ (4 фунта) муки за одну вагу сушеной рыбы. Но не многіе Финскіе Лапландцы могутъ пользоваться выгодной торговлей съ Русскими; къ Иванову дню они все разъѣзжаются по домамъ. В это время ихъ собственныя озера освобождаются ото льда, и они дома занимаются ловлею.

Тутъ-то начинается золотое время для Лапландца, о которомъ онъ вспоминаетъ зимою, какъ о потерянномъ раѣ; закупорясь в палаткѣ отъ мошекъ, съ полнымъ желудкомъ, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, онъ можетъ спать сколько хочетъ. Лапландецъ не промѣняетъ этого блаженства на все сокровища міра. Есть, однако, обстоятельство, которое нарушаетъ его покой: онъ долженъ разъ или два в лето переходить отъ одного озера къ другому. Эти переходы дѣлаетъ всякой рыбакъ, живущій в округѣ Энаре. Лапландцы съ давнихъ поръ владѣютъ тутъ множествомъ маленькихъ озеръ, и какъ скоро рыба перестанетъ метать икру, они переходятъ на ловъ отъ одного озера къ другому. Упомянутыя озера часто соединяются одно съ другимъ маленькими ручейками, и, въ такомъ случаѣ, переходы удобны; в лодку кладутъ сети, домашнюю утварь и проч. и плаваютъ спокойно. Когда же нѣтъ сообщенія между озерами, то рыбакъ долженъ сухимъ путемъ тащить лодку и все прочія принадлежности, что довольно тяжело и трудно.

Съ пеходомъ лета, Лапландцы затворяются въ зимнихъ своихъ избахъ, и питаются заготовленнымъ запасомъ, то есть, сушеной рыбой. Но запаса этого не можетъ стать на всю длинную зиму. Рыбная ловля осенью,

подо льдомъ (по-лапл. *juongas*, по-фин. *juomus*), едва даетъ ему дневное пропитаніе. Охота гораздо прибыльнѣе, особливо за дикими сѣверными оленями; она продолжается — осенью отъ Воздвиженія до праздника Всѣхъ Святыхъ, весною — отъ Благовѣщенія до тѣхъ поръ, пока земля освобождается ото льда. И въ древнія времена охота за дикими оленями была у Лапландцевъ важною отраслью промышленности, и для этого употреблялся особый способъ ловли, который теперь оставленъ и который называется *wiomen*. Вотъ какъ описываетъ его Торнеусъ: « На равнинѣ, или на голой безлѣсной скалѣ, на протяженіи одной, или двухъ миль въ длину, и одной мили и болѣе въ ширину, ставятъ охотникъ высокіе шесты, *quasi duo cornua*, сперва довольно далеко другъ отъ друга; чѣмъ далѣе идетъ онъ, тѣмъ ближе ставятъ шесты и на каждый привязываютъ что-нибудь черное и ужасное, чего олень пугается; въ *angustioribus*, ставятъ онъ плетень, какимъ обыкновенно Шведы огораживаютъ пашни, ии ставятъ его такъ высоко, что олень не можетъ перепрыгнуть черезъ него; наконецъ, *in angustissimo*, онъ дѣлаетъ скатъ съ пятью ступенями внизъ, окружаетъ его заборомъ, который такъ частъ, что ни одно животное не можетъ пролѣзть сквозь него. Послѣ всего этого Лапландецъ обѣгаетъ всѣ горы кругомъ, гонитъ тихонько и осторожно всѣхъ попадающихся ему оленей къ своему вуомену (*wiomen*). Какъ скоро олени попадутся между двухъ рядовъ шестовъ, то не смѣютъ пройти вправо и влѣво между ними, пугаясь черныхъ лоскутьевъ, мотающихся на шестахъ. Лапландецъ съ людьми своими стоитъ за шестами, стережетъ, чтобы олени изъ-за нихъ не вышли, и старается медленно подвигать ихъ впередъ, позволяя имъ щипать бѣлый мохъ (которымъ они питаются); олени ложатся и отдыхаютъ, не чужа предстоящей опасности; какъ же скоро они приходятъ *ad angustiora* и *angustissima*, гдѣ съ обѣихъ сторонъ возвышается крѣпкій плетень, тогда Лапландецъ съ шумомъ бросается на нихъ, преслѣдуетъ *in praecipitium* по пяти ступенямъ, внизъ; оттуда выпрыгнуть они не могутъ, и остаются такимъ образомъ *in suo carcere*. Лапландецъ самъ спускается туда, и убиваетъ всѣхъ, большихъ и малыхъ. Ловля эта искореняетъ оленеводство въ цѣлой странѣ, потому-то другіе Лапландцы и не видятъ тѣхъ, кто занимается ею ». — По разсказамъ Лапландцевъ, прежде дикихъ оленей залавливали и во рвы, и « Лапландскія могилы », которыя, мѣстами, встрѣчаются въ Финляндіи, и суть, вѣроятно, по большей части, выкопанныя ямы для ловли дикихъ оленей. Обычай ловить дикихъ оленей петлями сохранился доселѣ. Но Лапландецъ предпочитаетъ стрѣлять ихъ изъ вѣрнаго ружья своего, и многіе увѣрили меня, что во время весенней и осенней охоты имъ удавалось застрѣлить около 30 или 40-ка оленей. Какъ ни прибыленъ этотъ промыселъ, но по самой сущности

дѣла онъ не можетъ быть надеженъ. Прежде, для рыбака-Лапландца, самое вѣрное средство пропитать себя зимою была торговля водкою съ горными Лапландцами. Рыбакъ отдавалъ всю муку, приобретенную имъ мѣною рыбы въ бухтахъ Норвежскихъ, Финскихъ колонистамъ для выкуриванія изъ нея водки, и вымѣнивалъ на водку оленье мясо у горныхъ Лапландцевъ, которые зимою приходили во множествѣ въ Энаре. Обыкновенная цѣна была—за канну (слишкомъ два ведра) водки олень самецъ, за полъ-канны—олень самка. Такъ какъ рыбаки Лапландцы не очень пристрастны къ горячимъ напиткамъ, то можно понять, какъ была имъ прибыльна эта торговля. Но въ нашей Финской Лапланди торговля эта въ послѣднее время рѣшительно запрещена, въ-слѣдствіе пагубныхъ ея дѣйствій на нравственность. Выгоды, коихъ лишился Энарескій Лапландецъ, конечно, со временемъ, воротятся болѣе правильнымъ и улучшеннымъ образомъ жизни.

Но я забываю, что мы еще находимся въ Лапландской избѣ и послѣ такого долгаго въ ней пребыванія намъ необходимо вздохнуть чистымъ воздухомъ. Будемъ же продолжать путешествіе и простимся съ Юуутуа; но не забудемъ по дорогѣ заѣхать въ Энарескій насторекій домъ близъ Юуутуа. Главное строеніе на насторекомъ дворѣ состоитъ изъ двухъ горницъ, доступныхъ всему, кромѣ солнечныхъ лучей. Передняя комната украшается скамейкой, мало-по-малу сдѣлавшейся черною отъ грязныхъ Лапландскихъ шубъ; во второй стоитъ постель, набитая прошлогднимъ березовымъ лѣтомъ и занимающая половину всей комнаты. Въмѣсто кафельныхъ печей, въ каждой горницѣ сложенъ очагъ, а тепло бережется клокомъ сѣна, которымъ затыкается дымное отверстіе въ кровлѣ. Единственные существа на насторекомъ дворѣ были чучелы бѣлокъ и совъ. Такимъ образомъ, по прибытіи нашемъ сюда, Дурхманъ, противъ чаянія своего, не нашелъ въ церкви Лапландцевъ и потому рѣшился не разлучаться съ нами до Утсѣйоки. Мы все-таки пожелали ему счастья въ новомъ его жилищѣ, и вмѣстѣ съ нимъ продолжали путь. Цѣлую милю проехавши пѣшкомъ до озера Стуорајаура (Stuorajaur), мы нашли на берегу его одну хижину, но, къ сожалѣнію, пустую и безъ лодокъ. Проводникъ увѣрялъ, что никакъ невозможно обойти озера. Предложеніе мое развести огонь на берегу не было принято, потому, что на этомъ мѣстѣ его не будетъ видно за многими острыми утесами, поднимающимися надъ озеромъ. Послѣ долгаго размышленія, рѣшились мы послать постоянного спутника нашего, Иессію, вмѣстѣ съ Лапландскимъ проводникомъ, разложить огонь на одномъ изъ мысовъ. Иессію воротился въ полночь и сказывалъ, что проводникъ, вмѣсто того чтобъ разложить огонь, обходилъ тихоюко мысъ, и не отвѣчая на вопросы Иессію, манилъ его слѣдовать за нимъ. Наконецъ Иессію вышелъ изъ терпѣнія и угрозами заставилъ Лапландца признаться, что онъ знаетъ мѣсто-

пребываніе хозяина хижны и идетъ къ нему за лодкой, а Иессіо для того ведетъ съ собою, чтобы на возвратѣ легче было грести. Разеерженный этимъ нечестнымъ поступкомъ, Иессіо воротился, строго приказавши Лапландцу не терять времени и привести лодку какъ можно скорѣе. Лапландецъ воротился не прежде четырехъ часовъ утра, въ такомъ дурномъ расположеніи духа и съ такой сопрѣвшей лодкой, что мы насилу могли на ней перебраться до ближней деревни, лежащей на островѣ Стуоралурекаго озера. Въ этой деревенькѣ нашли мы двѣ порядочныя горницы, тѣмъ не менѣе Лапландцы жили въ хижинахъ, по той причинѣ, какъ они увѣряли, что въ черной, дымной хижинѣ, нѣтъ мошекъ. Такъ какъ день былъ воскресный, то Д у р х м а н ъ долженъ былъ совершить богослуженіе въ этой деревнѣ. Потомъ пустились мы опять въ путь, озеромъ проплыли двѣ мили, и достигли Финской колоніи, расположенной при устьѣ Камасъйоки. Здѣсь представилась намъ грустная картина нищеты, порожденной не вѣдшими обстоятельствами, не недостаткомъ образованія (хозяйка была изъ хорошей фамиліи), но нравственнымъ развратомъ, слѣдствіемъ пьянства. Мы не долго тутъ побывали и спѣшили уйдти на скалы. Тутъ впервые мы очутились въ истинной землѣ сѣверныхъ оленей. Куда ни обращаешь взоръ, всюду видишь только олений мохъ—эту сѣрую траву, на которую я никогда не могъ глядѣть безъ грустнаго чувства. Обширныя болота, кой-гдѣ прерываемыя скалами, конечно не могли развлечь этого чувства. Къ довершенію всего, проводникъ нашъ, взятый въ Юуутуа, былъ такой угрюмый, молчаливый Лопарь, что не поддавался ни ласкамъ нашимъ, ни водкѣ, ни угрозамъ. Сурово и недовольно шелъ онъ впередъ, съ ношею за спиною, и на все вопросы отвѣчалъ любимымъ Лапландскимъ выраженіемъ: « не знаю, право не знаю »! — Это выраженіе употребляетъ Лопарь въ каждой рѣчи, не придавая ему никакого значенія. Однажды я спросилъ у Лопаря, сколько лѣтъ онъ жилъ на одномъ мѣстѣ?— онъ отвѣчалъ: « право не знаю, девятый годъ! »

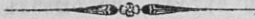
Четыре мили прошли мы въ теченіе осьми часовъ; въ два часа ночи пришли къ мѣсту, гдѣ отецъ нашего проводника занимался рыбною ловлею. Мы ожидали пріятнаго, радушнаго гостепрѣимства; вышло, что во всей Лапландіи это было единственное мѣсто, гдѣ съ нами обошлись недружелюбно. Утомленный труднымъ переходомъ, попросилъ я стаканъ воды, чтобъ освѣжиться: миѣ указали на озеро, до котораго конечно было оттуда около версты. Не желая угощать насъ, рыбакъ сталъ жаловаться на неудачную ловлю; но мы успокоили его, сказавъ, что нуженъ намъ только отдыхъ, а не пища. Однако Лапландецъ не далъ намъ и постели. Когдажъ мы принялись располагаться на скалѣ, онъ указалъ намъ маленькую пустую избушку; но и тутъ мы не могли заснуть. Оленьи шкуры,

посланные намъ вмѣсто постелей, до того были наполнены насѣкомыми, что мы никакъ не могли заснуть. Мы спѣшили уйти отъ этого негостепріимнаго мѣста, и черезъ нѣсколько миль пришли къ хижинѣ, гдѣ насъ приняли съ ласковою привѣтливостію. Глава семейства былъ человекъ веселый, словоохотный, щедрый; рыбная ловля его лѣтомъ была неудачна, но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что нужды его, какъ и всѣхъ вообще Лопарей, немного больше нужды комара. — Когда я сталъ жалѣть о бѣдной судьбѣ его соотчичей, онъ отвѣчалъ съ довольнымъ видомъ: « При всей нищетѣ нашей мы живемъ беззаботно, и не желаемъ лучшаго ». Онъ убѣжденъ былъ, что Лапладець идетъ прямо въ могилу, когда покидаетъ скалы своей родины, и приводилъ въ примѣръ мальчика, котораго отецъ продалъ богатому господину. Мальчикъ скоро умеръ, и всѣ Лапландцы увѣрили, что Богъ наказалъ корыстолюбиваго, безчувственнаго отца смертью сына. Отца этого встрѣтилъ я послѣ у церкви въ Утѣйюки. Онъ пришелъ помолиться вмѣстѣ съ другими, но, одумавшись, счелъ себя недостойнымъ войти въ храмъ Божій. Угрюмый, какъ привидѣніе, бродилъ онъ молча по кладбищу во все время божественной службы.

Выходя изъ деревни, я слышалъ, какъ проводникъ нашъ разспрашивалъ хозяина о дорогѣ въ Міерашяуръ (Mieräschaug), — слѣдующую нашу станцію. Переговоры шли по-лапландски, шопотомъ, и я могъ понять только, что, въ продолженіе пути, намъ слѣдуетъ подняться на скалу и идти вдоль пересохшаго ручья. Въ 4 часа послѣ обѣда пустились мы въ путь, съ полной надеждой придти вечеромъ на станцію, что и исполнилось бы непременно при обыкновенныхъ условіяхъ; но къ несчастію проводникъ нашъ совѣтъ не зналъ дороги, и когда черезъ полчаса пришли мы къ озеру, онъ никакъ не могъ рѣшиться, по какой сторонѣ идти. Іессіо посовѣтовалъ держаться сѣверной стороны, и мы пустились на удачу. Часа черезъ четыре съ великой радостію увидѣлъ я скалу, о которой сказывалъ прежній нашъ хозяинъ. Перешедши скалу, я замѣтилъ, что проводникъ слишкомъ часто мѣняетъ направленіе, Б л а к ъ примѣтилъ то же, и мы вынуждены были подвергнуть Лапландца строгому допросу. Онъ признался, что никогда тутъ не ходилъ лѣтомъ, но бывалъ часто зимой въ Утѣйюки и потому знакомъ съ мѣстностями, хотя, можетъ быть, ведетъ насъ по ближайшей дорогѣ, а направленіе мѣняетъ отъ того, что на этой дорогѣ есть много непроходимыхъ мѣстъ. По неволѣ должны мы были довольствоваться этимъ объясненіемъ. Пройдя еще порядочное пространство, проводникъ указалъ намъ на скалу, и увѣрялъ, что какъ скоро поднимемся на ея вершину, то Міерашяуръ будетъ какъ на ладони. Мы взобрались на скалу, вскарабкались на самую вершину, и не увидали Міерашяура, а только замѣтили надъ собою тучу чернѣе ночи. Холодный вѣ-

теръ подулъ на скалѣ, и вскорѣ полился такой сильный дождь, что все горные ручьи зашумѣли. Не говоря ни слова, Лаплаидецъ пошелъ проворно впередъ, и мы едва могли идти по слѣдамъ его. Около полуночи дошли мы до хижины въ Мierasюрѣ.

Только что мы хотѣли войти въ эту хижину, какъ дверь изнутри отворилась, вышелъ Лаплаидецъ съ озабоченнымъ лицомъ и слезами на глазахъ. « У меня умираетъ жена », сказалъ онъ едва слышимымъ голосомъ, воротился въ хижину и заперъ за собой дверь. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ опять, онъ сказалъ, что не можетъ впустить насъ въ хижину, гдѣ мучится жена его, и просилъ опрокинуть лодку и какъ-нибудь подъ нею спрятаться отъ дождя. Мы послѣдовали доброму совѣту, но продрогши и промокнувъ, чувствовали необходимость развести огонь. На всемъ протяженіи скалы, по несчастію, не было ни плахи дровъ. Подлѣ хижины лежала срубленная ёлка, но, очевидно, она служила для развѣшиванія стѣей. Иессіо нашелъ ее вполне годною и распорядился ею, не смотря на возраженія проводника, защищавшаго собственность бѣднаго Педера. Скоро запылалъ костеръ, и мы отправили Иессіо подать, если возможно, помощь женѣ Педера. Счастье благоприятствовало ему и тутъ; мы не успѣли еще заснуть, какъ Педеръ явился съ просьбой дать рюмку водки женѣ его, которая, съ помощію Иессіо, счастливо родила мертвого младенца. Поутру на другой день, схоронили мы младенца въ могилку, и завалили ее камнями, для сбереженія трупа отъ дикихъ звѣрей. По окончаніи этого обряда мы взяли у Педера лодку, сами гребли внизъ по рѣкѣ, и въ тотъ же вечеръ достигли пасторскаго жилища въ Утеѣоби, — цѣли многотруднаго нашего путешествія.

III.

ВОЗВРАТНЫЙ ПУТЬ ИЗЪ УТСЬЙОКИ ВЪ КЕМИ.

Когда мы прибыли въ Утсѣйоки, тамъ жило семейство одного Финскаго пастора, которое въ этой дикой землѣ провело уже нѣсколько лѣтъ, разлученное съ родными и друзьями, вдали отъ всего образованнаго свѣта. Главою этого семейства былъ пасторъ I. С., человѣкъ образованія многосторонняго и съ весьма энергическимъ характеромъ. Покорный внутреннему призванію, онъ рѣшился поселиться въ Лапландіи, — не для того, чтобы новыми открытіями въ области наукъ пріобрѣсть лавръ ученаго, еще менѣе для того, чтобы кратчайшею дорогою достигнуть высшихъ должностей, но съ цѣлью—посвятить себя трудной миссіонерской проповѣди и просвѣтить умы дикихъ горныхъ жителей.

Желая сколько-нибудь облегчить пребываніе свое въ этой безрадостной странѣ, С., по пріѣздѣ своемъ въ Лапландію, исправилъ старое, маленькое жилище прежнихъ миссіонеровъ, ветхую хижину на берегу озера Манду, у самой Утсѣйокской кирки. Потомъ отправился онъ въ Финляндію и привезъ оттуда молодую, милую жену, которая, не колеблясь нисколько, готова была сопутствовать мужу на край свѣта, не взирая на слабое свое здоровье. Ее сопровождала, съ благороднымъ самоотверженіемъ, дѣвица Е. Р., пятнадцати-лѣтняя подруга ея.

Маленькое семейство проѣзжало страшныя утесистыя горы Лапландіи въ жестоко-холодную зиму. Молодыя дамы научились править и сдерживать въ равновѣсіи маленькія шатающіяся санки (pulka), въ то время, когда олень быстро мчалъ ихъ съ одной скалы на другую. Цѣлые дни принуждены онѣ были жаться въ этомъ безпокойномъ экипажѣ, безъ малѣйшей защиты отъ ледянаго горнаго вѣтра. Ночью довольствовались часто снѣго-

вою кровлей, или бѣдною Лапландскою лачугой. Кромѣ этихъ, для всякаго Лапландскаго путешественника неотвратимыхъ неприяностей, случались другія опасности и приключенія, которыя едва не стоили имъ жизни. Но милосердая рука Провидѣнія привела ихъ невредимо къ дѣли. Они достигли мѣста своего пребыванія, и въ тѣсномъ, низкомъ домикѣ неизъяснимо радовались, сидя спокойно у теплаго очага и издали слушая ревъ бури на скалахъ.

Но не долго суждено имъ было жить спокойно : маленькій домикъ ихъ сгорѣлъ вскорѣ послѣ прибытія ихъ въ Утсѣйоки. Пасторъ былъ въ то время въ отлучкѣ, по дѣламъ своей службѣ ; служителей тоже не было дома и дамы оставались почти одиѣ. Можно вообразить весь ужасъ ихъ положенія. Но каково же было и пастору С., когда по возвращеніи увидѣлъ онъ одно пепелище сгорѣвшаго дома, и не зналъ ничего о судьбѣ своихъ оставшихся. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ къ своему другу.

« Какимъ ужасомъ пораженъ я былъ, когда пріѣхалъ домой, два дня послѣ
 « пожара, и увидѣлъ одиѣ курящіяся развалины ! Я оставилъ на озерѣ
 « оленя, усталаго отъ одиннадцати-мильной дороги, сорвалъ съ себя дорожное
 « платье и побѣжалъ ко двору. Въ это время я одумался и вспомнилъ, что до
 « ближняго сосѣдняго двора на югъ (приходъ Соданкила) было 50
 « миль, до Вадзоэ, къ сѣверу, 16 миль, а жена моя была беременна.
 « Недалеко стояли двѣ или три хижины безъ кровли и дверей ; я загля-
 « нулъ туда—тамъ не было ни одного живаго существа. Тогда представилась
 « мнѣ ужасная мысль : не сгорѣли ли онѣ ? а если спаслись отъ пожара,
 « то вѣроятно замерзли, потому что ближе мили не было ни одного Лап-
 « ландскаго жилья. Я хотѣлъ кричать, звать ихъ, но не могъ произнести
 « ни одного звука. Въ такомъ положеніи, я конечно сошелъ бы съ ума,
 « еслибы Амелія и Эмма не вышли изъ одной изъ этихъ лачужекъ. По-
 « жаръ случился ночью. Въ три часа ночи жена моя проснулась и, чув-
 « ствуя дымъ въ спальнѣ, кликнула служанку. Но кухня была уже вся
 « въ пламени и черезъ дверь нельзя было пройти. Жена должна была
 « вынырнуть въ окно, набросивъ на себя одну кофту, и въ этой одеждѣ
 « вышла она ко мнѣ на встрѣчу. Я не могъ удержать радостныхъ слезъ,
 « увидѣвши, что онѣ живы. Потеря всего имущества не столько меня
 « озабочивала, сколько безпокойство о томъ, обойдется ли даромъ бѣдной
 « женѣ моей, въ ея положеніи, весь бывший страхъ и тревога, тѣмъ
 « болѣе, что и потомъ много было бѣдъ, которыя могли стоить ей жизни ».

Послѣ этого несчастнаго пожара, С. съ семействомъ своимъ больше полугода принуждены были жить въ хижинѣ, гдѣ Лапландцы останавливаются, когда пріѣзжаютъ помолиться въ церкви. Вотъ описаніе этой хижины, взятое изъ того же писема : « Пока одну сторону грѣшь, другая
 « мерзнетъ. Дымъ постоянно стаялъ въ избѣ, по старинная пословица: гдѣ

« дымъ, тамъ тепло, не имѣла здѣсь мѣста. Сквозь кровлю, какъ сквозь рѣшето, безпрестанно лилась вода, а вѣтеръ свистѣлъ во всѣ дыры и «скважны стѣны»».

Пять лѣтъ прошло послѣ этого печальнаго происшествія, и когда мы пришли къ пастору С., то нашли его уже въ новомъ домѣ, который онъ успѣлъ построить. Это жилище, тѣсное и маленькое, вмѣщало въ себѣ конечно больше истиннаго счастья и довольства, нежели сколько обыкновенно бываетъ въ огромныхъ палатахъ. Члены маленькаго семейства связаны были пѣжною любовью и ничего выше этой любви не желали. По крайней мѣрѣ пасторъ С. увѣрялъ меня, что нигдѣ не было ему такъ хорошо, какъ въ этомъ горномъ воздухѣ, а молодая жена его шла легко и весело по дорогѣ жизни, опираясь на руку любимаго мужа и окружаясь милыми дѣтьми. Что же касается до дѣвицы Р., то не только ей было хорошо и пріютно съ этимъ семействомъ, но она полюбила страстно высокія горы и скалы, и съ величайшимъ удовольствіемъ носилась по ихъ вершинамъ на быстрыхъ оленяхъ. Тѣмъ не менѣе казалось намъ, что звуки ея арфы издавали иногда скорбныя жалобы на пустоту жизни. Эти звуки сдѣлали такое глубокое впечатлѣніе на Ду р х м а н а, что, послѣ десятидневнаго нашего тутъ пребыванія, мы отпраздновали помолвку его съ этою любезною дѣвушкой. На этомъ праздникѣ Бланка не было уже съ нами. Не задолго прежде отправился онъ вверхъ по Тено опять въ Муониониску, а на другой день послѣ помолвки, 10 го августа, и мы съ Ду р х м а н о мъ предприняли обратный путь въ Энаре.

Въ Лапландіи нельзя выбирать дорогъ; по той же дорогѣ, по которой мы ѣхали сюда, должны были мы ѣхать и назадъ, къ Энареской церкви. Вначалѣ — путь шелъ опять по рѣкѣ Утсѣйоки и ея гремящимъ порогамъ; Ду р х м а н ѣ и Иессіо пробрались по нимъ, съ трудомъ управляя лодкою, а я шелъ пѣшкомъ по скаламъ. Грустные чувства наполнили душу при видѣ — какое опустошеніе произвелъ вездѣ морозъ во время пребыванія нашего у пастора въ Утсѣйоки. Приземистыя березы, окаймляющія скалу, стояли инныя поблѣкшія, инныя совсѣмъ безъ листа; цѣвты пожелтѣли, опустили головки и нагнулись до земли. Безъ цѣли летали горныя птицы, лица убѣжища отъ холоднаго вѣтра. Все вокругъ меня до-того было пусто, что я съ сожалѣніемъ обращалъ взоры къ пріютному двору пастора, однако и тотъ векорѣ отъ меня скрылся, и передъ глазами поднялась снѣжная вершина скалы Расте-Кайзе (Raste-Kaise), облеченная густымъ туманомъ. Мало-по-малу туманъ этотъ обратился въ черную тучу и, къ величайшей досадѣ, пошелъ за мною слѣдомъ. У меня былъ талисманъ противъ этого врага, мой Лапландскій *пески* (peski), но я оставилъ его въ лодкѣ, а лодка была далеко назадъ. Я рѣшился

идти какъ можно скорѣе, чтобы убѣжать отъ непогоды въ маленькую рыбацью хижину, которую замѣтилъ во время путешествія въ Утѣйоки. Мнѣ дѣйствительно удалось добраться до этого убѣжища, но хижина, къ несчастію, была заперта обыкновеннымъ деревяннымъ замкомъ Лапландцевъ, который отпирается не ключемъ, но какимъ-то умѣніемъ, котораго у меня не было. Не въ-состояніи будучи отворить двери, пытался я пролѣзть сквозь дымовое отверстіе, но и эта попытка была неудачна. Я началъ осматриваться кругомъ, не найду ли себѣ другой кровли, и, къ великой радости, открылъ не вдалекѣ другую хижину. Но и эта была замкнута на Лапландскій манеръ; однакожъ, облитый дождемъ, осыпанный снѣгомъ и ошеломленный бурей, въ жестокой нуждѣ своей, я скоро отыскалъ средство отпереть замокъ. Радостно вздохнулъ я подъ кровлей, но въ тѣсной лачугѣ, наполненной кастрюлями, котлами и прочей домашней утварью, нелегко мнѣ было устроить себѣ ночлегъ. Наконецъ удалось и это, и я заснулъ на разложенной оленьей шкурѣ. Первая мысль при побужденіи была та, что я проспалъ своихъ товарищей, что они проѣхали мимо, не отгадавши, куда я запрятался, и что, вѣроятно, будутъ продолжать путь до самаго Энаре. Испуганный этой мыслию, побѣжалъ я къ берегу и пришелъ въ ту самую минуту, какъ они отталкивали лодку отъ берега. Дѣйствительно они меня искали, кликали, звали, но не получая отвѣта, вообразили, что я дошелъ до хижины Педера, которая была недалеко.

День оканчивался, когда, добравшись до этой хижины, мы принуждены были провести въ ней ночь, не въ безпokoйной, тѣсной лачугѣ, но подлѣ огня (*nuotio*), зажженнаго изъ остатка той ели, которую Іессіо заблагоразсудилъ принять въ свое владѣніе, во время нашего перваго тутъ пребыванія. Само-собою разумѣется, что мы воспользовались удобнымъ случаемъ сдѣлать полный осмотръ даровъ, отнущенныхъ съ нами на дорогу попочетливой пасторскою семьею. Мѣшокъ нашъ туго былъ набитъ съѣстной провизіей и бутылками съ виномъ; при ярко пылающемъ огнѣ мы превкусно насытились, и выпили по стакану за здоровье отсутствующихъ нашихъ хозяевъ и за оставленную печальную невѣсту. Совѣзмъ не лишнимъ показалось намъ это подкрѣпленіе, тѣмъ болѣе, что непогода бушевала всю ночь и покрывала насъ снѣгомъ и дождемъ такъ, что, не смотря на веселую вечеринку, поутру встали мы чуть не замерзлые и очень въ дурномъ расположеніи духа.

Не позавтракавши и не обсушившись, сѣвшили мы отправиться въ Энаре. Д у р х м а н у нужно было поспѣть въ Энаре, чтобы черезъ два дни, когда Лапландцы должны были собраться въ церкви, совершать богослуженіе. Нечаянная помолвка задержала насъ въ Утѣйоки долѣе, чѣмъ мы

предполагали; не желая, чтобы Дурхмана дожидались прихожане, мы должны были ускорить шаги до изнеможенія силъ. Взявши въ проводники Педера, мы бѣжали по горамъ, тундрамъ и болотамъ съ такою поспѣшностью, какъ будто отъ насъ зависѣло спасеніе чьей-нибудь жизни. 16 часовъ бѣжали мы безъ остановки, и, остановившись отдохнуть, не дали себѣ времени порядочно поѣсть. Меня томилъ голодъ и жажда, я мимоходомъ рвалъ въ болотахъ растущую морошку, но и тутъ злая судьба рѣшилась меня преслѣдовать. За мной по пятамъ шла несносная Лопарка, и какъ скоро я нагибался, чтобы сорвать ягоду, она съ ловкостью хищной птицы предупреждала меня. Ни ласковыя слова, ни угрозы не внушали ей ни малѣйшаго сожалѣнія; она смѣялась, слушая мои увѣщанія. Наконецъ, замѣтивъ, что силы мои совсѣмъ начинаютъ слабѣть, она оторвала съ низкаго дерева кусокъ коры, облупила ее и подала мнѣ въ вознагражденіе за похищенію морошку. При такой плохой пищѣ, долженъ я былъ еще тащить на спинѣ тяжелую суму! Совсѣмъ изнурившись, добрали мы въ полночь до перваго Финнскаго селенія. Въ этотъ день мы прошли 8 Шведскихъ миль (80 верстъ). Я такъ изнемогъ отъ такого напряженія силъ, что на другой день не былъ бы въ состояніи продолжать пути, еслибы не представилась возможность большую часть дороги плыть въ лодкѣ. Послѣ этого, въ теченіе многихъ дней, я чувствовалъ такое изнуреніе, что идти пѣшкомъ не могъ уже никуда.

Это время отдыха провели мы частію при церкви въ Энаре, частію въ деревнѣ *Киро*. Тутъ я съ умиленіемъ убѣдился въ глубокомъ и неизмѣнномъ благоговѣніи, съ какимъ Лапландцы слушаютъ божественную службу. Двое сутокъ провели они почти въ непрерывной молитвѣ, частію въ церкви, частію въ собственныхъ тѣсныхъ домишкахъ. Нѣкоторые изъ нихъ знали наизусть почти весь Новый Заветъ, а во время богослуженія замѣтилъ я, что при пѣніи псалмовъ ни одинъ Лопарь не глядѣлъ въ книгу, между тѣмъ какъ Финны часто справлялись съ своими молитвенниками. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить вниманія на то, что Лапландцы въ Энаре, бывши много лѣтъ безъ пастыря, приобрѣли столько религіозныхъ свѣдѣній, между тѣмъ какъ весьма недавно они едва были знакомы съ христіанствомъ. Они, правда, были окрещены во время католичества, но древнѣйшія церкви въ Лапландіи построены не раньше, какъ въ царствованіе Карла IX, и на собственный его счетъ, именно около 1600 года. Тѣмъ не менѣе все еще продолжали жаловаться на невѣдѣніе Лапландцевъ закона Божія, и въ 1751 году, въ отчетѣ, представленномъ главному духовному управленію въ Або, Пилльсомъ Фельманомъ, сказано, что до самаго царствованія королевы Христины, они «какъ заблудшія овцы бродили въ языческомъ мракѣ, преданные

« суевѣріямъ, колдовству, почитанію деревянныхъ и каменныхъ кумировъ, « и, что всего ужаснѣе, приносили имъ въ жертву собственныхъ дѣтей ».

Съ тѣхъ поръ въ Лапландіи исчезло даже воспоминаніе объ язычествѣ. О прежнихъ божествахъ своихъ *Айа Икко*, по-фински *Айя, Икко*; *Акка*, по-фински *Акка*, *Алма*; *Туона*, по-фински *Туони*, — Лапландцы знаютъ только по именамъ ихъ. Всѣмъ извѣстны вышеупоминаемые каменные и деревянные кумиры, или *сейды*, которые прежде считались Лопарями какъ пенаты. Мнѣ рассказывали, что деревянные *сейды* выдалбливались на-подобіе человѣческаго образа, почти также какъ видимъ ихъ теперь у Остяковъ, Вогуловъ и другихъ отдаленныхъ отраслей Финскаго племени. Такіе кумиры недавно были найдены въ часовнѣ Тервола, въ приходѣ церкви Кеми, гдѣ извѣстны они были подъ именемъ *молекитъ*. Вѣроятно, это названіе замѣтено у христіанскихъ священниковъ, называвшихъ этихъ сейдовъ молохами, потому что и имъ, какъ Молоху, приносили въ жертву людей. — Догадка эта можетъ, однакожъ, быть подвергнута сомнѣнію. — Что же касается до каменныхъ сейдовъ, то сказаніе говорить, что они состояли по большей части изъ естественныхъ камней, отличавшихся величиною, или наружной какой формою. Въ тѣхъ частяхъ Лапландіи, гдѣ живутъ Финны, эти камни называются *кента-киветъ* (*kenttä-kiwet*), отъ Финскаго слова *кента* (*kenttä*), мѣсто, и *киви* (*kiwi*, множ: *kiwet*), камень; это-то названіе показываетъ, что *сейды* были пенаты Лапландцевъ, что можно видѣть и изъ другихъ данныхъ. Прибавимъ еще о формѣ сейдовъ, что были и такіе каменные сейды, которые созданы были человѣческими руками. Они составлены изъ груды вмѣстѣ сложенныхъ камней, изъ которыхъ иные представляютъ голову, другіе плеча, грудь и прочія части человѣческаго тѣла.

Я имѣлъ случай видѣть такого сейда на одномъ островѣ Энарескаго озера, при переѣздѣ нашемъ отъ церкви въ деревню Киро. Лопари чрезвычайно боялись этого истукана, съ отвращеніемъ показывали на темныя кровавыя и жирныя пятна, видимыя на поверхности кумира, котораго нѣкогда мазали жиромъ и кровью, и, казалось, еще вѣрили, что въ немъ обитаетъ какой-то злой духъ. Проводникъ нашъ, не крещенный еще, но уже оглашенный Лапландецъ, убѣждалъ насъ оставить скорѣе это нечистое мѣсто, страхась, чтобы живущій на немъ духъ не наслалъ на насъ бури, и только что сѣли мы въ лодку, онъ началъ пѣть длинныя духовныя пѣсни и читать псалмы. Дѣйствительно, буря какъ будто не посмѣла разразиться, и мы счастливо доплыли къ старому Томасу, который по-прежнему далъ намъ гостепріимный пріютъ на нѣсколько дней.

По-настоящему, мы не намѣревались оставаться въ Киро, по силы мои

такъ были еще изнурены отъ вышеупомянутой прогулки, что я едва могъ ходить по горнищѣ, не только предпринять путешествіе за три мили на скалу Сомбіо (Sombio). Принужденный сидѣть въ бездѣйствіи, я съ безпокойствомъ видѣлъ, какъ Лапландское небо съ каждымъ днемъ становилось грознѣе и мрачнѣе, какъ поднимался ревъ бури, пожелкла трава, съ деревьевъ свалился листь, пролетѣли на югъ перелетныя птицы и осень водворялась со всеми своими признаками. Испугавшись этихъ признаковъ, долженъ я былъ предпринять трудный путь на скалу, и 15-го августа, хотя силы были еще очень истощены, ноги распухли, а подошвы совсѣмъ стерты, рѣшился я идти.

День давно уже сіялъ, когда мы навязали сумы на спину и, взявши въ проводники одного Финна, пошли въ долгій нашъ путь. Не прошло еще двухъ часовъ нашей ходьбы, какъ загремѣлъ громъ, и изъ обложеннаго со всѣхъ сторонъ густыми тучами неба полилъ дождь. По счастью, сторона была лѣсная, и мы скоро нашли убѣжище отъ проливнаго дождя, подъ нѣсколькими вѣтвистыми соснами. Тутъ отыскали мы петочникъ съ свѣтло-струящейся водою, и вознамѣрились не мучить себя долѣе и провести здѣсь остатокъ дня, подкрѣпивши силы припасами, взятыми въ Утсѣйоки, и приготовившиесъ такимъ образомъ къ многотрудному странствію слѣдующаго дня.

Къ ночи непогода утихла, но на слѣдующій день поднялась опять гроза, съ дождемъ и сильнымъ порывистымъ вѣтромъ. Тутъ не нашли мы и убѣжища отъ бури; мѣста, черезъ которыя приходилось идти, были безлѣсныя, однѣ скалы и болота. Въ дневникъ моемъ не нахожу ни слова о положеніи и особенностяхъ этой страны, потому что дождь поливалъ меня безпрестанно такъ, что я не имѣлъ возможности обратить вниманіе на окружающую природу и исключительно былъ занятъ одной своею особой.

Утомленные непогодой и трудной ходьбою, обрадовались мы чрезвычайно, когда, при наступленіи ночи, проводникъ указалъ намъ на большую, уединенно стоящую сосну, подъ вѣтвями которой кое-какъ можно было укрыться отъ дождя. О покоѣ нечего было думать; всю ночь не переставая гремѣлъ громъ надъ нашими головами и не давалъ намъ уснуть. На слѣдующее утро, мы снова пустились въ путь, при продолжающемся дождѣ и вѣтрѣ. Намъ предстояло перебираться черезъ гору, поверхность которой вся покрыта была голыми камнями и обломками скалъ, изъ кончъ одни были такъ остры, а другіе такъ скользки, что на каждомъ шагу мы подвергались опасности слетѣть съ горы и сломать себѣ руки и ноги. Однако же мы благополучно взошли на гору и вскорѣ очутились на берегу озера Сомбіо (Sombio). Тутъ отыскали мы маленькую лодку и переправились на ней черезъ озеро къ устью рѣки Луиро, и вдоль ея мы доплыли до

одной небольшой колоніи, гдѣ провели нѣсколько часовъ, чтобъ отдохнуть отъ утомительнаго путешествія по скаламъ. Долѣе отдыхать не имѣли мы нужды, зная, что слѣдующіе дни не будемъ напрягать силъ своихъ нѣшеходствомъ, ибо можно было продолжать путь рѣкою.

Во время этого переѣзда, посетили мы нѣсколько Финскихъ дворовъ, или такъ называемыхъ колоній, поселенныхъ вдоль по берегу. Имена ихъ исчезли изъ моей памяти и стерлись въ путевыхъ запискахъ, но время не можетъ изгладить того глубокаго впечатлѣнія, которое произвела во мнѣ ужасная нищета, тяготившая надъ жителями этой несчастной страны. Семнадцать лѣтъ постояннаго неурожая довели этихъ бѣдныхъ жителей до такой степени убожества, что они—безъ преувеличенія—питались съ-помъ. Известно, что поселяне во многихъ мѣстахъ въ Финляндіи употребляютъ коряный хлѣбъ, то есть хлѣбъ, испеченный изъ толченой коры, смѣшанной съ мукою. Бѣдные жители озера Соміо едва имѣли понятие о возможности такого изобилія, ибо сами ѣдятъ солому, смѣшанную съ древесною корою. Нынѣшній годъ солома очень рано вышла, и они бѣдную жизнь свою поддерживали древесною корою, смѣшанной съ травою, которая у Финновъ называется *weserikko* (*Cerastium vulgare*, ясковка, сем. гвоздичныхъ).—Рыбная ловля была также очень незначительна, а о скотоводствѣ они мало думаютъ, хотя берега вдоль рѣки Луиро богаты сочными лугами. Въ такомъ отчаянномъ положеніи многіе изъ жителей хотѣли покинуть это «отверженное мѣсто» и переселиться на бухты Восточнаго Финнмарка, куда и прежде выселились цѣлыя толпы ихъ. Другіе же благочестивые жители питали надежду, что будетъ конецъ ихъ страданіямъ и что теперешній голодъ есть справедливо посланное наказаніе за грѣхи.

Сокрушенные ужасною нищетою, которая встрѣтила насъ во всѣхъ колоніяхъ, снѣшили мы сократить наше странствованіе и, по двухдневномъ усилеиномъ плаваніи, пристали къ деревнѣ Локка. Тутъ взяли мы опять сумки на плеча и продолжали нѣшкомъ путь; рѣка такъ извивалась, что слишкомъ великъ былъ бы крюкъ, еслибы мы по ней плыли. Черезъ три мили скучной ходьбы по пустымъ, ненаселеннымъ мѣстамъ, встрѣтилась намъ опять та же рѣка, у колоніи Тангуа (*Tanhua*). Въмѣсто того чтобы слѣдовать по ея теченію, рѣшились мы сухимъ путемъ идти до церкви Соданкила, и оттуда рѣкою Китиненъ добраться до озера Кеми. Едва сообщили мы это намѣреніе колонистамъ, какъ они всѣ въ одинъ голосъ возстали противъ него и ни одинъ не хотѣлъ взяться проводить насъ. Предполагаемое нами путешествіе, по ихъ увѣреніямъ, сопряжено было съ опасностью жизни; дорога шла по бездоннымъ болотамъ, которыя, послѣ проливныхъ дождей, до-того были, по словамъ ихъ,

вязки, что трудно было бы не утонуть въ трясины. Однако мы не только не испугались этихъ предвѣщаній, но еще обѣщали большую награду тому, кто согласится указать намъ дорогу по этимъ трясинамъ, которыя шли на цѣлыя пять миль, и сверхъ того обязались щедро угостить и хлѣбомъ и водкою. Соблазнившись такою приманкою, одинъ изъ колонистовъ взялся вести насъ по болоту, готовъ былъ съ нами хоть на смерть, и сталъ увѣрять, что нѣсколько разъ ходилъ по этой дорогѣ, и днемъ, и ночью, и пьяный, и трезвый.

Едва только взошло солнце, мы отправились. Сначала дорога шла по сухимъ и очень пріятнымъ мѣстамъ, но скоро представилось нашимъ взорамъ необозримое болото. Съ содроганіемъ глядѣли мы на эту колеблющуюся топь, въ нинихъ мѣстахъ покрытую мохомъ, въ другихъ голую, сплошную трясищу. Чувство боязни овладѣло сначала и проводникомъ нашимъ, но покушавши исправно и напившись водки, онъ ободрился, запасся пяти-аршинной палкой и вошелъ неустрашимо въ топкое болото. Мы не отставали отъ него ни на шагъ, и старались ступать по слѣдамъ его ногъ, ибо каждый неосторожный шагъ могъ обойтись дорого. Проводникъ, съ самаго дѣтства знакомый съ этимъ болотомъ, разумѣется, лучше насъ могъ различить свойство земли, но и онъ часто мѣшался, и палкой своей пробовалъ почву. Если большое пространство трясины казалось ему подозрительнымъ, то онъ оставлялъ насъ на мѣстѣ и шелъ одинъ на рекогносцировку. Но онъ рѣдко возвращался за нами, а издали палкой указывалъ намъ путь, по которому надлежало ступать. Часто, слѣдъ ноги его, по которому намъ надобно было идти, пропадалъ, и мы приходили въ великое смущеніе и страхъ. Не легко сохранить хладнокровіе, когда почти на каждомъ шагу вязнешь по колѣно въ дрожащей землѣ и не можешь разсчитать, во сколько это трепетное болото можетъ вынести тяжесть твоего тѣла. Трудно было ступать по болоту съ увѣренностью, когда оно подъ ногами нашими поднималось и опускалось, подобно поверхности моря послѣ бури.

Эти колеблющіяся пустынные топи въ нинихъ мѣстахъ пересѣкались узкими полосками твердой земли, и на нихъ мы отдыхали отъ чрезмѣрно трудной ходьбы. На такихъ мѣстахъ, проводникъ не пропускалъ случая предъявить права свои на водку и, достаточно удовлетворившись, занималъ насъ разсказами о разныхъ происшествіяхъ, случившихся въ этихъ самыхъ мѣстахъ. Большая часть этихъ разсказовъ была міологическаго содержания, но въ одномъ приключеніи онъ самъ былъ героемъ. Разъ, отправляясь въ церковь, нечаянно наткнулся онъ на медвѣдью, сидѣвшую на деревѣ съ двумя медвѣжатами. На эту пору онъ былъ пьянъ и почувствовалъ, что не весьма благоразумно связаться съ тремя медвѣдями,

рѣшился прежде выспаться, а потомъ уже разсмотрѣть, какъ ему быть. Проснувшись и отрезвившись, увидѣлъ онъ, что медвѣди все еще сидятъ на томъ же деревѣ, въ слѣдствіе чего и началъ онъ заряжать ружье свое. Но тутъ герой нашъ сдѣлалъ печальное открытіе, а именно, что у него одна только годная пуля, другой пули половина и еще заржавѣлый гвоздь. Съ такими средствами напасть на трехъ медвѣдей показалось ему сперва нѣсколько опасно, но подумавши, отважился онъ промѣнять истертую, изношенную свою оленью кожу, на три прекрасныя медвѣжьи шкуры. Храбро прицѣлился онъ на медвѣдицу, и выстрѣлъ такъ вѣрно пришелся, что она тотчасъ же свалилась съ дерева. Тогда одного медвѣженка убилъ онъ своей половничатой пулей, другаго заржавѣлымъ гвоздемъ.

Богатымъ источникомъ разказовъ служили словоохотному нашему проводнику отвратительныя змѣи, которыхъ встрѣчаешь въ Соданкила почти на каждомъ шагу, и которыхъ нѣтъ во всей Лапландіи. Кажется, будто эти пресмыкающіяся не могутъ перейти черезъ скалу Сомбіо, и потому на югъ отъ этой скалы находится ихъ множество; точно то же разказываютъ прибрежныя жители рѣки Кеми о многахъ, что ихъ кинитъ невѣроятное множество пониже водопада Тайвалкоски, потому что ревущій водопадъ ставитъ имъ непроходимую преграду. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ Соданкила находится необъятное количество змѣй и что тамошніе простолюдины разказываютъ о нихъ нескончаемыя повѣсти. Я записалъ главное содержаніе этихъ разказовъ; оно состоитъ почти въ слѣдующемъ: Змѣи, подобно людямъ, живутъ обществами, управляютъ своими законами и имѣютъ свои учрежденія. Въ каждомъ обществѣ есть глава и подчиненные ей члены. Однажды въ годъ собирается каждое общество на назначенное и выбранное ими мѣсто. Въ этихъ собраніяхъ (ting, käräjet) всякой поданный имѣетъ право представить свое предложеніе начальнику. Глава змѣй держитъ судъ и расправу не только между змѣями, но могущество свое распространяетъ далѣе владѣній своихъ. Между прочимъ онъ назначаетъ наказанія людямъ и животнымъ, умертвившимъ кого-либо изъ его поданныхъ, или тѣмъ, на кого они за что-нибудь пожаловались.

Замѣчательно, что точно тѣ же понятія о змѣиномъ родѣ встрѣтилъ я у многихъ Сибирскихъ народовъ, родственныхъ съ Финскими. Кажется даже, что эти народы питаютъ къ змѣямъ нѣкоторое благоговѣніе. По крайней-мѣрѣ шаманы высоко почитаютъ силу змѣй, и потому на волшебныхъ своихъ одеждахъ носятъ изъ лошадиныхъ волосъ сплетенныхъ змѣй. У Финскихъ шамановъ нѣтъ подобныхъ символовъ, сколько мнѣ извѣстно, но и у нихъ можно найти различныя волшебныя вещи, которыя

заставляют невольно предполагать о вѣрованіи въ сверхъестественную силу змѣй. Между этими вещами назову нѣкоторыя :

1) *Камень змѣянаго суда* (Käärmehen kärä jäkiwi), находимый во время жатвы на скалахъ, съ которыхъ разошлось змѣиное собраніе. Этотъ камень шаманы почитаютъ очень полезнымъ въ судебныхъ дѣлахъ.

2) *Змѣиная кишка* (Käärmehen suoli); ее истираютъ въ крошки и кладутъ лошадямъ въ кормъ и въ поило, для того, чтобы лошади были въ тѣлѣ.

3) *Змѣиное горло* (Käärmehen suunahka). Шаманы сквозь него пропускаютъ каплями воду въ ротъ людямъ, у которыхъ болить шея.

4) *Змѣиной зубъ* (Käärmehen hammas). Шаманъ прижимаетъ имъ больныя мѣста въ то время, какъ читаетъ заклинанія.

5) *Змѣиная травка*. Змѣя держитъ ее во рту, пока переплываетъ черезъ воду, иначе она утонетъ. Эта травка даетъ силу кусать самое твердое желѣзо. Ею же предохраняютъ себя отъ тяжбы.

Но довольно о змѣяхъ и медвѣдяхъ. Что касается до собственныхъ нашихъ особъ, то мы, взынувши цѣлый день въ болотной тинѣ, наконецъ пришли около полуночи въ благоустроенное поселеніе, гдѣ и вознамѣрились отдохнуть до утра. Войдя въ комнату, съ удивленіемъ замѣтилъ я, что хозяева, вмѣсто того, чтобы насъ привѣтствовать и предложить садиться, отошли молча въ отдаленную часть комнаты и тамъ тщательно старались спрятаться отъ нашихъ взоровъ. Измученный долгимъ походомъ, не сталъ я заниматься этой странностью, снялъ съ себя сумку, бросился на лавку и тотчасъ же заснулъ. Хозяйка скоро разбудила меня и всема ласково звала въ баню, извиняясь самымъ трогательнымъ образомъ въ неучтивомъ своемъ приѣмѣ. Между тѣмъ проводникъ шепталъ мнѣ на ухо, что насъ сочли за бродягъ и разбойниковъ, что его самого жестоко укоряли за то, что связался съ такимъ народомъ, и что онъ съ трудомъ могъ разувѣрить жителей колоніи и убѣдить, что мы люди порядочные и честные, хотя всѣ платья наши изорваны сучьями кустовъ и запачканы грязью и тиной. Послѣ этого объясненія надобно было стараться исправить случившееся недоразумѣніе. Хозяйка не только приготовила намъ баню и сама тамъ прислуживала, но съ совершенною довѣрчивостію повела насъ изъ бани въ собственную свою спальню и постлала намъ постель рядѣмъ съ своею кроватью. На другое утро, нарядившись въ праздничное платье, явилась она передъ нами, держа въ рукахъ прекрасный подносъ, на которомъ блестялъ кофейный приборъ.

Послѣ завтрака отправились мы опять въ путь и пришли въ погостъ Соданкила, прежде начала богослуженія. Гдѣ духовные пошли въ цер-

ковъ, а я съѣлъ разбирать церковный архивъ, съ надеждою отыскать какія-нибудь данныя о происхожденіи жителей Содаккильскаго прихода. Дѣйствительно нашелъ я въ метрическихъ книгахъ подтвержденіе догадки моей, что большая часть здѣшняго народонаселенія происхожденія Лапландскаго, въ продолженіе времени принявшаго языкъ и образъ жизни Финновъ. Въ языкъ замѣчалъ я однакожъ, какъ прежде, такъ и послѣ, у семействъ, отъ Лопарей переходящихъ, нѣкоторыя особенности; а въ образъ жизни мало, или совсѣмъ не было разницы между старинными жителями и новыми поселенцами.

Я уже сказалъ выше, что жители Содаккила — земледѣльческій народъ. Хотя всѣ ихъ усилія въ этомъ отношеніи рѣдко увѣнчаны бываютъ успѣхомъ, но они полагаютъ, что дѣлаютъ богоугодное дѣло, всахивая каждый годъ маленькую частичку земли. Оставить земледѣльство—для нихъ все равно, что сдѣлаться Лопарями, или язычниками, и они твердо убѣждены, что природа не положила предѣловъ этому способу добывать пропитаніе. Когда морозъ побѣдетъ ночью все, что посеяно, то они видятъ въ этомъ несчастіи праведное наказаніе Провидѣнія, а отнюдь не приписываютъ этого климату. По несчастію, это наказаніе случается каждый годъ, а если иногда его избѣгаютъ, то потому только, что поторопятся свезти съ поля незрѣлую жатву, прежде морозовъ.

Кромѣ земледѣлія, прихожане Содаккила занимаются охотою, рыбною ловлей и скотоводствомъ; но эти отрасли промышленности развиваются туго. По моимъ понятіямъ о физическомъ свойствѣ этихъ мѣстъ, скотоводство было бы самымъ удобнымъ источникомъ доходовъ для жителей Содаккильскаго прихода; но я не знаю, была ли бы имъ возможность получать большіе барыши отъ этого промысла. Этотъ приходъ, въ разсужденіи его матеріальныхъ средствъ, безспорно бѣднѣйшій во всей Финляндіи. Здѣсь жители принуждены иногда питаться травою, какъ я уже выше сказалъ, и были примѣры, что вырывали изъ земли палую скотину и ѣли полупотлѣвшее гнилое мясо.

Но оставимъ это жилище нищеты и перейдемъ внизъ по рѣкамъ Китпенъ и Кеми, въ округъ Кемитраскъ, лежащій нѣсколько миль южнѣе. Этотъ приходъ былъ также, и очень недавно, населенъ Лопарями, которые постепенно приняли языкъ, нравы и образъ жизни Финновъ. Н. Фельманъ пишетъ, въ вышеупомянутомъ отчетѣ духовному начальству, объ этомъ превращеніи, именно, что первые миссіонеры въ Кемійскомъ Лашмаркѣ, Яковъ Лаподіусъ и Пеаія Мансветъ, учили Лопарей Финскому языку, и въ то же время на чистомъ Остроботническомъ нарѣчій преподавали имъ ученіе христіанское, доставляли Финскія книги, и учили юношество читать по этимъ книгамъ. «Такъ какъ дѣду моему

(Исаиъ Мансвети) весьма трудно было учить Лапландцевъ Финскому языку, то, пользуясь благоприятнымъ случаемъ, представляющимся для основанія колоній, онъ поудилъ различныхъ жителей прихода Улео (Uhleå) и Йою (Jo) переселиться сюда; иные изъ нихъ остались здѣсь (въ Кемитраскѣ, на низовьяхъ Кемп), другіе перешли далѣе, въ горы Лапмарка; Лопари хотѣли сначала ихъ вытѣснить, но, по повелѣнію королевскихъ начальниковъ, коловіи эти остались спокойно на мѣстахъ. — Эти поселенцы были по большей части Финны, веселые и смышленные люди; они принесли огромную пользу Лопарямъ, и помогали дѣду моему въ его преподаваніяхъ; ежедневнымъ обращеніемъ съ Лопарями, они не только научили ихъ Финскому языку, но примѣромъ своимъ поощряли отказаться отъ поклоненія кумирамъ, учиться читать и пріобрѣсть прямое понятіе объ истинной вѣрѣ. — Въ то же время Лапландцы измѣнили совершенно образъ жизни своей, начали строить дома, содержать скотину и заниматься хлѣбопашествомъ; а съ тѣхъ поръ, какъ они породнились съ поселенцами взаимными браками, то по большей части бросили Лапландскій языкъ, и зачали между собою и съ дѣтьми своими говорить по-фински». —

Въ настоящее время во всемъ Кемитраскекомъ приходѣ, нѣтъ ни одного Лопаря, но и здѣсь, также какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Соданкила, особенно въ погостѣ Куолаярви, жители изобличаютъ Лапландское свое происхожденіе нѣкоторыми особенностями въ языкѣ, и отчасти своей наружностью. Въ разсужденіи правовъ и образа жизни, здѣсь столько же образованности, сколько во многихъ южныхъ частяхъ нашей страны.

Образованность и съ нею вмѣстѣ вѣншее благосостояніе распространены всего больше въ приходахъ Кемп и Рованьемп, которые въ древнія времена также были населены Лопарями, позднѣе же, большую часть народонаселенія составили пришельцы изъ Русской Кареліи, или древней Біарміи. Жители этихъ приходовъ—все безъ исключенія земледѣльцы; но это занятіе не могло имѣть большихъ успѣховъ, съ многихъ физическихъ препятствій, и особливо отъ холоднаго климата. За-то ловъ семги очень здѣсь прибылецъ, также скотоводство служитъ значительнымъ источникомъ доходовъ. Поселяне въ Кемп и въ Рованьемп наслѣдовали отъ предковъ своихъ Біармійцевъ великую охоту къ торговымъ спекуляціямъ. Они не любятъ проводить время въ праздности и дремотѣ у теплаго очага, а любятъ пускаться въ даль, за торговымъ промысломъ, ходятъ въ Петербургъ и въ Стокгольмъ. Безспорно, здѣсь должно искать причины необыкновенной образованности, которую отличаютъ здѣшніе жители, и отсюда становится понятна ихъ необыкновенная живость, присутствіе духа, рѣшимость и энергія во веѣхъ предпріятіяхъ. Можетъ статься, и мѣстныя обстоятельства помогли, въ свою очередь, обитателямъ Кемп

и Ромашеми развитъ такія особенныя качества. Извѣстно, что рѣка Кеми въ нижней части своего теченія быстра, многоводна и наполнена шумящими порогами и ревущими водопадами. Плаваніе по этой рѣкѣ внизъ и вверхъ всегда сопряжено съ большими опасностями и требуетъ не только великихъ усилій тѣлесныхъ, но быстрого соображенія и смѣлаго духа. Жители проводятъ большую часть жизни на этой рѣкѣ, и можно предполагать, что и это обстоятельство имѣетъ вліяніе на ихъ характеръ.

Я слышалъ, что въ послѣдніе годы проложена дорога сухимъ путемъ изъ Кеми въ Ромашеми и Кемитраскъ (низовье Кеми). Во время нашего Лапландскаго путешествія эта дорога только пролагалась, и мы принуждены были плыть въ лодкѣ внизъ по теченію рѣки. На этомъ пути много различныхъ чувствъ волновалось въ душѣ моей: съ самаго ранняго дѣтства, всѣ водовороты, всѣ водопады и пороги отъ Ромашеми до Кеми были мнѣ знакомы, и въ этихъ мѣстахъ, гдѣ впервые увидѣлъ я Божій свѣтъ, они оставались моими единственными знакомцами; всѣхъ прочихъ похитила смерть. Всѣ скорбныя чувства проснулись при гробахъ друзей и милыхъ родныхъ, но вмѣстѣ съ ними проснулась и радость, что возобновляю знакомство съ водоворотами, съ порогами, съ водопадами — дикими товарищами моихъ дѣтскихъ игръ, столько разъ готовыхъ опрокинуть ладью мою и потопить меня. Такъ же, какъ въ бывалое время, я какъ будто игралъ, летя по шумящимъ волнамъ и обливаясь брызгами ибнистыхъ стремнинъ. Кормчій часто уговаривалъ меня сойти на берегъ и пройти пѣшкомъ тѣ мѣста, гдѣ водопады опасны. Онъ торжественно увѣрялъ, что хотя они — опытные и присяжные кормчіе, но не могутъ ручаться за благополучное плаваніе; я слушалъ его увѣщанія и сидѣлъ въ лодкѣ, и послѣ не имѣлъ надобности раскаяваться въ своемъ упрямствѣ, потому что Кормчій всѣхъ кормчихъ даровалъ намъ благополучный переѣздъ и счастливое возвращеніе въ Кеми, гдѣ и окончилось наше Лапландское странствіе.

ПОЪЗАКА

ВЪ

РУССКУЮ КАРЕЛИЮ

ЛЪТОМЪ 1839 ГОДА.

ПОѢЗДКА ВЪ РУССКУЮ КАРЕЛИЮ ЛѢТОМЪ 1839 ГОДА.

По возвращеніи моемъ изъ Ланландіи, отъ многихъ услышалъ я, что въ скоромъ времени Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ снарядитъ ученую экспедицію въ Сибирь, и желаетъ найти Финляндца, который согласился бы туда ѣхать, для разысканія нарѣчій и этнографическихъ отношеній различныхъ Сибирскихъ народовъ, состоящихъ въ родствѣ съ Финскимъ племенемъ. Я сталъ думать, не гоужь ли я для этого дѣла, вошелъ въ переписку съ нашимъ землякомъ Шёгреномъ, членомъ академіи, и, обладаженный имъ, успѣшилъ усвонть себѣ свѣдѣнія, необходимыя для этого путешествія. Я продолжалъ заниматься, какъ наконецъ весною 1839 года Шёгреничъ увѣдомилъ меня, что все приготовленія къ ученой экспедиціи отложены, и что онъ не знаетъ, когда эта ученая поѣздка состоится; онъ совѣтовалъ мнѣ оставить надежды и устроить мои ученые занятія независимо отъ академіи. Лишь только получилъ я это извѣстіе, то не медля обратился къ обществу Финской словесности, съ просьбою помочь мнѣ совершить давно предложенное путешествіе къ живущимъ въ Архангельской губерніи Кареламъ. Общество приняло благосклонно мое предложеніе и назначило вспомошествованія 300 рублей ассигнаціями на четыре лѣтніе мѣсяца. Я отправился въ началѣ мая 1839 года изъ Гельсингфорса, въ-сопровожденіи двухъ молодыхъ студентовъ I. М. и I. Р. Тенгстрёмовъ, и въ половинѣ сентября возвратился назадъ.

Я представлялъ обществу, что цѣль поѣздки моей есть собраніе пѣсенъ, преданій, сказокъ и всякаго рода объясненій для Калевалы. Я выбралъ именно этотъ предметъ цѣлью моего путешествія, основываясь на давно принятомъ намѣреніи написать Финскую мифологию и перевести на Шведскій языкъ Калевалу. Калевала и другія болѣе древнія собранія руны

хотя представляли богатый источник для мифологических разысканий, но мнѣ казалось, что не собранныя еще волшебныя руны, сказки и изустныя преданія, могутъ служить важнымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи. Но въ то время особенно занималъ меня переводъ Калевалы, который въ самой Финляндіи составлялъ необходимую литературную потребность, и который для иностранцевъ могъ служить единственнымъ способомъ познакомиться съ нашей народной эпикеей. Убѣжденный въ важности этого перевода, я начиналъ его еще прежде, но, по недостатку словарей и другихъ необходимыхъ пособій, принужденъ былъ отлагать это предпріятіе до тѣхъ поръ, пока мнѣ будетъ возможно побывать на самой родинѣ рунъ, и тамъ отыскать нужныя поясненія.

Съ этимъ намѣреніемъ отправился я изъ Гельсингфорса черезъ Саволакесъ въ Куоію. Оттуда я хотѣлъ ѣхать черезъ Пеленсалми до Кайяны, но не поѣхалъ, дознавши опытомъ, на пути въ Куоію, что въ Саволакесъ мало найдется полезнаго для моей цѣли. Въ-слѣдствіе этого я рѣшился изъ Куоію, окольной дорогой, ѣхать въ Кайяну, захватить часть Карелии, проѣхавши Каави, Либелитсъ, Юуга, Нурмисъ и Зоткамо. Новый свѣтъ открылся передо мною, когда я въѣхалъ въ Карелию. Уже самый вѣшній бытъ Кареловъ, ихъ нравы и обычаи переносятъ испытателя въ древнія времена, но еще явственнѣе выступаетъ эта первобытная старина во внутренней жизни народа, въ его образѣ мыслей и чувствъ. Она видна и въ любви его къ пѣснямъ, къ сказаніямъ и стариннымъ сказкамъ. Больше всего обращалъ я вниманіе на преданія. Изъ нихъ самое обыкновенное есть преданіе о томъ, что древніе Финны, равно какъ и Лапландцы, Остяки и прочіе одноплеменные народы, со страхомъ поклонялись нѣкоторымъ деревьямъ. Относительно Фивновъ, преданіе это подтверждается буллою Григорія IX, въ которой сказано, что Тавасты около священныхъ своихъ деревьевъ заганявали до смерти принявшихъ христіанскую вѣру. Равнымъ образомъ, и въ нашихъ древнихъ рунахъ говорится о священныхъ деревьяхъ, на-примѣръ, о рябинѣ (Eberesche), которую часто называютъ *pyhä puu*, священнымъ деревомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Финны и теперь смотрятъ съ благоговѣніемъ на нѣкоторыя деревья, и неохотно соглашаются срубить ихъ; къ такимъ деревьямъ принадлежатъ въ особенности *Tarion puu*, дерево лѣснаго бога, то есть, сосна безъ смолы, *Tarion kanto*, пень лѣснаго бога, то есть, пень, изъ котораго вышелъ новый ростокъ, и т. д.

Большая часть сказаній, записанныхъ мною въ Финнекой Карелии, были мифологическаго содержанія и сильно перемѣшаны съ христіанскими и магическими представленіями. Но въ то же время посчастливилось мнѣ добыть нѣсколько сказаній, имѣющихъ историческую основу. Я нашелъ ихъ

у древнѣйшихъ обитателей страны, Лошарей, и замѣтилъ въ нихъ большое сходство съ тѣми, которыя были мною записаны въ Лапландіи. Разказы о Лаурукайненѣ, котораго въ Карелии называютъ Ларикка, пользуются общою извѣстностью, по-крайней-мѣрѣ въ Либелитѣ, и многіе подвиги, которые въ Лапландіи приписываются дѣтямъ Пэйвио, здѣсь разказываются о томъ же Лариккѣ. Какъ Лапландцы такъ и Карелы говорятъ, что онъ совершалъ геройскіе свои подвиги въ битвахъ съ Русскими.

Странствуя по Карелии, остановился я на нѣсколько дней въ деревнѣ Содкумаа, населенной Финнами православнаго исповѣданія. Мнѣ сказали, что въ ней живутъ два отличные пѣвца, и мнѣ хотѣлось записать ихъ пѣсни. По несчастію, я не засталъ ихъ: они, вмѣстѣ со многими другими жителями той деревни, бѣжали, слышавъ о моемъ пріѣздѣ и вообразивъ себѣ, что я сборщикъ податей. Кромѣ этихъ пѣвцовъ, въ деревнѣ была старуха, также большая мастерица разказывать сказки и пѣть пѣсни, но въ то же время такая гнѣвная и сварливая, что ея все боялись. Я чуть не испыталъ на себѣ тяжелого ея права. Когда я пришелъ къ ней и спросилъ, не можетъ ли она меня выучить своимъ пѣсямъ, то она схватила метлу и хотѣла выгнать меня изъ комнаты, но вскорѣ опомнилась, и мнѣ удалось выпытать съ нея слѣдующую сказку: О М а н а л а й н е н ѣ и М а л ь ч и к ѣ. «Былъ одинъ мальчикъ», говорила старуха, «который вбилъ себѣ въ голову, что ему надо сдѣлаться славнымъ, отличнымъ пѣвцомъ. Съ этой цѣлью, онъ ходилъ въ ученые ко всемъ знаменитымъ пѣвцамъ, и учился долго, но отъ всехъ слышалъ одно, что эта высокая наука никогда ему не дастся. Очень огорченный этимъ, онъ тосковалъ день и ночь, и все придумывалъ самъ съ собою, что ему дѣлать для исполненія своего желанія. — Но сколько ни думалъ, ни гадалъ онъ, не давались ему пѣсни. Однажды сидѣлъ онъ, погруженный въ свое горе, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою незнакомаго человѣка. Это былъ Маналайненъ, который, подошедъ къ нему, спросилъ, о чемъ онъ горюетъ. Мальчикъ разказалъ ему все, и послѣ того Маналайненъ взялъ его за руку и повелъ далеко, далеко въ глухой лѣсъ. Когда они пришли въ самое глухое мѣсто, Маналайненъ внезапно исчезъ, оставивъ мальчика на произволь судьбы. Тутъ мальчикъ, вида себя брошеннымъ посреди дремучаго лѣса, залилъ свое искреннее горе въ пѣсняхъ, и лучше этихъ пѣсень никогда не слагалъ ни одинъ смертный». — Старуха кончила разказъ свой обращеніемъ ко мнѣ и совѣтовала искать пѣсень не въ Карелии, но въ собственномъ моемъ сердцѣ. Послѣ этого она совѣмъ умолкнѣла и спѣла мнѣ нѣсколько пѣсень. Эти пѣсни принадлежать къ числу такъ называемыхъ hää-wirret (свадебныхъ); хотя онѣ были отличныя въ своемъ родѣ, но я не записалъ ихъ, потому что содержаніе ихъ было

почти одинаково съ тѣми, которыя уже есть въ печати. Къ тому же, записываніе пѣсенъ лирическаго содержанія не входило въ планъ моего путешествія.

Кромѣ Соткумаа посѣтилъ я еще другую деревню, Тайпале, коей жители православнаго вѣроисповѣданія; но я остался въ ней не долго, потому что, кромѣ свадебныхъ и похоронныхъ пѣсенъ, не посчастливилось мнѣ услышать ни одной. Можетъ статья, могъ бы я собрать нѣкоторые волшебныя руны въ Юуга и Нурмиель, еслибы захотѣлъ сверотить туда съ большой дороги; но мнѣ сказали, что Дѣнротъ недавно объѣхалъ всѣхъ тамошнихъ шамановъ и все отъ нихъ разузналъ; слѣдовательно моя поѣздка была бы бесполезна. Тогда пребываніе мое въ Русской Карелии было бы слишкомъ коротко, и сверхъ того я спѣшилъ въ Кааяну, чтобы застать тамъ Дѣнрота, который въ скоромъ времени долженъ былъ выѣхать оттуда въ уѣздъ, на свою врачебную ревизію.

Расчетъ мой былъ вѣренъ; я засталъ во-время знаменитаго собирателя руны, и, получивъ отъ него всѣ нужныя наставленія для продолженія моего путешествія, въ началѣ іюня выѣхалъ изъ Кааяны. Доселѣ я ѣздилъ по болотамъ, вдоль большой дороги; теперь долженъ былъ плыть водою, вверхъ по рѣкамъ и озерамъ. Черезъ нѣсколько дней я достигъ Русской границы, и скоро прибылъ въ деревню Колвасъярви, что въ Олонецкой губерніи. Въ этой деревнѣ не зачѣмъ было останавливаться, и я немедленно продолжалъ путь свой до погоста Репола, гдѣ и провелъ нѣсколько дней, почти все время записывая руны эпическаго и волшебнаго содержанія. Мнѣ сказывали, что тутъ живетъ отличный пѣсельникъ; но въ то время его не было дома, и я, не разсудивъ за-блага дожидаться его возвращенія, рѣшился лучше продолжать свое странствованіе до деревни Мінноа, гдѣ, какъ мнѣ сказывали, на ту пору собралось 60 человекъ крестьянъ, работавшихъ надъ проведеніемъ правильныхъ границъ между Россією и Финляндією.

Весьма непріятныя предзнаменованія встрѣтили меня въ этой деревнѣ. Но несчастію, одинъ изъ моихъ товарищей, при самомъ въѣздѣ въ деревню, напился изъ колодца воды и за обѣдомъ вздумалъ рѣзать кушанье хозяйскимъ ножомъ. Жители были строгіе раскольники: ножъ и колодезь, по ихъ мнѣнію, осквернились, и никто во всей деревнѣ не хотѣлъ болѣе ими пользоваться, тѣмъ болѣе, что тогда былъ постъ. Такое нарушеніе обычаявъ старообрядцевъ могло навлечь намъ много непріятностей, и только счастливый случай избавилъ насъ отъ ответственности за печальное оскорбленіе.

Изъ Мінноа сверотить я въ маленькую, недалеко лежащую деревню Лусманлати, гдѣ жилъ, какъ мнѣ сказали, одинъ извѣстный мастеръ

пѣть пѣсни. Случилось, что онъ именно въ тотъ день, какъ я пришелъ, отправился на торговый промыселъ въ Финляндію. Я тотъ же часъ послалъ за нимъ, однако воротить его не успѣли. Я продолжалъ свое путешествіе и поѣхалъ въ Акюлати: такъ называется первая деревня въ округѣ Вуоккинъеми, въ Архангельской губерніи. Въ этой деревнѣ записалъ я 40 волшебныхъ рунъ и сверхъ того множество сказокъ и преданій, и все это отъ одного человѣка, съ которымъ мы цѣлые пять дней неутомимо работали. Другой, также замѣчательный пѣвецъ, находился въ то время, какъ мнѣ сказывали, въ отлучкѣ по торговымъ дѣламъ, въ Финляндіи. Въ той же деревнѣ было, кромѣ того, много извѣстныхъ пѣвцовъ, и вообще каждый житель могъ что-либо снѣтъ или рассказать.

Большая часть сказаній, которыя я записалъ, относится къ Лопарямъ. Между прочимъ, рассказываютъ, что очень давно, когда Москвою правили еще князья, а не цари, жили въ Акюлати два славные Лопарскіе шамана. Они, какъ увѣряютъ, вылечили князя Московскаго отъ смертельной болѣзни и, въ награду за то, получили исключительное право—одинъ—ловить семгу въ Лусманлати, другой—ловить лисицъ въ Саркинъеми. Далѣе преданіе говоритъ, что нѣсколько пограничныхъ Финскихъ жителей перебили Лопарей и присвоили себѣ ихъ владѣнія, хотя Лопари охотно бы уступили ихъ безъ драки. Вообще, во всей странѣ распространено преданіе, что Лопари были первые ея обитатели, мало-по-малу истребленные Финнами, во время такъ называемой разбойничьей или тайной войны (*warastus-sodat, peitto-sodat*). Тутъ же въ Акюлати показали мнѣ нѣкоторые остатки Лопарскихъ древностей. Еще прежде случалось мнѣ видать въ Финляндіи и въ Русской Кареліи различные памятники, по которымъ теперешніе обитатели узнаютъ слѣды Лопарей, но мнѣ казалось, что можно сомнѣваться въ Лапландскомъ ихъ происхожденіи. По моему мнѣнію, многія такъ называемыя Лапландскія кучи (*Lappin gauniot*) весьма двусмысленнаго происхожденія. Подъ этимъ именемъ разумѣютъ собственно очаги древнихъ Лопарей, но часто называютъ имъ же кучи камней всякаго рода, сложенные рукою природы, или человѣческой рукою, въ какую-нибудь особенную, странную форму. Это названіе дается особливо каменнымъ могиламъ, которыхъ очень много въ Финляндіи, и которыя, по всей вѣроятности, должны быть происхожденія Скандинавскаго, по-крайней-мѣрѣ большею частью. — Впрочемъ, этимъ именемъ называютъ покинутыя въ Финскихъ рыбацкихъ или охотничьихъ хижинахъ старыя печи, очаги, также какъ и въ военное время въ глубокихъ лѣсахъ устроенныя тайныя убѣжища (*piilo-pirtit*). Такіе остатки древности называются въ сѣверной Финляндіи также Лапландскими кучами. Въ Русской Кареліи и около Каяны имѣлъ я случай видѣть остатки другаго рода, которые называются

Лапландскими могилами и которые несомненно Лапландскаго происхожденія (*Lappin haudat*). Они служили, какъ увѣряютъ, жилищами Лопарямъ, и дѣйствительно имѣютъ большое сходство съ нѣкоторыми палатками, которыя я видѣлъ въ безлѣсной части Лапоии. Эти послѣднія состоятъ изъ землянокъ, съ кровлей конусообразной, сдѣланной изъ дерева, камней и торфу. Преданіе увѣряетъ, что такого рода кровли находились прежде и на Лапландскихъ могилахъ, встрѣчающихся въ Карелии и въ сѣверной Финляндіи. На двѣ этихъ Лапландскихъ могилъ видны: уголь, зола, сожженные камни, желѣзныя окаливы, перегорѣвшая желѣзная посуда и прочее, что подтверждаетъ преданіе о томъ, что эти ямы были обитаемы. Другія ямы, находящіяся въ сѣверной Финляндіи и въ Россіи, имѣли другое назначеніе: ихъ употребляли Лопари для ловли оленей. — Еще одно слово, чтобъ кончить о Лапландскихъ преданіяхъ: въ округѣ Вуоккинъеми разсказываютъ о Лапландскомъ королѣ, который жилъ нѣкогда недалеко отъ города Кеми; развалины его замка, увѣряютъ, будто и теперь еще видны.

Извѣстныхъ вездѣ въ Финляндіи сказаній о *Jatulin-kansa*, или *Jätti-läiset*, и *Hiidet*, я не нашелъ нигдѣ въ сторонѣ Русской; но мѣстные названія, происходящія отъ *Hiisi* (множеств. *Hiidet*), часто встрѣчаются; напр. *Hiisivaara*, *Hiiden hauta*, и т. д. Что же касается до мѣстныхъ названій, то я долженъ замѣтить, что многія мѣста въ Русской Карелии получили имена отъ Тавастовъ; напр. деревня *Näme*, *Nämehen niemi* и *Nämehen saari* при озерѣ *Кунтиярви* и т. д. — Это обстоятельство можетъ подать мысль, что въ Русской Карелии были колонисты изъ земли Тавастовъ, и это предположеніе оправдывается тѣмъ, что жители деревни *Латварви* выдають себя за колонистовъ изъ земли Тавастовъ, живущихъ въ теченіе шести поколѣній въ Русской Карелии. Во многихъ другихъ деревняхъ, принадлежащихъ къ округу Вуоккинъеми, находилъ я семейства, происходящія изъ разныхъ частей Финляндіи и до сихъ поръ помнящія о своей прежней родинѣ. Основное же населеніе земли не происходитъ ни отъ Финновъ, ни отъ Лопарей, но есть, вѣроятно, остатокъ древнихъ Біарміицевъ или Заволоцкой Чуди, о коей говорятъ Русскія лѣтописи.

Мнооологическихъ преданій очень мало въ Русской Карелии. Миѣ кажется, что, также какъ у Финновъ, всѣ замѣчательные миѣи передаются погосту въ пѣсняхъ. Очень рѣдко, съ трудомъ удается выытать какое-нибудь мнооологическое преданіе въ-видѣ сказки, и всѣ таковыя относятся къ происшествіямъ всеневной жизни. Между тѣмъ я весьма тщательно записывалъ и такіе разказы; то, что при первомъ взглядѣ кажется не-

значительнымъ, ничтожнымъ, можетъ получить большое значеніе и смыслъ при ученой разработкѣ мѣологіи.

Я сказалъ, что мѣологическая петорія Финскаго народа находится въ его пѣсняхъ. Какого же содержанія сказки? Многія изъ тѣхъ, которыя удалось мнѣ слышать въ Карелии, суть переводы Русскихъ сказокъ: во всѣхъ ихъ дѣйствуютъ цари, царевичи, царевны, бояре, богатыри, и т. д. Многія обнаруживаютъ какое-то родство съ сказками Тысяча одной ночи; другія носятъ печать Германскаго происхожденія. Любопытно, что въ Русской Карелии я нашелъ сказку, напоминающую объ Улиссѣ въ пещерѣ Полифема. Герой Карельской сказки сидитъ, запертый въ крѣпости, и стережетъ его великанъ, слѣпой на одинъ глазъ. Карельскій герой придумываетъ для спасенія своего ту же хитрость, какую выдумалъ Греческій. Ночью выкалываетъ онъ глазъ великану, и когда тотъ поутру выпускаетъ овецъ своихъ на паству, плѣнникъ прячется подъ овцу и такимъ образомъ счастливо уходитъ изъ воротъ. Вѣроятно, эта сказка, какъ и многія другія, принесена въ Карелию Русскими. Хотя большая часть тамошнихъ сказокъ—Русскаго и Скандинавскаго происхожденія, однако въ Русской Карелии есть сказки, посяція туземный характеръ. Въ нихъ дѣйствуетъ почти всегда мѣологическое лице, женщина, называемая Шюятаръ-акка (Syöjätär-akka, die Ess-Greisin, das Fressweib, баба-яга), но въ сказкахъ о ней много примѣшано Русскаго, и все онѣ такъ другъ на друга похожи, что можно почитать ихъ варіаціями на одну тему. Видя, какъ малочисленны и незначительны мѣологическія преданія въ Русской Карелии, какъ сказки содержаніемъ своимъ чужды моимъ занятіямъ, я оставилъ ихъ и обратилъ вниманіе на волшебныя руны (trollrunor). Собранія ихъ еще прежде предпринимаемы были Ганандеромъ, Топеліусомъ, Лейротомъ и Шёгреномъ, но доселѣ немногое изъ этихъ собраній вышло въ свѣтъ, а тѣ, которыя запряваны въ бібліотекахъ, не составляютъ ничего цѣлаго. По моему мнѣнію, литература такого рода такъ богата, что никогда не можетъ быть вполне собрана. Хотя содержаніе волшебныхъ пѣсней однообразно, но запасъ варіантовъ весьма значителенъ. Такъ какъ руны такого рода, основываясь на мѣологической почвѣ, составляютъ богатый матеріалъ для Финской мѣологіи, то я обратилъ все свое вниманіе на этотъ предметъ.

Возвратимся теперь къ моему путешествію. Окончивъ дѣла свои въ Аконлати, я прибылъ въ Латварви, проѣхавъ нѣсколько маленькихъ деревень. Латварви лежитъ въ сторонѣ отъ большой дороги, но мнѣ хотѣлось увидѣть тамъ славнаго во всей округѣ пѣвца рунъ, Архива. Большая часть его пѣсней напечатана въ Калевалѣ, и я замѣтилъ только для памяти порядокъ, въ которомъ онѣ другъ за другомъ поются; сверхъ

того записалъ нѣсколько еще ненапечатанныхъ рунъ (*), воспѣвающихъ побѣду христіанства надъ язычествомъ. Архипъ, сверхъ чаянія, не сообщилъ мнѣ ни одной волшебной руны; онъ сказалъ, что никогда ихъ и знать не хотѣлъ, что шаманство почитаетъ за грѣшное и богопротивное дѣло. Не смотря на то, онъ не былъ зараженъ суевѣріемъ земляковъ своихъ, и до такой крайности вольнодумствовалъ, что не только дозволилъ намъ за обѣдомъ употреблять его блюда и пожи, но даже ничего не говорилъ, когда курили въ его гsrницѣ, — чего во всей Русской Карелии мы не могли позволять себѣ.

Изъ Латваарви отправился я къ церкви Вуоккинъеми; оттуда далѣе — въ деревню Вуониненъ. Въ этой деревнѣ посчастливилось мнѣ набрать множество преданій и волшебныхъ рунъ. Тутъ же увидѣлъ я полное собраніе различныхъ орудій, употребляемыхъ шаманами при лѣченіи больныхъ. Обладатель этого собранія, славнѣйшій шаманъ во всей округѣ, открылъ мнѣ глубочайшія свои тайны, показавъ, какъ приготовляются лѣкарства и какіе фокусы употребляетъ онъ при врачеваніи. Сверхъ этого, сообщилъ онъ варіантъ первой руны въ Калевалѣ; я передамъ здѣсь его вкратцѣ. Первые созданія на свѣтѣ были орелъ, летавшій по воздуху, и Вайнамоиненъ, блуждавшій по морю. Взглянувъ съ высоты внизъ, орелъ примѣтилъ Вайнамоинена, носимаго вѣтромъ изъ стороны въ сторону, оустился къ нему, свилъ гнѣздо у него на колѣняхъ и въ гнѣздѣ положилъ нѣсколько яицъ. Яйца покатались изъ гнѣзда въ самую глубь моря и тамъ щука проглотила ихъ. Орелъ сталъ вездѣ искать яйца свои, наконецъ нашелъ ихъ во внутренности щуки, но уже испорченныя. Съ гнѣвомъ крикнулъ онъ тогда:

Miks on munttunut munani,
Kuks on soanut soaliheni?

т. е. Что стало съ моими яйцами?

Во что превратился плодъ мой?

Не въ-состояніи будучи вывести птенцовъ изъ испорченныхъ яицъ, орелъ, чтобы не совсѣмъ погнѣло сѣмя его, создалъ изъ него міръ, посредствомъ творческихъ словъ:

Munasen ylänen puoli
Yläseksi taiwahaksi, и т. д.

(*) Теперь эти руны напечатаны въ 3-й части Kanteletar.

т. е. Изъ верхней скорлупки яйца
Вышелъ сводъ высокаго неба.

(Калевала I, 235 и слѣд.)

Я слышалъ въ Вуопиненѣ еще вариантъ послѣдней руны Калевалы, совсѣмъ отличный отъ варианта, приведеннаго г-мъ Лё и р о т о м ъ. По этому варианту, Создатель (Luoja) рѣшился лишить жизни Вайнамоинена за то, что онъ почиталъ себя лучше Создателя, выше Бога (*): «*Luoja rarentri, jumaloo yläwämpi*». Вайнамоиненъ вымолилъ позволеніе жить до тѣхъ поръ, покада онъ изнесетъ три пары желѣзныхъ башмаковъ. Прошло много времени, ибо Вайнамоиненъ и совсѣмъ не послалъ башмаковъ. Нѣсколько разъ посылалъ Создатель на землю пословъ своихъ, узнать, не топталъ ли Вайнамоиненъ башмаки, и когда послы возвращались все съ однимъ отвѣтомъ, что башмаки еще цѣлы, то Создатель разгнѣвался и присудилъ ему жить цѣлую вѣчность, произнесъ надъ нимъ слѣдующій приговоръ:

Männe tuonne, kunne käsken,
Kurimuksen kurkun suuhun,
Meren ilkiän kitahan,
Ikuisille istuimille,
Polwusille portahille,
Sielt et pääse päiwinäsi,
Selkiä sinä ikänä.

т. е. Иди, куда пошлю тебя,
Въ пучину водоворота,
Въ грозную пасть моря,
Туда, къ вѣчному заключенью,
Туда, къ мосту вѣчному.
Никогда оттуда не выйдешь,
Во всю жизнь свою не спасешься.

По другому варианту, Вайнамоиненъ исчезъ, потому что Создатель осудилъ его блуждать по морю, терпѣть участь, описанную въ началѣ Ка-

(*) По другому варианту, смертный приговоръ произнесенъ былъ надъ Вайнамоиненомъ за то, что онъ совокушился съ своею матерью.

левалы, и наконецъ, по долгихъ странствованіяхъ, погибнуть въ пучинѣ водоворота.

Проведя нѣсколько дней въ Вуониненъ, я продолжалъ путешествіе свое черезъ Йвалати (Juwälähti) въ деревню Утува, гдѣ, сказали мнѣ, было 90 домовъ. Здѣсь прожилъ я цѣлые 11 дней, и по-прежнему занимался преимущественно записываніемъ волшебныхъ рунъ. Сверхъ того, добылъ я въ этой деревнѣ разныя преданія содержанія историческаго, относящіяся по большей части къ вышеупомянутой разбойничьей войнѣ.

Въ одномъ изъ этихъ сказаній описанъ набѣгъ пограничныхъ Финновъ на деревню Алаярви. Ограбивши всю деревню, потащили они силою за собою старика, котораго давно ненавидѣли и преслѣдовали. Пока они тащили его вдоль берега озера, двѣнадцатилѣтній сынъ его шелъ по другому берегу, и грозилъ врагамъ перестрѣлять ихъ всѣхъ, если они не выпустятъ отца на волю. Не уважая угрозъ мальчика, разбойники ругали его и съ большею жестокостію обходились съ отцемъ. Но мальчикъ не пугался ругательствъ, продолжалъ идти и грозить имъ; тогда враги обѣщали исполнить его желаніе, съ условіемъ, чтобы онъ съ противоположнаго берега пустилъ стрѣлу, которая пронзила бы яблоко (*omena*), поставленное на головѣ отца. Мальчикъ согласился на дерзкій опытъ, и отецъ далъ ему слѣдующій совѣтъ: « *Käsi ylennä, toinen alenna, järwen wesi wetää* », то есть: подними одну руку, опуститъ другую, вода въ озерѣ притянетъ къ себѣ (стрѣлу). — Сверхъ чаянія, стрѣла попала прямо въ цѣль, раздвоила яблоко, и отецъ получилъ свободу. — Въ другомъ, болѣе достовѣрномъ сказаніи, говорится о многочисленной толпѣ пограничныхъ Финновъ, которая грабила и опустошала Русскую Карелію вдоль и поперекъ. Жители, спасаясь отъ непріятеля, то изъ своихъ сокровищъ, чего не могли унести, зарыли его въ землю; а собранный хлѣбъ частію отдали скотинѣ на кормъ, частію разметали по снѣгу, и потомъ отъ этихъ сѣмянъ получили богатую жатву. Разъ, во время этого набѣга, непріятель ворвался къ одному Карелю, по имени Лагоненъ Тинта, когда онъ лежалъ, погруженный въ глубокой сонъ. Пробудившись отъ студа, Лагоненъ вскочилъ съ постели, схватилъ въ-торопяхъ лукъ, стрѣлы, нижнее платье и ударился бѣжать отъ враговъ. Быстрымъ бѣгомъ своимъ могъ бы онъ скоро спастись, но жестокой морозъ заставилъ его подумать о голыхъ ногахъ своихъ. Онъ остановился, примѣтивъ, что враги его немного отстали, но успѣлъ надѣть исподнее платье только на одну ногу. Непріятель догналъ его; тогда быстро и отважно напругъ онъ лукъ, и когда враги подходили, чтобы схватить его, поворачивалъ то на одного, то на другаго съ крикомъ: «берегись! застрѣлю!» « *katscho, mi ammin!* » — Этой хитростію смутилъ онъ такъ враговъ, что успѣлъ опять убѣжать, надѣвъ нижнее платье

на обѣ ноги и спрятаться въ густоту лѣса. Корытолюбивые разбойники продолжали между тѣмъ грабить и, совершивъ многія преступленія, пришли наконецъ къ озеру Туоаярви. Отсюда захотѣли они водою проѣхать въ Пааярви, но не зная дороги, взяли крестьянина изъ Кінсьйоки, и заставили его править лодкой. На этомъ пути былъ порогъ, называемый Ниска, съ отмѣнно быстрымъ большимъ водопадомъ. Какъ скоро приблизились они къ порогу, кормчій направилъ судно близко къ берегу, вскочилъ на камень и толкнулъ лодку внизъ по теченію. Враги не могли уже удержать быстрого бѣга своей лодки и силою стремленія унесены были въ пучину. — Внизу водопада нашли послѣ сорокъ шапокъ.

Кромѣ этихъ и подобныхъ имъ повѣстей о набѣгахъ пограничныхъ Финновъ на Русскую Карелію, слышалъ я въ Утувѣ рассказы о великанахъ, называемыхъ Найколайзетъ, или Найконъ-канза. О происхожденіи этого народа говоритъ сказаніе, что лѣсной духъ (*metsän raika*) укралъ себѣ жену христіанку и прижилъ съ нею мальчика и дѣвочку, которые послѣ соединились, и произвели на свѣтъ богопротивное потомство, извѣстное подъ именемъ Найколайзетовъ. Не сообщаясь вовсе съ христіанами, народъ этотъ жилъ на горѣ Гаанавара и тамъ составлялъ отдѣльное, въ себѣ самомъ заключенное общество. Ихъ было будто семнадцать чело-вѣкъ; они были стрѣлки и, во время разбойничьей войны, они истреблены всѣ до послѣдняго великана. Ни прежде, ни послѣ не удалось мнѣ слышать какого-либо сказанія объ этомъ народѣ.

Посоветовавшись съ опытными людьми въ Утувѣ и исчерпавъ весь запасъ ихъ свѣдѣній, пошелъ я сперва въ Туоаярви, оттуда черезъ Пааярви въ Куусамо. Во время этого пути, я не встрѣтилъ ничего для себя замѣчательнаго, кромѣ множества преданій о Лопаряхъ. Между прочимъ, рассказывали мнѣ, что Лопари прежде были въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ народомъ, который назывался Кивеккаатъ (*Kiwekkät*). Можетъ статься, это искаженное слово Кивикаетъ (*Kiwikäet*, един. *Kiwikäsi*, каменная рука), и намекаетъ на то, что упомянутый народъ употреблялъ камни вмѣсто всякаго другаго оружія. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что на одномъ мѣстѣ, гдѣ, по преданіямъ, была битва между Лопарями и Кивеккаатами, нашли камни, похожіе на пращи. Между прочими сказаніями о Лопаряхъ приведу еще одно, показывающее, какое было у нихъ правосудіе. Одинъ Лопарь, живущій въ Куусамо, тайно убилъ жену свою; черезъ нѣсколько времени преступленіе это открыто было собственнымъ его сыномъ, десятилѣтнимъ мальчикомъ. Мальчикъ рассказалъ о томъ родственникамъ убитой своей матери, которые съ своей стороны уговорили старѣйшинъ деревни разыскать дѣло. Судьи, слѣдуя обычаю, собрались къ виновному и учредили у него такъ называ-

емый *домовый судъ* (käta-käräjat) (*). Преступленіе было доказано, и преступникъ приговоренъ къ висѣлицѣ; приговоръ исполненъ тѣми же людьми, которые произнесли его. Доселѣ показываютъ мѣсто, гдѣ повѣшенъ былъ Лопарь, и жители говорятъ, что не очень давно, при порубкѣ большой сосны, нашли скелеть его и при немъ заржавѣлый ножъ, котель и топоръ.

Пришедши въ Куусамо, я принужденъ былъ прекратить ученія мои занятія. Лѣто шло къ концу и средства мои истощились. Къ тому же мѣста, которыя мнѣ надлежало пройти, были бѣдны древними воспоминаніями. Отъ Куусамо я направилъ путь въ Улеоборгъ, оттуда черезъ Остроботнію и Тавастгустскую провинцію въ Гельсингфорсъ. На всемъ этомъ пространствѣ исчезли все воспоминанія о мифическихъ временахъ, и не было слышно рунъ. Здѣсь найдеть, быть можетъ, этнографъ и лингвистъ богатое поле для дѣятельности, но эти разысканія въ то время не занимали меня. Мимоходомъ взглянулъ я на мертвые памятники былаго, на разнообразныя кучи камней, въ великомъ множествѣ встрѣчающіяся вдоль морскаго берега. Я не могъ заняться разысканіемъ этихъ памятниковъ, замѣтилъ только мѣста, гдѣ эти кучи находятся, съ намѣреніемъ въ-послѣдствіи обратиться на нихъ надлежащее вниманіе.

(*) Забѣданіе подъ кровлею въ шаламѣ (Zelt-Thing), въ противоположность обыкновеннымъ собраніямъ судилища (Things), которыя всегда бывали подъ открытымъ небомъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ЛАПЛАНДИЮ, СЪВЕРНУЮ РОССІЮ И СИБИРЬ,

СЪ НОЯБРЯ 1841 ДО МАРТА 1844 ГОДА.

I.

Въ 1841 году предпринялъ я, въ сообществѣ доктора Лёнрота и отчасти на его счетъ, путешествіе, которое — по первымъ предположеніямъ нашимъ—должно было ограничиться только нѣкоторыми частями Лапландіи и Архангельской губерніи, но потомъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, приняло для меня гораздо большіе размѣры. Въ началѣ ноября мы съѣхались, по условію, въ приходъ Кемп, находящійся въ 25-ти верстахъ отъ города Торнео къ западу, и 13-го числа того же мѣсяца отправились отсюда въ дорогу, вверхъ по рѣкѣ Кемп. Противъ чаянія, зимній путь весьма еще не установился, и потому начало нашего путешествія было чрезвычайно трудное. Недавно проложенная дорога отъ Кемп до Рованьемп и отсюда до Кемитреска была еще не наѣзжена и потому едва проѣздна; въ иныхъ же мѣстахъ на ней и вовсе не было снѣгу. Настоящая дорога и зимою идетъ по рѣкѣ Кемп, но ледъ на ней былъ еще слишкомъ тонокъ и невѣренъ. Мы ѣхали почти все шагомъ; часто шли пѣшкомъ, а почтовая лошадь тащила наши пожитки. Въ 14-ть дней такого странствія проѣхали мы 240 верстъ и прибыли въ селеніе Салла, принадлежащее къ приходу часовни Куолаерви и церкви Кемитрескъ. Отсюда мы хотѣли проѣхать въ русскую пограничную Лапландію, надѣясь собрать тамъ богатый запасъ для науки, потому что, сколько было намъ извѣстно, ни одинъ путешественникъ порядочно не изслѣдовалъ еще этихъ мѣстъ въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Больше всего привлекали насъ Лопари деревни Аккала; ибо финскіе крестьяне увѣрили, что они живутъ совершенно отдѣльно, чуждаясь Русскихъ и всѣхъ другихъ народовъ, слѣдовательно могли сохранить и языкъ и народность свою чище другихъ. Кромѣ того они интересовали насъ еще тѣмъ, что, какъ въ Финляндіи, такъ и въ Лапландіи, они слывуть народомъ, преданнымъ чародѣйству болѣе всѣхъ другихъ народовъ Сѣвера. Непредвидѣнное обстоятельство помѣшало намъ съѣздить въ Аккалу. Въ Саллѣ нашли мы жителей недоброжелательныхъ, корыстолюбивыхъ и лукавыхъ; они не только не соглашались за умѣренную плату проводить насъ въ Аккалу, отдѣленную отъ Саллы пустыней

пут. т. II.

о 140 верстѣ, но только о томъ и думали, какъ бы обобратъ насъ совершенно. Не успѣвъ уговорить крестьянъ умѣрить свои требованія, ѣхали мы остаться въ Саллѣ и ожидать благоприятнѣйшихъ обстоятельствъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней пріѣхали въ Саллу Лопари изъ Аккалы съ различными товарами, по распродажѣ которыхъ имъ привелось бы возвращаться домой съ пустыми *керисами* (сани, въ которыя впрягаются олени). Мы были увѣрены, что это обстоятельство избавитъ насъ отъ корыстолюбивыхъ обитателей Саллы; но они и тутъ перехитрили насъ. Въ то время какъ Лопари отдыхали еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни, и мы еще ничего не знали о ихъ пріѣздѣ, нѣсколько крестьянъ сговорились купить весь ихъ товаръ, разсчитывая на то, что за тѣмъ они уѣдутъ, не побывавъ въ деревнѣ. Спекуляція эта не удалась однакожъ, потому что не сошлись въ цѣнѣ; тогда они прибѣгли къ другой хитрости: заподозрили насъ въ глазахъ простодушныхъ Лопарей, увѣривъ ихъ, что мы посланы къ нимъ учить ихъ читать, что мы окрестимъ ихъ и принудимъ принять наше вѣроповѣданіе и т. д. Въ слѣдствіе этого Лопари удалились, тайкомъ отъ насъ, изъ деревни. Возбѣшенные, мы измѣнили нашъ планъ и, къ великой досадѣ враговъ нашихъ, рѣшились возвратиться въ Энаре, дабы оттуда, послѣ Рождества, пуститься въ пограничную русскую Лапландію. Къ тому же въ Саллѣ мы узнали, что русскіе Лопари до самого Рождества занимаются рыбною ловлею и живутъ въ самыхъ жалкихъ лачугахъ, но послѣ переходятъ въ зимнія жилища, лучше защищенные отъ вѣтровъ и непогоды.

Измѣнивши такимъ образомъ свое намѣреніе, выѣхали мы изъ Саллы въ началѣ декабря, проѣхали нѣсколько миль верхомъ, потомъ сѣли каждый въ свой керись. Въ первый день дорога шла по льду маленькой рѣчки, такъ покрытому водою, что закругленные наши *керисы* казались лѣдками. Мой керись былъ очень низокъ, и потому вода заливала въ него частехонько. Разъ олень мой испугался собаки, которая прыгала по льду. Онъ побѣжалъ какъ бѣшеный, совался по льду туда и сюда, и наконецъ опрокинулъ меня въ большую лужу. Таково было начало. Въ слѣдующіе дни мы ѣхали по горамъ и болотамъ, и также не безъ проказъ со стороны нашихъ необузданныхъ оленей, и наконецъ доѣхали до деревни Тангуа, расположенной при рѣкѣ Луиро. Отдохнувши здѣсь нѣсколько дней, мы продолжали путь вверхъ по рѣкѣ, и пріѣхали благополучно въ Корваненъ — самую сѣверную усадьбу Соданкильскаго округа, въ 200 верстахъ отъ Саллы и почти столько же отъ Энарекаго прихода.

Въ Корваненѣ отвели намъ горницу, въ которой, по словамъ Лѣнрота, «за нѣсколько лѣтъ передъ симъ воспитывали шестъ лисенковъ». — Горница эта, разумѣется, была скверная; въ ней, правда, была печь съ

очагомъ , но безъ вьюшекъ , такъ что послѣ каждой топки приходилось лазить на крышу и затыкать трубу клокомъ сѣна. Въ этомъ гнѣздѣ провели мы цѣлые 12 дней , все ожидая , что смягчится наконецъ гнѣвъ снѣговаго старца *Укко*. Я то и дѣло выбѣгалъ на дворъ , чтобы посмотреть , скоро ли онъ избавитъ насъ отъ страшной мятели ; но ни луча надежды не было видно на небесномъ сводѣ. Солнце скрылось уже надолго и на дворѣ было такъ темно , что даже и днемъ нельзя было читать безъ свѣчки. По минованіи бури , въ усальбу собралось съ востока и съ запада много людей , также ѣхавшихъ въ приходъ Энаре. Непогода и ихъ задержала въ сосѣдней усадьбѣ на нѣсколько дней. За день до Рождества мы тронулись съ мѣста. Конечно , было бы гораздо благоразумнѣе отправиться всемъ вмѣстѣ , чтобъ соединенными силами перебраться чрезъ опасную скалу Сомбіо ; но нѣкоторые крестьяне остались до другаго дня , разсчитывая , что легче и спокойнѣе будетъ ѣхать за нами по проложенной дорогѣ. Надѣясь на крѣпкихъ Корваненскихъ оленей и ловкихъ лыжниковъ , мы пустились въ путь , въ сообществѣ трехъ Финновъ и двухъ Лопарей ; всего насъ было семь человекъ. Оленей было около тридцати , считая съ тѣми , которые везли поклажу. Двѣ первыя мили проѣхали мы такимъ образомъ : одинъ Лопарь шолъ впереди на лыжахъ , ведя за собою свободного оленя , который прокладывалъ дорогу прочимъ. Двѣ слѣдующія мили можно было ѣхать безъ этого , потому что снѣгъ былъ не такъ глубокъ. Тѣмъ заключился первый день нашего путешествія. Къ ночи расположились мы подлѣ снѣжнаго сугроба и развели огонь , который назывался только огнемъ , но не приносилъ ни малѣйшей пользы. Во время сна нашего поднялась сильная вьюга ; проснувшись къ утру , я крайне изумился , не видя двухъ нашихъ товарищей. Мы отыскали ихъ подъ кучами снѣга , подъ которыми они всю ночь проспали невозмутимымъ сномъ. При продолжающейся непогодѣ , оставили мы съ разсвѣтомъ ночлегъ свой. Сначала мы , по прежнему , тянулись за лыжникомъ ; только на самомъ хребтѣ скалы снѣгъ слегся такъ плотно , что почти вездѣ держалъ на себѣ оленей. Переходъ черезъ хребетъ не дологъ : за тѣмъ дорога сдѣлалась опять хуже , но буря и непогода утихла. Даже показался мѣсяцъ , и на небѣ заблестѣли звѣзды. Утомленный дорогой , я заснулъ въ моемъ керсѣ , и сонъ перенесъ меня въ красивую залу. Звѣзды казались мнѣ свѣчами рождественскаго сочельника , сосны — людьми , между которыми узнавалъ лучшихъ друзей моихъ , собравшихся вмѣстѣ праздновать вечеръ передъ Рождествомъ. Съ однимъ изъ гостей я началъ горячій споръ о свойствахъ лапландскихъ гласныхъ звуковъ , и споръ кончился тѣмъ , что я ударился головою о голову моего противника. Меня пробудила сильная боль во лбу : я стукнулся головою о сосну. Съ просонковъ я хотѣлъ из-

виниться передъ сосной, моимъ противникомъ, и трудился усердно, чтобъ стащить съ головы крѣпко привязанную шапку; но Лопарь, ѣхавшій за мною, замѣтилъ весьма благоразумно, что шапку можно оставить на головѣ, а лучше освободить возжи, зацѣпившіяся за дерево. Векоръ послѣ этого приключенія пріѣхали мы къ нежилой избушкѣ, построенной въ этой горной сторонѣ для проѣзжающихъ. Тутъ мы почевали, сдѣлавъ въ этотъ день только три мили. Посредствъ избы развели мы большой рождественскій огонь, приставили къ нему горшки съ мясной похлебкой, и, когда подкрѣпились ею, сдѣлали чай, что врядъ ли когда видано было въ Суомеккой избушкѣ. Послѣ всего этого залегли мы спать: кто на лавкахъ, кто на земляномъ полу, на который набросали немного сѣна и еловыхъ вѣтокъ. Когда я поутру проснулся, то звѣзды весело глядѣли съвозъ полураскрытую крышу нашей хижины. Какъ ни красиво было это зрѣлище, еще красивѣе показался мнѣ обширный Божій міръ, когда я вышелъ изъ хижины. Онъ былъ исполненъ такой торжественной, мирной тишины, что казалось праздновалъ съ нами свѣтлый день примиренія и благодати. Но тишина сѣверной зимы непродолжительна. Мятель поднялась снова еще до полудня; мы были однакожъ такъ счастливы, что къ ночи нашли убѣжище въ лопареккой хижинѣ, на берегу озера Акуерви. Мы уже совѣмъ-было отчаявались, потому что во всемъ нашемъ обществѣ зналъ дорогу одинъ только человекъ, почти слѣпой и, ради наступившихъ святокъ, такъ напившійся, что едва могъ править оленемъ. Это-то послѣднее обстоятельство и послужило намъ въ пользу, ибо, по собственному признанію этого человека, во все теченіе дня нашимъ путеводителемъ былъ не онъ, а превосходный олень его, разъ только проѣзжавшій по этой дорогѣ. Выѣхавши на другое утро изъ Акуерви, надѣялись мы тѣмъ же днемъ доѣхать до церкви въ Энаре, но ошиблись въ расчетѣ. Когда мы подѣхали къ озеру Энаре стемнѣло совершенно, и проводникъ нашъ и разумный олень его сбились съ дороги, потому что послѣдній никогда не ѣздилъ еще по озеру. Въ честь св. Стефана разѣзжали мы долго туда и сюда по бухтѣ обширнаго озера; вода, стоявшая поверхъ льда, залилась въ мой керсезъ и обледенила мою одежду. Наконецъ нашли слѣдъ, но слѣпой проводникъ нашъ не отважился ѣхать далѣе по озеру. Мы воротились на берегъ и отнѣскали лопарекую хижину, въ которой улеглись среди овецъ и другихъ животныхъ; людей же нѣкого не было: они все ушли въ церковь, исключая двухъ дѣвушекъ, которыхъ мы послѣ нашли, спящими на сосновомъ хворостѣ, въ лѣсу, въ которомъ стерегли своихъ оленей. На слѣдующее утро, еще при сіяніи звѣздъ, одна изъ этихъ дѣвушекъ проводила насъ, въ приходъ Энаре. Тутъ мы отдохнули отъ всехъ трудовъ нашихъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ мѣстѣ Лёнротъ къ одному пріятелю: «Когда я по-

сѣтилъ Энаре весною 1837 года, здѣсь была только одна церковь и около нея нѣсколько бѣдныхъ лапландскихъ избушекъ; теперь, съ тѣхъ поръ какъ здѣсь живетъ пасторъ, мѣстечко это совсѣмъ измѣнилось. Церковь выкрашена красной краской, у пастора домъ въ пять комнатъ и еще другое строеніе, съ залой и двумя горницами, назначенное, какъ помнится, старшему пастору, который, хотя и живетъ въ Утейоки, обязанъ, однакожъ, навѣзжать и въ этотъ приходъ. Въ слѣдующее лѣто построится еще домъ для суда. Не удивляйся, что я распространяюсь объ этихъ постройкахъ; въ другихъ мѣстахъ, разумѣется, я и не упомянулъ бы о нихъ, но вспомни, что я въ Лапландіи! Только тотъ, кто провелъ нѣсколько времени въ дыму лапландской хижины, можетъ узнать настоящую цѣну порядочною дома, подобно тому какъ настоящая цѣна здоровья узнается только по избавленіи отъ тяжкой болѣзни; только онъ пойметъ и тотъ восторгъ, съ которымъ мы увидѣли опять солнце, 18-го января; мы долго не могли любоваться имъ». —

Во время пребыванія нашего въ Энаре получили мы извѣстіе, что знаменитый миссіонеръ и писатель, пасторъ Штокфлетъ, котораго мы намѣрены были посѣтить въ Альтенъ, находится теперь въ Карасіоки, отъ Энаре только въ шестнадцать небольшихъ миляхъ. Этотъ счастливый случай побудилъ насъ отправиться въ Карасіоки въ началѣ января. Приходъ этотъ замѣчательнъ двумя большими цѣнями скалъ, черезъ которыя дорога идетъ почти непрерывно, и которыхъ имена: Муотка-и Песураасъ-гунтури. Первую мы переѣхали въ жестокой морозъ, но безъ непогоды. Когда, послѣ полуторасуточной ѣзды, мы начали спускаться съ упомянутаго хребта со мною случилось несчастіе: олень мой остановился вдругъ на всемъ бѣгу, керсень опрокинулся и правая рука моя, въ которой были возжи, попала подъ керсень. Въ такомъ затруднительномъ положеніи прежде всего долженъ я былъ стараться высвободить руку; но этого нельзя было сдѣлать, не выпустивши изъ руки возжей, а тогда олень, почувствовавъ свободу, не сталъ бы, разумѣется, ждать покуда я опять усядусь въ керсень — поскакалъ бы, по своему обычаю, за другими оленями и бросилъ бы меня на скалѣ. Чтожъ было дѣлать? я ухватился свободною лѣвою рукой за задокъ керса и предался покорно оленю, который и поволокъ меня за собою. Такая ѣзда оказалась, однакожъ, столь трудной, что мнѣ вскорѣ пришлось отказаться отъ нея. Будь темно, будь мятель на дворѣ—этотъ день былъ бы послѣднимъ днемъ въ моей жизни; но вѣтеръ былъ небольшой, вечеръ свѣтлый, дорога видна. Мои товарищи проѣхали около полумили, прежде нежели замѣтили мое отсутствіе, и уже ночь наступала, когда они повернули мнѣ навстрѣчу. Вскорѣ послѣ этого приключенія, доѣхали мы до Юргастака, рыбачьихъ хижинъ на берегу рѣки Тено, гдѣ Лопари це

живуть зимою, но останавливаются кормить оленей. Въ этомъ гадкомъ мѣстѣ, провели мы безсонную ночь и отправились въ путь еще до разсвѣта. Проѣхавъ около полумили по рѣкѣ Тено, мы взобрались на Искурась-тунтури, гдѣ меня ожидала новая неприятность. Необузданный олень мой вздумалъ, спускаясь съ пригорка, сверотить съ дороги и наскákatъ съ такой силой на березу, что отъ удара объ нее у меня полила кровь изъ рта и изъ носу. Лѣнротъ, вида, какъ я горевалъ о моемъ разбитомъ носѣ, утѣшилъ меня увѣреніемъ, что можно еще спасти его. Такъ какъ и для всякаго сохраненіе этой части тѣла весьма важно, то я твердо рѣшился не подвергать ее въ будущемъ никакой опасности во время ѣзды на оленяхъ. Въ большей части случаевъ это дѣйствительно возможно: не надобно только слишкомъ уже покопать ноги; дѣйствовать, напротивъ, имъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, въ особенности противъ колебанія кериса. Этого колебанія никакъ не должно однакожъ останавливать пятками, потому что такимъ образомъ всегда можно переломить ногу; сѣвъ на керисъ верхомъ, необходимо прижать колѣна крѣпко къ наружнымъ бокамъ его, а ноги спустить и отклонять керисъ отъ камней и деревьевъ только ступнями. Теорія, кажется, простая; не такова практика, потому что олень не даетъ спохватиться именно тогда, когда это болѣе нужно, т. е. при спускѣ съ горы. Онъ бѣжитъ тогда такъ проворно, что не имѣешь времени раземотрѣть предметы, тѣмъ болѣе, что трудно не закрыть глазъ отъ снѣгу, который летитъ отъ ногъ его прямо въ лицо. Не дурно, въ случаѣ нужды, позволить керисъ въ глубокой снѣгъ—задокъ его увязнетъ въ снѣгу и мгновенно остановить бѣгъ оленя; но на горномъ хребтѣ это невозможно, потому что безпрестанные бурные вѣтры сносятъ весь снѣгъ. Знатные и богатые путешественники берутъ по-крайней-мѣрѣ одного свободнаго оленя на случай нужды. При крутомъ спускѣ съ горъ и утесовъ, его привязываютъ къ задней части кериса; привязанный же къ задку олень всегда упирается изъ всѣхъ силъ и такимъ образомъ мѣшаетъ впереди запряженному оленю мчаться стремглавъ. Для небогатыхъ путешественниковъ, лишенныхъ возможности прибѣгать къ этому средству, главное отнюдь не сдерживать оленя при спускѣ съ утесовъ, а давать ему волю бѣжать какъ хочетъ. Я испыталъ это при спускѣ съ Искурась-тунтури, высочайшаго изъ всѣхъ скалистыхъ хребтовъ, которые мнѣ привелось переѣзжать; онъ понижается многими крутыми уступами. Съѣзжая съ одного изъ этихъ уступовъ, я старался всеми силами сдерживать бѣгъ оленя, и все таки нѣсколько разъ ударился о деревья и камни. На слѣдующемъ уступѣ я далъ, напротивъ, оленю волю бѣжать во всю мочь, сбиль съ ногъ другаго оленя, переѣхалъ керисъ съ поклажей и благополучно спустился до самаго низу. Вскорѣ послѣ этого мы вѣхали на церковный дворъ

Карасйоки , гдѣ пасторъ Штокфлетъ принялъ насъ съ отверстыми объятіями. Мы провели въ его обществѣ десять поучительныхъ дней, и 18-го января отправились назадъ въ Энаре. Это возвратное путешествіе было дѣйствительно пріятной прогулкой , благодаря необыкновенно-прекрасной погодѣ. На Пескурае-тунтури показалось даже солнце, весьма, впрочемъ, не высоко надъ горизонтомъ. Въ Юргастакъ, куда ирѣхали черезъ сутки, вечеромъ , мы праздновали возвратъ солнца маленькимъ пиршествомъ , во время котораго всѣ наши олени разбѣжались , но по счастію недалеко. Мы поймали ихъ на ближнемъ хребтѣ. Въ тотъ же вечеръ мы отправились далѣе, долго блуждали и попали наконецъ въ лопарскую хижину, гдѣ провели остатокъ ночи. На слѣдующій день мы прибыли въ Энаре.

Вскорѣ послѣ возвращенія нашего въ Энаре, получилъ я отъ статскаго совѣтника Шѣгрена изъ Петербурга бумагу, которой онъ извѣщалъ меня, что Императорская Академія Наукъ рѣшила отправить ученую экспедицію въ Сибирь и предлагаетъ мнѣ участвовать въ ней въ качествѣ этнографа и лингвиста. Я, разумѣется, принялъ это предложеніе: оно вполне согласовалось съ самыми горячими моими желаніями. По письму г. Шѣгрена путешествіе могло состояться только черезъ годъ , и годъ этотъ позволялось мнѣ не прерывать моего путешествія по Лапландіи, пробираться , слѣдуя прежнему плану , изъ Энаре въ русскую пограничную Лапландію, оттуда—въ Архангельскъ, потомъ къ европейскимъ Самоѣдамъ и наконецъ , черезъ сѣверный Уралъ въ Сибирь , гдѣ и начнется моя академическая служба. Какъ я осуществилъ этотъ планъ , видно будетъ изъ слѣдующаго.

II.

Прихожане церкви Энаре недавно пользуются счастьем имѣть при церкви собственного пастора ; прежде только нѣсколько разъ въ годъ прїѣзжалъ къ нимъ пасторъ изъ Утейоки и потому понятно, что въ эти разы прихожане съѣзжались сюда многочислѣннѣйшими толпами для общественаго моленія. Можетъ быть, что большая часть Лопарей собирались изъ дальнихъ сторонъ въ Энаре и не изъ одной только набожности. Это можно сказать съ достовѣрностью не только о русскихъ Лопаряхъ, но и о норвежскихъ и финскихъ горныхъ Лапландцахъ; они съѣзжались къ энарской церкви обыкновенно во время ярмарокъ и общихъ сходовъ. Но какая же была причина, собиравшая сюда народъ съ такихъ дальнихъ концовъ? Почти все народы хранить преданіе объ утраченномъ земномъ блаженствѣ. Такъ и Лапландцы съ чувствомъ скорби и сокрушенія говорятъ о золотомъ времени, когда водка рѣками лилась около церкви въ Энаре, и сотни людей приходили сюда согрѣвать кровь, остывшую отъ горнаго вѣтра. Горный Лапландецъ, сидя въ своей уединенной хижинѣ, при слабомъ жарѣ угольнаго огня, часто сѣтуетъ о радостяхъ и наслажденіяхъ того времени. Теперь торговая площадь въ Энаре служитъ ему только печальнымъ напоминаніемъ прошедшаго. Рѣдко, очень рѣдко случается въ наше благоустроенное время, что какой-нибудь отважный бродяга осмѣлится, не взирая на запрещеніе, спрятать въ густой чаще лѣса небольшой запасъ элизейскаго напитка, который дѣлитъ только съ испытанными вѣрными друзьями. При такомъ порядкѣ нельзя удивляться, что русскіе и горные Лапландцы почти перестали посѣщать энарскія ярмарки, которыя утратили и свой первоначальный религіозный характеръ, съ тѣхъ поръ какъ приходъ получилъ особаго пастора, обязаннаго жить въ немъ постоянно. Не смотря на то, энарскіе Лапландцы собираются по старому обычаю, въ нѣкоторые воскресные дни гораздо въ большемъ числѣ, нежели въ другіе, и проводятъ нѣсколько дней въ маленькихъ шалашахъ, построенныхъ около церкви. Мудрено понять, для чего эти люди собираются, если исключить свадьбы, крестины и помолвки, которыя въ это время совершаются. Здѣсь

обнаруживается ясно, что Лапландецъ отъ природы лишень склонности къ удовольствіямъ, къ общественнымъ увеселеніямъ, и вообще къ жизни общественной. Каждый изъ нихъ, кажется, совершенно поглощенъ своими собственными мелочными занятіями : тасканіемъ дровъ, уходомъ за оленями и тому подобнымъ. Сходятся и разговариваютъ другъ съ другомъ только родные или друзья. Необходимо что нибудь очень необыкновенное, чтобы люди эти пришли въ бѣльшее движеніе. Такое необычайное происшествіе случилось въ послѣдній день февраля, когда мы, два Финна, и двѣ особы благороднѣйшаго, германскаго происхожденія, уѣзжали изъ Энаре. Любопытство и врожденное участіе къ путешественникамъ собрало вокругъ насъ всѣхъ Лапландцевъ, тутъ находившихся. Каждый протѣснялся впередъ, чтобы подать намъ руку и пожелать счастливаго пути. Круглыя, освѣщенные солнцемъ лица Лапландцевъ сіяли искреннимъ доброжелательствомъ, любовью и безпредѣльнымъ участіемъ. Многіе могутъ смотрѣть на это простодушное доброжелательство съ гордымъ презрѣніемъ; но путешествующій по Лапландіи, привыкши видѣть вокругъ себя только одиѣ голыя скалы, записываетъ его и въ дневникъ и въ сердце своемъ.

Напутствуемые желаніями счастья и благословеніями, пустились мы въ нашъ длинный и затруднительный путь къ русскому городку Коля, а два Нѣмца, собравшіеся въ тоже время въ дорогу — къ Нордкапу. вмѣстѣ съ нами возвращались по домамъ множество Лопарей. Сначала дорога шла поперегъ озера Энаре; въ первый день мы доѣхали только до середины этого обширнаго озера, гдѣ захватила насъ темнота ночи и принудила искать убѣжища на одномъ изъ островковъ, въ необитаемой хижинѣ. Днемъ проѣхали мы по двумъ большимъ бухтамъ: Уконъ-зелькэ и Катипанъ-зелькэ. Последняя получила (по преданіямъ) это названіе отъ того, что одинъ Лопарь, измѣряя ея глубину котломъ, привязаннымъ къ веревкѣ. Названіе Уконъ-зелькэ (по Лапландски *Aeije jagugga*) происхожденія мюнхескаго, и даетъ поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ о прежней мифологіи Лопарей.

Вездѣ, гдѣ говорятъ лапландскимъ языкомъ, услышишь преданія о *Сеидахъ*, *Сіейдахъ*, т. е. о каменныхъ кумирахъ, которымъ Лапландцы поклонялись и приносили жертвы. Жертвы состояли по большей части изъ роговъ и костей оленей, особливо дикихъ. Хѣгстрёмъ говоритъ, что нѣкоторые Сеиды обружались изгородями, обнимавшими большое пространство, и что Лапландцы приносили въ жертву головы и ноги всѣхъ животныхъ и крылья всѣхъ птицъ, убитыхъ во внутренности этихъ изгородей. И я слыхалъ рассказы о томъ, что, отправляясь на охоту за оленями, Лапландцы давали обѣщаніе отдать Сеиду голову и шею оленя, если охота будетъ удачна; — что остальные, лучшія части охотники съ-

дали сами на мѣстѣ жертвоприношенія, а возвращались домой все таки голодными, потому что и то, что они съѣдали, шло на пользу только Сеида. Хёгстрёмъ говорить еще, что Лапландцы, промышлявшіе оленями, имѣли обыкновеніе кропить Сеидовъ оленьей кровью, а Лапландцы—рыбаки—обмазывать рыбьимъ жиромъ. Когда жиръ высыхалъ отъ солнечнаго жару, то простодушный рыбакъ радовался, что Сеида съѣлъ его приношеніе. — Торнеусъ и Хёгстрёмъ утверждаютъ оба, что Сеиды сдѣланы не человѣческими руками, а какъ бы созданія природы, и большею частію престраннаго вида свойственнаго окамѣлостямъ (Хёгстрёмъ). Можетъ статься, что въ отношеніи большей части ихъ это и справедливо; но на одномъ изъ острововъ Энарскаго озера я видѣлъ Сеида, сложеннаго изъ мелкихъ камней, величиною и видомъ похожаго на человѣка. — Что касается до деревянныхъ идоловъ, вырѣзанныхъ изъ корней и человѣческаго вида, о которыхъ упоминаетъ Хёгстрёмъ, то въ Лапландіи я ничего не могъ разузнать о нихъ; только въ сѣверныхъ странахъ Финляндіи встрѣчаются человѣческія изображенія, вырѣзанныя на корѣ деревьевъ. Они называются *Молекитами* и были въ древнія времена также предметами поклоненія. Въ округѣ Соданкиля и до сихъ поръ, посѣщая въ первый разъ какое нибудь мѣсто, обыкновенно вырѣзываютъ на деревѣ такое изображеніе. Оно называется тамъ *Гуриккайненъ*, и отличается отъ *Карзикко*—изображеній дѣлаемыхъ въ округѣ Кайяна по тому же поводу, но иначе: тутъ обрубаютъ у дерева все его сучья, кромѣ одного, обращеннаго въ ту сторону, гдѣ находится родина пришедшаго. — Эти *Гуриккайзеты*, такъ какъ и *Молекиты*, вѣроятно, древніе идолы Лапландцевъ, и тождественны съ тѣми, кои Шефферъ и другіе писатели называютъ *Виронъ-Акка*, *Шторюнкаре*, и т. д., а равно и съ описанными Хёгстрёмомъ деревянными истуканами. — Не вывода никакого положительнаго заключенія изъ этого предположенія, изъ вышесказаннаго ясно, однакожъ, что Лапландцы были преданы грубому, чувственному поклоненію природѣ. Въ Сеидахъ они, конечно, не обоготворяли самого камня, но и не почитали этихъ каменныхъ изображеній символами или представителями божества, а просто думали, что божество живетъ въ нихъ. По такому пониманію сущности Сеидовъ, они вѣрили, что они не только пожираютъ приносимую жертву, но и движутся. «Нѣкоторые Лопари», говоритъ Хёгстрёмъ, «вѣрятъ, что эти камни живутъ и ходятъ». — Это подтверждается и энарскими Лопарями, между которыми существуетъ преданіе, что Сеиды долго двигались на поверхности воды, когда Пэйвио побросалъ многіе изъ нихъ въ Энарское озеро.

Кромѣ Сеидовъ и упомянутыхъ выше деревянныхъ истукановъ, въ Лапландской мѣологии встрѣчаются еще особыя божества: *Эй* или *Эйшъ* (въ пограничной шведской Лапландіи *Ана*, *Айеке*, *Ампа*), *Акку*, *Гіуда*,

Туона, Лемно, Маддерака или *Муддерака*, *Укзака* или *Юкзакка*, *Ябмеакка*. Древнѣйшіе писатели говорятъ еще о нѣкоторыхъ другихъ божествахъ, но эти или просто присочинены, или приводятся по какому-нибудь недоразумѣнію, потому что предполагаютъ такое высокое религіозное понятіе, къ какому подобный дикій народъ вовсе неспособенъ. Изъ тѣхъ же, которые дѣйствительно принадлежатъ къ лапландской мѣологии, большая часть тождественны съ финскими. Такъ и въ мѣологии Финновъ *Укко* извѣстенъ подъ именемъ *Эйя*; *Акку* — одно съ нашимъ *Акка* или *Эммэ*; *Гіида*, *Лемно*, *Туона*—финскіе *Гіизи*, *Лемно*, *Туони*.—*Эйя* и *Акка* встрѣчаются въ Энаре какъ названія горъ, высокихъ скалъ, большихъ озеръ. Въ пограничной финской Лапландіи громъ называютъ *Эйшъ*, уменьшительное отъ *Эйя*, — также точно какъ у Финновъ громъ называютъ обыкновенно уменьшительнымъ *Укконенъ*. Радугу финскіе Лапландцы называютъ *Эйя дауге*, что соответствуетъ финскому *Укон-каари* (дуга Уккова). Имя *Гіида*, слышалъ я только въ изрѣченіи: *тапа Ніидан* (по-фински: mene hiiteen) — *поди къ Гіизи*. — *Туона*, *Туоне* или *Туонъ*, находятся въ лопарскомъ словарѣ Линдаля и Орлинга, но въ норвежской и въ финской пограничной Лапландіи это слово неизвѣстно. *Ябмеакка* (по фински *Туонен-акка*) и *Мадеракка* (по фин. *маанъ-акка* и *манушъ-эйко*) встрѣчаются также въ финской мѣологии, но въ ней нѣтъ *Саарака* и *Укзаака*. Мѣологи полагаютъ, что *Мадеракка*, *Саарака* и *Укзака* призывались при родахъ; но это предположеніе не совѣмъ вѣрно и, можетъ статья, имѣетъ одно только филологическое основаніе. По словарю Линдаля и Орлинга, слово *маддеръ* въ пограничной шведской Лапландіи (въ простонародіи *маддо*) значитъ происхожденіе, а слово *саретъ* — творить. По этому объясненію не трудно было напасть на качества, которыя приписали *Маддеракку* и *Саараку*. Докторъ Лёнротъ замѣтилъ мнѣ однакожь, что эти названія, можетъ статья, происходятъ отъ финскаго слова *маннеръ* (*manner*) — материкъ, земля, и *саари* (*saari*)—островъ. Такое производство не представляетъ въ филологическомъ отношеніи никакого затрудненія, потому что, по духу и законамъ лапландскаго языка, слово *manner* (коренное *mantere*, откуда *mander* и наконецъ *manner*) можетъ переходить въ *madder*, такъ какъ *hinta* (цѣна, достоинство) переходитъ въ *hadde*, *rinta* (грудь) — въ *radde*, *pinta* (древесная кора)—въ *bidde*, *kant* (кайма)—въ *gadde*, *sand*—въ *saddu*. Въ отношеніи къ *Мадеракка* это производство подтверждается еще слѣдующимъ изрѣченіемъ, сообщеннымъ мнѣ пасторомъ П. Фельманомъ: *Man laem Madderest ja Madderi mon boadam, Madderakast mon laem aellam ja Madderakka kuullui mon boadam*, т. «е. я изъ Маддера и къ Маддеру иду, Маддераккой жилъ я и къ Маддеракѣ пойду». Очевидно, что это

переводъ словъ, произносимыхъ при христіанскомъ погребеніи : «пзъ земли взять еси и въ землю пойдеши». Происходятъ *Маддеракка* и *Сааракка* дѣйствительно отъ финскихъ словъ : *маннеръ* и *саари* — то вѣроятнѣе всего, что Финны перекрестили лапландскихъ Сеидовъ и обозначали словомъ *Маддеракка* находившихся на твердой землѣ, а словомъ *Сааракка* тѣхъ, которыми Лапландцы поклонялись на островахъ озеръ. Что же касается до *Укзакка* или *Юкзакка*, то его можно произвести отъ лапландскаго *юкзу* (ловъ, добыча). Въ такомъ случаѣ оно тождественно съ финскимъ *Вильянгъ Эйкко*.

Послѣ этого краткаго отступленія въ темныя времена лапландской древности, возвратимся къ нашему путешествію. Всѣ собрались къ пылающему огню, разведенному посрединѣ хижины. Женщины сидятъ, однакожъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ огня, а одна молодая, цвѣтущая дѣвушка ушла въ далекій уголь и съ дѣтской радостью разсматриваетъ кольцо, ложку и платокъ, привезенныя ей женихомъ съ базара. Мужчины въ запуски хлопочуть около горшковъ, проворно погружаютъ въ кипящую воду каждую поднимающуюся частичку мяса, временами вынимаютъ кусокъ и, съ видомъ знатоковъ, пробуютъ уварилось ли оно. Не забывается при этомъ и норвежская водка. Водка развязываетъ языкъ Лапландца : начинаются шутки, разговоры, веселые рассказы, и вечеръ проходитъ, такимъ образомъ, весьма пріятно. Наконецъ горшки снимаются съ огня и общество разсаживается около нихъ отдѣльными кружками. За сытнымъ ужиномъ, въ продолженіи котораго царилъ глубочайшее молчаніе, всѣ улеглись, въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, на постели изъ березоваго хвороста. Черезъ нѣсколько минутъ все спало уже крѣпчайшимъ сномъ; заснулъ и самый огонь — бодрствовали только звѣзды на небѣ.

На другое утро спутники наши разъѣхались въ разныя стороны, а мы продолжали путь нашъ по Энарскому озеру и, прибывъ въ деревню *Патсйоки*, остановились въ простой лапландской хижинѣ. Хозяинъ ея былъ, необыкновенно умный и чуждый всякихъ предрассудковъ Лопарь. Онъ представилъ мнѣ ясно всѣ недостатки настоящаго образа жизни энарскихъ Лапландцевъ; указалъ и способы и средства, которыми они могли бы дойти до большаго благосостоянія. «Олени наши», говорилъ онъ между прочимъ, «очень невѣрная собственность. Въ одну ночь волки могутъ истребить большую часть маленькаго стада лапландскаго рыбака, а лѣтомъ, въ продолженіи котораго за оленями не бываетъ почти никакого присмотра, случается часто, что они разбѣгаются такъ, что ужъ и не отыщешь. Что же касается до рыбной ловли, то и эта отрасль промышленности не вѣрнѣе оленеводства. Не удался лѣтній ловъ, истребилось оленье стадо — чѣмъ питаться бѣдному рыбаку во все продолженіе длинной зимы? Зай-

мисль онъ , напротивъ , рогатымъ скотомъ — у него была бы не только вѣрная собственность , но онъ и нажилъ бы еще кое что продажею масла въ Норвегію». — И дѣйствительно въ этихъ мѣстахъ можно съ успѣхомъ заниматься рогатымъ скотомъ : берега рѣки *Ивало* , обработанные финскими поселенцами , очевидно доказываютъ , что воздѣлываніе луговъ весьма возможно въ энарской пограничной Лапландіи. Въ самой Финляндіи рѣдко встрѣтишь такую роскошную траву , какую видѣлъ я здѣсь по рѣкѣ *Ивало* ; и большія поля , находящіяся при ея устьѣ , не трудно довести до такого же плодородія. Луговые мѣста есть также въ Камасйоки , въ Юенйоки , въ Патейоки , на островахъ , и кое-гдѣ по берегамъ озеръ. Скотоводствомъ я отнюдь не думаю совершенно вытѣснить разведеніе оленей и рыбную ловлю ; полагаю только , что оно должно сдѣлаться главнымъ промысломъ энарскихъ Лапландцевъ. Можно и при немъ держать оленей , ловить рыбу , охотиться за дикими оленями , и вообще употреблять въ свою пользу все средства , которыя представляютъ мѣстные обстоятельства. Безъ введенія же въ энарскій округъ скотоводства , возрастаніе бѣдности и нищеты во всей сторонѣ этой неминуемо. Стоитъ только вспомнить , что оленеводство , которое въ Энаре давно уже въ совершенномъ упадкѣ , въ прежнее время было столько же , или еще прибыльнѣе рыболовства. Скотоводство было бы только замѣной оленеводству , такъ какъ , съ нѣкотораго времени , замѣняется оно продажею водки горнымъ Лопарямъ. Но можетъ быть сказать , что лучше оживить , усилить оленеводство. По моему мнѣнію , это совершенно невозможно ; я вполне убѣжденъ , что оленеводство упало не столько отъ вѣшнихъ причинъ , сколько отъ развитія образованности между энарскими Лопарями. Правда , что горные Лопари во многихъ отношеніяхъ вредятъ оленьимъ стадамъ рыбаковъ , но главная причина уменьшенія оленей несомнѣнно заключается въ томъ , что энарской Лопарь привыкъ уже къ осѣдлому образу жизни. Чѣмъ постояннѣе мѣсто жительства Лопаря , тѣмъ невозможнѣе ему содержать большое стадо оленей ; потому что олень пастбище , даже и въ лучшихъ мѣстахъ , вытравляется скоро , а для того , чтобы оно снова поросло мохомъ мало и цѣлой человеческой жизни.

Я сейчасъ сказалъ , что энарскіе Лопари сдѣлали уже нѣкоторые успѣхи на пути просвѣщенія. Это замѣтно болѣе всего въ религіозномъ отношеніи. Они читаютъ много , свѣдуци въ христіанскомъ ученіи и ведутъ жизнь тихую и богобоязненную. Преступленія между ними очень рѣдки , если исключить одно довольно обыкновенное , состоящее въ томъ , что Лопарь-рыболовъ застрѣлитъ заблудившагося оленя , изъ стада горнаго Лопаря. Но это и не почитается важнымъ проступкомъ ; что видно даже и изъ того , что одинъ , слишкомъ уже совѣтливый рыбакъ спрашивалъ меня пре-

серьезно: «дѣйствительно ли грѣхъ застрѣлить иногда оленя, принадлежащаго горному Лопарю?» Вообще же энарскіе Лопари гнушаются несправедливымъ присвоеніемъ чужой собственности. Энарскій Лопарь примѣрно трезвъ въ сравненіи съ другими Лопарями. Подобно большей части смертныхъ, онъ не пренебрегаетъ стаканомъ водки, когда ему предложить его; но лишняго не выпьетъ почти никогда. Говорятъ, будто энарскіе Лопари корыстолюбивы, любостыжательны и недоброежелательны; эти упреки можетъ быть и не совсѣмъ неосновательны. Я замѣтилъ только, что они чрезвычайно мелочны во всемъ, что сколько-нибудь касается ихъ частной выгоды, а вмѣстѣ съ этимъ и завистливы къ счастію и удачѣ другаго. Впрочемъ, эти недостатки не могутъ не развиться въ народѣ живущемъ въ бѣдности, принужденномъ постоянно бороться со скупой, суровой природой.

Говоря о просвѣщеніи энарскихъ Лопарей, не могу не сказать нѣсколькихъ словъ и о ихъ домашней жизни. Въ этомъ отношеніи они образовались по крайней мѣрѣ на столько, что имѣютъ дома, хотя и живутъ въ нихъ только зимою. Лѣтомъ они ведутъ кочующую жизнь, переходятъ изъ одной хижины въ другую и ловятъ рыбу то въ томъ озерѣ, то въ другомъ. Когда же рыбная ловля кончится и наступитъ зима—рыбакъ возвращается въ свою уединенную хижину, построенную въ какомъ-нибудь бѣдномъ горномъ мѣстѣ. При выборѣ мѣста для зимняго жилища онъ имѣетъ въ виду голько хорошее пастбище для оленей, древесную кору для собственнаго продовольствія и топливо. Источится хоть одна изъ этихъ трехъ потребностей — онъ необходимо долженъ искать другое мѣсто. Старикки сказывали мнѣ, что, такимъ образомъ, имъ приводится пересѣляться три, четыре, даже пять разъ въ теченіе жизни. Понятно, что при такихъ условіяхъ Лопарь и не хлопочетъ объ улучшеніи жилья своего. Горница его едва вмѣщаетъ членовъ семейства и нѣсколько овецъ, которыя, не взирая на кроткую ихъ природу, содержатся въ заключеніи подъ кроватью. Вышина горницы подъ верхней кровельной балкой равняется росту большаго человѣка; по бокамъ же нельзя стоять прямо. Часть горницы, отведенная овцамъ, составляетъ иногда особое отдѣленіе, потому что нѣсколько углубляется въ землю. Кухня образуетъ другое отдѣленіе. Что касается до печи, то устройство ея очень просто; она состоитъ изъ двухъ бросающихся въ глаза частей: изъ огромнаго отверстія и трубы черезъ которую пламя беспрепятственно поднимается вверхъ. Единственная вещь, которая въ лапландской хижинѣ походитъ на роскошь — это вершокъ стекла кой-гдѣ вставленный въ маленькое оконное отверстіе. Столы и стулья величайшая рѣдкость. Не вездѣ найдешь даже и ложку, потому что похлебку свою Лопари хлебаютъ обыкновенно чумичкою. При нѣкоторыхъ хижинахъ бываетъ еще маленькая клѣткa, куда прячутъ платья и все, что не помѣ-

щается въ горницѣ. У богатыхъ Лопарей бываютъ, впрочемъ, и особыя овчарни, а у имѣющихъ коровъ, разумѣется, и особыя для нихъ закуты. Кромѣ того въ каждомъ хозяйствѣ, при лѣтнихъ и зимнихъ жилищахъ, есть одинъ или нѣсколько небольшихъ чулановъ. Они устроиваются на высокихъ столбахъ, для предохраненія поклажи, обыкновенно съѣстныхъ припасовъ, отъ волковъ, росомахъ и другихъ хищныхъ звѣрей.

Что касается до хозяйственного быта энарскихъ Лопарей, онъ извѣстенъ всякому, кто читалъ какое-нибудь описаніе пограничной Лапландіи. Рыболовство составляетъ ихъ главный промыселъ; они все — рыбаки. Рыба, не съѣденная дѣтомъ, сушится и прячется на зиму. Но въ холодную пору Лопарь не довольствуется этой легкой пищей. Онъ любитъ, чтобы за обѣдомъ, къ которому приступаетъ обыкновенно поздно вечеромъ, было и мясо; утромъ же удовлетворяется остатками прошедшаго дня или сушеной рыбой. Многіе Лопари запасаются сверхъ того хлѣбомъ, сырами (оленимъ, коровимъ и овечьимъ), замороженнымъ оленимъ молокомъ, морошкой, куманикой, и другими подобными лакомствами. Лопарь рыбакъ добываетъ мясо частію охотою за оленями, частію отъ своего маленькаго стада: но чаще всего покупкою у горныхъ Лопарей. Хотя горцы неохотно продаютъ своихъ оленей, потому что стада ихъ и безъ того почти ежедневно уменьшаются волками, которые, по выраженію одного горнаго Лопаря, также опасны оленямъ, какъ діаволь людямъ; но водка — могучій, все побѣждающій посредникъ. Заѣдтъ путешественникъ въ горную деревню и поднесетъ, по обычаю, хозяевамъ рюмку или двѣ водки — его тотчасъ же начнутъ дарить жареной олениной, языками, мозговыми костями и тому подобнымъ. Отказаться, значитъ обидѣть хозяина, а примешь — необходимо отплачивать водкою, слѣдуя пословицѣ: «даръ за даръ, или отдай мое назадъ». Забудешь исполнить эту обязанность — о ней напомнятъ. За тѣмъ слѣдуютъ новые дары и новое угощеніе, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока есть еще капля водки въ бутылкѣ путешественника. Изъ этого очевидно, какой неслыханный барышъ можетъ получить смысленный купецъ продажею водки горнымъ Лопарямъ. Не удивительно, что и энарскіе Лопари почитаютъ торговлю ею весьма важнымъ промысломъ.

Еще нѣсколько словъ о горныхъ Лопаряхъ. Въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ, они гораздо ниже Лопарей-рыбаковъ. Тому виною не одинъ-только кочевой образъ ихъ жизни, но и невѣдѣніе языка, на которомъ до-сихъ-поръ преподаютъ имъ религіозное ученіе. Кажется, однакожъ, что и горные Лопари склонны къ благочестію, ибо ежедневно совершаютъ утреннія, передобѣденныя и вечернія молитвы и тщательно научаютъ дѣтей тому, чѣмъ сами знаютъ. Также какъ Лопари-рыбаки, они отвѣренные враги всякаго суетврія и идолопоклонства, а потому

почти и не знают своей старины. Благочестіе горнаго Лопаря обнаруживается еще неограниченной любовью къ женѣ, дѣтямъ и домочадцамъ. Одинъ горецъ разсказывалъ мнѣ, что въ теченіе тридцати-лѣтняго своего супружества онъ не сказалъ женѣ ни одного браннаго слова; напротивъ, обращался къ ней всегда съ ласковымъ словомъ: «*Ioddadsham*» (по-фин. *lintuiseni*—моя птичка). Я самъ видалъ, съ какою любовью горные Лопари, возвращаясь ввечеру отъ оленей своихъ или изъ путешествія, цѣлуютъ и ласкаютъ жену и дѣтей. Съ этой мягкостью характера, горный Лопарь соединяетъ однакожь отвагу и смѣлость, которыя доводятъ его иногда до пренебреженія и нарушенія приличій, обычаевъ и законовъ. Важныя преступленія также, впрочемъ, рѣдки у горныхъ Лопарей, какъ и у Лопарей-рыболововъ; но въ общежитіи ихъ сохраняется еще много дикихъ обычаевъ; такъ: они любятъ, по древнему сѣверному обыкновенію, добывать желаемое кулакомъ; рѣчь ихъ часто дерзка и все обращеніе грубо и заносчиво. Да иначе и быть не можетъ: горные Лопари хотя и приняли христіанскую вѣру— все таки принадлежатъ еще къ народамъ дикимъ. Дикость эта обнаруживается уже и внѣшней стороною ихъ жизни. Они живутъ, подобно всѣмъ другимъ дикарямъ, въ бѣдныхъ чумахъ. Чумы эти строятся слѣдующимъ образомъ: вбиваютъ четыре согнутые шеста въ землю, такъ что изъ нихъ каждыя два составляютъ полукружіе, и оба полукружія, отдаленныя на нѣсколько аршинъ одно отъ другаго, параллельны другъ другу. За симъ соединяютъ ихъ между собою поперечными шестами, и основа строенія готова. По ней размѣщаютъ жерди въ смыкающемся порядкѣ и оставляютъ только небольшую дыру для дыма и отверстіе для двери. Остовъ этотъ обтягивается войлокомъ, одно полотнище котораго служить въ тоже время и дверью. Очагъ обозначается нѣсколькими камнями, которыми обкладывается въ серединѣ палатки то мѣсто, гдѣ долженъ горѣть огонь. Набросаемъ еще на полъ березоваго хвороста и покроемъ его оленьими шкурами — и жилие ихъ будетъ окончательно устроено. Въ этомъ шатрѣ или чумѣ (*goatte*) горнаго Лапландца живутъ жена его, дѣти и старики; самъ же онъ вмѣстѣ съ прислугой ходитъ за оленьимъ стадомъ, спитъ иногда въ сугробѣ снѣга, а иногда въ такъ называемой *лавву* (*lawu*), еще бѣднѣйшей его чума (*goatte*). Эта *лавва* устроивается, какъ скоро кругомъ чума уже нѣтъ моху, и олени уходятъ отъ него на небольшое еще разстояніе. Не оказывается пастбища вблизи — чумъ переносится со всею домашнею утварью, со всѣми съѣтными припасами и со всѣмъ имуществомъ въ другое мѣсто. По увѣренію Хёгстрёма такое переселеніе случается раза два каждый мѣсяць. Кромѣ того, весною горные Лопари уходятъ къ морскому берегу, а осенью возвращаются въ горы. Какъ ни затруднительны подобныя кочеванья, еще безпокойнѣе для Лопаря

безпрестанный надзоръ за оленями. День и ночь долженъ онъ беречь стадо отъ волковъ—враговъ хитрыхъ, выжидающихъ въ кустахъ первый удобный случай схватить добычу. Главное въ надзорѣ за стадомъ состоитъ въ томъ, чтобы не давать ему разбиваться. Оленей у горнаго Лопаря бываетъ иногда до тысячи, и, такъ какъ всѣ олени Лопарей горной деревни соединяются въ одно стадо, то, разумѣется, и невозможно усмотрѣть за нимъ, если оно разобьется. Поэтому Лопарь безпрестанно бѣгаетъ на лыжахъ, стараясь сдерживать все стадо вмѣстѣ, при помощи собакъ, которыя такъ хорошо выучены, что хозяину стоитъ только указать на отбѣжавшаго оленя, и собака тотчасъ пригоняетъ его къ стаду. Не смотря на такой бдительный надзоръ, волкамъ все-таки нерѣдко удается въ одну ночь зарѣзать нѣсколько оленей. Въ слѣдствіе этого, во все продолженіе зимы горному Лопарю незачѣмъ убивать оленей для своего употребленія: онъ довольствуется волчьими объѣдками, хотя и лишается такимъ образомъ лучшихъ кусковъ и крови, которую любитъ пить горячую. Напрасно полагаютъ, что горный Лопарь питается однимъ мясомъ: онъ, правда, къ вечеру сварить себѣ сытную мясную похлебку (которую, въ противоположность рыболовамъ, ѣсть безъ соли), но я видалъ, что даже прислуга ѣла хлѣбъ, масло, соленую рыбу, олений сыръ, и тому подобное. Къ главной пищѣ Лопарей-рыбаковъ, къ древесной корѣ, горный Лопарь не имѣетъ нужды прибѣгать: онъ по-своему богатъ, и въ этомъ-то и заключается его единственное, существенное преимущество передъ первыми. Во всемъ остальномъ, въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ, Лопарь-рыбакъ гораздо выше собрата своего, живущаго на горахъ. И самая жизнь горныхъ Лопарей далеко грубѣе и дичѣе жизни рыбаковъ. Послѣдніе проводятъ большую часть зимы въ своей избѣ, предаваясь покою, можетъ быть, уже слишкомъ невозмутимому; горецъ же, напротивъ, цѣлый день борется съ холодомъ, бурей и непогодой и, вообще, принужденъ вести жизнь, подобающую болѣе звѣрю, чѣмъ человѣку. Постройки рыбаковъ не показываютъ конечно большихъ успѣховъ въ архитектурѣ; но если рыбакъ построилъ себѣ избу, обзавелся овцами и даже коровой, то это уже шагъ къ жизни осѣдлой. Однакожъ онъ все-таки бродитъ лѣтомъ, а иногда даже и зимою перемѣняетъ мѣсто жительства, а потому и остается еще полукочевымъ — чѣмъ-то среднимъ между горнымъ Лопаремъ и поселенцемъ. Лопари-рыболовы находятся дѣйствительно въ переходномъ состояніи; а такъ какъ всѣ переходы довольно трудны, то и у энарскихъ Лопарей переходъ отъ кочеванья къ осѣдлости произвелъ значительное хозяйственное разстройство. Желательно, чтобы тѣ, кои могутъ содѣйствовать благосостоянію Лапландіи, поняли настоящее значеніе вышеупомянутаго переходнаго состоянія и постарались привести энарскихъ Лопарей не на горы и

не къ норвежскимъ *фиордамъ*, а къ тому, къ чему они сами безсознательно стремятся — къ совершенно осѣдлому образу жизни.

Послѣ всѣхъ этихъ отступленій пора, однакожь, собираться опять въ дорогу. Впрочемъ, спѣшить отъѣздомъ нельзя, потому что для того, чтобы олени пробѣжали двѣнадцатимильное разстояніе отъ Патейоениски до русско-лапландской деревни Сивель — для нихъ необходимы передразвѣтныи отдыхъ (*Koitto lero*) и за тѣмъ паства, продолжающаяся нѣсколько времени. Потомъ предстоитъ еще не малый трудъ — поймать оленей. Ихъ ловятъ арканомъ, который закидываютъ на рога. Въ особенности трудно ловить оленей, происходящихъ отъ дикихъ, потому что они, еще издали увидѣвъ челоуѣка, бѣгутъ отъ него. Завтракъ не задерживаетъ, конечно, Лапландца такъ какъ Финна; но оба народа отличаются одинаковою способностью волочить время. Такъ и при нашемъ отъѣздѣ изъ Патейоениски былъ уже почти полдень, когда хозяинъ подалъ наконецъ знакъ къ отъѣзду. Знакъ этотъ подается обыкновенно прежде, чѣмъ запрягутъ оленей, потому что запраганье ихъ такъ просто, что на это дѣло, по выраженію Лопарей, не нужно даже и времени. Оно производится слѣдующимъ образомъ. На голову оленя надѣваютъ недоуздокъ, къ которому прикрѣплены возжи, а на шею хомутъ изъ мягкой оленьей кожи; послѣдній, охватывая шею оленя, нѣсколько удлиняется подъ переднія ноги. Постромка составляетъ отдѣльную часть; проходя между ногъ животнаго, она прикрѣпляется однимъ концемъ къ хомуту, а другимъ къ петлѣ, находящейся подъ передней оконечностью саней. Сани вѣшней формой похожи на перерубленную пополамъ лодку со спинкою и довольно широкимъ дномъ. Что касается до ихъ величины, то одному челоуѣку можно удобно въ нихъ помѣститься, и сверхъ того для упора можно еще положить въ ноги чемоданъ.

Олени запряжены наконецъ и все въ порядкѣ. Лопарь читаетъ еще про себя «отче нашъ» и за тѣмъ пускается черезъ холмы и горы съ такой скоростью, которую можно сравнить развѣ только съ быстрымъ полетомъ птицы. Вскорѣ олень умѣряетъ, однакожь, бѣгъ свой и идетъ уже обыкновенною, неизмѣнною рысью, однообразность которой равно утомительна и для тѣла и для души. Поэтому и бываетъ пріятно спускаться, по временамъ, даже съ крутыхъ утесовъ; но дорога между Патейоениски и Сивеля, по несчастію, совершенно ровная, и на ней нѣтъ ни утесовъ ни высокихъ горъ. Она идетъ по безчисленному множеству малыхъ и большихъ озеръ; а они-то пуще всего и истощаютъ терпѣніе, не только своей пустынной однообразностью, но и свободнымъ по нимъ разгуломъ вѣтра и непогоды. Есть, впрочемъ, и лѣса, хоть нѣсколько защищающіе по крайней мѣрѣ оазъ вѣтра; но и тутъ никакъ о разнообразіа, кромѣ разнообразія

елей, — никакого признака жизни, кромѣ звѣриныхъ слѣдовъ, — никакого звука, кромѣ воя вѣтра и печального скрипа какого нибудь столѣтняго дерева, которое, отъ бремени лѣтъ, склонилось къ сосѣду и какъ бы молить о защитѣ отъ угрожающей ему бури. Многіе ровесники его лежатъ уже низверженные безошаднымъ губителемъ, и онъ, какъ бы изъ уваженія къ стокойсти своихъ противниковъ, навѣялъ уже на нихъ огромныя груды снѣга. Но что эти груды въ сравненіи съ гигантскими памятниками, которые природа воздвигла здѣсь на собтвенной могилѣ своей? Ты, можешь быть, думаешь, что эти мрачныя, видяющіеся въ далекѣ призраки — облака? Но развѣ ты не видишь, какъ они неподвижны? Развѣ не говоритъ тебѣ все окружающее и между прочимъ и самый бѣлый покровъ земли, что они стоятъ здѣсь свидѣтелями брѣнности и смерти?

Такое мрачное расположеніе навѣяла на мою душу лапландская природа, въ началѣ нашего путешествія изъ Патсойенски. Чтобъ дать другое направленіе своимъ мыслямъ, я подѣхалъ къ проводнику и завелъ съ нимъ разговоръ. Между прочимъ я спросилъ его, почему, какъ скоро мы переѣхали русскую границу, напала на насъ такая сильная буря? Лопарь отвѣчалъ мнѣ, что на самой границѣ, вмѣсто таможи, было святое мѣсто (basse-baikke), и потому святое, что тамъ стоялъ Сеида. Въ прежнія же времена Лапландецъ никогда не проѣзжалъ мимо Сеида, не остановившись подлѣ него поѣсть и, разумѣется, не принеши ему жертвы. Русскіе Лопари и до сихъ поръ сохраняютъ этотъ обычай изъ страха, чтобъ не подвергнуться дорогой голоду или какому-нибудь другому несчастію за несоблюденіе его. «Можетъ быть, Сеида требовалъ и отъ насъ жертвы», продолжалъ улыбаясь Лопарь, «и этой бурей показываетъ намъ теперь свою силу». — Желая утишить гнѣвъ раздраженнаго бога, мы остановились закусить, но и это ни къ чему не послужило. Непогода не только не утихла, но даже увеличилась, и намъ оставалось только терпѣть и утѣшать себя надеждою, что, по крайней мѣрѣ, ночь проведемъ близъ живительнаго огня. Дѣйствительно, эта надежда исполнилась. Мы нашли сваленную ель, корень которой могъ бы, казалось, поддерживать вѣчное пламя. Мы вырыли подлѣ него просторную яму, натаскали въ нее вѣтвей, растянули со стороны вѣтра парусъ (loundet), поставили котелъ на огонь и усѣлись вокругъ. Вѣтеръ не беспокоилъ насъ: онъ оживлялъ напротивъ нашъ огонь и забавлялъ еще своимъ говоромъ съ лѣсомъ. Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ не обходится безъ стакана водки и воспоминаній о друзьяхъ и о всемъ, что въ далекой родинѣ драгоцѣнно и мило. Такимъ образомъ время проходитъ легко и пріятно въ ожиданіи сытной похлебки, доставляющей путешественнику крѣпкій сонъ даже и въ этой непріязненной пустынѣ. Укрѣпившись покойнымъ сномъ, встаешь поутру готовый на

все, что ни приготовилъ въ лонѣ своемъ вновь проснувшійся день. — 27-е Февраля было для меня днемъ, о которомъ я рѣшительно могъ бы сказать: *perdidi diem*, если бы я на самомъ дѣлѣ былъ важнымъ господиномъ (*iso herga*), какъ величали меня иногда финскіе возчики, съ которыми, въ противоположность туземнымъ жителямъ, чиновникамъ и другимъ путешественникамъ, я хорошо обращался, разговаривалъ дружелюбно о хозяйствѣ ихъ, образѣ жизни и тому подобномъ. Объ этомъ днѣ я ничего не нахожу въ своихъ запискахъ, кромѣ названій тѣхъ озеръ, которыя мы проѣзжали по дорогѣ отъ Патейоки въ Синьель. Названія эти: 1-е *Сулккишъяри*, 2-е *Нуолтшияри*, 3-е *Алькасъяри*, 4-е *Камайяри*, 5-е *Пьяномъяри*, 6-е *Чоалмеяри*, 7-е *Калмаяри*, 8-е *Нобласъяри*, 9-е *Гуккисъяри*. Между Чоалмеяри и Пьяномъяри, тянется довольно высокій хребтъ, называемый *Укка-шаэлке*. Видно, на этомъ хребтѣ стоялъ также голодный Сейда, потому что, какъ только мы перебрались черезъ него, поднялась жестокая снѣжная мятель, постоянно усиливавшаяся. На Гуккисъяри, имѣвшемъ почти милю длины, она такъ расхотилась, что едва едва не лишила всякой возможности продолжать путь. Наконецъ, намъ удалось таки переѣхать и это озеро. До деревни оставалось только какія-нибудь полъ-мили; но кто жъ не испыталъ, что, какъ время не всегда опредѣляется часами и минутами, такъ точно и геометрическое измѣреніе саженьями и аршинами не всегда опредѣляетъ длину дороги. Нельзя себѣ представить, какъ безконечна кажется полумиля въ Лапландіи, когда бушуетъ мятель, и когда, утомаясь отъ трудной дороги, жаждешь добраться до гостепріимнаго крова. Напрягаешь все силы зрѣнія, чтобы открыть между деревьями желанный огонь, и раздраженное нетерпѣніемъ воображеніе кажетъ тысячи огней, исчезающихъ черезъ минуту, чтобы блеснуть снова и снова исчезнуть. Утомленный и раздосадованный этими обманами, принимаешь наконецъ за призракъ и дѣйствительный огонь, и только ужъ лай собакъ убѣждаетъ окончательно, что достигли наконецъ желанной цѣли.

Синьель, какъ ближайшая къ Энаре деревня русской Лапландіи, имѣетъ много общаго съ деревнями пограничной финской Лапландіи, чего въ другихъ русско-лапландскихъ селеніяхъ не замѣчается. Предположимъ однакожь, что мы были уже и въ послѣднихъ и изложимъ здѣсь въ общихъ чертахъ нравы, обычаи и прочія особенности русскихъ Лопарей. Въ образѣ жизни они немногимъ отличаются отъ энарскихъ. Они промышляютъ преимущественно рыбною ловлей и живутъ лѣтомъ по берегамъ озеръ, рѣкъ и моря въ шатрахъ или шалашахъ. Осенью, или позднѣе, по истеченіи рождественскаго поста, они возвращаются въ зимнія жилища, не разбросанныя далеко другъ отъ друга, какъ у энарскихъ Лопарей, а

соединенныя по русскому обычаю, большею частью, въ тѣсныя деревни. Уже и это одно показываетъ, что русскіе Лопари не могутъ держать большихъ стадъ оленей, потому что скорое уничтоженіе пастбищъ принуждало бы ихъ къ безпрестаннымъ переселеніямъ всюю деревнею. Число ихъ оленей въ самомъ дѣлѣ такъ незначительно, что небольшія деревни могутъ десятки лѣтъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Многія причины заставили русскаго Лопаря заниматься предпочтительно рыбною ловлей. Главная изъ нихъ — сама природа, благопріятствующая этому промыслу. Моря Бѣлое и Ледовитое—просто золотыя копи для рыбака; сверхъ того, въ русской пограничной Лапландіи есть два большія, богатые рыбой, озера (Имандра и Нуотъ), и неисчетное количество медкихъ озеръ. Какъ же Лопарю не воспользоваться такими благопріятными условіями и не покинуть для нихъ далеко тягостнѣйшей горной жизни? За сѣмъ, переходу къ рыболовству содѣйствовало также и греко-россійское вѣроисповѣданіе, по которому Лопарь почти половину года долженъ воздерживаться отъ пищи, представляемой ему оленьимъ стадомъ. Не смотря на то, послѣ рыболовства оленеводство все таки главный промыселъ русскаго Лопаря. Занимается онъ, впрочемъ, также и торговлей; а потому на стѣнѣ избы его вы всегда увидите подлѣ образа безмень. Здѣсь рѣдко спрашиваютъ у путешественника, чего ему подать на столъ; онъ самъ долженъ потребовать, чтобъ ему отвѣсили хлѣба, рыбы и прочаго. Такимъ образомъ, во всемъ проявляется уже начинающееся преобладаніе духа торговли; но русскіе Лопари слишкомъ еще бѣдны для настоящихъ торговыхъ спекуляцій, для разъѣздовъ по городамъ и ярмаркамъ. Иногда пріѣзжаютъ они, однакожь, по торговымъ дѣламъ изъ какой-нибудь ближней деревни къ церкви Энаре, такъ какъ аккальскіе Лопари въ Саллу. Во всякомъ случаѣ эта склонность къ торговлѣ одна только и подаетъ надежду на улучшеніе быта русскихъ Лопарей, по крайней мѣрѣ, въ хозяйственномъ отношеніи. Скотоводство совершенно имъ чуждо: ни у одного нѣтъ коровы, не у всѣхъ найдешь и овцу. Весьма вѣроятно, что они и не будутъ заниматься этимъ промысломъ, ибо учителя ихъ, Русскіе, сами весьма нерадаты о скотоводствѣ.

Что касается до жилищъ русскихъ Лопарей, то они весьма разнообразны. Большая часть живетъ зимою въ лачугахъ, похожихъ на энарскія: такихъ же низкихъ, узкихъ и съ открытымъ очагомъ. Разница только въ крышѣ, здѣсь обыкновенно плоской, а внутри—въ отсутствіи кроватей, замѣняемыхъ широкими скамьями по всѣмъ стѣнамъ. На берегу моря, въ горныхъ и вообще безлѣсныхъ странахъ, русскіе Лопари живутъ даже и зимою въ палаткахъ. Эти палатки, широкія по срединѣ и суживающіяся къ обѣимъ концамъ, дѣлаются однакожь изъ досокъ или деревьевъ, врываемыхъ

наклонно. Стѣны ихъ не сходятся, а замыкаются на обоихъ концахъ узкою поперечною стѣнкой. Плоская кровля покрыта торфомъ, пола нѣтъ, въ серединѣ обыкновенный очагъ.—Третій родъ жилищъ составляютъ курныя избы, гораздо меньшія и бѣднѣйшія нашихъ финскихъ. Круглая печь, выведенная на деревянномъ фундаментѣ, похожа на наши банныя, но обыкновенно очень мала и сложена такъ дурно, что пламя всегда пробиваетъ сквозь камни. Отверстіе для дыма затыкается мѣшкомъ или подушкой, которую поднимаютъ вверхъ шестомъ. Встрѣчается еще изрѣдка и четвертый родъ жилья: настоящія избы, совершенно сходныя съ избами русскихъ Кареловъ, у которыхъ печи съ трубами. У Лопарей, живущихъ въ такой или даже и въ курной избѣ, палатка обращается въ кухню. Для того же строятся палатки и во многихъ мѣстахъ въ Остроботніи—обычай, безъ сомнѣнія, заимствованный у Лопарей.

Одежда почти у всѣхъ Лопарей одинакова; важнѣйшія и необходимѣйшія части ея: оленья шуба, сапоги и исподнее платье изъ шкуры оленьихъ ногъ. Русскіе Лопари пришиваютъ сапоги къ послѣднему; другіе же зашнуровываютъ ихъ только на голеняхъ, но такъ крѣпко, что снѣгъ никакъ не можетъ засыпаться внутрь. Въ холода норвежскіе и финскіе Лопари носятъ медвѣжій воротникъ, который защищаетъ не только уши и лицо, но и грудь и плечи. У русскихъ Лопарей его нѣтъ, но за то они носятъ шапку съ ушами, которыя закрываютъ большую часть лица; шапка же прочихъ Лопарей, совершенно сходная съ русской кучерской, несколько не защищаетъ его.—Эта, по преимуществу дорожная одежда Лопарей почти одинакова у мужчинъ и у женщинъ. Разница только въ шапкѣ, тулья которой у мужчинъ, по русско-лапландской модѣ, закругленная, а у женщинъ плоская, выше и шире мужской. О шапкѣ финскихъ Лопарей сказано выше. Дома же мужчины и женщины финской Лапландіи ходятъ въ платьѣ изъ толстаго сукна, похожемъ на рубашку; тогда какъ въ русской, вмѣстѣ со многими другимъ, принята и народная русская одежда.

Перейдемъ теперь ко внутренней жизни русскихъ Лопарей. Въ религіозномъ отношеніи они стоятъ на очень низкой степени. Они не имѣютъ почти никакого понятія о духѣ и ученіи христіанскомъ; никто не умѣетъ читать, и религіозныя ихъ потребности удовлетворяются только весьма рѣдкимъ посѣщеніемъ священника изъ ближайшей русской деревни или города. Поэтому воскресный день у нихъ чтится только какъ день покоя; иногда они ходятъ однакожь въ этотъ день въ молельни, которыя есть впрочемъ въ каждой деревнѣ или погостѣ, для того, чтобъ перекреститься нѣсколько разъ передъ иконой. Въ обыденной жизни они строго соблюдаютъ предписанія греческой церкви; но подъ этой христіанской внѣш-

ностью скрывается много суевѣрій. Особенно глубоко укоренилась у нихъ вѣра въ колдовство. Вышеупомянутые аккальскіе Лопари, какъ искуснѣйшіе колдуны, пользуются великимъ почетомъ. Они прославились этимъ и въ Финляндіи такъ, что даже крестьяне Саволакса ходятъ къ нимъ лечиться, отыскивать потерянное. О томъ, какъ аккальскіе Лопари колдуютъ, я узналъ только, что они впадаютъ въ магическій сонъ, въ которомъ получаютъ всё нужныя имъ откровенія. Лопари думаютъ, что во время этого сна душа покидаетъ тѣло, странствуетъ вездѣ и разузнаетъ, гдѣ лежитъ украденная вещь, отъ чего приключилась болѣзнь, чѣмъ лечить ее и т. д. — Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сонъ этотъ болѣею частью шарлатанство; но онъ такъ общъ всемъ необразованнымъ народамъ всѣхъ частей свѣта, что трудно не сознать его первоначальной истинности. Онъ никакъ не принадлежитъ однакожъ къ явленіямъ, объясняемымъ или, вѣрнѣе, нисколько не объясняемымъ животнымъ магнетизмомъ. Вѣроятно, что въ сущности это былъ и не сонъ, а просто обморокъ, порождавшійся неестественнымъ экстазомъ, до котораго колдунъ доводилъ себя, во время чародѣйствія. Очень можетъ быть, что въ продолженіе этого обморока въ колдунѣ развивались, какъ въ настоящемъ снѣ, разныя неясныя представленія о томъ, что его предъ тѣмъ занимало; а такъ какъ эти представленія принимались за откровенія, то естественно, что и самый сонъ или обморокъ не могъ не получить чародѣйственнаго значенія. Говорятъ, что колдунъ можетъ приводить себя въ такое состояніе во всякое время, и я вполне этому вѣрю, но только въ отношеніи къ колдунамъ дикихъ народовъ. По крайней мѣрѣ, это явленіе совершенно согласуется со многими другими, рассказываемыми о дикихъ народахъ. Приведу только нѣкоторыя, можетъ быть, не такъ важныя, но вполне умѣстныя, потому что касаются именно русскихъ Лопарей. — Во время путешествія моего по пограничной Лапландіи, мнѣ часто совѣтовали остерегаться русскихъ Лопарей и именно женщинъ ихъ, потому что иногда на нихъ находятъ родъ сумасшествія, въ которомъ они сами не знаютъ того, что дѣлаютъ. Я не обращалъ сначала никакого вниманія на эти рѣчи, принимая ихъ за обыкновенныя басни, взводимыя на Лапландцевъ. Случилось, однакожъ, однажды, что въ одной деревнѣ пограничной русской Лапландіи сошелся я съ нѣсколькими Карелами и двумя русскими кушцами. Они также совѣтовали мнѣ остерегаться и ни подъ какимъ видомъ не пугать лапландскихъ женщинъ, потому что это, по ихъ мнѣнію, *res capitalis*. Одинъ Карель разказалъ по этому случаю слѣдующее: «Разъ, въ молодости моей, ловя рыбу въ морѣ, я встрѣтилъ лодку, въ которой, кромѣ правившаго ею Лопаря, сидѣла еще женщина съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Увидавъ необыкновенную мою одежду, она такъ испу-

галась, что бросила ребенка въ море». — «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случилось мнѣ быть въ кругу терекскихъ Лопарей», рассказывала другой. «Мы сидѣли и говорили о разныхъ неважныхъ предметахъ; вдругъ за стѣной послышался ударъ, какъ бы молоткомъ или пестомъ, и всѣ Лопари повалились тотчасъ на землю, подергали нѣсколько секундъ руками и ногами, потомъ вытянулись, какъ мертвые. Черезъ нѣсколько минутъ они встали какъ ни въ чемъ, какъ будто ничего и не было». — Одинъ изъ русскихъ купцовъ, желая убѣдить меня въ достовѣрности этихъ разсказовъ, предложилъ показать нѣсколько образчиковъ пугливости лапландскихъ женщинъ. Сперва онъ спряталъ, однакожь, всѣ ножи, топоры и прочія опасныя орудія, которыя легко могли попасться подъ руку, и потомъ быстро подошелъ къ одной женщинѣ и хлопнулъ въ ладоши. Женщина бросилась на него, какъ фурія, и принялась царапать, щипать и бить его немилосердно; за тѣмъ она упала на лавку и долго еще не могла перевести духъ. Опомнившись, она рѣшилась не пугаться уже. Слѣдующій за тѣмъ опытъ прошелъ благополучно: она только вскрикнула громко и пронзительно. Пока она радовалась этой удачей, другою бунецъ набросилъ ей на глаза платокъ, и въ ту же минуту выпрыгнулъ изъ комнаты. Надобно было видѣть, какъ эта женщина начала бросаться, колотить, сбивать съ ногъ, таскать за волосы всѣхъ находившихся въ это время въ избѣ. Я сидѣлъ въ углу и съ безпокойнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ своей очереди. Вдругъ, вижу, что дикіе, блуждающіе глаза ея останавливаются на мнѣ, и въ тоже самое мгновеніе она бросается на меня съ протянутыми впередъ руками; по счастью, два сильные Карела успѣли оттащить ее въ сторону, и она безъ чувствъ упала къ нимъ на руки. Карелы полагали, что ея бѣшенство было обращено на меня моими очками. — За тѣмъ пробовали испугать подобнымъ образомъ еще одну молодую дѣвушку; уронили ей на голову сосновую лучинку: она вздрогнула и выбѣжала вонъ. Потомъ стукнули молоткомъ въ стѣну, и вышеупомятая женщина вскочила, но, закрывъ руками глаза, скоро опаматовалась. — Какъ ни ничтожны эти случаи, они все таки показываютъ какъ легко выходятъ дикари изъ себя и впадаютъ въ безсознательное состояніе; въ какой же степени должна быть развита эта способность у колдуновъ и заклинателей, жестоко насилующихъ человѣческую природу свою сильными экстазами и неестественнымъ напряженіемъ душевныхъ силъ?

У колдуновъ русской Лапландіи я не нашелъ никакихъ, подобныхъ заговорамъ Финновъ (*luwut*, един. *luku*), заклинательныхъ формулъ; видѣлъ только нѣкоторыя символическія дѣйствія и по преданію соблюдаемые приемы. Приведу для примѣра, какимъ образомъ русская Лопарка лечила вывихъ. Она долго водила пальцами по вывихнутому члену, какъ бы отыскивая боль, и наконецъ, отыскавъ, ухватила ее ногтями, поднесла ко рту,

разжевала и выплюнула. Она повторила это нѣсколько разъ безъ всякихъ заклинаній, болтая, напротивъ, во все продолженіе этой смѣшной операціи о предметахъ совершенно постороннихъ. Больше я ничего не могу сказать о колдовствѣ русскихъ Лопарей, потому что не былъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по преимуществу, имъ занимаются, да и самый языкъ ихъ былъ мнѣ слишкомъ мало извѣстенъ.

Еще нѣсколько словъ о характерѣ русскихъ Лопарей. Онъ почти одинаковъ по всей Лапландіи; его можно сравнить съ ручьемъ, воды котораго текутъ такъ тихо, что и не увидишь ихъ движенія. Встрѣтите ли какое нибудь большое препятствіе — ручей сворачиваетъ тихохонько въ сторону, и все-таки достигаетъ наконецъ цѣли. Таковъ и характеръ Лопаря: тихъ, миренъ, уступчивъ. Любимое его слово *миръ*; *миромъ* онъ встрѣчаетъ васъ, *миромъ* и провожаетъ; *миръ* для него все. Онъ любитъ миръ, какъ мать любитъ вскормленное ею дитя. Въ одной изъ сагъ говорится, что въ лапландской землѣ въ высшей степени все голо, бѣдно и гадко, но что въ глубинѣ ея скрывается много золота. И въ самомъ дѣлѣ что жъ можетъ быть драгоцѣннѣе миролюбія, которымъ Лопарь надѣленъ такъ щедро? Лишенный большей части наслажденій жизнью, окруженный суровой, непреодолимой природой, обреченный на нищету и лишенія, онъ одаренъ завидной способностью переносить все труды и бѣдствія съ ненарушимымъ спокойствіемъ. Для своего благосостоянія онъ требуетъ только одного — чтобы не мѣшали ему пользоваться его небольшимъ достояніемъ, не трогали старинныхъ обычаевъ, не возмущали его мирнаго спокойствія. Непріязненная природа заставляетъ его много хлопотать и трудиться, но за тѣмъ онъ охотно предается тихой, по собственной его терминологіи, *мирной* жизни. Заранѣе обдуманые планы, тонкіе расчеты и вообще всякая виѣшняя дѣятельность противны ему; онъ любитъ жить, погружаясь въ созерцаніе религіозныхъ и другихъ предметовъ, не выходящихъ изъ предѣловъ его маленькаго круга.—Уже и изъ этого можно видѣть, что финскій типъ отражается и лапландскимъ народнымъ характеромъ. Въ сущности и Финнъ одаренъ такою же мирною, тихою, сговорчивою натурой. Уступчивый въ бездѣлицахъ, онъ дѣлается, однакожъ, героемъ, когда коснутся чего нибудь, по его мнѣнію, важнаго. Точно также и Лопарь доходитъ иногда до крайняго упорства, но тутъ онъ легко утрачиваетъ спокойную обдуманность, которая никогда не оставляетъ болѣе мужественнаго Финна. Обращенная внутрь душевная дѣятельность, спокойная созерцательность сродна обимъ; но у Лопаря она мелче. У обоихъ, въ глубинѣ ихъ замкнутаго характера, скрывается порядочная доля хитрости и осторожности или недовѣрчивости — свойства развитія, однакожъ, по преимуществу у Лопаря. Далѣе, и въ Лопарѣ замѣтенъ довольно рѣзкій оттѣнокъ

унынія, характеризующаго Финновъ и вообще все финское племя; но не того глубокаго унынія, которое безопадно грызеть Финна, которое прозвано даже финскимъ героизмомъ. Унылость Лопаря проявляется обыкновенно въ видѣ виѣшняго удрученія. Вообще кажется, будто Лопарь слабѣйшій братъ Финна, и родился весь въ мать, тогда какъ Финнъ — въ отца. Таковъ характеръ и русскихъ Лопарей во многихъ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ; но въ деревняхъ на большой *Мурманской* дорогѣ, онъ началъ уже сильно измѣняться. Внутреннее довольство перешло во виѣшнюю бессмысленную веселость; мирная созерцательность замѣнилась практическимъ расчетомъ, тихое спокойствіе — неумѣстной суетливостью. Тутъ вы не найдете ни мягкосердія, ни радужія, которыми отличаются другіе Лопари. Торговля и безпрестанныя столкновенія съ Русскими и съ Карелами вывели ихъ изъ природнаго состоянія невинности. Въ особенности сильно подѣйствовало на нихъ вліяніе первыхъ. Въ кругу Русскихъ узнаешь всегда молчаливаго, спокойнаго Лопаря; но въ сношеніи съ другими Лопарями онъ кажется Русскимъ. По-русски онъ говоритъ почти также хорошо, какъ на своемъ родномъ языкѣ и, по недостатку собственныхъ пѣсень, любитъ отвести иногда душу русской пѣснью. По воскресеньямъ, даже въ самые холодные зимніе дни, онъ играетъ въ снѣжки (Ballspiel), или развлекается другими русскими забавами. Даже въ домашней жизни его все русскіе обычаи, не говоря уже объ одеждѣ. Все, что мы сказали о веселости ихъ, о дѣятельности, о торговомъ духѣ, и т. д., все это — слѣдствіе русскаго вліянія. Можно почти навѣрное сказать, что русскіе Лопари рано или поздно совершенно сольются съ русскимъ народомъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ даже собственнаго книжнаго языка. Мало-численность ихъ подтверждаетъ еще болѣе это предположеніе. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ въ Колѣ исправникомъ, число русскихъ Лопарей не превышаетъ 1844 душъ.

Мнѣ слѣдовало бы, можетъ быть, прибавить нѣсколько замѣчаній о языкѣ русскихъ Лопарей, но пора уже подумать и объ отъѣздѣ. И такъ, безъ дальнихъ околичностей и не сворачивая никуда, пустимся въ путь, за 150 верстъ, въ Колу. Не обращая особеннаго вниманія на то, что наши олени увѣшены колокольчиками, бубенчиками и множествомъ пестрой збруи, не могу однакожь не обратить его на погоду, такъ важную для путешествующаго по Лапландіи; а потому скажу, что первое Марта былъ даже и въ Лапландіи необновенно непріятный день. Но намъ стыдно было жаловаться, потому что тому же подвергалось и новорожденное дитя, которое везли въ Гиперборейскій городъ для крещенія. Конечно, у груди матери было теплѣе, чѣмъ въ открытомъ керсѣ; но не смотря на то, что и мы были нѣкоторымъ образомъ младенцами въ лапландскомъ мірѣ — мы обра-

сывали съ себя груды снѣга довольно бодро : насъ утѣшали прекрасные олени и быстрая ѣзда на нихъ, которою русскіе Лопари отличаются. Двѣ первыя мили мы просто пролетѣли. Дорога , на сколько позволяли раз-
 смотрѣть сумерки и хлопья снѣгу, шла все лѣсомъ. Вскорѣ добрались мы до большого озера Нуоть (Nuotjäugi), проѣхали по немъ двѣ мили, за тѣмъ вышли на берегъ и расположились нечевать у огня, подлѣ большого снѣговаго сугроба. Любопытно видѣть, какъ быстро русскій Лопарь разводитъ огонь : нащепаетъ нѣсколько лучинъ, сломитъ нѣсколько сучьевъ, разколитъ два, три чурбана , оставитъ и уложитъ все это вокругъ смо-
 листаго пня , и огонь готовъ. Конечно, такой огонь годится только для раскуриванія трубки или для растаиванія снѣгу на питье ; да ему, закутанному въ олени и овечьи шкуры, ничего больше и не надобно. Энарскій Лопарь хлопочетъ о немъ гораздо болѣе и потому онъ гораздо лучше, хотя все такъ не сравнивается съ финскимъ огнемъ. Горный Лопарь совсѣмъ не разводитъ огня. Набредетъ онъ вечеромъ на хорошую паству для оленей—онъ вырываетъ яму въ сугробѣ снѣга и спитъ въ ней спо-
 койно до утра. Это даже предпочтительнѣе плохаго огня ; въ хорошей лапландской шубѣ, натащувъ ее на голову, вынувъ руки изъ рукавовъ и спрятавъ ихъ подъ шубу, можно провести зимнюю ночь и на горахъ до-
 вольно сносно. Близъ огня же, дже и весьма плохаго, трудно удержаться, чтобъ не снять тяжелой шубы, и ночью просыпаешься промерзлый, иногда занесенный снѣгомъ , хочешь погрѣться у огня — огонь погасъ. Разду-
 ваешь его снова, снова укладываешься и засыпаешь, чтобы, черезъ нѣ-
 сколько времени проснуться также непріятно. Точно такъ провелъ я всю ночь на этомъ ночлегѣ. Когда же настало желанное утро , мы проѣхали еще милю по озеру Нуоть. По льду его бѣгали волки, словно собаки, жадно косясь на жирныхъ нашихъ оленей. Всю ночь они рыскали около насъ и безископни оленей, которые отъ того были голодны и утомлены. Вы-
 ѣхавъ на берегъ , мы остановились , чтобы дать оленямъ покормиться. Лопари уважаютъ оленей за ихъ чрезвычайный инстинктъ, въ слѣдствіе котораго воткнувъ только морду въ снѣгъ они тотчасъ же узнаютъ, не смотря на глубину его, есть ли подъ нимъ мохъ, или нѣтъ. Эта способ-
 ность, необходимая для существованія этихъ животныхъ, можетъ быть, еще не такъ удивительна, какъ другія ихъ качества. Я , напримѣръ, не могъ надивиться, какъ безъ всякихъ слѣдовъ и признаковъ дороги хорошій олень самъ собою привозитъ путешественника куда надо, если только хотъ разъ пробѣгалъ уже это пространство. Къ добрымъ качествамъ оленя принадлежитъ еще и то, что имъ можно управлять такой простой вещью, какова возжа: перебросишь ее на правую сторону—онъ бѣжитъ, перекинешъ на лѣвую—онъ останавливается. Только при спускѣ съ холма или съ горы онъ слушаетъ

ся уже не возжи, а собственного побужденія, которое заставляет его бѣжать какъ можно быстрѣе. Эти спуски очень пріятны, но иногда весьма опасны; какъ я это вскорѣ и испыталъ на самомъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды намъ привелось спускаться съ довольно высокаго холма. Дорога, извинаясь по немъ между высокими елями къ рѣчкѣ Нутйоки, не смотря на предшествовавшія мятели, защищенная отъ нихъ лѣсомъ и горой, была тверда, какъ камень, и отъ большой ѣзды, страшно ухабиета. Именно тутъ-то и вздумалось моему оленю пуститься во всю прыть. Керись перелѣтала черезъ ухабы, почти не касаясь дна, и ударялся о противоположный край ихъ съ такою силой, что я едва удерживался въ немъ. Кромѣ того я долженъ былъ безпрестанно работать и руками, и ногами и всею тѣлою, чтобъ отклонять его отъ деревьевъ, о которыхъ неминуемо расшибъ бы голову. По счастью, мнѣ удалось избѣжать этого; я отдѣлался только тѣмъ, что, при перелетѣ черезъ одинъ ухабъ, былъ взброшенъ вверхъ, потерялъ равновѣсіе и упалъ въ керись бокомъ. Не знаю, чтобы со мною стало въ этомъ безпомощномъ положеніи, еслибъ слѣдующій же ухабъ не вывелъ меня изъ него. Съѣхавъ къ рѣчкѣ, олень вдругъ остановился, обернулся и посмотрѣлъ на опасный холмъ съ видимымъ удивленіемъ. За тѣмъ онъ бѣжалъ уже довольно смирно вдоль по рѣчкѣ до самаго ночлега, т. е. до хижины, нарочно выстроенной на берегу для путешественниковъ.

На слѣдующій день, два чужеземца смотрѣли съ вершины горы на городъ Кола, лежащій въ глубокой долинѣ, окруженной высокими горами. Его обвиваютъ двѣ рѣчки Тулома и Кола, которыя, слившись по ту сторону города, беззаботно бѣгутъ на смерть въ волнахъ Ледовитаго моря. Въ самомъ городѣ множество ветхихъ строеній; но взоръ тотчасъ же отвлекается отъ нихъ колоссальной церковью временъ Петра Великаго. Издали башни и главы ея сливаются въ одинъ огромный куполъ, и отсюда ее можно почти принять за лапландскую гору. Рядомъ съ этою церковью построена другая, которая блестящею своею внѣшностью и малымъ размахомъ намѣкаетъ на повѣшшія времена.

III.

Мы пріѣхали въ Колу не за долго до масляницы. Эта недѣля во всей Россіи посвящается пирамъ и веселью. Безъ всякихъ обычныхъ представлений, все приглашали и принимали насъ ласково. Во всю недѣлю не прошло дня, чтобъ насъ не позвали участвовать въ увеселеніяхъ города. Тутъ естествоиспытатель могъ бы изучить ихтіологію Ледовитаго моря въ безчисленныхъ рыбныхъ кушаньяхъ, и въ то же время заняться лапландской флорой, представляемой множествомъ разноцвѣтныхъ паливокъ. Любитель древности могъ бы также найти предметы достойныя изученія, какъ во многихъ старинныхъ нравахъ и обычаяхъ, такъ и въ различныхъ драгоценныхъ рѣдкостяхъ, переходящихъ по наслѣдству изъ рода въ родъ. Меня всего больше занимала русская народная одежда, особенно нарядъ мѣщанокъ и красивыхъ ихъ дочекъ. Наиболее бросалась въ глаза шубейка, покрытая краснымъ сукномъ или бархатомъ, съ богатымъ золотымъ шитьемъ и блестящими жемчугами. Она очень широка, безъ рукавовъ и доходитъ до чреслъ. Не менѣе пышенъ и головной уборъ дѣвушекъ, который въ финскихъ рунахъ сравнивается съ «прямо стоящимъ (вѣрнѣе же, съ нѣскольکو изклоненнымъ на бокъ) концемъ облака». Жаль, что финская муза не занялась и оцѣнкой этой драгоценности; вѣроятно она не отдала бы ее и за «мѣхъ чернобурой лисицы» — потому что нарядъ этотъ и въ наше богатое жемчугами время стоитъ отъ трехъ до пяти сотъ рублей. Самое платье широко и твердо какъ латы; цвѣтъ его различенъ, потому что, собирающіеся сюда съ различныхъ сторонъ женщины держатся любимаго цвѣта своей родины. Пышные бѣлые рукава составляютъ также существенную часть ихъ одежды. Эти рукава безобразно широки и вздернуты почти до ушей, отъ чего самыя миловидныя дѣвушки кажутся угрюмыми и сердитыми. Когда я въ первый разъ увидалъ вереницу семнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ преважно выступавшихъ въ этомъ нарядѣ, приподымаясь на каждомъ шагу на цыпочки и смотря неподвижно впередъ — мнѣ казалось, что вижу комедію, представляющую дѣвическую гордость отцовскими сокровищами. Къ чести Кольскихъ дѣвушекъ скажу, однакожъ, что это

театральное представлѣніе только наружное. Къ вечеру, когда взоры строгихъ матерей отвлекутся отъ любимыхъ дочекъ къ еще болѣе любимымъ чашкамъ чая, сурово-мрачныя дѣвушки порхаютъ живо и весело въ одушевленной мазуркѣ.

Но если тебѣ хочется видѣть этихъ горныхъ дѣвъ въ настоящей ихъ стихіи — пойдемъ со мной къ лапландскимъ горамъ, гдѣ занимаются забавой, называемою у Русскихъ *катаньемъ*. Множество женщинъ и мужчинъ парами, въ маленькихъ оленьихъ санкахъ, летятъ съ крутой горы внизъ. Всѣ лица сіяютъ искреннею веселостію. Мальчикъ радуется необычайной быстротѣ; молодой человекъ гордится тѣмъ, что можетъ охранять свою дѣвицу. Но что же румянить лицо дѣвушки? Ужъ не морозъ ли? Это предположеніе всего вѣроятнѣе; на дворѣ 26 градусовъ по Реомюру, а всѣ дѣвицы одѣты въ шелковыя, на легкомъ мѣху шубейки, въ цвѣтныя ситцевыя платья, съ красными передниками; на головѣ только повязка, на рукахъ черныя бархатныя перчатки. Но подойдемъ ближе. Смотри: вотъ между прочими катится молодой мальчикъ въ лапландскихъ санкахъ (*abkia*), въ которыя запряжена собака. Какъ весело мальчику править, какъ больно собакѣ, которую толкаютъ и колютъ заостренныя санки! Къ великой досадѣ сѣдока, собака остановилась на половинѣ горы, и маленькій своенравный тиранъ боится, чтобъ на него не наѣхали другія санки. Оставимъ его однакожъ на произволь судьбы, въ надеждѣ, что онъ сѣмѣетъ справиться и безъ нашей помощи. Вотъ летитъ съ быстротою стрѣлы ничѣмъ незапряженный керисъ, и невольно привлекаетъ наше вниманіе. Въ керисѣ сидитъ молодой человекъ и держитъ дѣвушку на колѣняхъ. Гордо, самоувѣренно правитъ онъ санями черезъ всѣ извилины и ухабы; дѣвушка дрожитъ отъ страха; отъ быстрой ѣзды головная повязка развязалась и длинныя локоны развѣваются вѣтромъ. Она, улыбаясь, взглядываетъ на своего охранителя. Геройски обнимаетъ онъ одною рукою станъ ея, но теряетъ равновѣсіе и поэтическій восторгъ ихъ оканчивается паденіемъ въ груды снѣга, къ великому удовольствію и громкому смѣху зрителей. Вотъ катится храбрая амазонка, сама правитъ санками и благополучно съѣзжаетъ до самаго конца горы. Ее привѣтствуютъ громкимъ ура! Вотъ въ самую среду блестящей толпы влѣтаютъ санки, набитыя мальчишками въ изорванныхъ платьяхъ; они кричатъ, шумятъ, звонятъ колокольчиками и бубенчиками. Гора оглашается взрывами хохота.

Но мы подошли слишкомъ уже близко и обратили на себя вниманіе. Народъ начинаетъ собираться около насъ. Со всѣхъ сторонъ раздается: «Не угодно ли вамъ скатиться, ваше благородіе?» — «У меня санки отличные!» — «мои лучше!» — «Нѣтъ, мои!» — «мои!» — и т. п. Мы отходимъ отъ горы подалѣе.

Веселая недѣля кончилась. Не объѣхать ли намъ важнѣйшихъ сановниковъ города, не понавѣдаться ли объ ихъ здоровьѣ послѣ масляницы? Уздный врачъ сидитъ, полуразвалившись, на своемъ широкомъ диванѣ и толкуеть о тяжеломъ воздухѣ и о необходимости предохранять себя отъ скорбута. Таможенный приставъ жалуется на тяжелыя времена, обложившія даже и табакъ пошлиной. Другъ его, учитель, совѣтуетъ ему курить все-таки безпошлинный табакъ, увѣряя, что и это Богъ проститъ ему. Самъ учитель страдаетъ злокачественной сыпью; исправникъ — ревматизмомъ; засѣдатель показалъ намъ желтыя пятна на груди. Стряпчий сидитъ подлѣ истерической своей дочери. У городничаго и другихъ болятъ голова. Что же у судьи—рѣшить трудно; потому что онъ не говоритъ ни слова. Дамы спятъ все по домамъ, и—ѣдятъ кауусту. Не смотря на то, намъ продолжаютъ однакожъ оказывать то же предупредительное вниманіе. Но всѣхъ болѣе былъ расположенъ къ намъ исправникъ, человекъ, оказавшій намъ пользу даже и въ научномъ отношеніи. По обязанностямъ службы, онъ жилъ нѣсколько лѣтъ посреди Самоѣдовъ и Лопарей и по этому могъ сообщить намъ множество полезныхъ свѣдѣній объ этихъ народахъ. И учитель въ свою очередь старался также быть намъ полезнымъ: онъ училъ насъ русскому выговору, русской грамматикѣ и снабжалъ русскими книгами.

Не взирая на радушіе и услужливость, оказанныя намъ въ этомъ городѣ, во мнѣ не замедлило однакожъ пробудиться тайное желаніе отправиться поскорѣе къ Лопарямъ. Это желаніе было вполнѣ безразсудно, потому что русскій языкъ, который, какъ посредствующій языкъ, былъ необходимъ для предполагаемаго мною изученія нарѣчій русскихъ Лопарей, я зналъ слишкомъ еще недостаточно. Въ слѣдствіе этого желанія, мы предприняли небольшую поѣздку въ близлежащую лапландскую деревню Кильдинъ. Какъ нарочно мы не нашли въ ней ни души и, какъ бы въ наказаніе за наше, безъ всякаго плана предпринятое путешествіе, должны были возвратиться ни съ чѣмъ. Но гдѣ же были жители? Большая часть ихъ повезла, такъ называемыхъ, Мурманцевъ къ Ледовитому морю, остальные отправились въ Колу, чтобъ посмотрѣть и встрѣтить ожидаемаго туда архангельскаго губернатора.

Сначала мы предполагали сдѣлать изъ Колы нѣсколько поѣздокъ въ пограничную русскую Лапландію, и за тѣмъ, по вскрытіи водъ, отправиться черезъ Мезень къ Самоѣдамъ; но полученныя изъ Петербурга извѣстія побудили насъ ѣхать въ Архангельскъ для предварительнаго изученія самоѣдскаго языка подъ руководствомъ архимандрита Веніамина. Такимъ образомъ желаніе окончить это изученіе и пуститься въ путь къ Самоѣдамъ еще до наступленія зимы лишило насъ возможности побывать въ

Семиостровъ, Муоткѣ и многихъ другихъ, болѣе сѣверныхъ лапландскихъ селеніяхъ. Мы должны были ограничиться знакомствомъ только съ Лопарями, живущими по дорогѣ отъ Колы до Каңдалака. Конечно, на всемъ этомъ пространствѣ только одна порядочная лапландская деревня, но за то на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ живутъ по одному или по нѣскольку лопарскихъ семействъ съ разныхъ концовъ страны. На каждой есть по крайней мѣрѣ одна хорошо устроенная изба, а потому дорога эта и представляла большія удобства для изученія разныхъ русско-лапландскихъ нарѣчій, за исключеніемъ Терскаго; но мы, по несчастію, ѣхали по ней во время прохода Мурманцевъ, сильно мѣшавшихъ нашимъ ученымъ предпріятіямъ.

Такъ называемые Мурманцы суть частію Русскіе, частію Карелы и Лопари, отправляющіеся въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля къ берегамъ Ледовитаго моря, для того, чтобы весною и лѣтомъ ловить тамъ рыбу. Они собираются изъ странъ Онѣги и Кемп и ѣдутъ черезъ Каңдалакъ и Имандру, до почтовой станціи Разноволокъ, которая находится въ одиннадцати миляхъ къ югу отъ Колы. Въ этомъ мѣстѣ поѣздъ ихъ раздвояется. Тѣ, которые ловятъ рыбу въ заливахъ, лежащихъ между кольскою губою и норвежскою границей, ѣдутъ въ Колу и потомъ далѣе къ сѣверу. Тѣ же, которые ловятъ ее между Колою и Святымъ-Носомъ, отправляются туда прямо, не заѣзжая въ Колу. Все поморье отъ норвежской границы до Святаго-Носа извѣстно подъ именемъ Мурманскаго берега; къ нему часто причисляютъ, впрочемъ, и часть Терскаго берега, но въ сущности Терскимъ берегомъ называется вообще весь западный берегъ Бѣлаго моря. Этотъ поѣздъ Мурманцевъ состоитъ по большей части изъ наемныхъ работниковъ. Сами же хозяева выѣзжаютъ сюда въ іюнь и іюль мѣсяцахъ, на небольшихъ судахъ, которыя, смотря по размѣру и устройству, называются лодьями, кочмарами и шнеками; привозятъ хлѣбные запасы на слѣдующій годъ и забираютъ наловленную рыбу. Нѣкоторые остаются при своихъ рыбныхъ ловляхъ до послѣднихъ чиселъ августа — время прекращенія рыболовства; другіе же идутъ далѣе: до Вадсё, Гаммерфеста, Тромсё и другихъ норвежскихъ гаваней, съ грузомъ муки, крупъ, равантуха, канатовъ, пеньки, рыбаго жира, мыла и другихъ товаровъ, которые промѣниваютъ на доршъ (*Gadus Callarias*), лисья мѣха, ромъ, кофе, чай, сахаръ и другія пріаности, выгодно сбываемыя на ихъ родинѣ.

Возвратимся, однакожъ, къ повѣствованію нашихъ походовъ. Когда мы совсѣмъ собрались уже въ дорогу, къ намъ пришли почти всѣ значительнѣйшіе сановники, вышли за наше здоровье и проводили насъ довольно далеко за городъ. Простившись здѣсь въ послѣдній разъ съ этими добрыми,

радушными людьми, мы продолжали наше путешествие при свѣтѣ звѣзднаго неба, сверкаваго сѣвернымъ сіяніемъ, до почтовой станціи Китеа (Къеддямъ), въ тридцати верстахъ отъ Колы. Взобравшись тутъ на холмъ, мы замѣтили что-то чернѣвшее, какъ большой гробовой покровъ, на блестящей бѣлизнѣ снѣга. Мы подошли поближе, чтобъ рассмотреть, чтò это такое, и увидѣли нѣсколько десятковъ закутанныхъ въ теплыя шубы Мурманцевъ, преспокойно спавшихъ, по недостатку мѣста, на снѣгу. Въ избѣ мы были встрѣчены громкими: ай! ой! чортъ! и другими еще крѣпчайшими выраженіями, потому что не могли сдѣлать и шагу, не наступивъ на кого-нибудь. Мы прибѣгли къ помощи ящика, и его громозвучно: «благородные люди!» — мигомъ разбудило хозяина, который не только провелъ насъ благополучно мимо мурманскихъ подводныхъ камней, но даже очистилъ намъ лавку для ночлега. Поутру меня разбудили страшный крикъ, топотъ ногами и хлопанье руками. Боясь, что моей спиной, уже порядочно пострадавшей въ креслѣ, угрожаетъ какая-нибудь бѣда, я торопливо вскочилъ на ноги и сталъ въ оборонительную позу; но тотчасъ же убѣдился въ неосновательности моего опасенія. Ночный холодъ, который, по термометрическимъ наблюденіямъ, произведеннымъ мною посредствомъ моего носа, вѣроятно, доходилъ до тридцати градусовъ, проникъ наконецъ и сквозь шубы Мурманцевъ, и они, за недостаткомъ огня и водки, прибѣгли къ этимъ паліативнымъ средствамъ, для возбужденія нужной теплоты въ тѣлахъ своихъ. Когда же въ избу, и безъ того уже переполненную, вторглись и вчера изгнанные постояльцы, началась серьезная борьба изъ-за мѣста; слабѣйшихъ, разумеется, вытолкали, и они принуждены были завтракать на чистомъ воздухѣ, или отправляться въ путь, ничего не ѣвши. Тутъ было уже не до изученія паррѣчій и мы въ то же утро отправились далѣе, въ надеждѣ, что на слѣдующей станціи не встрѣтимъ такой сутолки. Но мы вполне ошиблись. По пріѣздѣ въ Ангесварръ (22 версты отъ Китеа), оказалось, что вся изба набита Мурманцами: всѣ они были дѣйствующими лицами въ драмѣ, которую можно было бы назвать: «Споръ о котлѣ»; потому что всѣ спорили о правѣ поставить свой котелъ на огонь. А такъ какъ каждый изъ нихъ имѣлъ почти равное на это право, то, разумеется, никто и не уступалъ не смотря на всѣ толки, толчки и ругательства. Кажется, что у Мурманцевъ существуютъ, впрочемъ, на этотъ счетъ слѣдующія постановленія: кто не носилъ дровъ для разведенія огня, тотъ къ огню не допускается;—кто варитъ хлѣбную похлебку, уступаетъ мѣсто тому, кто варитъ уху;—женщина уступаетъ мѣсто взрослому мужчине, мальчикъ женщинѣ;—батракъ уступаетъ хозяину и женѣ его;—хозяева и батраки опредѣляютъ промежъ себя очередь, по которой каждый долженъ ставить котелъ свой на огонь. Однакожъ, оставимъ Мурманцевъ въ Ангесваррѣ придумывать хоть временныя учрежденія для огражденія правъ сво-

нхъ и поѣдемъ дальше, въ Маанселькэ. Маанселькэ — довольно большая деревня; слѣдовательно споръ о котлѣ не могъ задерживать здѣсь Мурманцевъ на такое долгое время, какъ въ Ангесваррѣ, а потому вкорѣ, по нашемъ выѣздѣ изъ послѣдняго, мы начали встрѣчать цѣлыя полчища этихъ странствователей къ Ледовитому морю. Они шли толпами въ двадцать, тридцать и даже пятьдесятъ человѣкъ мужчинъ, женщинъ, стариковъ, молодыхъ парней и дѣвушекъ. Большая часть тащила за собой олени санки, на которыхъ навалены были шубы, хлѣбы, якоря, котлы, и т. п. Встрѣчались и керисы, запряженные собаками, а на иныхъ, кромѣ прочаго снадобья, сидѣла еще дѣвушка, вѣроятно заболѣвшая отъ утомительной дороги. Толпы эти шли съ пѣснями и крикомъ. А лица большей части выражали усталость и отвагу. Было много и совершенно разбойничьихъ физиономій; да и самыя толпы, по разодраннымъ одеждамъ, по нечистотѣ и неопрятности, по проявлявшейся во всемъ безпечности, по дикимъ крикамъ и грубымъ пѣснямъ — сильно смахивали на разбойничьи шайки. Несмотря на то, эта живая, шумная дѣятельность на пустынныхъ дорогахъ Лапландіи имѣла свою прелесть.

Мы пріѣхали въ Маанселькэ или Маасесиндъ. Это названіе, очевидно, финское, также какъ и названія многихъ другихъ мѣстностей на восточномъ, западномъ и южномъ берегахъ Бѣлаго моря и даже въ самой Лапландіи. Это подтверждаетъ повидному предположеніе Шёгрена, что Карелы заселяли нѣкогда весь Кольскій округъ, до самаго Сѣвернаго океана. Шёгрень основываетъ свое предположеніе не столько на финскихъ названіяхъ мѣстностей, сколько на очевидномъ вліяніи финскаго языка на Русско-Лопарскій и на древнемъ преданіи о Валитѣ или Варентѣ, знаменитомъ владѣльцѣ Карелы или Кекегольма и данинкѣ Новгорода, завоевавшемъ Лапландію или Мурманскую землю и принудившемъ Лопарей платить дань Новгороду. Какую бы важность ни придавали этому преданію, о которомъ упоминаетъ Русскій посолъ въ договорѣ о границахъ между Россіей и Даніей, во всякомъ случаѣ оно не доказываетъ еще, чтобы Русская пограничная Лапландія была заселена Карелами. Если въ этомъ темномъ вопросѣ позволительно высказывать свое мнѣніе, то мое заключается въ нижеслѣдующемъ:

Частію по изустнымъ сказаніямъ, частію и по письменнымъ памятникамъ очевидно, что въ древнія времена Финны, и по преимуществу карельскаго племени, часто дѣлали набѣги на Лапландію не для того, чтобы тамъ селиться, а единственно для добычи. Иногда при этомъ происходили и довольно значительныя сраженія, въ которыхъ Лопари, разумѣется по ихъ собственнымъ сказаніямъ, одерживали побѣду. Одинъ изъ таковыхъ набѣговъ породилъ, вѣроятно, и преданіе о Варентѣ. Въ то же время и преданія

Лопарей и Финновъ, и свидѣтельства историческія, и существующія современныя отношенія даютъ право полагать, что, въ смутныя времена и неурожайныя годы, нѣкоторыя Финскія семейства переходили въ Лапландію съ мирною цѣлью селиться. Попадали они на мѣсто, занятіе котораго, лишало Лопарей ихъ наследственнаго права на лѣса, на рыбныя ловли и т. п. — дѣло рѣшалось обыкновенно небольшою стычкой: отсюда многія мѣстности въ Сѣверной Финляндіи и называются *Piimasaari* (спорный островъ), *Torajrvi* (спорное озеро) и т. д... Тамъ же, гдѣ занятіе это не касалось интересовъ коренныхъ жителей — Финны водворались и жили себѣ преспокойно, хотя Лопари и смотрѣли на это все таки довольно непріязненно. Увѣчивались усилія первыхъ переселенцевъ успѣхомъ — слухъ объ этомъ приманивалъ новыхъ, и такимъ образомъ, по преданію, образовалось въ Лапландіи не одно финское поселеніе. Для примѣра назову поселенія въ Энаре, Алтеѣ, Пульмакѣ, Сеидѣ и Карасйоки. Конечно, всѣ эти поселенія образовались въ позднѣйшія времена; но вѣдь такимъ точно образомъ могли образовываться колоніи и во всѣ времена. Не многія изъ нихъ сохранили свой языкъ и народность, а въ русской части Лапландіи — ни одна. Это доказываетъ, что число финскихъ пришельцевъ было не велико, вовсе не такъ значительно, какъ полагаетъ Шёгрень, утверждая, что Карелы вытѣснили Лопарей изъ всей южной и восточной части Кольскаго округа, заняли ихъ земли и за тѣмъ проникли еще далѣе на сѣверъ. Въ такомъ случаѣ уворный финскій народный характеръ не былъ бы подавленъ Лопарями, которые и въ умственномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже Финновъ. Точно также и предположеніе, что и эти Карелы, въ свою очередь, были оттѣснены къ юговостоку Русскими и въ слѣдствіе этого заселили восточную часть Кемп-Лапландскихъ странъ — лишено всякаго основанія и опровергается малочисленностью Русскихъ поселеній въ пограничной Лапландіи. Неоспоримо однакожъ, что народонаселеніе по рѣкамъ Кемп и Торнео, состоитъ изъ смѣси Саволаксовъ, Кареловъ и Лопарей. Саволакскій элементъ преобладаетъ на сѣверѣ въ Кемитрѣскѣ, Соданкилѣ, по верхнему Торнео и въ Муоніонискѣ. Эта колонизація объясняется еще отчасти семейными преданіями, по которымъ племя это переходило сюда въ различныя времена, изъ различныхъ мѣстъ и по различнымъ причинамъ, большею частью однакожъ во времена военныя и въ неурожайныя годы. Карельское племя всего сильнѣе въ Рованьеми, Кемп и по нижнему Торнео. Переселеніе Кареловъ покрыто мракомъ. Миѣ кажется впрочемъ весьма вѣроятнымъ, что они переходили сюда мало по малу изъ нынѣшняго Кемьскаго уѣзда, что заселили прежде всего и гуще Рованьеми, и что отсюда уже перебравшись въ Терволу, въ Кемп и къ нижнему Торнео. По этому направленію совершали они всегда свои торговыя путешествія, которыя были, можетъ быть, только

обновленную формой ихъ прежнихъ страствованій и переходовъ внутри Финской области. Замѣчательно, что близъ Рованьемп карельская колонизація какъ бы обрѣзывается. Въ Кемитрэккѣ нѣтъ и слѣда какого-нибудь смѣшенія съ Карелами, между тѣмъ какъ именно эта мѣстность и представляла имъ самое лучшее убѣжище, еслибъ они дѣйствительно были вытѣснены изъ пограничной Русской Лапландіи въ Финляндію. Сродство же жителей Кеми, Торнео и Рованьемп съ русскими Карелами доказывается многимъ. Поразительны въ этомъ отношеніи многія особенности языка, между прочими личныя мѣстоименія: *mie, sie*, глагольное окончаніе *oïsen*, окончаніе нарѣчій на *sta* (вмѣсто *sti* въ Торнео) и многія слова, которыхъ въ другомъ мѣстѣ не услышишь. Старинная народная одежда до того сходна у обоихъ народовъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и я и одинъ мой знакомый приняли за русскаго Карела крестьянина изъ моеи родины—Терволы. Точно также сходны и многія изъ хозяйственныхъ принадлежностей, на примѣръ сани, лодки, косы, шкапы и т. п.

Какъ ни сомнительно, по всему вышесказанному предположеніе, что русская пограничная Лапландія была нѣкогда заселена значительно, а южная ея часть даже и исключительно Карелами—смѣшеніе Лопарскаго и Карельскаго элементовъ, замѣтно, однакожъ, вездѣ, особенно въ южной части Кольскаго уѣзда. Оно проявляется не въ одномъ языкѣ, но и въ тѣлосложеніи, въ чертахъ лица, въ образѣ жизни, въ нравахъ. Такъ напримѣръ черты лица у Лопарей Маанселькэ правильныя, они стройны и рослы и не имѣютъ этого тонкаго, пискливаго голоса, по которому тотчасъ можно узнать настоящаго Лопаря. Живутъ они частію въ курныхъ избахъ, частію въ карельскихъ домахъ, и нѣсколько уже десятилѣтій не перемѣняютъ мѣста, что рѣшительно не въ нравахъ Лопарей. Языкъ ихъ преисполненъ карельскими словами и оборотами. Хотя и здѣсь мы не могли порядочно имъ заняться, потому что въ каждой избѣ находили большее или меньшее число Мурманцевъ, которые вели какой-то мелочной торгъ; но все-таки мы слышали Лапландскія рѣчи, влѣдствіе чего и остались на нѣсколько дней въ этой деревнѣ.

Не стану вычислять множества финскихъ рѣченій (финницизмовъ), записанныхъ мною въ Маанселькэ; скажу только мое мнѣніе о свойствѣ Русско-Лапландскаго нарѣчія вообще, за исключеніемъ, впрочемъ, Терскаго, которое совершенно неизвѣстно. Русско-Лапландское не представляетъ въ грамматическомъ отношеніи такихъ существенныхъ отличій отъ прочихъ Лапландскихъ нарѣчій, какія обыкновенно принимаются. Оно частію приближается къ горно-лапландскому, частію къ Энарскому, а во многихъ мѣстностяхъ занимаетъ середину между обоими. Особенность его заключается въ небольшихъ отбѣнкахъ формъ, по преимуществу же въ сокра-

щеніи окончаній. Гласная буква на концѣ словъ вездѣ уступаетъ мѣсто русскимъ *ъ* и *ь*. Обыкновенное въ другихъ нарѣчіяхъ удвоеніе согласныхъ встрѣчается здѣсь рѣже. Нѣтъ въ немъ и такого безконечно разнообразнаго видоизмѣненія гласныхъ буквъ, какое замѣчается въ прочихъ, особенно въ Энарескомъ. Богатствомъ формъ оно не можетъ сравниться съ нарѣчіемъ пограничной Финляндіи, еще менѣе съ Шведско-Лапландскимъ. Сами русскіе Лопари раздѣляютъ свой языкъ на три главныхъ нарѣчія, изъ которыхъ однимъ говорятъ въ селеніяхъ Петсинги, Муотка, Патсейоки, Синьель, Нуотозеро, Юкоостровъ, Бабіа; другимъ — въ селеніяхъ Семиостровъ, Левозеро, Воронескъ, Кильдинъ, Маанселькэ; третьимъ—на Терскомъ полуостровѣ, между Святымъ-Носомъ и Понойемъ. Такъ какъ я не былъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ, то и не могу ручаться за правильность этого раздѣленія; замѣчу только, что нарѣчіе Лопарей Бабіи скорѣе можно причислить къ третьему отдѣлу, болѣе другихъ смѣшанному съ финскимъ языкомъ. Первое изъ этихъ главныхъ нарѣчій, по-крайней-мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы его изучали, среднее между горно-лапландскимъ и энарескимъ; второе отклоняется отъ нихъ нѣсколько болѣе. Впрочемъ, всѣ лапландскія нарѣчія довольно сходны, если только отдѣлить отъ нихъ чуждые элементы, которые каждое по-своему заимствовало изъ другихъ языковъ. Дѣло въ томъ, что Лопари имѣли несчастье войти въ близкія сношенія съ другими народами, когда ихъ собственный языкъ находился еще въ младенчествѣ; въ-слѣдствіе этого онъ не только что принялъ безконечное множество иноземныхъ словъ, но даже и въ грамматическомъ отношеніи сложился, во многомъ, по чужимъ образцамъ. На этомъ-то многостороннемъ чужомъ вліяніи и основывается все различіе лапландскихъ нарѣчій. Такъ, въ первомъ изъ вышеупомянутыхъ русско-лапландскихъ нарѣчій замѣтно не только русское и финское, но и норвежское вліяніе; во второмъ же—русское и карельское. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проявляется сильнѣе русскій элементъ; въ другихъ же, особливо въ Аккальской пограничной Лапландіи—карельскій. Для отысканія же первобытнаго типа лапландскаго языка необходимо тщательное сравненіе каждаго изъ его нарѣчій съ прочими и при всякой разности безпристрастное изслѣдованіе нельзя ли объяснить ее чужимъ вліяніемъ — очистительный процессъ, не лишній даже и для финскаго языка.

Боясь вѣдаться въ неумѣтныя подробности, прерываю эти замѣчанія и отправляюсь въ Разноволокъ (Разнъяргъ)—попытаю, не лучше ли пойдетъ изученіе лапландскаго языка хоть на этой станціи. — Все напрасно! Именио здѣсь—то и можно было воскликнуть съ Карамзинымъ (*):

(*) Съ Пушкинымъ.

Какая смѣсь одеждъ и лицъ.

Племень, паръчій, состояній!

Такъ-какъ всё вышеупомянутыя полчища Мурманцевъ должны непременно проѣзжать черезъ Разноволокъ, и лапландскіе ямщики изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ ждуть обыкновенно на этой станціи рыбаковъ, отправляющихся далѣе къ западу—то и не трудно представить себѣ какъ здѣсь все оживлено въ это время. Рассказываютъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на этой станціи собралось до 1200 человекъ. Теперь съѣздъ былъ, конечно, далеко не такъ великъ; но все-таки слишкомъ достаточенъ для наполненія двухъ маленькихъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ два кольскіе купца, остановившіеся здѣсь для продажи хлѣба Мурманцамъ, очистили намъ уголокъ, въ которомъ я и просидѣлъ, съ карандашемъ и бумагою въ рукахъ, цѣлые двадцать четыре часа. Въ этомъ—то именно уголкѣ я было и подвергся участи Орфея: бѣшенная женщина чуть-чуть не растерзала меня. Тѣснота ускорила мой отъѣздъ изъ Разноволока въ Риккатайвалъ (Рикеуоло).

Здѣсь лапландская природа, которая отъ самой Колы представляла намъ мало замѣчательнаго, начала снова выказывать свою исполинскую сторону. Въ Лапландіи красота природы (если только эта страна не вовсе лишена ея) состоитъ, и лѣтомъ и зимою, не въ разнообразіи и строгости очерковъ картины, а именно въ рѣшительной противоположности этому—въ безконечномъ однообразіи. Мы теперь на озерѣ Имандра; передъ нами его безчисленные заливы, ограничиваемые однимъ только темносинимъ небосклономъ; на лѣвой сторонѣ высятся мрачные, туманные очерки исполинской скалы Умитекъ. Какъ ни смутна и ни однообразна картина эта, она дѣйствуетъ однакожъ на человѣчeskій духъ удивительно сильно. Сколько бы ни философствовалъ человекъ, а для него рука Создателя въ громадномъ и исполинскомъ, какъ бы ни была недостаточна его форма, будетъ всегда несравненно очевиднѣе, чѣмъ въ мелкомъ и при всемъ совершенствѣ формы. Природа эта нисколько и не мертва; она оживляется вѣтромъ, играющимъ по далеко разстилающимся заливамъ,—разкатами грома на уходящихъ въ облака вершинахъ скалъ. А какъ хорошо зимнею ночью, когда небо сверкаетъ звѣздами и сѣвернымъ сіяніемъ. Куда ни помотришь вокругъ себя, на каждой малѣйшей точкѣ неизмѣримаго сѣвернаго моря видишь какое-то особенное движеніе, легкое дрожаніе, столь плѣнительное, что боишься утонуть въ созерцаніи его. Взглянешь на вершины скалъ—онѣ облиты взырывающимъ свѣтомъ, и вамъ кажется, что онъ, подобно пламени волбана, выходитъ изъ самой скалы. Этотъ свѣтъ разливается и

по всему небу, погорить нѣсколько времени и исчезнуть, чтобы через нѣсколько минутъ выплунуть снова и снова исчезнуть. Однимъ словомъ: какъ въ италянскій природѣ, такъ точно и въ лапландской вы найдете свои красоты, если только предадитесь созерцанію ея безъ заднихъ мыслей, безъ всякихъ заранѣ составленныхъ теорій.

Въ Риккатайвалѣ мы избавились наконецъ отъ мурманскихъ полчищъ. Какъ ни было пріятно отдохнуть послѣ безпрерывной десятидневной суетки, все-таки нельзя было и не подосадовать на то, что изъ-за этихъ случайныхъ помѣхъ мы рѣшительно не достигли главной цѣли нашего путешествія. Да и пособить этому не было уже никакой возможности, потому что въ Риккатайвалѣ и на остальныхъ двухъ станціяхъ большая часть жителей происходила отъ Финновъ, говорила, слѣдовательно, языкомъ испорченнымъ. Сверхъ того, и начинающаяся порча дорогъ заставляла насъ торопиться. Днемъ Лоари везли уже насъ не такъ охотно, боясь утопить оленей, что иногда и случалось. По этой именно причинѣ, прибывши въ Юкостровъ (Tschuk Suolo), мы должны были поздно вечеромъ отправиться еще за 36 верстъ до Самейке (Nieshke). Векорѣ, по выѣздѣ съ этой станціи, со мною случилась маленькая непріятность. Въ мой керсѣ запрягли молодого, плохо объѣзженнаго оленя. Между тѣмъ какъ я беззаботно любовался сѣвернымъ сіяніемъ, мой олень началъ бросаться изъ стороны въ сторону. Я, разумѣется, принялся воздерживать его отъ такихъ проказъ; но тутъ, на бѣду мою, возжа какъ-то зацѣпилась за рогъ. Это привело его въ крайнее отчаяніе; онъ рвался и прыгалъ изъ всей мочи и запутывалъ возжу все болѣе. Я вылезъ изъ саней съ тѣмъ, чтобъ отпутать ее, но онъ не понималъ моего намѣренія и продолжалъ рваться еще сильнѣе; наконецъ началъ дѣйствовать даже наступательно, направивъ на меня острые рога свои. По счастью, бросивъ возжу, я успѣлъ во время схватить ихъ обѣими руками и пригнулъ его голову къ землѣ. Не знаю, чѣмъ кончилась бы эта, весьма для меня невыгодная борьба, еслибъ мнѣ не удалось, улучивъ мгновеніе, вскочить обратно въ сани. И это было довольно опасно, потому что править мнѣ было не чѣмъ, а по огромному, покрытому твердою корою озеру Имандра, кромѣ нашей дороги, пролегало еще много другихъ, и мой олень могъ завести меня Богъ-знаетъ куда. Счастье поблагопріятствовало однакожъ мнѣ—я скоро нагналъ моихъ товарищей. Отпутавъ соединенными силами возжу, мы поѣхали далѣе, къ Самейкѣ, куда прибыли рано утромъ безъ особенныхъ приключеній. Въ тотъ же день добрались мы и до Кандака, порядочной Русской деревни при Кандакакской губѣ Бѣлаго моря. Молва о нашихъ знаніяхъ принеслась сюда прежде насъ. Меня приняли здѣсь какъ великаго прорицателя, а Лейрота какъ чудодѣйственнаго врача. Старухи приступили ко мнѣ съ прось-

бами, чтобы я рассказал имъ несколько незагодичную будущность ихъ; но намъ было не до предсказаній, и мы отправились въ путь, побывавши только въ гостяхъ у становаго пристава и продавъ ненужные болѣе кепсы, шубы и прочія лапландскія принадлежности мѣщанину Пашкову.

Отъ Кандалака до Кеми, ближайшей нашей дѣли, считаютъ 262 версты. Дорога идетъ частію вдоль берега, частію въ отдаленіи отъ него. Самый берегъ населенъ Русскими; деревни же, находящіяся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него—Карелами. Послѣднихъ много, конечно, и въ русскихъ деревняхъ, но эти поселились здѣсь уже въ новѣйшія времена. Часто встрѣчающіяся здѣсь финскія названія мѣстностей, такъ какъ и весьма распространенныя между народомъ преданія доказываютъ, однакожь, что русскія деревни, по-крайней-мѣрѣ многія изъ нихъ, были прежде обитаемы Карелами. Преданіе отличаетъ между Финнами, которыхъ Русскіе называютъ обыкновенно Шведами,—Кареловъ (Кареляки, Корели) и Чудь (Чухну); югозападный берегъ Бѣлаго моря оно заселяетъ одними Карелами, а южный и западный — Чудью, которую соединяетъ съ Эстами и Ингерманландцами. Не распространяясь объ основательности предположенія, что финское племя прежде распространялось до береговъ Бѣлаго моря, остановлюсь только на одномъ довольно трудномъ вопросѣ: куда же дѣлись эти древнѣйшіе жители береговъ? Предположеніе, что Русскіе оттѣснили ихъ сперва въ Лапландію, а отсюда въ Финляндію, весьма сомнительно. Судя по существующимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преданіямъ и по малочисленности теперешняго русскаго населенія въ сѣверныхъ частяхъ Архангельской губерніи, можно положительно сказать, что Русскіе проникли въ эти пустынные и бесплодныя страны не войной и не большими массами, а отдѣльными семействами, привлеченными сюда нуждой, надеждой на легчайшій способъ прокормленія, духомъ предприимчиваго бродяжничества и другими случайными причинами. Поэтому право сильнѣйшаго и не могло проявиться тутъ такъ сильно, по крайней мѣрѣ въ тѣ времена, когда одна и та же вѣра, одно и то же правленіе содѣйствовали соединенію древнѣйшихъ обитателей съ новыми поселенцами. Это столкновеніе двухъ, различныхъ по языку, обычаямъ и понятіямъ народовъ необходимо должно было кончиться уничтоженіемъ финской національности на берегахъ Бѣлаго моря, потому что эти берега (какъ я и докажу это ниже) представляли такіе способы пропитанія, которые могли привлекать по преимуществу Русскихъ, а не Финновъ. Что русское населеніе водворилось здѣсь мирно и не вытѣснило, а приняло въ себя финское племя, доказывается далѣе пренаполненіемъ русскаго языка въ Архангельской губерніи финицизмами и безпрестанными встрѣчами подъ русскими шапками несомнѣнно финскихъ фізіономій.

Примемъ ли это, или Шёгреново объясненіе исчезновенія Финновъ на берегахъ Бѣлаго моря — въ обоихъ случаяхъ придемъ къ одному выводу, что древнее населеніе Финновъ было здѣсь малочисленно и слабо, потому что какъ поглощеніе, такъ и вытѣсненіе ихъ Русскими (и въ настоящее время весьма малочисленными на сѣверномъ побережьѣ) возможно только въ такомъ случаѣ. Это явствуетъ и изъ другихъ отношеній. Если я только не составилъ себѣ совершенно ложнаго понятія о характерѣ и наклонностяхъ финскаго народа, то берега Бѣлаго моря не представляли ничего для его врожденной дѣятельности. Финны расположены по преимуществу къ земледѣлію и скотоводству; кажется, Провидѣніе для того и призвало ихъ на сѣверъ, чтобы они своей неутомимостью, терпѣніемъ, спокойнымъ и никогда неунывающимъ духомъ обработали пустыни Финляндіи, сѣверной Россіи и Скандинавіи. Финнъ любитъ эти занятія и своей маленькой міроукъ, въ которомъ онъ могъ бы дѣйствовать свободно и независимо — непремѣнное условіе его благоденствія. Поэтому онъ часто промѣниваетъ вполне обезпеченную жизнь подъ управленіемъ другаго чело- вѣка на трудную и убогую въ пустынѣ; по его понятіямъ: «у себя и воду пить изъ рѣшета лучше, чѣмъ пиво изъ серебряной кружки въ чужомъ домѣ». Въ слѣдствіе этого расположенія къ тихому, мирному и независимому кругу дѣйствій, и не могло быть многочисленнаго переселенія ихъ на берега Бѣлаго моря. Бесплодная, неспособная къ обработыванію почва ихъ и постоянные холодные вѣтры дѣлаютъ земледѣліе почти совершенно невозможнымъ. Здѣсь можно кормиться только моремъ—промысломъ, отъ котораго жизнь становится подвижной, бродячей, безпокойной, полной плановъ и спекуляцій; коротко—вполнѣ соответствующей русскому характеру. Въ Кольскомъ уѣздѣ 26 русскихъ деревень, а земледѣліемъ занимаются только три семьи. Даже и скотоводство весьма у нихъ незначительно. Не смотря на то, Русскіе пользуются благосостояніемъ, тогда какъ Финнъ является здѣсь обыкновенно въ плачевномъ видѣ нищаго или батрака. Тѣ же средства добывать, тѣ же промыслы открыты, однакожь, и Финнамъ; но они противны ихъ нравамъ. Вся сила Русскаго заключается въ его неистощимой оборотливости, расчетливости и готовности на предпріятія всякаго рода. Русскій ненавидитъ этотъ однообразный покой, который составляетъ высшее блаженство Финна. Русскій не можетъ оставаться всегда подъ своей кровлей, какая-нибудь небольшая пашня не можетъ сдѣлаться для него цѣлымъ міромъ. Онъ любитъ странствовать, добывать въ странахъ дальнихъ. Вы увидите его лѣтомъ и въ Архангельской гавани и близъ береговъ Норвегіи; зимою—на дорогахъ въ Москву, или въ Нижній. Даже и не имѣющіе средствъ на большія предпріятія не остаются дома. Руководствуясь несомнѣннымъ правиломъ: «хочешь ѣсть хлѣбъ и зимою, не сиди лѣтомъ

дома»—они разтѣзжаютъ на маленькихъ лодкахъ по Бѣлому морю и ловятъ семгу, сельдей, тюленей и бѣлугу. Добыли нѣсколько копѣекъ свыше нужнаго для прокормленія семьи—и они предпринимаютъ зимою болѣе или менѣе далекія торговыя поѣздки. Таковъ, въ нѣсколькихъ чертахъ, образъ жизни на берегахъ Бѣлаго моря, и если и не вполне, то болѣе всякаго другаго соответствующій природѣ ихъ. Но безпокойному духу, подвижности, въ особенности же по смѣтливому и страшно расчетливому уму, Русскій какъ бы созданъ для обитанія въ этихъ странахъ. Судя по русскимъ жителямъ Архангельской губерніи, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ народа, который умѣлъ бы пользоваться такъ, какъ Русскій всеми возможными обстоятельствами и даже случайностями, обращая каждую бездѣлицу въ свою пользу.

На станціяхъ между Кеми и Кандакаа испытали и мы нѣсколько обращиковъ этой практичности Русскихъ. Въ Колѣ мы не позаботились взять такъ называемую подорожную, дающую право брать почтовыхъ лошадей и потому должны были нанимать ихъ. При этомъ мужики сталиливались всякій разъ вокругъ насъ и начинали увѣрять, что всѣ лошади въ лѣсу, что онѣ только что воротились и не успѣли отдохнуть, однимъ словомъ: употребляли все, чтобы задержать насъ и черезъ то самое взять съ насъ какъ можно дороже. Въ послѣдней передѣ Кемью деревнѣ они прижали насъ такъ, что я нѣшкомъ пошелъ за лошадьми въ городъ; и только это, по опасенію могущихъ выдти отсюда непріятныхъ для нихъ послѣдствій, заставило ихъ дать пару жалкихъ клячъ, тотчасъ по моемъ уходѣ.

Кемь небольшой городокъ при устьѣ рѣки Кеми. Въ немъ нѣтъ ни архіерея, ни губернатора, никакихъ высшихъ сановниковъ, ни большихъ домовъ, ни особенныхъ памятниковъ. Онъ замѣчателенъ только сильно распространившейся религіозной сектой, послѣдователи которой называютъ себя старовѣрами (другіе называютъ ихъ раскольниками).

Испортившаяся дорога заставила насъ прожить въ этомъ раскольниковѣмъ городѣ противъ воли почти цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, 19-го мая, настала возможность продолжать путь. По цѣпмію лѣтней сухопутной дороги изъ Кеми въ Онѣгу, намъ приходилось ввѣрять себя бурнымъ волнамъ Бѣлаго моря. Сначала мы предполагали ѣхать прямо въ Архангельскъ, но водяное сообщеніе между нимъ и Кемью было еще закрыто; а потому, по совѣту жителей города, мы рѣшили ѣхать въ Соловецкій монастырь, находящійся верстахъ въ 60-ти отъ Кеми на одномъ изъ острововъ Бѣлаго моря—въ полной увѣренности, что оттуда скорѣе переберемся въ Архангельскъ.

Отыскавъ мѣсто въ небольшой лодкѣ, везшей въ этотъ монастырь нѣсколько богомольцевъ, мы отплыли туда ночью. Непреодолимый сонъ помѣшалъ намъ

обратить вниманіе на множество острововъ и скаль, которые, какъ намъ послѣ разсказывали, встрѣчались сначала ежеминутно. Верстахъ въ 30-ти отъ Кемп, мы вышли въ открытое море; вскорѣ были однакожь остановлены покрытыми льдомъ бухтами. Это заставили насъ высадиться въ 15-ти верстахъ отъ монастыря, въ который пріѣхали на присланныхъ изъ него лошадахъ и повозкахъ по весьма тонкому уже льду.

Здѣсь, къ крайнему прискорбію, узнали мы, что и отсюда плаваніе къ Архангельску не началось еще, по множеству носившихся по морю огромныхъ льдовъ. Въ слѣдствіе этого, мы съ благодарностью приняли предложеніе архимандрита пожить въ монастырѣ до первой возможности продолжать наше путешествіе. Радужные отшельники дѣлали все, чтобъ занять насъ: приглашали къ богослуженію, показывали сокровища, возили въ два другіе, близъ лежащіе монастыря; всего же болѣе интересовали насъ разсказы о судьбахъ самой Соловецкой обители со временъ ея основанія въ 1429 году (*). Вскорѣ истощился, однакожь, и этотъ интересъ, и наше нетерпѣніе возросло наконецъ до такой степени, что мы рѣшились пуститься въ Архангельскъ въ небольшой лодкѣ, несмотря на всѣ льды. Мы отправились 26 мая и добрались до него черезъ четыре дни довольно счастливо.

По пріѣздѣ въ этотъ городъ, мы тотчасъ же посѣтили архимандрита Веніамина, у котораго, по рекомендаціи Шёгрена, я располагалъ учиться Самоѣдскому языку все это лѣто. Не знаю почему, но только Веніаминъ не согласился быть нашимъ учителемъ. Въ слѣдствіе этого планъ нашего путешествія измѣнился значительно. Ленротъ рѣшилъ ѣхать въ Олоонецкую губернію для изученія, вмѣсто Самоѣдовъ, живущей тамъ Чуди; а я — употребить это лѣто на поѣздки къ Терскимъ Лопарямъ, которыхъ не удалось посѣтить прошлой зимой, не оставляя, впрочемъ и перваго предположенія отправиться къ Самоѣдамъ, какъ только установится зимній путь.

(*) Смотри Suemi, Tidskrift i fosterlandska ämnen. 1843, Heft. 4.

IV.

27-го іюня сѣлъ я на большую ладью, отправляющуюся изъ Архангельска, съ грузомъ муки, къ Мурманскому берегу. На пути она должна была вернуться и къ западному берегу Бѣлаго моря близъ Трехъ-Острововъ; тутъ я располагалъ выйти на берегъ и продолжать мое путешествіе къ живущимъ здѣсь Терскимъ Лопарямъ сухимъ уже путемъ. Постоянное нездоровье, слѣдствіе моихъ разъездовъ прошлой зимой по Лапландіи, не могло благопріятствовать путешествію по странѣ дикой и пустынной. Въ самую минуту отъѣзда я чувствовалъ такую слабость, что съ трудомъ дотащился до ладьи. Нисколько не считая болѣзни моей опасною, Ленротъ совѣтовалъ мнѣ однакожь, если къ слѣдующему дню мнѣ не будетъ лучше, никакъ не продолжать путешествія, а выйти на берегъ еще въ Двинѣ. Но я не могъ исполнить этого совѣта, потому что, когда на другое утро проснулся—мы были уже въ Бѣломъ морѣ. О возвращеніи, разумѣется, нечего было и думать, и я, по неволѣ, покорился судьбѣ, какъ ни было плачевно мое положеніе.

Переѣздъ отъ устья Двины до Трехъ-Острововъ совершается припутномъ вѣтрѣ въ 24 часа; но вѣтеръ не благопріятствовалъ намъ. Вскорѣ по выѣздѣ въ открытое море наступила совершеннѣйшая тишь, принудившая насъ бросить якорь близъ маленькаго островка. Здѣсь мы стояли нѣсколько дней постоянно жарясь на жгучемъ солнцѣ. Отъ этого здоровье мое разстроивалось все болѣе, а силы до того истощились, что ихъ едва доставало и на то, чтобъ выбраться изъ тѣсной и душной каюты на палубу. Палуба не представляла ничего привлекательнаго, потому что, отъ сильныхъ жаровъ, находившіеся на ней съѣстные припасы начали портиться и распространяли страшную вонь, которая въ каютѣ была, по крайней мѣрѣ, не такъ ощутительна. Не смотря на то, я оставлялъ каюгу акуратно два раза въ день, потому что корабельщикъ и его товарищи—

вѣ строгіе раскольники — совершали въ ней каждое утро и каждый вечеръ свое длинное моленіе, при которомъ, какъ еретикъ, по сдѣланному нами напередъ условію, я не могъ присутствовать. А впрочемъ, мнѣ не запрещали высказывать прямо мои протестантскія вѣрованія и защищать ихъ отъ безпрестанныхъ нападеній корабельщика. Ему, очевидно, хотѣлось обратить меня въ свою вѣру. Увидавъ, наконецъ, тщету вѣсхъ усилій своихъ, онъ привелъ ко мнѣ съ другой ладьи, стоявшей не въ далекомъ также на якорѣ, настоящаго раскольникяго попа, который тотчасъ же подвергъ меня длинному допросу о моей вѣрѣ. Попъ этотъ остался, по видимому, не совсѣмъ недовольнымъ мною, потому что, по окончаніи исповѣди, пилъ чай изъ моего стакана и повторялъ нѣсколько разъ, что мое еретическое вѣроисповѣданіе не совсѣмъ еще дурно. Прощаясь со мною, онъ обѣщавъ навѣщать меня и употребить все, чтобъ указать мнѣ настоящій путь ко спасенію.

Это однакожъ не удалось ему, потому что на другой день (4-го іюля) повѣялъ благопріятный вѣтеръ, а ловля осетровъ въ Мурманскомъ морѣ, какъ для корабельщика такъ и для попа, была, разумѣется, несравненно интереснѣ всякихъ стараній завлечь меня въ свои сѣти. Даже о спасеніи собственной души, объ обычной утренней молитвѣ корабельщикъ вспомнилъ только послѣ того, какъ поднялъ паруса и тяжелая ладья поплыла, послѣ недѣльнаго стоянія! Сначала мы шли вдоль восточнаго берега Бѣлаго моря или такъ называемой Двинской губы. Вѣтеръ былъ попутный; деревня за деревней являлись и пезезали. У Зимнегорскаго мыса простилась мы съ Архангельскимъ берегомъ и повернули въ открытое море. Къ полудню, восточный берегъ исчезъ; мы шли нѣсколько часовъ, не видя ничего кромѣ пустыннаго моря и мрачнаго неба. Вскорѣ показались однакожъ бѣлые, покрытые льдомъ западные или Терекіе берега; я былъ увѣренъ, что въ тотъ же день мы пристанемъ къ *Тремъ-Островамъ*. Но вдругъ вѣтеръ потянулъ на СВ., и я, къ немалому прискорбію, замѣтилъ, что судно наше все болѣе и болѣе уклоняется отъ настоящаго пути. Съ закатомъ солнца, подошли мы однакожъ къ Терекскому берегу; но отъ этого было не легче, потому что, по словамъ корабельщика, мы находились около полутораэта веретъ къ югу отъ Трехъ-острововъ. Тутъ мы опять стояли весь слѣдующій день на якорѣ и съ нетерпѣніемъ ждали переменъ. Я между тѣмъ разспрашивалъ подробно объ этой мѣстности и, когда узналъ, что верстахъ въ 20-ти къ сѣверу есть русская деревня, то началъ требовать, чтобъ меня непременно высадили на берегъ — въ полной увѣренности, что я одинъ отыщу эту деревню, близъ которой надѣялся найти и Терекіихъ Лопарей. Доводы корабельщика убѣдили меня, однакожъ, подождать до слѣдующаго дня. Слѣдующій же день (6 іюля) былъ для раскольниковъ

великимъ праздникомъ, а потому корабельщикъ и надѣялся, что усиленные молитвы ихъ вызовутъ благопріятный вѣтеръ. «Увидишь, что Богъ милостивъ и пошлетъ намъ завтра попутный вѣтеръ» — говорилъ онъ мнѣ послѣ вечерней молитвы; и за тѣмъ, улегшись спать, рассказалъ еще нѣсколько повѣстей о моряхахъ, которые продолжительнымъ постомъ и молитвами добывали попутный вѣтеръ.

Его увѣренность оживила и меня отрадной надеждой на слѣдующій день. Съ развѣтомъ корабельщикъ созвалъ весь экипажъ свой въ каюту, зажегъ передъ всѣми, находившимся въ ней образами восковыя свѣчи, накуриль ладономъ и началъ читать длинныя молитвы, сопровождая ихъ частыми колѣнопреклоненіями и земными поклонами. Какъ еретикъ, я отправился, по обыкновенію, на палубу. Я не спускалъ глазъ съ моря и его обширныхъ заливовъ; никогда не было оно такъ спокойно и свѣтло, какъ въ это утро. Вскорѣ показались однаковъ на сѣверной части небосклона густыя облака, предвѣстники бурнаго дня. Черезъ нѣсколько минутъ затѣмъ замѣтилъ я въ нѣкоторомъ отдаленіи кружащейся водоворотъ, быстро приближавшійся къ нашему судну вмѣстѣ съ несшимся за нимъ густымъ туманомъ. Такое необыкновенное явленіе поразило меня, и я поспѣшилъ прервать богослуженіе громкимъ зовомъ на палубу. Всѣ молившіеся бросились тотчасъ же на верхъ; но прежде чѣмъ они выбѣжали, буря бушевала уже и непроницаемый туманъ покрывалъ уже все. «Поднимай якорь!» закричалъ корабельщикъ; но вмѣстѣ съ этимъ крикомъ раздался трескъ, и судно наше помчалось вѣтромъ. Якорь нашъ, единственный нашъ якорь, погибъ. «Что теперь съ нами будетъ?»—спросилъ я корабельщика, надѣясь услышать утѣшительное слово; но онъ разразился ужасными проклятіями, которыя заключилъ желаніемъ, чтобы чортъ взялъ и его, и меня, и судно, потому что онъ лишился славнаго якоря, за который заплатилъ не меньше ста рублей. Несмотря на это дикое отчаяніе, онъ созвалъ однаковъ весь экипажъ на совѣтъ, на которомъ рѣшили держаться, какъ можно, ближе къ берегу и стараться войти въ ближайшую рѣку. Рѣшеніе это было вполнѣ благоразумно, но не выполнимо; не смотря на всѣ усилія, вооруженнаго длинными шестами, экипажа ввести судно, на которомъ оставили только половину паруса, въ устье рѣки—буря все-таки умчала его, въ нѣсколько мгновеній, въ открытое море. Тутъ еще сильнѣе почувствовали мы жестокость ея. Спасти скриньки, мачты гнулись; внутри самаго судна раздавался часто трескъ, всякій разъ наводившій на мысль, что оно разбилось. Валы поднимались какъ башни, и одинъ за другимъ перелѣтали черезъ палубу. Все подвижное на ней необходимо было привязать, или свести внизъ — иначе оно сдѣлалось бы добычею волнъ. Даже матросы держались за канаты и подвергались величайшей опас-

ности, когда приводилось переходить съ одного конца судна на другой. Миѣ указали мѣсто въ крѣпко привязанномъ на палубѣ баркасѣ, и я сидѣлъ въ немъ, держась руками за борты, потому что безъ того волны, безпрестанно хлеставшія черезъ судно непременно снесли бы меня въ море.

Послѣ неудачной попытки ввести судно въ устье рѣки, рѣшили править къ противоположному берегу Бѣлаго моря, въ надеждѣ, хоть тамъ найти спасительную пристань. Сначала вѣтеръ не благопріятствовалъ и этому намѣренію, грозилъ прибить насъ къ Соловецкимъ островамъ и сокрушить судно у береговъ ихъ. Корабельщикъ и весь экипажъ начали серьезно отчаяваться въ спасеніи и напихались съ горя до пьяна. Отъ этого дѣло пошло, разумѣется, еще хуже; слышались только брань и проклятія. Корабельщикъ безпрестанно жаловался миѣ, что водка совсѣмъ не дѣйствуетъ на него, и не давалъ миѣ покоя, пока не выконючилъ у меня бутылки рома. Опорожнивъ ее, онъ пришелъ въ такое состояніе, что не могъ уже взойти на палубу и лежалъ недвижимъ въ каютѣ. Глядя на него, и всѣ люди одинъ за другимъ разошлись по койкамъ, предоставивъ судно произволу волнъ моря. Одинъ однихонекъ сидѣлъ я на палубѣ въ моемъ баркасѣ и ждалъ рѣшительной минуты. Къ вечеру замѣтилъ я, однакожъ, что вѣтеръ начинаетъ потягивать къ востоку; сдѣлавъ это счастливое открытіе, я сошелъ въ каюту, разбудилъ храпѣвшаго корабельщика, послалъ его на палубу, а самъ улегся на его мѣстѣ. Утомленный страшными тревогами дня, я заснулъ тотчасъ же и проспалъ всю ночь. Моряки говорили миѣ послѣ, что этой ночи они не забудутъ во всю жизнь свою. Проснувшись поутру, я узналъ, что мы находимся въ безопасности близъ восточнаго берега Бѣлаго моря, у вышеупомянутаго Зимнегорскаго мыса. Кромѣ насъ, еще 30 судовъ, пригнанные бурей, нашли здѣсь убѣжище. Корабельщикъ нашъ добылъ съ одного изъ этихъ судовъ новый якорь и сталъ на немъ у подошвы высокаго берега.

За симъ буря бушевала еще нѣсколько дней то съ меньшею, то съ большею силою. Между тѣмъ и безъ того постоянно плохое здоровье мое разстроилось такъ, что корабельщикъ серьезно началъ убѣждать меня выдти на берегъ и воротиться въ Архангельскъ. Но миѣ никакъ не хотѣлось отказать отъ моего плана; къ тому же я полагалъ, что странствованіе по Тереккой Лапландіи непременно укрѣпитъ меня. Въ слѣдствіе этого, я остался на кораблѣ, пилъ чай, велъ богословскія пренія съ корабельщикомъ, бесѣдовалъ съ моряками другихъ судовъ, однимъ словомъ, всячески старался сдѣлать мое пребываніе на морѣ, сколько можно, сноснымъ. Между прочимъ, желая узнать что нибудь обстоятельное о надписяхъ, которыя, какъ слышалъ, встрѣчаются на скалахъ Мурманскаго берега — я

пригласилъ къ себѣ, въ одинъ изъ этихъ дней, стараго моряка, слышавшаго весьма свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ. Старикъ разсказалъ мнѣ, что видѣлъ самъ одну надпись на скалѣ Антикеева острова, но не могъ разобрать ее, потому что буквы были не русскія. Полагалъ, однакожъ, что она сдѣлана Русскимъ, и вотъ по какому поводу: давно, въ древнія времена, одинъ англійскій викингъ повадился приходить каждое лѣто съ кораблемъ своимъ къ Мурманскому берегу и собирать съ тамошнихъ рыбаковъ дань рыбой, ворванью, мукой, крупой, и т. п. Отказывались рыбаки платить ее — викингъ вызывалъ лучшаго изъ бойцевъ на единоборство. А такъ какъ морекой этотъ разбойникъ былъ очень храбръ и силенъ, то никто и не принималъ его вызова, соглашаясь лучше платить требуемую имъ дань. Въ одно лѣто случился однакожъ между рыбаками человѣкъ, который, по неважности и невидности своей, исправлялъ у нихъ должность стражника. Не смотря на то человѣкъ этотъ былъ одаренъ необычайною силой; онъ принялъ вызовъ викинга и избавилъ наконецъ рыбаковъ отъ разорительнаго гостя. За тѣмъ онъ же и увѣковѣчилъ побѣду свою надписью на скалѣ.

Я располагалъ разсмотрѣть какъ эту надпись, такъ и все, какія встрѣтятся мнѣ на Мурманскомъ берегу, но непредвидѣнные обстоятельства покончили вскорѣ и весь планъ моего путешествія. Пять дней и пять ночей простояли мы у Зимнихъ горъ (отъ 7-го до 11-го іюля) въ совершенной безопасности; но 11-го іюля вѣтеръ усилился снова, а за тѣмъ разыгралась такая буря, что и въ этой пристани не было уже намъ защиты, и мы опять подвергались опасности потерять якорь. Она бушевала всю ночь, и весь экипажъ ни на минуту не сходилъ съ палубы. Когда я проснулся поутру—въ каютѣ горѣли свѣчи передъ образами, и корабельщикъ стоялъ передъ ними на колѣняхъ. Кончивъ моленье, онъ сообщилъ мнѣ, какъ дурно наше положеніе. Ночью буря усилилась значительно и начала срывать судно съ якоря; утомленные ночью работой, матросы перешлись и теперь все, за исключеніемъ одного, и ни къ чему неспособны. При такихъ обстоятельствахъ, по его мнѣнію, не было другаго пехода, какъ сняться съ якоря и пуститься на произволъ вѣтра; а потому онъ и совѣтовалъ мнѣ сойти на берегъ и не подвергаться новымъ опасностямъ. Опасность, въ самомъ дѣлѣ, была не малая; къ тому жъ, купавшись накануне, я простудился, и у меня начиналась лихорадка. Несмотря на это, я все еще не соглашался; когда же и самъ корабельщикъ угостилъ себя бутылкою водки и двумя большими стаканами рома — дѣлать было уже нечего: я рѣшился перебраться на берегъ съ тѣмъ, чтобы потомъ, смотря по обстоятельствамъ, возвратиться или на судно, или въ Архангельскъ.

Единственный трезвый матросъ перевезъ меня черезъ пѣнвшійся прибой на берегъ; оставивъ тутъ мои немногіе пожитки, я отправился тотчасъ же отыскивать рыбацїй притонъ, находившійся, какъ мнѣ сказали, верстахъ въ восьми отъ этого мѣста. Большой, утомленный, я употребилъ на этотъ переходъ болѣе половины дня, и наконецъ добрался до двухъ жалкихъ лачугъ. Здѣсь, сколько я ни упрашивалъ рыбаковъ сходить за оставленными на берегу вещами, общая имъ за это приличное вознагражденіе—они ни за что не хотѣли оказать мнѣ эту маловажную услугу. Возмущенный такимъ безчеловѣчіемъ, я отправился за ними самъ, и уже ночью возвратился въ одну изъ лачугъ, въ которой мнѣ отвели какой-то скверный чуланъ. Отъ чрезмѣрнаго напряженія лихорадка усилилась, и я пролежалъ цѣлые трое сутокъ почти въ совершенномъ безпамятствѣ; когда же пришелъ въ себя, то узналъ, что всѣ суда ушли уже въ море. Рыбаки собирались также оставить это мѣсто, а потому я и сталъ просить ихъ не покидать меня одного, больного и безпомощнаго, на пустынномъ берегу, а отвезти въ деревню Куя, находившуюся въ 22-хъ верстахъ. Казалось, что просьбы мои тронули ихъ; но когда зашла рѣчь о вознагражденіи, то они рѣшительно объявили, что не могутъ взять менѣе ста рублей ассигнаціями, потому что теперь самое благопріятное время для рыбной ловли. Это требованіе превышало мои средства, и мнѣ, по неволѣ, приходилось оставаться и ждать, что пошлетъ судьба моя.

Возмутительное безчеловѣчіе рыбаковъ и безпомощность моего положенія не могли не имѣть весьма вреднаго вліянія на болѣзнь мою. Я снова впалъ въ бредовое состояніе: мнѣ все казалось, будто я окруженъ разбойниками, и часто бросался изъ угла въ уголъ, стараясь спрятаться отъ ихъ преслѣдованія. Наконецъ и темный чуланъ мой показался мнѣ не безопаснымъ, и я ушелъ въ лѣсъ. Узкая тропинка привела меня къ ручейку, оживленному зелеными березами и цвѣтущимъ боярышникомъ. Красота этого мѣста пробудила во мнѣ сознаніе; я легъ на траву и слушалъ пѣніе птицъ, вдыхалъ въ себя запахъ цвѣтовъ. Сначала голова моя была такъ тяжела, что кружилась сильно при каждой попыткѣ приподнять ее; но затѣмъ мнѣ становилось все легче и легче. Удивленный такимъ внезапнымъ поправленіемъ, я напалъ было на страшную мысль, что сошелъ съ ума; вскорѣ замѣтилъ, однакожъ, что лихорадочный жаръ продолжается еще. Онъ и нѣкоторые другіе признаки привели меня наконецъ къ заключенію, что болѣзнь моя чисто катарральная лихорадка. Открытіе это успокоило меня вполнѣ, и я рѣшилъ тотчасъ же возвратиться въ рыбацью хижину и приняться за леченіе потогоннымъ питьемъ. Подходя къ ней, увидѣлъ я у входа двухъ солдатъ, пристально глядѣвшихъ на меня. Я спросилъ, куда они идутъ; они отвѣтили грубо, что Куйской таможенный началь-

никъ прислалъ ихъ сюда, пересмотрѣть мои пожитки. Я согласился на осмотръ безъ всякаго сопротивленія; далъ даже имъ на водку. Миѣ хотѣлось уговорить ихъ отвезти меня въ Кую; зная, впрочемъ, что корыстолюбивые рыбаки, если только догадаются, употребятъ все, чтобы помѣшать этому, потому что черезъ то лишились бы напередъ разсчитанной прибыли. И въ самомъ дѣлѣ, они бродили около меня подобно жаднымъ волкамъ и павостряли уши, стараясь подслушать мой разговоръ съ солдатами. Сначала солдаты смотрѣли на меня очень недоувѣрчиво; но мой паспортъ убѣдилъ ихъ наконецъ, что я русской подданный и чиновникъ, ѣдущій по дѣламъ службы. Это открытіе, и то, что я чиновникъ, да еще не меньшій ихъ собственнаго начальника, порѣшили все — они взяли меня въ свою лодку и привезли въ Кую за весьма умѣренную плату. Прибывъ сюда, они отвели меня прямо къ таможенному чиновнику и отрапортовали, что у меня не нашлось не только контрабанды, но и никакихъ другихъ вещей, кромѣ нѣсколькихъ книгъ. За симъ я передалъ чиновнику мое положеніе и все, что вытерѣлъ. Мой разсказъ и продолжавшаяся еще лихорадка подѣйствовали на него такъ, что онъ принялъ во мнѣ искреннее участіе: самъ отыскалъ миѣ покойное помѣщеніе, позаботился и о надлежащемъ уходѣ. По счастію, у него были еще потогонныя и другія простыя лекарственныя средства, употребленіе которыхъ вскорѣ избавило меня отъ лихорадки — оставалась только страшная слабость. Когда же, черезъ нѣсколько дней, я оправился такъ, что можно было уже думать объ отъѣздѣ, въ довершеніе своего добраго дѣла, таможенный чиновникъ снарядилъ шлюпку и отправилъ меня въ Архангельскъ въ сопровожденіи четырехъ солдатъ. Тѣмъ и кончилось, безъ всякой пользы для науки, мое жалкое путешествіе въ Терекую Лапландію.

И въ Архангельскѣ положеніе мое было весьма не завидное. И для жизни въ городѣ и для поѣздокъ въ окрестности, которыя хотѣлось бы изслѣдовать въ антикварномъ отношеніи, у меня было слишкомъ мало денегъ. Казна моя состояла всего-на-все изъ 15-ти рублей серебромъ; а съ такою суммой не много сдѣлаешь для науки. Между тѣмъ нашлись въ Архангельскѣ нѣсколько Самоѣдовъ, которые были еще бѣднѣе меня, и почитали себя чрезвычайно счастливыми, когда я приходилъ въ ихъ лачуги и угощаль рюмкой водки. Одинъ изъ нихъ такъ увлекся моею щедростію, что добровольно призналъ себя моимъ слугою и обѣщаль слѣдовать за мною на край свѣта. Я ограничился возведеніемъ его въ званіе моего учителя Самоѣдскаго языка и отправился вмѣстѣ съ нимъ за 17 верстъ отъ Архангельска въ деревню Уйма. Тутъ я провелъ весь остатокъ лѣта, что чрезвычайно было полезно какъ для моего

здоровья, такъ и для изученія Самоѣдскаго языка. Векоръ и казна моя поправилась значительно: Финнскій сенатъ назначилъ 1000 р. серебромъ вспоможенія для моего путешествія. Съ полученіемъ этихъ денегъ я возвратился въ Архангельскъ, гдѣ и продолжалъ учиться Самоѣдскому языку всю осень.

V.

Въ концѣ ноября я въ третій разъ выѣхалъ изъ Архангельска съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться уже въ этотъ городъ, чѣмъ бы ни кончилось предпринимаемое мною путешествіе къ Самоѣдскимъ тундрамъ. Архангельскіе друзья мои описывали тундры самыми мрачными красками и всячески старались отговорить меня отъ путешествія, соединеннаго, по ихъ мнѣнію, съ трудностями и непріятностями, которыхъ никакъ не вынесетъ мое слабое здоровье. Отчасти и я раздѣлялъ ихъ опасенія; но кто же не лоходилъ, въ увлеченіи юношескимъ энтузіазмомъ, до готовности жертвовать идеѣ даже и самой жизнью? Надежда обогатить науку какимъ либо открытіемъ, воодушевила меня рѣшимостью, которой, по крайней мѣрѣ тогда, ничто не могло поколебать. Къ тому жъ на этотъ разъ многое ручалось за лучшій исходъ предпринимаемаго мною путешествія: въ продолженіе моего пребыванія въ Уймѣ и въ Архангельскѣ, здоровье мое значительно поправилось, кошелекъ мой пришолъ въ несравненно лучшее состояніе, и сверхъ всего этого у меня были еще открытое предписаніе и отличныя рекомендательныя письма отъ министра внутреннихъ дѣлъ и отъ членовъ Св. Синода. — Обезпеченный такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ, я пустился въ путь съ самыми свѣтлыми надеждами.

Дорога шла черезъ Холмогоры—знаменитую древнюю крѣпость Біармцевъ, теперѣ же незначительный уѣздный городокъ, въ 70-ти верстахъ отъ Архангельска. Прошедшимъ лѣтомъ, я охотно началъ бы расказыванія на томъ мѣстѣ, гдѣ, по всѣмъ предположеніямъ, находился храмъ Юмалы и древнее біармское кладбище, но тогда у меня не было на это средствъ; теперь же земля была скована морозомъ и такъ занесена снѣгомъ, что даже и мысль объ этомъ не могла првдти въ голову. Не смотря на то, я прожилъ въ Холмогорахъ нѣсколько дней и собралъ множество преданій (*) объ исчезнувшихъ Біармцахъ, объ ихъ городѣ и храмѣ, объ ихъ

(*) Большую часть этихъ преданій я помѣстилъ въ моемъ разсужденіи о Заволочской Чудѣ. См. Повременное изданіе Suomi, 1844.

соброрищахъ и славѣ. Отсюда я поѣхалъ въ Пинегу—другой еще меньшій уѣздный городокъ, находящійся въ 132 верстахъ отъ Холмогоръ. Въ Пинегѣ я пробылъ такъ же нѣсколько дней; здѣсь заинтересовали меня старый Чудской городокъ и жена городничаго Софья Кирилловна Громова. Неблагопріятное время года помѣшало мнѣ заняться подробнымъ изслѣдованіемъ перваго; но за то дало возможность коротко познакомиться съ послѣдней. Она пользовалась любовью и уваженіемъ всего округа; ее называли матерью, потому что, имѣя шестерыхъ благовоспитанныхъ дѣтей, она была ею и для чужихъ, нуждавшихся въ материнскомъ попеченіи. Кромѣ того, она помогала больнымъ совѣтомъ и лекарствами, которыя приготавливала сама изъ дикорастущихъ травъ. Всего же болѣе прославляли ее хозяйственныя знанія, которыми, какъ рассказывали, она усилила благосостояніе не только въ Пинегѣ, но и въ округѣ. Ей приписывали разведеніе во многихъ мѣстахъ плодовыхъ деревьевъ и картофеля и даже значительное улучшеніе скотоводства. Все это побудило меня искать ея знакомства, и я нашелъ въ ней умную, энергическую женщину и прекрасную хозяйку. Только что я пріѣхалъ въ Пинегу и объявилъ о себѣ въ полицію, что путешествую съ ученою цѣлью, почтенная эта женщина тотчасъ же принялась хлопотать, совершенно безъ моего вѣдома, о вызовѣ ко мнѣ отовсюду людей свѣдущихъ. Но большую часть и притомъ важнѣйшихъ свѣдѣній о краѣ я замѣствовалъ все-таки отъ нея; она знала и рассказала мнѣ много преданій о древней Чуди и замѣчательно, что она сама собою дошла также до заключенія, что эта Чудь была финскаго происхожденія. Стараясь всеми возможными средствами способствовать моимъ ученымъ изслѣдованіямъ, супруга городничаго не забывала въ то же время и о моихъ житейскихъ потребностяхъ. Я долженъ былъ ежедневно обѣдать у ней; подмѣтивъ мой вкусъ, она снабдила меня, за тѣмъ, на дорогу множествомъ любимыхъ мною свѣдей. Покойный отецъ этой рѣдкой женщины, докторъ богословія и философъ, Эрикъ Ленквистъ былъ пасторомъ въ Оривези; тутъ, во время послѣдней войны, она отдала свое сердце одному изъ русскихъ офицеровъ и много странствовала съ нимъ по свѣту, покуда судьба не поселила ихъ въ бѣдной Пинегѣ.

Не безъ сожалѣнія разстался я съ почтенною моею соотечественницею и продолжалъ путешествіе къ Мезени, до которой зимою считается отъ Пинегы 143 версты, а отъ Архангельска — 345. Кола на западномъ берегу Бѣлаго моря, а Мезень на восточномъ — крайніе города свѣта и послѣднія точки просвѣщенія. До Мезени живутъ русскіе христіане, за нею начинается самоѣдское народонаселеніе, болѣею частью языческое. Уже въ Мезени встрѣчалъ я на улицахъ закутанныхъ въ большія тяжелыя шубы Самоѣдовъ, нанималъ нѣсколькихъ въ учителя и переводчики;

но они не охотно принимали мои предложенія, и не исполняли свою обязанность такъ плохо, что я вскорѣ отпустилъ всѣхъ и отправился за сорокъ верстъ, въ Сомжу — деревню, которая въ это время должна была быть настоящимъ мѣстопробываніемъ Самоѣдовъ. Но и здѣсь — тѣже неудачи, потому что на все населеніе нашла страсть къ пьянству. Я выбралъ трезвѣйшаго изъ всѣхъ, но и онъ оказался рѣшительнымъ пьянишкой; попробовалъ взять Самоѣдку — и она не выдержала дня; нанялъ за тѣмъ нишаго, лишенаго средствъ напиваться — онъ былъ такъ лѣнивъ, что ни на одинъ вопросъ не могъ отвѣчать путно. Видя невозможность отыскать этимъ путемъ хоть нѣсколько сноснаго переводчика или учителя, я прибѣгъ, наконецъ, къ министерскимъ бумагамъ. Вызвавъ изъ кабака всѣхъ бывшихъ тамъ Самоѣдовъ, я объяснилъ имъ содержаніе моихъ бумагъ, и на основаніи ихъ потребовалъ, чтобъ мнѣ представили въ учителя и переводчики человѣка трезваго и порядочнаго. Самоѣды вообще послушны и трусливы; они тотчасъ же приступили къ совѣщанію. Выборъ ихъ палъ на только что прибывшаго отъ Канинскаго носа Самоѣда, по общему мнѣнію умнѣйшаго и трезвѣйшаго на всей Канинской тундрѣ. Его привели ко мнѣ; сначала онъ и въ самомъ дѣлѣ казался весьма порядочнымъ, но черезъ нѣсколько часовъ мои разпросы наскучили ему и онъ прикинулся больнымъ: упалъ на землю, стоналъ и охалъ и ползалъ у моихъ ногъ, умолая о помилованіи, до тѣхъ поръ, пока, выведенный изъ терпѣнія, я не вытолкалъ его за дверь. Вскорѣ за тѣмъ я увидалъ его близъ кабака лежащимъ на снѣгу въ безчувственно пьяномъ состояніи.

Онъ лежалъ здѣсь не одинъ: все снѣжное поле вокругъ Бахусова храма было усеяно павшими героями и героинями. Всѣ они лежали ничью, полузанесенные снѣгомъ. Здѣсь царствовала тишина могильная, тогда какъ въ кабакѣ раздавались неистовые крики, но отнюдь не брани и не драки — напротивъ, всѣ находившіеся тамъ были въ самомъ веселомъ и дружелюбномъ расположеніи. По временамъ изъ кабака выходили полуныяные мужчины съ кофейникомъ въ рукахъ — бродили, боясь пролить драгоценный напитокъ, съ величайшей осторожностью по снѣгу и внимательно осматривали cadaго изъ павшихъ товарищей, очевидно отыскивая мать, жену, невѣсту, или кого-нибудь изъ дорогихъ сердцу. Отыскавъ желанную особу, они ставили кофейникъ на снѣгъ, повертывали лежавшаго навзничъ, всовывали рыльце кофейника въ ротъ своего любимца и выливали упительную влагу въ его горло. За тѣмъ они снова обращали его лицомъ внизъ и тщательно укрывали сіе послѣднее, чтобъ обезопасить его отъ мороза.

Не имѣя возможности порядочно продолжать даже въ Сомжѣ мои фило-

логическія занятія, отъ нечего дѣлать я часто любовался этими нѣжными сценами, повторявшимися ежедневно. Большую, однакожь, часть времени я проводилъ въ шатрообразномъ шалашѣ или чумѣ нищихъ Самоѣдовъ, находившемся не вдалекѣ отъ деревни; чумъ этотъ былъ моимъ ученымъ кабинетомъ. Крики дѣтей, лай собакъ и вой вѣтра не могли, конечно, способствовать основательному изученію языка; но, какъ повичекъ, я находилъ здѣсь все таки много поучительнаго. Подъ конецъ со мною случилось происшествіе, которое, можетъ быть, отбило бы охоту къ прогулкамъ въ этотъ чумъ, еслибъ ихъ не прекратили другія обстоятельства. Разъ, сидя въ немъ вечеромъ, я заучивалъ нѣкоторыя самоѣдскія изреченія; вдругъ, только что я произнесъ, къ немалому удовольствію Самоѣдовъ, довольно чисто: тансеръ нумгана (у Бога непогода), и въ самомъ дѣлѣ поднялась жестокая буря. Чумъ затрещалъ, снѣгъ посыпалъ въ скважины и въ дымовое отверстіе, починикъ погасъ, и Самоѣды попрытались подъ свои мѣха. У меня не было мѣха, и мнѣ не оставалось ничего другаго, какъ выползти изъ чума и отправиться домой въ деревню. Разстояніе было не велико; но отъ непогоды страшно затруднительно. Каждый, кто и не испытывалъ непогоды на самоѣдскихъ тундрахъ, знаетъ, что въ бурю и мятель трудно и дышать, и глядѣть, и твердо стоять на ногахъ. Я часто долженъ былъ останавливаться, чтобъ, повернувшись спиной къ вѣтру, перевести дыханіе, протереть слѣзлившіеся отъ снѣгу глаза, отдохнуть отъ чрезмѣрныхъ усилій. Отъ этого и отъ безирестаанныхъ переменъ вѣтра, я скоро потерялъ дорогу. Борьба съ вѣтромъ и снѣгомъ и тщетныя попытки открыть огонекъ моего жилища, напомнили мнѣ стихотвореніе Карамзина, недавно мною прочтенное, гдѣ описывается колдунъ, пляшущій въ мятель. Мнѣ казалось, что я нахожусь уже во власти злыхъ духовъ, и представленіе это усилилось еще болѣе, когда я услышалъ внятно и подавъ меня громкій храпъ. Я однако не испугался, но рѣшился изслѣдовать причину этого явленія. Это былъ Самоѣдъ, остановившійся на тундрѣ, чтобъ дать вздохнуть оленямъ. «Куда?» спросилъ я его. «Въ кабакъ», отвѣчалъ мнѣ твердый голосъ. Объяснивъ Самоѣду, что я путешествующій чиновникъ, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ и, между прочимъ, спросилъ: сколько завряжено у него оленей. Спрашивая это, я желалъ учтивымъ образомъ сказать Самоѣду: ты ѣдешь одинъ на столькихъ оленяхъ, что могъ бы и меня подвезти до деревни. Но подозрительный Самоѣд иначе растолковалъ себѣ мой вопросъ: онъ заключилъ, что я имѣю намѣреніе завладѣть его оленями. Онъ бросился къ моимъ ногамъ и жалобно сталъ умолять меня о пощадѣ. Я, съ своей стороны, обѣщалъ ему не только не трогать его оленей, но угостить даже водкою, если онъ свезетъ меня въ деревню, и онъ съ радостію согласился на мое предложеніе. —

Возвратясь на свою квартиру, узналъ я, что Архангельскій гражданскій губернаторъ пріѣхалъ въ Мезень и прислалъ нарочнаго въ Сожу за Самоѣдскимъ тадибеємъ или колдуномъ, чтобъ посмотричь его штуки. Это побудило меня отправиться въ Мезень, ибо я былъ увѣренъ, что меня пригласятъ на представленіе. Такъ и случилось; но оно ограничилось тѣмъ, что, по приказанію губернатора, къ немалому удовольствію ребятишекъ, на торговой площади былъ поставленъ чумъ колоссальныхъ размѣровъ, въ которомъ тадибей началъ предсказывать судьбу его превосходительства, страшно стуча на своемъ барабанѣ. Я тотчасъ замѣтилъ, что онъ хитритъ, желая этимъ по выгодѣ и поскорѣе отдѣлаться. Когда же, оставшись съ нимъ наединѣ, я сказалъ ему, что недоволенъ его гаданіемъ, онъ просилъ моего покровительства передъ губернаторомъ и обѣщалъ мнѣ за то показать свое искусство вполнѣ, на Канинской тундрѣ, въ его собственномъ чумѣ. Уговорившись съѣхаться тамъ чрезъ нѣсколько дней, мы занялись оба приготовлениями къ отъѣзду изъ Мезени.

Прежде нежели разстанусь съ этимъ городомъ, опредѣлю однакожъ, мимоходомъ, границы страны, въ которую отправляюсь. Она ограничивается съ сѣвера Ледовитымъ моремъ, съ запада Ураломъ, съ востока Бѣлымъ моремъ, а съ юга лѣсами, распространенными до 66 или 67° сѣв. широты. Это огромное пространство, составляющее такъ называемую Мезенскую тундру, дѣлится рѣкою Печерою на двѣ половины. Восточную, наибольшую половину ея, находящуюся между Ураломъ и Печерою, Русскіе называютъ Большеземельскою тундрой или Большою землею, а Самоѣды аарка-я, что то же значить: западную же, простирающуюся отъ Печоры до Бѣлаго моря и не имѣющую у Русскихъ особеннаго имени, Самоѣды называютъ ньюде-я (малая земля). Эта, въ свою очередь, дѣлится также на двѣ половины: на Канинскую и Тиманскую или Тиунскую тундру. По официальнымъ указаніямъ, двѣ послѣднія тундры отдѣляются одна отъ другой рѣкою Пишей, а по самоѣдскимъ — рѣкою Спопой; обѣ эти рѣки впадаютъ въ Чесскую губу. Къ западу отъ одной изъ этихъ рѣкъ простирается Канинская тундра, въ которую включается и Канинскій Носъ; къ востоку же, до Печоры—Тиманская тундра. У Самоѣдовъ Канинская тундра называется Салье; это значить: мысь, и относится собственно къ Канинскому Носу. Тиманскую тундру Самоѣды называютъ Юде-я, среднюю землю, т. е. землей, лежащей между Канинскою и Большеземельскою тундрами (*).

(*) Въ отношеніи къ приведеннымъ здѣсь названіямъ не мѣшаетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ не русскія и не самоѣдскія, а заимствованныя, вѣроятно, изъ языка древней Чуди или

Чтобъ не забѣгать впередъ, я ограничусь покуда этими краткими топографическими замѣчаніями; въ послѣдствіи я пополнию ихъ подробнѣйшими описаніями мѣстностей, которыя привлекутъ мое вниманіе.

теперешнихъ Финновъ. Такъ напр. слово тундра чуждо и русскому и самоѣдскому языку, но въ финскомъ языкѣ существуетъ подъ формою тунтуры. Изъ другихъ названій: русское Большая земля и самоѣдское Ларка-я очевидно прямой переводъ финскаго *iso ma a* (большая земля). Подробнѣе объ этомъ въ моемъ «Разсужденіи о Заволочской Чуди».

VI.

Девятнадцатаго декабря, 1842 года, передь домомъ Мезеньскаго городничаго стояла кибитка, запряженная двумя лошадыми. Ямщикъ выносилъ изъ дому маленькіе ящики, сумки, пачки обшитыя клеенкою, и два полицейскіе служителя укладывали все это въ кибитку. Между тѣмъ на улицѣ собралась толпа зрителей: мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ. Не смотря на сильный морозъ, они простояли около двухъ часовъ подлѣ кибитки, изъ того, чтобъ только посмотреть, какъ будетъ усаживаться проѣзжающій. Многіе заглядывали въ низенькія окна дома, желая узнать, скоро ли кончится обѣдъ, замедлявшій отъѣздъ. Наконецъ, предметъ ожиданій явился взорамъ любопытныхъ. Между тѣмъ, какъ отъѣзжающій осматривалъ свои вещи и приказывалъ перемѣстить нѣкоторыя, вокругъ него дѣлали разныя замѣчанія о немъ и о его путешествіи. «Такъ молодъ и долженъ ѣхать въ Сибирь!» сказала съ сожалѣніемъ пожилая женщина.— «И говорятъ прожить тамъ много, много лѣтъ», прибавилъ сосѣдъ ея. «Возвратится назадъ старикомъ, ну что ему будетъ тогда и родина; а невѣстно за что бѣднаго ссылають?»—«Я кое-что знаю объ этомъ», раздался голосъ изъ толпы. Пріѣхавъ въ нашъ городъ, Нѣмецъ подѣхалъ прямо къ городничему; городничаго не было дома, но Нѣмецъ все-таки приказалъ внести свои вещи къ нему, остался въ его домѣ, и все время сидѣлъ у него, какъ въ тюрьмѣ. Потомъ пріѣхалъ жандармскій полковникъ; этому отвели особенную квартиру, но онъ захотѣлъ жить у городничаго вмѣстѣ съ Нѣмцемъ. Полковникъ часто до полуночи разговаривалъ съ Нѣмцемъ на иностранномъ языкѣ, и вотъ Нѣмецъ ѣдетъ въ Сибирь — дѣло ясное, не по добру».—«Ты ничего не смыслишь», возразилъ ему кто-то. «Я знаю, что у Нѣмца есть письма отъ важныхъ людей, и что онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ. Остановился онъ у городничаго, какъ всѣ, которые ѣздятъ по казенной надобности, какъ жандармскій полковникъ. И за чѣмъ онъ въ Сибирь ѣдетъ, и то знаю. Сижу я разъ, вечеромъ, у

Алексея Васильевича, вот и приходит Немецъ, и въ рукахъ у него огромная книга. Алексѣй Васильевичъ двадцать лѣтъ прожилъ на тундрѣ и все знаетъ; онъ ему и сталъ называть всѣ горы и рѣки, а Немецъ все записывалъ. Потомъ рассказалъ ему Алексѣй Васильевичъ, въ какихъ горахъ черный камень, въ какихъ снѣгъ; гдѣ мѣдь и желѣзо, гдѣ даже золото и серебро находится. Немецъ записалъ все это въ свою книгу; стало онъ искать золота и прочаго, что въ горахъ бываетъ».

Все это было сказано съ такою увѣренностію, что никто не посялъ возражать. Кто-то прибавилъ только: «Посмотримъ теперь, откроютъ ли Ижемскіе Зыряне, гдѣ золотыя горы, или, не смотря на пушки, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ привезли въ Ижемокъ, все еще будутъ противиться повелѣніямъ начальства».— За этимъ поднятіемъ моего значенія, раздались опять голоса сострадательные. Соболезновали не только обо мнѣ, но и обо всѣхъ, оставшихся дома, особенно о бѣдной, покинутой женѣ. Наконецъ меня окружила толпа нищихъ, которые жалобнымъ голосомъ просили Христа-ради; неотступнѣе всѣхъ была одна дряхлая баба съ укутанной головою и въ полосатой юбкѣ, прищѣвавшая: «подай денежку нищенкѣ; Бога буду за тебя молить, и Богородица призритъ тебя на пути; нищенская молитва къ ней доходить». Я развязалъ кошелекъ и раздалъ нѣсколько грошей; потомъ вкочилъ въ кибитку, и, взглянувъ изъ нея на окружающихъ, увидѣлъ, что нищіе, оборотившисьъ лицомъ къ церкви, молились, по обѣщанію старухи, за мое благополучіе. Тутъ раздался благовѣтъ къ вечерни. Всѣ сняли шапки и стали креститься. За тѣмъ я слышалъ еще громкое: «съ Богомъ!» и потомъ я не слыхалъ уже ничего кромѣ глухаго колокольнаго звона.

Такъ началъ я свое путешествіе къ Самоѣдамъ. Благовѣтъ еще раздавался въ моихъ ушахъ, когда я пріѣхалъ въ деревню Сомжу. Почтовой колокольчикъ возвѣстилъ жителямъ о пріѣздѣ челоуѣка съ подорожною. Мою кибитку тотчасъ же окружила толпа любопытныхъ, и меня приняли, какъ стараго знакомаго, потому что я заѣзжалъ уже въ эту деревню. Это было для меня тѣмъ пріятнѣе, что надѣялся избавиться отъ показыванія моего паспорта и другихъ бумагъ; но радость моя была преждевременна. Едва успѣлъ я снять шубу, какъ явились два служителя закона, съ приказомъ отъ становаго пристава (въ тотъ же день прибывшаго въ Сомжу), чтобъ я немедленно явился къ его благородію. Это подало поводъ къ забавному спору о чинахъ, который кончился тѣмъ, что становой явился самъ ко мнѣ съ почтеніемъ, сопровождаемый нѣсколькими наиболѣе значительными жителями, и предписалъ имъ немедленно исполнять всѣ мои законныя требованія. За тѣмъ онъ спросилъ, не имѣю ли я и теперь чего нибудь приказать ему. Вспомнивъ объ условленномъ въ Мезени сви-

даніи съ самоѣскимъ тадибеємъ, жившимъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сомжи, я попросилъ проводить меня къ нему; но въ деревнѣ никто не зналъ, гдѣ находится чумъ Самоѣда. Въ слѣдствіе этого становой приставъ тотчасъ отдалъ приказаніе отыскать чумъ и привести ко мнѣ тадибея. Въ ожиданіи его, я принялся приводить въ порядокъ старыя замѣтки — дѣло, за которое я всегда принимаюсь, если нѣтъ чего нужнѣйшаго.

Посланный возвратился только на третій день послѣ моего пріѣзда, и съ тадибеємъ. Когда я напомнилъ послѣднему наше условіе, скрѣпленное съ моей стороны цѣлковымъ, онъ отвѣчалъ, что отказывается отъ всего, что, сдѣлавшись христіаниномъ и стоя на краю могилы, не хочетъ имѣть сообщенія съ дьяволомъ, что онъ ежечасно своей чародѣйственный барабанъ, и даже для исцѣленія своей больной дочери не хотѣлъ просить совѣта у Тадебціо; что онъ готовъ или возвратитъ мнѣ цѣлковый, или сообщить мнѣ за него какія угодно свѣдѣнія объ искусствѣ тадибеевъ. Мнѣ не трудно было достать другой барабанъ и поколебать нѣсколькими рюмками водки рѣшимость тадибея, но я почелъ обязанностію уважить совѣтъ бѣднаго Самоѣда. Сверхъ того, свѣдѣнія, которыя тадибей обѣщала мнѣ сообщить, были для меня гораздо важнѣе его фокусовъ; послѣдніе могъ мнѣ показать всякій необращенный еще тадибей. Приведу здѣсь нѣсколько замѣчаній о чародѣйствѣ Самоѣдовъ.

Предметы магіи у всѣхъ народовъ одинаковы; ихъ столько же, сколько у человѣка желаній, намѣреній и нуждъ. Но главныя—врачеваніе и предсказываніе. У нѣкоторыхъ народовъ, напримѣръ у Финновъ, первое мѣсто занимаетъ врачевство, у другихъ, какъ у Самоѣдовъ, предсказываніе. Смотри по различной степени образованности народовъ, по ихъ образу воззрѣнія и ихъ духовному развитію, колдунъ дѣйствуетъ или самъ, силою собственнаго духа, или только при помощи боговъ, имъ призываемыхъ. Такъ финскій колдунъ самъ одаренъ способностію дѣлать чудеса силою своей воли, проявляемой его заклинаніями — *sanat*, и силою своихъ знаній, доказываемыхъ его заговорами—*synty*. По мнѣнію Самоѣдовъ, колдунъ самъ почти ничего не можетъ, онъ только толмачъ міра духовъ; все его могущество заключается въ томъ, что онъ можетъ приходить въ сообщеніе съ духами, называемыми Тадебціо, и получать отъ нихъ нужныя свѣдѣнія. Подобно Самоѣдамъ, Тадебціо упрямы, лукавы и своенравны. Иногда они вовсе не слушаются тадибея; иногда обманываютъ его ложными предсказаніями; старыхъ же тадибеевъ рѣшительно дурачатъ. Тадибей долженъ быть молодъ и полонъ силъ, здоровъ и крѣпокъ, потому что часто, по повелѣнію Тадебціо, долженъ рѣзать и терзать себя ножомъ и другими острыми орудіями. Говорятъ, что этотъ обычай выходитъ уже изъ упо-

требленія; но прежніе тадибей, какъ гласятъ преданія, пронзали себя коньями, стрѣляли въ себя стрѣлами, заставляли себя рѣзать на мелкіе куски и снова оживали. Нѣчто подобное разсказывается и объ нѣкоторыхъ, еще живущихъ тадибейхъ; слѣдующее происшествіе показываетъ, что эти разказы имѣютъ какое-нибудь основаніе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сошлись въ чумѣ, на Тиманской тундрѣ, три Самоѣда и одинъ Русскій. Одинъ изъ Самоѣдовъ былъ посвященъ въ таинства тадибеевъ. Другіе, неизвѣстно для чего, попросили его поколдовать. Дошедши до обычнаго восторженнаго состоянія, тадибей, во время самаго чародѣйства, приказалъ, чтобы въ него выстрѣлили изъ заряженнаго ружья. Одинъ изъ Самоѣдовъ исполнилъ приказаніе, но далъ промахъ, или, какъ разсказываютъ, пуля отпрыгнула отъ тѣла. Опять зарядили ружье и выстрѣлили другой Самоѣдъ, но также неудачно. Удивленный Русскій зарядилъ ружье снова, выстрѣлил и — попалъ. Тадибей упалъ мертвый. Я встрѣтилъ на Банинской тундрѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, которые ѣхали слѣдовать это дѣло. Результатовъ слѣдствія я не знаю, и разсказъ мой основанъ на общихъ толкахъ. — О древнихъ тадибейхъ разсказываютъ множество исторій, которыя встрѣчаются и въ финскихъ народныхъ преданіяхъ. Они летаютъ, плаваютъ подъ водою, поднимаются до облаковъ, проваливаются сквозь землю, и принимаютъ какой угодно видъ.

Дѣлаются же тадибейми весьма просто. Искусство это наследственно: *magus non fit, sed nascitur*. Того же мнѣнія и Финны; но финскій чародѣй обязанъ долго учиться заговорамъ и заклинаніямъ, и многимъ другимъ продѣлкамъ. Самоѣдскій же избавленъ отъ всякаго труда. Все, что первый долженъ самъ выработать съ помощію отцевъ наследованной мудрости, все это самоѣдскій тадибей предоставляетъ поученію Тадебцію — онъ только переводитъ, что они говорятъ ему на языкѣ, понятномъ одному тадибею. Хотя я и слышалъ, что Самоѣды говорятъ: поучиться у тадибей; но въ чемъ состоитъ это ученіе, никто не могъ объяснить мнѣ это порядкомъ. Сообщу здѣсь те, что слышалъ отъ одного Самоѣда, и что разсказано мнѣ было подъ великою тайною. Пятнадцати лѣтъ онъ былъ отданъ въ науку къ тадибеймъ, потому что изъ его семьи было нѣсколько знаменитыхъ шамановъ. Учителями его должны были быть два тадибей. Они зязявали ему глаза, дали ему въ руку барабанъ и приказали барабанить. Между тѣмъ, одинъ изъ учителей билъ его по темени, а другой по спицѣ. Это продолжалось нѣсколько времени, и вдругъ все кругомъ црѣсвѣтлѣло: онъ увидалъ множество Тадебціевъ, плясавшихъ у него на рукахъ и на ногахъ. Ученикъ испугался, бѣжалъ къ священнику и окрестился; съ тѣхъ поръ онъ не видалъ болѣе Тадебціевъ. Къ объясненію этого я долженъ прибавить, что передъ урокомъ тадибей воспламе-

или воображеніе ученика разсказами о чудесахъ, совершаемыхъ этими духами.

Когда тадибей, какъ слѣдуетъ, посвященъ въ таинства своего званія, то онъ обзаводится барабаномъ и особеннымъ костюмомъ. Барабанъ, смотря по состоянію тадибея, бываетъ болѣе или менѣе изукрашенъ мѣдными кольцами, оловянными бляхами и тому подобнымъ. Онъ всегда круглъ, но не одинаковой величины. Самый большой, какой я видѣлъ, былъ въ $\frac{3}{4}$ локтя въ діаметрѣ и въ $\frac{1}{8}$ локтя вышиною. Онъ обтягивается съ одного только конца тонкою, прозрачною оленью кожей. Этотъ небольшой снарядъ, въ рукахъ тадибея, могущественное орудіе; имъ возбуждаетъ онъ собственный духъ, его громкіе звуки проникаютъ въ темный міръ духовъ и пробуждаютъ ихъ отъ лѣниваго сна. Костюмъ тадибея красивъ и странный; онъ состоитъ изъ замшевой рубашки (самбурча) съ красною суконною каймою, съ такими же вышусками по вѣсьмъ швамъ и эполетами на плечахъ изъ такой же яркой матеріи. На глаза и на все лицо спущенъ лоскутъ сукна, потому что тадибей проникаетъ въ міръ духовъ не тѣлесными глазами. Голова не покрыта; только узенькая лента изъ краснаго сукна проходитъ по затылку, а другая по теменю для укрѣпленія лоскута, спускающагося на лицо. На груди виситъ желѣзная бляха.

Наряженный такимъ образомъ, колдунъ садится, чтобъ просить у Тадебіо совѣта и помощи. Ему обыкновенно прислуживаетъ другой тадибей, менѣе посвященный. Чародѣйство начинается тѣмъ, что главный тадибей, стуча въ барабанъ, запѣваетъ нѣсколько словъ таинственнымъ, ужасающимъ напѣвомъ. Помощникъ принимается тотчасъ же подтягивать ему, и оба поютъ одинъ и тѣ же слова, подобно финскимъ рунопѣвцамъ. Каждое слово, каждый слогъ растягиваются до безконечности. Послѣ этого краткаго вступленія, какъ скоро начинается бесѣда съ Тадебіо, главный тадибей часто замолкаетъ и барабанитъ слабѣе. Вѣроятно, онъ прислушивается тутъ къ отвѣту Тадебіо; помощникъ же продолжаетъ пѣть послѣднія слова его. Но только что кончится эта безмолвная бесѣда съ Тадебіо, оба тадибея начинаютъ страшно ревѣть, громко барабанить, и за тѣмъ возвѣщаютъ изрѣченіе оракула. Замѣчу еще, что пѣсни тадибеевъ состоятъ изъ нѣсколькихъ словъ, и почти-что импровизируются. Вообще въ саомѣдскихъ пѣсняхъ отдѣльныя слова не имѣютъ большаго значенія, еще менѣе размѣръ и стоичесложеніе. Если пѣвецъ знаетъ что ему нужно, слово является само-собою; не приходится оно къ напѣву, то онъ выискиваетъ тотъ или другой слогъ, или растягиваетъ его, смотря по требованію. Но если онъ не поетъ, а только читаетъ пѣсню, то онъ заботится о соблюденіи нѣкотораго ритма, къ которому и мое ухо нѣсколько прислушалось. Этотъ

ритмъ, не составляя правильнаго стопосложенія, подходит однакожь нѣсколько къ трохеямъ.

Пополню эти общія замѣчанія описаніемъ нѣкоторыхъ частныхъ приемовъ самоѣдкаго чародѣйства. При пропаянъ оленя напѣвъ очень простъ; Тадебціо призывается слѣдующими словами, сообщенными мнѣ однимъ изъ тадибеевъ:

Придите, придите,
Духи волшебные!
Вы не придете—
Я къ вамъ приду.

Пробудитесь, пробудитесь,
Духи волшебные!
Я къ вамъ пришелъ,
Пробудитесь отъ сна!

Тадебціо отвѣчаетъ:

Скажи же намъ
Что тебѣ нужно?
За чѣмъ пришелъ
Возмутить нашъ покой?

Тадибей:

Сей часъ пришелъ
Ко мнѣ Илець (Самоѣдъ);
Пристаегъ ко мнѣ
Человѣкъ сей сильно:
Пропаяль олень у него.
По тому-то къ вамъ
И пришелъ я.

На этотъ призывъ, по увѣренію моего Самоѣда, является обыкновенно одинъ Тадебціо. Если же ихъ приходится много, то одинъ говоритъ такъ, другой иначе—и тадибей не знаетъ, кому вѣрить. За снѣмъ тадибей начинаетъ спрашивать своего услужливаго духа отыскать оленя: «Ищи его, ищи хорошенько, чтобъ олень не пропаяль». Разумѣется, Тадебціо исполняетъ желаніе его; между тѣмъ тадибей продолжаетъ просить, чтобъ онъ искалъ хорошенько, покуда олень найдется. По возвращеніи Тадебціо, тадибей принимается увѣщевать его, чтобъ говорилъ правду: «Не лги; если солжешь, мнѣ будетъ плохо; надо мной будутъ насмѣхаться мои товарищи; говори прямо, что ты видѣлъ; скажи доброе, скажи злое, только однимъ словомъ; будешь говорить много (т. е. неопредѣленно и сбивчиво), то мнѣ не хорошо будетъ», и т. д.—Тадебціо называетъ мѣсто, гдѣ онъ видѣлъ оленя. Тадибей, вмѣстѣ съ тѣмъ, кто искалъ его помощи, идетъ къ назначенному мѣсту; но онъ не отвѣтчикъ, если олень между тѣмъ убі-

жалъ или если другой тадибей, но наставленію своихъ Тадебціо, замель слѣды оленя, и т. п. Должно замѣтить, что тадибей, до начала гаданія, освѣдомляется подробно обо всѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ пропалъ олень: когда и гдѣ это случилось, не полагаетъ ли Самоѣдъ, что олень украденъ, какіе у него сосѣди, не во враждѣ ли онъ съ кѣмъ-нибудь и проч. Если Самоѣдъ не въ состояніи дать ему нужныхъ объясненій—онъ прибѣгаетъ къ своему барабану, спрашиваетъ тоже самое у Тадебціо, потомъ снова разспрашиваетъ Самоѣда и продолжаетъ это, покуда по показаніямъ самого Самоѣда не дойдетъ до какого-нибудь рѣшенія. Это-то рѣшеніе онъ и слышитъ потомъ, во время восторженного состоянія, изъ устъ Тадебціо. Возможно, впрочемъ, что это рѣшеніе составляется иногда и во время самаго восторженного состоянія, подобно сну или магнетическому видѣнію; во всякомъ случаѣ это вѣрно, что тадибей дѣйствительно и самъ вѣрять, будто слышитъ изрѣченіе изъ устъ Тадебціо. Меня убѣдила въ этомъ простота и совершенная одинаковость ихъ разсказовъ, и еще болѣе нерѣдкое при- знаваніе колдуна, что онъ не могъ призвать Тадебціо, или не могъ добиться отъ него яснаго отвѣта, при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ можно было сострять какое угодно изрѣченіе.

Кромѣ означеннаго средства къ отысканію оленя, есть еще другое, употребляемое Самоѣдами, непосвященными въ науку тадибеевъ. Составляютъ на землѣ кругъ изъ оленьихъ роговъ; въ средину этого круга кладутъ оселокъ, на него огниво, топоръ, или другую желѣзную вещь, но такъ, чтобъ она составляла съ оселкомъ крестъ и легко могла свалиться. За сѣмъ Самоѣдъ ходитъ вокругъ роговъ, покуда желѣзо свалится. На которую сторону оно упало, тамъ и олень; стоитъ только отправиться по этому направленію и олень самъ выйдетъ на встрѣчу. Также отыскиваютъ и заблудившихся людей, но кругъ составляется тогда изъ человѣческихъ волосъ.

Призоветъ тадибея на помощь больной, то какъ бы ни было опасно положеніе его, лѣченіе не начинается въ тотъ же день, а откладывается до первой утренней зари. Въ продолженіе же ночи тадибей призываетъ своего Тадебціо и проситъ у него совѣта и помощи. Если больному къ утру сдѣлается лучше, то пора прибѣгнуть къ барабану. Въ противномъ случаѣ, должно ждать седьмой утренней зари. Не поправится онъ и тутъ, тадибей объявляетъ его неизлѣчимымъ и даже не приступаетъ къ леченію. Оказалась, напротивъ, переменна въ состояніи больного, тогда леченіе возможно и тадибей спрашиваетъ его, не знаетъ ли онъ, кѣмъ наслана на него болѣзнь; если больной не знаетъ, тадибей продолжаетъ разспрашивать, кто его враги, съ кѣмъ онъ ссорился и дрался, и т. д. Не можетъ больной и тутъ сообщить достаточныхъ свѣдѣній, онъ вопрошаетъ Тадебціо.

Не узнавши происхожденія недуга, Тадибей ничего не смѣетъ предпринять. Можетъ, болѣзнь послана богомъ, а его всемогущества Тадибей безнаказанно не можетъ искушать. Но и въ томъ случаѣ когда окажется, что болѣзнь произошла отъ злыхъ людей, Тадибей ограничивается все-таки только тѣмъ, что просить Тадебціо помочь болящему. Незбѣжное послѣдствіе этой помощи то, что виновникъ болѣзни самъ заболѣваетъ. Не знаю, можно ли положиться на слова Тадибеевъ, но они увѣряли меня, что больше ничего не дѣлаютъ при лѣченіи больныхъ. Они говорятъ, что не знаютъ никакихъ заговоровъ и заклинаній, не знаютъ и естественныхъ лѣкарствъ. По крайней мѣрѣ я не могъ открыть у нихъ другихъ способовъ лѣченія, кромѣ, извѣстнаго почти у всѣхъ народовъ, прижиганія. Для этого Самоѣды сушатъ березовую губку, вырѣзываютъ изъ нея маленькіе кусочки, которые зажигаютъ и кладутъ на больное мѣсто. Они считаютъ хорошимъ знакомъ, если кусочки трута отскакиваютъ отъ тѣла; потому что съ ними отлетаетъ и боль.

Изъ всего сказаннаго видно, что познанія Тадибеевъ—хотя они и почитаются мудрыми и свѣдущими людьми, — на дѣлѣ весьма ограничены. Впрочемъ они въ нихъ и не нуждаются, имѣя такъ услужливыхъ Тадебціевъ. Однакожъ и Тадебціи не всемогущіе духи: они подвластны Нуму или Илеумбаэрте (Илибеамбаертю)—такъ называютъ Самоѣды своего бога. Это видно изъ одной пѣсни, въ которой Тадибей посылаетъ своего Тадебціо къ Нуму, чтобъ испросить помощь больному. Тадибей обращается въ этой пѣсни къ своему Тадебціо такъ: «не покидай больного, ступай на верхъ, ступай къ Нуму и проси о вспоможеніи». Тадебціо исполняетъ приказаніе, но тотчасъ же возвращается съ извѣстіемъ, что Илеумбаэрте «не сказалъ слова», не даетъ помощи. Тогда Тадибей начинаетъ упрашивать Тадебціо, чтобы онъ самъ помогъ; этотъ отвѣчаетъ: «какъ мнѣ помочь? вѣдь я меньше Нума, я не могу помочь». Тадибей продолжаетъ просить его, чтобъ онъ снова вознесся и неотступно умолялъ бы Нума о помощи и спасеніи. Тадебціо, въ свою очередь, совѣтуетъ Тадибею подняться на верхъ. Тадибей возражаетъ: «я не могу, говорить, добраться до Нума; онъ слишкомъ далекъ отъ меня; если бы я могъ добраться до него, я не сталъ бы просить тебя, а пошелъ бы къ нему самъ; но я не могу, такъ ступай же ты къ нему». Тадебціо соглашается наконецъ и говоритъ: «для тебя я пойду; но Илеумбаэрте безпрестанно бранитъ меня и говоритъ, что не скажетъ мнѣ слова», и т. д.

Скажу здѣсь кетати нѣсколько словъ о языческихъ вѣрованіяхъ Самоѣдовъ. Объ Нумѣ или Илеумбаэрте Самоѣды разсказываютъ почти то же, что въ финскихъ пѣсняхъ говорится объ Укко. Онъ царствуетъ въ воздухѣ, и посылаетъ оттуда громъ и молнію, дождь и снѣгъ, бурю и не-

пут. т. II. 9

погоду. Его часто смѣшиваютъ съ видимымъ небомъ, которое также называется нумъ; звѣзды почитаются частями Нума, и называются нумги т. е. Нуму принадлежащія. Радуга, какъ видно изъ ея названія нумбану, ельветъ каймой ризы Нума. Солнце тоже чувствуется, какъ Нумъ или Илибеамбаертъе. На разсвѣтѣ Самоѣдъ выходитъ изъ своего чума и, обратившись къ солнцу, молится словами: «когда ты Илибеамбзертъе поднимаешься, то и я поднимаюсь»; тоже дѣлаетъ онъ при захожденіи его, говоря: «когда ты Илибеамбаертъе заходишь, такъ и я иду отдыхать». Отъ иныхъ Самоѣдовъ я слышалъ, что и земля, и море, и вся природа—тоже Нумъ. Другіе напротивъ, вѣроятно въ слѣдствіе вліянія христіанства, считаютъ его Творцемъ міра; полагаютъ, что онъ правитъ имъ и посылаетъ счастье и благосостояніе, оленей, лисицъ и всякаго рода богатства. Онъ же охраняетъ оленей отъ дикихъ звѣрей, отчего и называется также Илибеамбаертъе, т. е. хранитель стадъ. Онъ знаетъ и видитъ все, что совершается на землѣ. Когда люди дѣлаютъ доброе, онъ посылаетъ имъ оленей, хорошій ловъ, удачу во всемъ, продолжаетъ ихъ жизнь и т. д. Если же, напротивъ, видятъ, что они грѣшатъ, онъ насылаетъ имъ бѣдность, несчастія и преждевременную смерть. По отсутствію яснаго понятія о будущей жизни, Самоѣды вѣрятъ, что добро и зло получаютъ должное возмездіе во время самой жизни. Оттого у нихъ безграничное отвращеніе отъ грѣха (хаебеа) и отъ дурныхъ дѣлъ, особенно отъ смертоубійства, воровства, клятвoprеступленія и прелюбодѣянія. Хотя они и преданы пьянству, чрезмѣрную невоздержность считаютъ, однакожь, грѣхомъ, и праздничные дни называютъ днями грѣха (хебида ялеа); вѣроятно потому, что на тундрѣ вошло въ обычай по воскресеньямъ и праздникамъ сильно пьянствовать. Нумъ наказываетъ за убійство и клятвoprеступленіе смертію, за воровство — бѣдностію, за прелюбодѣяніе — неблагополучными родами и т. п.

Кромѣ Нума, Самоѣды чувствуютъ еще домашнихъ боговъ, фетишей или, такъ называемыхъ, Хахе; имъ они передаютъ свои желанія и потребности, ихъ помощи и содѣйствія просятъ они при всякомъ предпріятіи, особенно отправляясь на ловлю. Хахе и Тадебціи одинаково второстепенныя божества, подвластныя Нуму; но Тадебціи — духи, показывающіеся только однимъ Тадебямъ, тогда какъ Хахе—видимые идолы, къ которымъ могутъ обращаться все, не посвященные даже въ таинства чародѣйства. Эти Хахе или искусственныя, или естественныя произведенія. Къ послѣднему разряду относятся необыкновенные камни, деревья и другія рѣдкія порожденія природы; нашелъ Самоѣдъ такую, по его понятіямъ, голую въ идолы, рѣдкость—онъ обвертываетъ ее пестрыми лентами и лоскутками и возитъ съ собою всюду. У Самоѣдовъ идолопоклонниковъ есть особенныя для этихъ

фетяшей сани—называемыя хахен-гань. Если идолъ великъ и не укладывается въ сани—онъ считается общественнымъ, народнымъ божествомъ; на островѣ Вайгачѣ такихъ народныхъ идоловъ много, и все они изъ камней и скалъ (*). Главный находится посреди острова и называется *я іеру хахе*, т. е. Хахе владыка земли. Это огромный камень, лежащій вблизи пещеры. Рассказываютъ, что въ древности этого камня здѣсь не было, и никто не знаетъ, когда и кѣмъ онъ сюда занесенъ; форма его похожа на человѣка, за исключеніемъ головы, которая слишкомъ заострена. По этому образцу, говоритъ преданіе, Самоѣды стали дѣлать идоловъ различныхъ размѣровъ изъ дерева; они называютъ ихъ *Съ я д е я м и*, потому что у нихъ человѣческое лицо (съя). Эти идолы, представляющіе и боговъ и богинь, одѣты по-самоѣдски, обвѣшаны и изукрашены всякаго рода лентами и яркими лоскутьями. Встрѣчаются, впрочемъ, на мѣстахъ, гдѣ Самоѣды производятъ ловы, и голые идолы, всегда обращенные лицомъ къ западу.

По недостатку дерева, Самоѣды дѣлаютъ себѣ идоловъ изъ земли и изъ снѣга, и они также называются общимъ именемъ Хахе. Эти, и по преимуществу снѣжные, дѣлаются на короткое время, для какого-нибудь особеннаго случая, напримѣръ для присяги. Этотъ религіозный обрядъ часто употребляется у некрещеныхъ Самоѣдовъ. Если такого Самоѣда обокрадутъ, и онъ имѣетъ на кого-нибудь подозрѣніе, то призываетъ подозрѣяемаго къ присягѣ. Онъ дѣлаетъ тогда Хахе изъ камня, дерева, земли или снѣга, приводитъ къ нему своего противника, закалываетъ собаку, разбиваетъ сдѣланный имъ истуканъ и говоритъ, обращаясь къ тому, кого подозрѣваетъ въ покражѣ: «если ты укралъ, то погибни какъ эта собака». Этой клятвы Самоѣды боятся такъ, что дѣйствительный воръ скорѣе сознается, чѣмъ допустить до нея. Иногда, вмѣсто Хахе, употребляютъ при этомъ обрядѣ морду медвѣдя, которую разрѣзываютъ въ куски; и это почитается еще страшнѣйшимъ, потому что, по понятіямъ Самоѣдовъ, медвѣдь также божество и гораздо могущественнѣйшее Хахе. Эта присяга чаще всего употребляется при покражѣ, но ею пользуются и при другихъ случаяхъ. Не обращеннымъ Самоѣдамъ дозволяется въ судахъ присягать по своему.

Жертвоприношеніе всегда необходимо, когда призываютъ на помощь Хахе или Съядея. Если просятъ только счастливаго лова, то жертву можетъ приносить всякій; если дѣло важнѣе, то долженъ присутствовать и совершать жертвоприношеніе Тадибей.—Обрядъ этотъ совершается нѣсколь-

(*) Иславинъ говоритъ, что на островѣ Вайгачѣ находится 20 истукановъ; что, кромѣ того былъ еще одинъ деревянный, сожженный въ 1827 году миссіонерами.

ко различно въ различныхъ мѣстахъ и различными Тадибеями. Мнѣ сказывали, что въ иныхъ мѣстахъ Тадибей, поставивъ на землю Хахе, втыкаетъ передъ нимъ пруть, съ привязанной къ верхнему концу его красной лентой. За снѣмъ Тадибей садится передъ прутомъ, обращая лицомъ къ идолу; барабанить и поетъ пѣню, которой молить за просящаго. Черезъ нѣсколько времени (вѣроятно въ слѣдствіе какого-нибудь фокуса Тадибея), лента, привязанная къ пруту, начинаетъ колебаться, что для зрителя служитъ удостовѣреніемъ, что Хахе говоритъ съ Тадибеемъ. Рѣчь эту Тадибей толкуетъ просителю; содержаніе ея обыкновенно одно и то же: Хахе обѣщаетъ исполнить просьбу, подъ условіемъ, что ему принесутъ въ жертву молодаго оленя (самца или самку), теленка и т. п. Нерѣдко случается, что проситель начинаетъ торговаться съ своимъ божествомъ и предлагаетъ корову вмѣсто требуемаго быка, теленка вмѣсто коровы, или проситъ отерочить, подождать—и божество, смотря по тому, въ чемъ дѣло, соглашается или отказывается. Передъ приступомъ къ жертвоприношенію всѣ женщины удаляются; приводятъ оленя, и Тадибей умерщвляетъ его передъ идоломъ. Голову, рога и даже кожу, развѣшиваютъ на деревѣ передъ Хахе; Тадибей обмазываетъ кровью оленя лицо идола и бросаетъ нѣсколько оленьяго жиру на огонь. Только это и выпадаетъ на долю божества; все остальное съѣдаетъ Тадибей вмѣстѣ съ присутствующими при жертвоприношеніи. При ѣдѣ остерегаются только, чтобъ не закапать платья кровью, потому что это считается грѣхомъ и дурнымъ знакомъ.

Сдѣлавъ этотъ краткій очеркъ внутренней жизни Самоѣдовъ, отправимся далѣе, чтобъ познакомиться съ ихъ внѣшней жизнью, на сколько это возможно на длинномъ пути (въ 700 верстъ) по пустыннымъ тундрамъ Канинской и Тиманской, до Пустозерска, русскаго селенія при устьѣ рѣки Печоры. На этомъ пути мы должны напередъ отказаться ото всѣхъ житейскихъ удобствъ: намъ придется останавливаться иногда посреди тундръ, подъ открытымъ небомъ, иногда въ жалкомъ чумѣ Самоѣда, иногда въ тѣсной избѣ русскаго поселенца, гдѣ снѣгъ сыплется сквозь стѣнныя скважины, гдѣ вѣтеръ задуваетъ зажженный огонь и гдѣ отъ холода можетъ защищать только одна волчья шуба. Но ученый путешественникъ не долженъ забывать своей цѣли, не долженъ жертвовать ею для внѣшнихъ удобствъ; онъ долженъ вездѣ быть какъ дома. Мы постараемся совѣтливо исполнить нашу обязанность.

Я забылъ сказать, что становой приставъ, о которомъ выше сего была рѣчь, подарилъ мнѣ, при отъѣздѣ моемъ изъ Сомжи, оленьи санки, съ рогожнымъ верхомъ. Въ эти санки—утромъ, во второй половинѣ декабря Самоѣдъ вирагъ четырехъ бодрыхъ оленей; столько же вирагъ онъ и въ

свои открытыя сани. За тѣмъ, привязавъ одного изъ моихъ оленей къ задку своихъ саней длиннымъ ремнемъ, онъ усѣлся въ нихъ, взявъ въ одну руку возжу, а въ другую длинную палку, которой далъ по толчку каждому изъ оленей, и мы быстро понеслись впередъ. Дорога наша идетъ прямо на сѣверъ и передъ нами разстилается неизмѣримая равнина Канинской тундры. Она почти такъ же нага и бѣдна, какъ и мать ея—море, восточный берегъ котораго былъ видѣнъ. Если бы услужливый вѣтеръ не сметалъ снѣга, посылаемаго благимъ небомъ на эту мрачную землю, то можно было бы сомнѣваться, на какой стихіи находишься. Только изрѣдка встрѣчается кое-гдѣ рѣдвенькій ельникъ, который элѣнные Русскіе называютъ, замѣствованнымъ у Финновъ, словомъ м'янда (Mänty). Чаше попадаетъ густой ивовый кустарникъ, который Русскіе зовутъ зырянскимъ словомъ ёра (joga). Онъ обыкновенно указываетъ на присутствіе маленькаго ручья, тихо пробирающагося по ровной тундрѣ. Вглядываясь тщательно, вездѣ можно открыть небольшія возвышенности, изъ которыхъ многія, по наружности, походятъ на лапонскія скалы, но зимою они едва замѣтны, ибо все углубленія вокругъ наполнены снѣгомъ. Тамъ, гдѣ такая неровность хоть нѣсколько возвышается надъ поверхностью, тамъ почва или обнажена совершенно, или покрыта только тонкимъ, но крѣпкимъ снѣжнымъ черепкомъ, сквозь трещины котораго пробивается частый олений мохъ. Вотъ все, что я могъ замѣтить, ѣдучи изъ Сомжи, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ внимательнаго осматриванія мѣстности. Земля была пуста и пустынна, почти какъ при началѣ творенія міра, и самое небо было мрачно. Мы ѣхали довольно быстро; пошелъ снѣгъ, ящикъ въ полголоса таялъ каку—то однообразную пѣсню.

Наконецъ показался чумъ. Онъ принадлежалъ отцу моего ящика. Когда мы подѣхали, хозяинъ съ хозяйкою вышли, чтобъ насъ встрѣтить. Я съ намѣреніемъ оставался въ саняхъ, чтобъ узнать, какимъ образомъ насъ примутъ. Я ожидалъ, что, по крайней мѣрѣ, получу приглашеніе войти въ чумъ, но я ждалъ напрасно. Самоѣды стояли неподвижно: мужъ не сводилъ съ меня прищуренныхъ глазъ своихъ, жена поглядывала то на меня, то на мужа; ящикъ медленно отпиралъ своихъ оленей; кончивъ это, онъ подошелъ къ своимъ родителямъ и привѣтствовалъ ихъ словомъ: торова (отъ русскаго слова здорово). — «Торова», отвѣчали ему въ одинъ голосъ отецъ и мать,—тѣмъ и заключилась ихъ бесѣда. Тогда и я подошелъ къ моимъ молчаливымъ хозяевамъ и, по примѣру моего ящика, привѣтствовалъ ихъ также словомъ: «торова», и получилъ тотъ же отвѣтъ. За тѣмъ опять послѣдовала пауза, которую я наконецъ прервалъ приказаніемъ заложить мнѣ снѣжныхъ оленей.

Я подошелъ къ чуму и заглянулъ въ отверстіе, служившее дверью:

тамъ было темно, какъ въ могилѣ. Я попросилъ хозяйку развести огонь и вошелъ въ чумъ, твердо увѣренный, что меня не оставятъ въ темнотѣ. Но и въ этомъ ошибся. Я повторилъ мое приказаніе, и снова безъ успѣха. Ощупью, ходя по шалашу, наткнулся я на кучу хвороста, свалилъ ее всю на очагъ, зажегъ сѣрную спичку и развелъ яркій огонь. Тутъ только замѣтилъ я дѣвушку, которая, забывшись въ дальній уголъ, съ жадностью теребила и рвала зубами большой кусокъ мерзлаго сыраго мяса, при чемъ работала и головою такъ, что волосы въ дикомъ безпорядкѣ развѣвались около окровавленнаго лица ея. На меня она поглядывала по временамъ украдкой, съ выраженіемъ сильного страха, почти отчаянія. Но вдругъ выраженіе лица ея измѣнилось. Положивъ въ сторону кусокъ мяса, она привела волосы въ порядокъ, вытерла лицо; глаза сіяли радостью. Кто бы подумалъ, что такая бездѣлица, какъ заблестѣвшая передъ огнемъ табакерка, могла произвести столь великую перемѣну въ душѣ человѣка! Между тѣмъ какъ дѣвушка, очарованная блескомъ моей табакерки, сидѣла еще въ углу, вошли остальные члены семьи и размѣстились передъ огнемъ. Сынъ сѣлъ подлѣ меня, по лѣвую сторону очага; мать и отецъ, по обычаю, заняли правую. Дѣвушка вышла изъ своего угла, и усѣлась подлѣ матери, чтобъ лучше рассмотреть табакерку. Такимъ образомъ мы составили кружокъ и сидѣли въ глубочайшемъ молчаніи, нарушаемомъ только трескомъ огня. Наконецъ дѣвушка прервала общее безмолвіе: она замѣтила кольцо на моемъ пальцѣ и у ней вырвалось непонятное для меня восклицаніе. Потомъ тотчасъ же стала разспрашивать меня черезъ мать свою, что бы я взялъ за кольцо, если бы кто захотѣлъ купить его? Я отвѣчалъ, что кольцо можетъ быть продано только за сердце хорошенькой Самоѣдки—и дѣвушка снова удалилась въ свой темный уголъ.

Между тѣмъ ящикъ вынулъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой, налилъ себѣ порядочное количество въ деревянную чашку, опорожнилъ ее разомъ, и потомъ передалъ отцу и чашку и бутылку. Отецъ не сталъ отговариваться—вдѣлъ въ себя полную чашку и возвратилъ бутылку сыну. За симъ, закусывая сырой оленьей, они продолжали пить, покуда не выпили всей бутылки. Мать смотрѣла на все это съ грустью и безпокойствомъ: она молчала, но тѣмъ трогательнѣе говорили ея глаза. Это не тронуло однакожь сына: онъ преспокойно выпилъ самъ послѣднія капли. Раздосадованный такою холодною, я велѣлъ принести свой дорожный погребець и началъ угощать хозяйку. Тутъ все приняло другой видъ; отецъ и сынъ, бросившись къ моимъ ногамъ, стали умолять меня, чтобъ я и имъ далъ хотя одинъ глотокъ моей «отличной водки». «Негодяи!» крикнулъ я на нихъ, — «не стыдно ли вамъ вымаливать водку у посторонняго, когда вы сами ни одной капли не дали той, которая вамъ

всѣхъ ближе? Я угощаю хозяйку, только по милости вашего жестокосердія. Ты безстыднѣйшій изъ сыновей, ты и теперь ѣшь хлѣбъ твоихъ родителей—такъ было и во всю жизнь твою — и считаешь, что мать твоя не заслужила чарки водки!» — Кто же мать моя? спросилъ остолбенѣвшій ямщикъ.—«Развѣ она не мать тебѣ?»—спросилъ я, указывая на хозяйку.— Эта не мать, былъ короткій отвѣтъ ямщика. Тогда я спросилъ хозяина: что жъ она, развѣ не жена его? Сперва онъ отвѣтилъ отрицательно, потомъ утвердительно. Я уже готовъ былъ составить себѣ весьма невыгодное понятіе о супружескихъ отношеніяхъ Самоѣдовъ; но когда сталъ спрашивать подробнѣе, ямщикъ сказалъ мнѣ: «Мы не христіане, не вѣруемъ въ русскаго Бога; у насъ своя вѣра и намъ позволяется брать женъ столько, сколько намъ угодно. Изъ нихъ первая уважается однакожъ болѣе другихъ; я родился отъ первой жены, не отъ этой. Если бы моя мать была здѣсь, то я непременно далъ бы ей водки; но тотъ, у кого только пятнадцать оленей, тотъ не можетъ угощать всю семью». Нѣсколько смягченный этимъ объясненіемъ, я далъ и отцу и сыну по рюмкѣ водки, но съ условіемъ, чтобъ тотчасъ же запрягли оленей. Выконючивъ у меня еще по рюмкѣ, они поднялись наконецъ и вышли изъ чума, сгнали оленей, при помощи собакъ, въ одно стадо, обвели его веревкой и, выбравъ восемь, запрягли въ каждыя сани по-четыре. Мы ужъ были готовы отправиться, когда хозяинъ попросилъ еще водки, себѣ и жевѣ своей.—«За что мнѣ пошь тебя?» спросилъ я его.—Вѣдь ты ѣдешь на моихъ оленяхъ, отвѣчалъ онъ.—«За это я плачу тебѣ прогоны», возразилъ я.—Я далъ тебѣ хорошихъ оленей; замѣтилъ онъ.—«А сынъ твой везетъ плохо», сказалъ я. — Такъ не давай ему водки, былъ отцовскій совѣтъ Самоѣда... —Коротко, я вынужденъ былъ дать хозяину и хозяйкѣ еще по рюмкѣ. За тѣмъ мы отправились; на пути насъ застigli темъ и мятель, и послѣ многихъ неприятностей мы добрались наконецъ ночью до деревни Несъ. Она въ 60-ти верстахъ отъ Сомжи и во 100 верстахъ отъ Мезени.

Деревня Несъ лежитъ при рѣкѣ того же имени, верстахъ въ пятнадцати отъ впаденія ея въ Бѣлое море. Она состоитъ изъ бѣдныхъ избышекъ, въ которыхъ живетъ нѣсколько мѣщанъ, записанныхъ въ Мезени. Ихъ отцы поселились здѣсь съ цѣлью поправить свое разстроенное состояніе выгодною торговлею съ Самоѣдами; но торговля эта упала, потому что въ настоящее время само правительство доставляетъ Самоѣдамъ муку, соль, порохъ и свинець по весьма сходнымъ цѣнамъ. Еще болѣе повредило переселенцамъ слѣдующее обстоятельство. Въ старину производилась въ Несѣ продажа водки, и деревня эта служила сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ канинскихъ Самоѣдовъ. Въ 1825 же году прислали сюда миссіо-

неровъ для обращенія Самоѣдовъ въ христіанскую вѣру. Дѣйствія ихъ увѣчались успѣхомъ, если объ успѣхѣ судить по числу окрещенныхъ. Для упроченія этого благаго дѣла нужно было снабдить Самоѣдовъ церквами и священниками, и въ каждой изъ трехъ тундръ выстроили по церкви: въ Большеземельской—на рѣкѣ Колвѣ, въ Канинской—въ деревнѣ Несѣ, въ Тиманской—на рѣкѣ Пѣшѣ. Двѣ первыя построены въ 1831 г., послѣдняя въ 1833 г. Вскорѣ послѣ освященія Канинской церкви, винную торговлю, по весьма понятнымъ причинамъ, перевели изъ Неса въ деревню Сомжу. Съ этого времени Самоѣды рѣдко посѣщаютъ Несѣ. Они собираются теперь въ Сомжѣ, и тамошніе крестьяне присвоили себѣ почти всю торговлю, которая прежде составляла главный источникъ дохода для жителей Неса.

Объ этомъ я узналъ еще въ Мезени, а потому и поселился было на нѣсколько недѣль въ Сомжѣ; но, какъ я уже замѣтилъ выше — Самоѣду питейный домъ былъ милѣе моей рабочей компаніи. Вотъ я и отправился туда, гдѣ была церковь, въ надеждѣ, что вблизи святыни — мои ученія занятія пойдутъ успѣшнѣе. Приѣхавъ въ Несѣ, я тотчасъ же вытребовалъ къ себѣ старшину Канинской тундры и приказалъ ему немедленно достать мнѣ Самоѣда, хорошо знающаго по-русски. Старшина обѣщаль, что завтра же будетъ выполнено мое приказаніе, и я былъ такъ простъ, что положился на его обѣщаніе. Прошло нѣсколько дней, прошла недѣля, и Самоѣдъ не являлся. Въ ожиданіи его прошло почти и все время святокъ.

Читателю, можетъ быть, любопытно узнать, какъ можно праздновать Рождество у Самоѣдовъ. Это, какъ и многое въ семъ мірѣ, зависитъ отъ вѣдѣнныхъ обстоятельствъ, а мнѣ они на первый случай не очень благопріятствовали. Такъ какъ священникъ уѣхаль, то я остановился у чиновника, подъ надзоромъ котораго были хлѣбныя, пороховыя и соляныя магазины этой деревни. Онъ навималъ маленькую комнату у пономаря; самъ же пономарь съ многочисленнымъ семействомъ приѣхавшимъ изъ Мезени, помѣщался въ кухнѣ передъ этой комнаткой. Хозяинъ мой, котораго звали продавцемъ хлѣба, былъ страшный скряга. Весь гардеробъ его состоялъ изъ нанковыхъ панталонъ, овчиннаго тулупа и засаленнаго сюртука,—послѣдній надѣвался только въ торжественныхъ случаяхъ, обыкновенно же онъ ходилъ въ тулупѣ. Ежедневный обѣдъ этого продавца хлѣба состоялъ изъ хлѣба и тухлой рыбы, которая жарилась поутру на весь день; онъ хотѣлъ и меня угощать этою пищею, но желудокъ мой возсталъ тотчасъ же противъ такой тираніи. Я далъ пономарю денегъ на покушку чего-нибудь получше; но пономарь, вѣроятно по наущенію моего хозяина, возвратилъ мнѣ ихъ назадъ съ увѣреніемъ, что въ деревнѣ нѣтъ ничего лучшаго. Наступило Рождество, и на мой рабочей столъ поставили ту же черную

сковороду съ жареною тухлою рыбою. Я бросилъ сковороду въ уголь, гдѣ рыба была съѣдена собаками, и такъ разкричался на хозяина, что онъ, взявъ рыбы, принесъ мнѣ достаточное количество молочной каши. Снягченный послѣдней, я помырился съ нимъ и за тѣмъ довольствовался опять одною тухлою рыбой. Новый годъ приближался; мы съ пономаремъ наставили силковъ для бѣлыхъ куропатокъ. Все напрасно: и въ силкахъ, при вечернемъ осмотрѣ ихъ наканунѣ новаго года, ничего не оказалось. Возвратясь домой, я взялъ ружье и на лыжахъ отправился въ ивовый кустарникъ, и тамъ не нашелъ ни одной куропатки. Повернувъ уже домой, я замѣтилъ на противоположной сторонѣ рѣки другой густой кустарникъ и рѣшился осмотрѣть и его, болѣе ради удовольствія два раза скатиться съ холмистыхъ береговъ рѣчки. Сверху я и не замѣтилъ крутаго обрыва, и потому слетѣлъ съ него весьма не красиво. По счастью, никто не видалъ моего позорнаго паденія, и я пришелъ домой какъ ни въ чемъ. Дома снова овладѣли мною думы, какъ бы отпраздновать новый годъ. Послѣ неудачной охоты, оставалась одна только надежда на жену священника. Мой хозяинъ, продавецъ хлѣба, представлялъ мнѣ ее постоянно старой, гадкой вѣдьмой и не совѣтовалъ съ нею знакомиться. Нужда заставила однакожь меня попытаться и тутъ счастья; не сказавши ни слова хозяину, я взялъ шапку и отправился.

Въ комнатѣ попадаи тускло горѣла свѣчка: въ кухнѣ было темно. Съ стѣсеннымъ сердцемъ отворилъ я дверь въ кухню: на лавкѣ кто-то хранилъ. Подхожу тихонько ко второй двери, и долго не рѣшаюсь отворить ее. Но и возвратиться было опасно: можетъ, кто-нибудь замѣтилъ меня, и тогда меня сочли бы за вора. Подстрекнутой этой мыслью, я смѣло повернулъ замокъ, отворилъ дверь и вошелъ. У стола сидѣлъ ангель юности и красоты и читалъ большую книгу, а у ногъ его на скамеечкѣ маленькая дѣвочка, съ благоговѣніемъ слушающая «Житія святыхъ». Восковая свѣчка горѣла передъ иконами. Ступивъ еще шага два, я поклонился, хотѣлъ сказать что-то въ родѣ привѣта, но попадая вдругъ вскочила и ушла вмѣстѣ съ дѣвочкою въ кухню. Что-жь это значить? Неужто она не воротится? подумалъ я; это было бы, хотя и заслуженное, но все-таки слишкомъ злое наказаніе. Подлѣ Четырех-Миней лежалъ маленькій псалтирь; я развернулъ его, прочелъ нѣсколько страницъ — никто не являлся. Наконецъ вошла работница съ самоваромъ, а велѣдъ за нею и попадая, нѣсколько принарядившаяся. Я сталъ извиняться, что осмѣлился потревожить ее. Въ отвѣтъ на это она упрекнула меня тѣмъ, что я до сихъ поръ не удостоилъ ее своимъ посѣщеніемъ. «Жизнь въ этой печальной пустынѣ, прибавила она, — такъ печальна, что мы смотримъ на нее, какъ на наказаніе, посланное намъ Богомъ. Завериемъ къ намъ ка-

кой нибудь заѣзжій , мы отъ всей души рады ему , — и васъ мы давно ожидали». Я почелъ эти слова пустымъ комплиментомъ и отвѣчалъ довольно сухо, что вѣдь иновѣрцы рѣдко бываютъ здѣсь желанными гостями. Попадья съ жаромъ возразила : «мы люди простые, почти не знаемъ свѣта; но добрыхъ людей не боимся, какого бы вѣроисповѣданія они ни были. Злыхъ же людей не любимъ и презираемъ, хоть бы они были и едино-вѣрцы. Не смотря на то, что вы не удостоили насъ посѣщеніемъ, я все таки подумала, что вѣрно вамъ плохо у жаднаго и скупаго смотрителя магазиновъ, и приготовила для васъ комнату, раздѣливъ теперь пустую комнату діакона перегородкой. Я думала насъ пригласить, какъ скоро возвратится мой мужъ, но если вамъ угодно, можете и завтра переѣхать». За тѣмъ она показала мнѣ комнату—свѣтлую и веселую. Она сама оклеила стѣны оберточной бумагой и выкрасила ихъ голубой краской. Въ комнатѣ былъ маленькій диванчикъ и нѣсколько чистенькихъ деревянныхъ стульевъ. Вычищенный блестящій самоваръ стоялъ на опрятномъ столѣ. Осмотрѣвъ все, мы возвратились къ чайному столу, на который, кромѣ обыкновенныхъ принадлежностей, въ отсутствіе наше поставили пирогъ съ ягодами. Вечеръ прошелъ незамѣтно въ занимательныхъ разговорахъ, и я забылъ о настоящей цѣли своего посѣщенія, о съѣстныхъ припасахъ для приличнаго празднованія Новаго года. Да я ужъ объ этомъ и не заботился, потому что рѣшилъ довольствоваться, до возвращенія священника, тухлой рыбой.

Когда я возвратился домой, смотритель магазиновъ храпѣлъ уже подлѣ теплой печи. Я сѣлъ за свою работу. Въ полночь раздался звонъ почтоваго колокольчика и передъ нашими воротами остановилась кибитка. Я растолкалъ смотрителя; онъ не успѣлъ еще порядочно протереть глазъ, какъ исправникъ вошелъ въ комнату и потребовалъ ужина. «Сейчасъ», отвѣчалъ смотритель,—и я пожелалъ исправнику хорошаго аппетита. Но смотритель зналъ, чѣмъ угостить своего начальника: онъ принесъ прекрасный ужинъ съ кухни попадья. Во все время пребыванія исправника въ Несѣ, мы жили на ея счетъ, а тотчасъ послѣ его отъѣзда пріѣхалъ и священникъ. Тогда я разстался съ смотрителемъ и провелъ русскій праздникъ Рождества препріятно въ добромъ и радушномъ семействѣ священника. До сихъ поръ крестьяне нѣсколько дичились меня, какъ Нѣмца и нехреста; но когда они увидали радушіе, съ какимъ принимали меня священникъ и его жена; когда узнали, что мы обѣдаемъ за однимъ столомъ (противъ чего вырывались даже кой-какія замѣчанія); когда увидали, что священникъ въ день Рождества окропилъ меня святою водою, тогда и они стали считать меня человѣкомъ. Въ Рождество нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, черезъ жену священника, попросили позволеніе спѣть мнѣ пѣсню. Содержаніе ея заключалось въ томъ, что мнѣ сулили невѣсту,

которой богатство, красота и дарованія превозносились до небесъ. Но я прошу извиненія, что такъ долго занимаю читателя разсказами о такихъ мелочахъ. Да, для многихъ привѣтъ, вкусный обѣдъ, хорошенькая пѣсня, ласковое слово—мелочи; но все это далеко не мелочь (*) на самоѣдскихъ тундрахъ, и какъ рѣдко выпадаетъ на долю путешественника счастливая встрѣча съ такой радушною семьею священника.

При помощи исправника, мнѣ удалось, наконецъ, достать себѣ самоѣдскаго учителя. Онъ хорошо говорилъ по-русски и былъ весьма уменъ, чтò для Самоѣда рѣдкость. Онъ сознавалъ свои достоинства, и можно было замѣтить, что нѣсколько презиралъ своихъ слабѣйшихъ братьевъ. Однажды Самоѣды хотѣли что-то поправить въ его переводѣ — онъ просилъ ихъ замолчать и прибавилъ, что они неучи. Я всѣми средствами старался удержать его подолѣе: разговаривалъ съ нимъ, хорошо платилъ ему, ежедневно давалъ ему водки, позволялъ даже напиваться всякій разъ, когда онъ изъявлялъ на то желаніе, но не смотря ни на что, Самоѣдъ скучалъ и постоянно порывался возвратиться на тундры. «Ты живешь со мною ладно, и я люблю тебя», сказалъ онъ мнѣ однажды; «но я не могу жить въ комнатѣ. Смилуйся и отпусти меня». Я увеличилъ поденную плату, сталъ давать ему больше водки, послалъ за его женою и дѣтьми, давалъ и женѣ его водки и всѣми возможными средствами старался развеселить грустнаго Самоѣда. Этимъ мнѣ удалось удержать его еще на нѣсколько дней. На полу въ моей комнатѣ, какъ будто въ самоѣдскомъ чумѣ, сидѣли мужъ, жена, дѣти, окруженные оленьими кожами, ремнями, ножами, коробками и подобнымъ скарбомъ. Мужъ занимался со мною; жена шила самоѣдское платье и изрѣдко помогала мужу переводить. Частые ея вздохи заставили меня наконецъ спросить о причинѣ ея грусти; она заплакала и рыдая отвѣчала мнѣ, что беспокоится о мужѣ, который долженъ жить взаперти въ комнатѣ. — Мужу твоему вѣдь не хуже, чѣмъ тебѣ, возразилъ я. Ну, а тебѣ развѣ плохо?—«Я о себѣ не думаю; я беспокоюсь только о моемъ мужѣ», сказала она наивно. За тѣмъ и мужъ и жена такъ неотступно стали просить меня объ отпускѣ, что я не могъ отказать имъ. Тогда другой Самоѣдъ вызвался быть моимъ учителемъ; но этотъ былъ, какъ почти все Самоѣды, и лѣнивъ и тупъ. Каждый вопросъ я долженъ былъ повторять нѣсколько разъ, и все-таки вполнѣ онъ рѣдко понималъ меня. Напримѣръ, фразу: моя жена больна, онъ перевелъ мнѣ: твоя жена больна. Я попросилъ его, чтобъ вмѣсто: твоя,

---

(*) Кастрень говоритъ тутъ и выше о Рождествѣ и Новомъ годѣ протестантовъ, которые празднуютъ ихъ по новому стилю.

онъ сказалъ: моя жена. На это онъ отвѣтилъ увѣреніемъ: «какъ я сказалъ, такъ и есть». Тогда я потребовалъ, чтобъ онъ перевелъ выраженіе: твоя жена больна. «Если ты говоришь о моей женѣ», замѣтилъ мнѣ Самоѣдъ, «то она здорова, также какъ и я».—Но еслибъ, продолжалъ я, твоя жена занемогла и тебѣ вздумалось придти ко мнѣ и разсказать, что она захворала, какъ же сказалъ бы ты объ этомъ на своемъ языкѣ? — «Когда я къ тебѣ поѣхалъ», отвѣчалъ онъ, «моя жена была здорова; а занемогла-ли она послѣ этого, не могу знать». Это напомнило мнѣ одного лапонскаго пономаря, котораго я просилъ перевести мнѣ финское слово: lunastan. Слово это значить: развязываю, выкупаю, искупаю. Лошарь молчалъ. Я повторилъ нѣсколько разъ вопросъ мой; наконецъ онъ отвѣтилъ съ торжественнымъ видомъ: «Ни я, ни ты, но Господь нашъ, Иисусъ Христосъ, всѣхъ насъ искупилъ отъ грѣховъ нашихъ».

Утомленный глупостью моего новаго учителя, я весьма обрадовался, когда жена священника предложила мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ нею на самоѣдскую свадьбу. Она праздновалась верстахъ въ 30-ти отъ села. Покуда попададя приготавлила все къ поѣздкѣ, я позвалъ нашихъ самоѣдскихъ провозжатыхъ и занялся разспросами обо всемъ, что происходитъ при самоѣдской свадьбѣ. Вотъ что узналъ я изъ ихъ разсказовъ: когда Самоѣд собирается жениться, онъ выбираетъ себѣ свата и съ нимъ вмѣстѣ отправляется къ родителямъ той дѣвушки, которую имѣетъ на примѣтѣ. Подѣхавъ къ ихъ чуму, сватающійся остается въ саняхъ, а свать входитъ въ чумъ и дѣлаетъ предложеніе отцу или опекуну дѣвушки. Получается отказъ, они тотчасъ же поварачиваютъ домой; если же отецъ соглашается, то свать спрашиваетъ, когда можно праздновать свадьбу. Но это не рѣшаетъ еще свадьбы: у Самоѣдовъ существуетъ обычай, по которому женихъ долженъ вознаградить отца невесты. Сколько намѣренъ дать женихъ, во что онъ цѣнить свою невесту—свату это напередъ извѣстно. Если отецъ потребуетъ больше этого, свать идетъ къ жениху и съ нимъ совѣтуется, можно ли прибавить одного, или двухъ оленей. Долго толкуютъ, торгуются и наконецъ такъ или иначе рѣшаютъ дѣло. Не сошлись въ цѣнѣ—женихъ не входитъ въ чумъ; удалось свату уладить дѣло—онъ вводитъ жениха.

Послѣ помолвки женихъ уже не посѣщаетъ невесты, но всѣ сношенія производятся черезъ свата. Не задолго до свадьбы родные невесты ѣдутъ въ гости къ жениху. Когда они напируются и напьются здѣсь вдоволь, свать связываетъ четырехъ оленей, двухъ самцовъ и двухъ самокъ въ одинъ рядъ, гуськомъ, покрываетъ двухъ переднихъ краснымъ сукномъ, привязываетъ колокольчикъ на шею передоваго оленя, обводитъ ихъ три раза вокругъ чума и потомъ впрягаетъ въ сани жениха. Отправляются къ невестѣ. Впереди ѣдетъ женихъ; его оленями управляетъ свать. Прибывъ

на мѣсте бракосочетанія, свать три раза объѣзжаетъ свадебный чумъ, оставивается позади его и оставляетъ здѣсь жениха въ саняхъ. По прибытіи жениха, зарѣзываютъ оленя, вышиваютъ по стакану водки и приступаютъ къ обѣду, при которомъ женихъ не смѣетъ однакожь присутствовать: онъ остается въ саняхъ, позади чума, и свать носить къ нему туда кушанья и вино. Послѣ обѣда свать вводитъ наконецъ жениха въ чумъ. Здѣсь, по одну сторону очага, сидятъ родные невесты, по другую—родня жениха. Женихъ идетъ на невестину сторону и садится по ея правую руку, а свать—у ногъ жениха и невесты. Когда каждый займетъ должное мѣсто, хозяинъ начинаетъ всѣхъ угощать виномъ. Первый стаканъ онъ предлагаетъ черезъ свата жениху; женихъ вышиваетъ половину и передаетъ другую половину невестѣ. Когда всѣмъ поднесутъ, по одному или по нѣсколькѣ стакановъ, начинаютъ ѣсть вареное мясо; сердце отдается новобрачнымъ. Послѣ этого порядокъ уже не соблюдается—каждый пьетъ сколько угодно, и свадьба оканчивается попойкой. Женихъ остается въ свадебномъ чумѣ до слѣдующаго утра, хотябъ вино и вышло еще до вечера. Поутру ѣдутъ къ жениху. Невѣста лежитъ покрытая въ своихъ саняхъ; оленями управляетъ мать жениха. Приѣхавъ къ своему чуму, она обвозитъ вокругъ него невесту три раза, потомъ снимаетъ съ нея покрывы и вводитъ въ чумъ. Тутъ снова начинается угощеніе: убиваютъ оленей,—потчуютъ водкой, поютъ, ругаются, шутятъ, дерутся.

Мы застали одинъ актъ, или вѣрнѣе, одну только сцену этой драмы. Когда мы приѣхали, всѣ ужъ были угощены порядочно. Многие лежали на открытомъ воздухѣ безъ чувствъ, съ открытою головою, уткнутою въ снѣгъ, и вѣтеръ обсыпалъ ихъ снѣгомъ. Здѣсь нѣжный супругъ ходитъ отъ одного лежащаго къ другому, ищетъ свою супругу, находитъ, беретъ ее за голову, оборачиваетъ ее спиной къ вѣтру и ложится рядомъ съ нею, носомъ къ носу. Тамъ другой ходитъ съ кофейникомъ въ рукахъ, ищетъ свою возлюбленную и найдя, вливаетъ ей въ горло нѣсколько водки; третій патаккивается на своего недруга, даетъ ему нѣсколько тузовъ и бѣжитъ. Далѣе бѣднаго опьянѣвшаго кладутъ въ сани, привязываютъ его къ нимъ, а его оленя къ задку своихъ саней и уѣзжаютъ. Пскуда я стоялъ и смотрѣлъ на эту вакханалію, меня окружила цѣлая толпа полу пьяныхъ свадебныхъ гостей. Каждому пужно было мнѣ что-нибудь сказать, спросить меня объ чемъ-нибудь, и всѣ хотѣли, чтобъ я ихъ выслушивалъ. Не имѣя возможности говорить со всѣми вдругъ, я обратился къ самому трезвому; но остальные схватили меня за шубу и начали теребить каждый къ себѣ. Съ большимъ трудомъ вырвался я изъ ихъ кружка и поспѣшилъ отъ нихъ удалиться. Въ нѣкоторомъ разстояніи я замѣтилъ кучу дѣвушекъ и пошелъ къ нимъ. Онѣ были заняты игрою особеннаго рода. Раздѣлившись на двѣ, стоявшія

другъ противъ друга партій, въ каждой по семи, онѣ перебрасывали шапку. Сторона, поймавшая шапку, оборачивалась спиной къ противной и, спрятавъ шапку, падала на снѣгъ. Тогда другія семь нападали на нихъ и начиналась борьба за шапку; сперва боролись, валяясь на снѣгу, потомъ стоя, покуда не отыскивалась шапка. Онѣ были такъ заняты игрою, что вначалѣ не замѣтили моего присутствія; но только что увидели—точасъ же бросились бѣжать. Я возвратился къ чуму; хозяинъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и пригласилъ на чашку чаю.—Мы вошли въ чумъ; онъ былъ довольно великъ, но не круглый и не пирамидальный, какъ почти всѣ самоѣдскіе чумы, а овальный и состоялъ изъ двухъ обыкновенныхъ шалашей. Тутъ лежали и сидѣли, одинъ возлѣ другаго: мужчины, женщины, старики и молодыя дѣвушки. Между совершенно обьянѣвшими лежалъ и женихъ. Я съѣлъ пить чай съ хозяиномъ и сватомъ; съ трудомъ могъ я уговорить хозяина, чтобъ онъ пригласилъ и жену священника въ нашу компанію.

Послѣ чаю, хозяинъ приказалъ убить отличнаго оленя. Отъ легкаго удара въ голову обухомъ топора олень повалился на землю. Тогда воткнули ему ножъ въ сердце и вынули дыхательный каналъ. Изъ-за него между присутствующими поднялся сильный споръ, который кончился тѣмъ, что ближайшіе родственники жениха раздѣлили между собою горло, и каждый тутъ же съѣлъ свою часть. Съ оленя сняли шкуру, разрѣзали ему животъ, выбросили все несъѣдобное и перевернули его навзничъ. Онъ былъ совершенно похожъ на длинную посудину, наполненную кровью, въ которой плавали печенка, легкія и другія лакомыя части. Хозяинъ взялъ меня за руку, подвелъ къ оленю и просилъ начать обѣдъ. Предложеніе его было весьма ясно, но я былъ такъ безтолковъ, что никакъ не понималъ и стоялъ неподвижно подлѣ оленя. Между тѣмъ вокругъ него столпились гости, вынули свои длинные ножи и каждый отрѣзывалъ себѣ по куску теплаго, дымящагося мяса, обмакивалъ его въ кровь и потомъ, поднявъ лицо вверхъ, всовывалъ одной рукой обмакнутый конецъ въ ротъ и, жуя, отрѣзывалъ другою остальное, съ которымъ постушалъ точно такъ же. Кровь такъ и струилась по бородѣ и вытянутой шеѣ. Легкое и печень служили десертомъ. Когда кончился этотъ отвратительный обѣдъ, я попросилъ, чтобы сварили кусокъ мяса для меня и для попадьи; но просьба моя была излишня, ибо въ чумѣ кипѣлъ уже большой котелъ. Мясо вынимали изъ котла полусырое, клали на большое деревянное блюдо и подносили почетнѣйшимъ гостямъ, между прочимъ мнѣ и свату. Жень же священника поднесли на доскѣ, на лѣвую, менѣ почетную сторону чума. Во время этого пиршества дѣвушки пѣли самоѣдскія пѣсни; содержаніе этихъ пѣсенъ было недурно, но напѣвъ походилъ на кваканье лягушекъ. И пѣніе и пиршество были вдругъ прерваны произшествіемъ нѣсколько трагическимъ. Въ

дверь просунулся Самоѣдъ съ продолговатымъ лицомъ, и рѣзкимъ голосомъ просилъ позволенія попировать на свадьбѣ. Кто-то изъ гостей позволилъ ему войти, и онъ вошелъ. Хозяинъ не видалъ этого; но только что замѣтилъ непрошеннаго гостя—приказалъ его вытолкать. Нѣкоторые тотчасъ же бросились исполнять его приказаніе; другіе вступились за Самоѣда. Хозяинъ и свать вѣспились одинъ другому въ волосы; и мнѣ плохо приходилось между ними. Въ чумѣ поднялась ужасная суматоха. Кричали, ругались, дрались; горшки, котлы и другая посуда—все полетѣло. Кончилось однакожь тѣмъ, что непрошенный гость былъ выгнанъ. Когда все успокоилось, хозяинъ разсказалъ мнѣ, что этотъ мошенникъ, приходилъ къ нему съ бумагой, будто бы мною написанной, которой ему поручалось собрать для меня съ каждаго чума по двадцати рублей ассигнаціями, и съ угрозою, что ослушники будутъ связаны и отправлены въ Архангельскъ. Хозяинъ хотѣлъ наказать своего земляка за этотъ гнусный обманъ, и поклялся передъ образомъ, что мошенникъ безнаказанно никогда не переступитъ черезъ порогъ его чума.

Но, кажется, пора сказать нѣсколько словъ о женихѣ и невѣстѣ. Первый, во все время моего присутствія на свадьбѣ, лежалъ пьяный у входа въ чумъ и, кромѣ лица запачканнаго кровью, не представлялъ ничего особеннаго. На немъ была обыкновенная *малица*—обращенная мѣхомъ внутрь оленья шуба, похожая на рубашку,—ничѣмъ не покрытая и не отороченная собачьимъ мѣхомъ. По наружности это былъ самый простой Самоѣдъ: широкія скулы, толстыя губы, маленькіе глаза, низкій лобъ и плоскій носъ, который со лбомъ составлялъ почти прямую линію,—широкія поздри, смуглый цвѣтъ лица, волосы черные, какъ смоль, и жидкіе какъ щетина, рѣдкая борода—однимъ словомъ, все черты, характеризующія монгольское племя. Невѣста была ребенокъ лѣтъ тринадцати, и, по самоѣдскимъ понятіямъ, считалась совершенной красавицей. Маленькое, круглое личико, большія губы, полныя красныя щеки, бѣлый лобъ, черные маленькіе глазки, черные волосы—главныя условія самоѣдской красоты. Такъ въ одной самоѣдской пѣснѣ красавица восхваляется за ея маленькіе глазки, за широкое лицо, за красноту щекъ, которая сравнивается съ краснотой утренней зари передъ близкой непогодой,—за прямой носъ и за то, что на ходу выворачиваетъ ноги наружу.—Кромѣ невѣсты тутъ былъ еще незамужній идеалъ такой красоты, и меня сильно забавляли старанія молодыхъ людей поцѣловать ее не въ носъ, какъ это обыкновенно дѣлается, а въ розовыя губы. Весьма недурень нарядъ молодыхъ Самоѣдокъ: короткая оленья шубка, плотно обхватывающая верхнюю часть тѣла, къ низу же нѣсколько расширяющаяся и у колѣнъ окаймленная собачьимъ мѣхомъ. Особенно красивъ отложной воротникъ, застегивающійся на полной груди. Ноги прикрываются пестрыми

штанами и чулками из оленьей же шкуры. Если рассмотреть бесчисленное множество пестрых украшений этой одежды тщательно—трудно удержаться от смѣха; но не естественно ли, что, по врожденному чувству, дѣвушка какъ-то неприятно облечь свое стройное тѣло въ мохнатыя звѣриныя шкуры? Безъ этихъ шкуръ она не можетъ однакожь обойтись, и вотъ она выкраиваетъ ихъ по своимъ формамъ, обшиваетъ краснымъ, желтымъ и синимъ, чтобъ не приняли ее за оленя, волка или за другаго какого нибудь звѣря. Но что дѣйствительно смѣшно въ убранствѣ самоѣдской дѣвушки, такъ это ея двойныя косы, переплетенныя лентами, обшитыя пуговицами и всевозможными украшениями, и доходящія часто до пятокъ. Въ такомъ—то національномъ нарядѣ была и невѣста на свалебномъ шире; только двѣ нитки синяго стекляруса на лбу отличали ее отъ другихъ дѣвушекъ. Она была не такъ пьяна, какъ ея подруги и не участвовала въ ихъ амазонскихъ играхъ. — Изъ остальныхъ дѣвушекъ и вообще изъ всѣхъ свадебныхъ гостей, трудно было найти хоть одного, на лицѣ котораго не былобъ кровавыхъ знаковъ недавней драки. Драчливость усилилась въ особенности къ вечеру. Куда ни взглянешь — вездѣ схватки. Всякій разъ начинали тѣмъ, что вѣплялись въ волосы, потомъ переходили къ кулакамъ, нерѣдко дрались и костями или другими остатками обѣда. Драка начиналась безъ всякаго повода. Натолкнется одинъ на другаго, и вѣпляется въ волосы, не обращая вниманія ни на полъ, ни на возрастъ. Никому не было спуска; каждый колотилъ и защищался, какъ только могъ. Побѣжденный оставался на снѣгу, а побѣдитель некалъ новыхъ подзиговъ. Утомленные этими сценами, мы отправились въ сумерки домой.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой свадьбы путь мой шелъ на востокъ къ Чесской губѣ. Бхать на Канинскій полуостровъ было не для чего, потому что въ эту зиму на полуостровѣ людей не было. Таковое опустѣніе полуострова явленіе нерѣдкое и какъ мнѣ рассказывали, вотъ по какой причинѣ. Прибрежія Канинскаго носа весьма низменны и болотисты; отъ этого въ дождливую осень, даже и самыя высокія мѣста покрываются водою; начнется за тѣмъ зима сильными морозами—повеюду образуется толстая ледяная кора, смертоносная для оленей, не имѣющихъ возможности пробить ее своими раздвоенными копытами и добраться до моху. На горахъ можно, конечно, найти олений мохъ, —но Самоѣду это не въ помощь, потому что онъ и зиму и лѣто занимается рыболовствомъ и слѣдовательно долженъ жить близъ береговъ моря. Вообще Канинскій Носъ посѣщается мало; даже Канинскіе самоѣды живутъ, большею частью, по берегамъ Тиманской тундры. Къ Рождеству, они во множествѣ отправляются въ окрестности Сомжи и Мезени, продаютъ здѣсь оленьи шкуры, лисьи мѣха, и все, что добыли на сушь и въ морѣ, и запасаются мукою, коровинымъ

масломъ, творогомъ, свинцемъ, порохомъ, водкою и другими потребностями. Послѣ Рождества они возвращаются къ морю; только нѣкоторые изъ бѣднѣйшихъ отправляются въ Пинегу, Холмогоры и Архангельскъ, гдѣ мужчины нанимаются въ извозчики, а женщины прокармливаются нищенствомъ.— Когда я выѣхалъ изъ Неса (19 января), большая часть Самоѣдовъ возвратилась уже на мѣста жительства. На протяженіи почти 160 верстѣ и встрѣтилъ только одинъ чумъ, да и тотъ принадлежалъ моему врагу. Онъ распространилъ между Канинскими Самоѣдами, что я иностранецъ и потому не могъ быть посланъ русскимъ правительствомъ,—что я присланъ народомъ Нѣмцевъ, чтобъ вывѣдать, какъ лучше перебить всѣхъ Самоѣдовъ и потомъ завладѣть ихъ оленями. На берегахъ рѣкъ: Визы, Спосы, Омы, Виски нашелъ я нѣсколько одинокихъ русскихъ дворовъ съ весьма развращенными жителями. Не рѣдко встрѣчались мнѣ русскіе обозы, возвращавшіеся съ богатою добычею отъ Самоѣдовъ. Наконецъ, при рѣкѣ Пешѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ ея впаденія въ море, я наѣхалъ на самоѣдскій станъ, состоявшій изъ трехъ чумовъ. Одинъ принадлежалъ тому самому Тадибею, который въ Сомжѣ сообщилъ мнѣ тайства своего искусства. Я условился съ нимъ, что черезъ нѣсколько дней онъ пріѣдетъ къ Тимаиской церкви (верстахъ въ сорока по теченію рѣки), и тамъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль будетъ учить меня самоѣдскому языку. Условіе было подкрѣплено нѣсколькими рюмками водки, и я весело поѣхалъ къ церкви. Здѣсь я нашелъ только дѣтей, стариковъ и старухъ, потому что священникъ, дячекъ и ихъ жены, составляющіе почти двѣ трети всего народонаселенія, уѣхали въ Мезень.—Но прекрасное мѣстоположеніе вполне вознаградило мнѣ недостатокъ общества. Здѣсь, впервые послѣ многихъ мѣсяцевъ, я снова увидѣлъ лѣсъ и возвышенности. Чтобъ вполне насладиться родною природою, я досталъ себѣ лыжи и отправился въ лѣсъ съ ружьемъ. Вскорѣ нашелъ я стаю бѣлыхъ куронокъ, и, замышляя ихъ гибель, чуть-чуть не погибъ самъ. Подкрадываясь къ нимъ, я соскользнулъ въ глубокую, занесенную рыхлымъ снѣгомъ котловину ручья. Выкарабкавшись изъ нея не безъ труда, весь промоченный, я едва не замерзъ на возвратномъ пути. Только баня согрѣла меня и избавила отъ дальнѣйшихъ вредныхъ послѣдствій. За тѣмъ мнѣ суждена была непріятность другаго рода: Тадибей не сдержалъ своего слова. Пріѣздъ его былъ для меня важенъ не столько въ учительскомъ отношеніи, сколько потому, что въ окрестностяхъ церкви не было никого, ктобы могъ свезти меня ко двору, находившемуся при Пешѣ верстахъ въ 20 ниже. Положеніе мое было весьма затруднительно. Черезъ десять дней меня выручили однакожъ два Тимаискіе Самоѣда, которые, прослышавъ, что у меня есть водка, пріѣхали къ Церкви изъ-за ста верстѣ, въ надеж-

дѣ выпить. Они вызвались не только прислать мнѣ оленей, но и повѣстить, отъ чума до чума, веѣмъ Самоѣдамъ, что пріѣхаль важный чиновникъ по дѣламъ службы. Последнее казалось мнѣ излишнимъ; но Самоѣды наставляли, говоря, что «тундра не советѣмъ безопасна». Я согласился болѣе потому, что безъ предварительнаго разузнанія, гдѣ находятся чумы—пришлось бы играть на тундрѣ въ жмурки.

Принявъ эту предосторожность, я покинулъ 1 февраля Пешскую церковь. Вскорѣ подвнялась сильная непогода и заставила меня завернуть во дворъ, находившійся ниже, при той же рѣкѣ. Вошикъ уѣхалъ съ своими оленями въ ближній чумъ, а я остался переждать здѣсь непогоду. Вѣтеръ вылъ до полуночи безъ умолку; наконецъ я заснулъ, но ненадолго: вскорѣ меня разбудилъ лай собакъ. Я подошелъ къ окну—сквозь замерзшія стекла не было никакой возможности разсмотрѣть что-нибудь; слышались только послѣдніе глубокіе вздохи вѣтра. Я прислушивался еще къ нимъ, какъ дверь отворилась. «Кто?» спросилъ я.—День, баринъ, будетъ славный, отвѣчалъ мнѣ вошедшій вошикъ. Заирягли оленей и мы пустились далѣе. За долго еще до разсвѣта пріѣхали мы къ первому чуму. Здѣсь нашелъ я моего Талибѣя. Сначала онъ все держался поодаль отъ меня; но когда я уже сѣлся въ сани—не вытерпѣлъ, подошелъ и сталъ просить волки.—«Водка уложена, и для тебя я не стану разрывать уложенное», сказалъ я назойливому негодю.—«Да ты не для меня потрудишься, а для спасенія своей души, потому что написано: кто хочетъ на небо—долженъ здѣсь на землѣ трудиться, возразилъ хитрый Самоѣдъ. Когда мы тронулись, утро занялось уже и солнце начинало входить; огненно-красныя облака занимали большую часть небосклона и мерцали подобно сѣверному сіянію. Предвидя непогоду, я спѣшилъ, но на самоѣдской тундрѣ не все дѣлается такъ, какъ хочется. Я думалъ, что взявъ веѣ возможные предосторожности, предувѣдомивъ жителей тундры о моемъ пріѣздѣ; но я забылъ самое главное: захватить съ собою въ проводники служителя закона. Самоѣдовъ нечего бояться; не смотря на ихъ грубость и дикость—ихъ всегда можно склонить рюмкой водки и ласковымъ словомъ. Но кромѣ Самоѣдовъ, по тундрамъ кочуетъ много Русскихъ и Зырянъ которые съ незапамятныхъ временъ привыкли хищничать въ этихъ пустыняхъ. Веѣми неправдами и даже явнымъ грабежемъ, они завладѣли стадами самоѣдскихъ оленей, и мало по малу сдѣлались почти полновластными господами всей этой страны. Правительство, чтобъ положить предѣлъ ихъ своевольству, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ пріучить Самоѣдовъ, хотя нѣсколько къ гражданскому порядку, издадо недавно уставъ, который по моему мнѣнію, превосходенъ. Но само собою разумѣется, что какъ бы ни былъ зорокъ законъ, онъ все-таки не можетъ усмотрѣть всего, что дѣлается въ самоѣдской глуши. Притѣ-

ненія продолжаютя по прежнему: рѣже въ видѣ явнаго грабежа, но за то тѣмъ чаще подѣ болѣе кроткой формой обмана.—Главный источникъ зла: водка, которая, не смотря на строгое запрещеніе правительства, все еще провозится и вѣроятно будетъ провозиться къ самоѣдскимъ чумамъ, пока правительство не учредитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Сомжѣ, Пустозерскѣ, Ижмѣ и другихъ селеніяхъ, военныхъ постовъ какъ для конфискованія водки и другихъ запрещенныхъ уставомъ предметовъ, такъ и для наблюденія за порядкомъ и благочиніемъ, въ особенности во время самоѣдскихъ сборищъ.—Промышленники тундръ старались надуть даже и меня. Они стакнулись и, вмѣсто того, чтобъ везти къ самоѣдскимъ чумамъ, возили отъ одного русскаго двора къ другому и, провезши пять или шесть верстъ, брали обыкновенно за пятнадцать. Наконецъ мнѣ удалось добыть вощика Самоѣда. Онъ провезъ меня, по увѣренію всѣхъ Самоѣдовъ двадцать верстъ, а требовалъ, чтобъ я заплатилъ за тридцать. Послѣ нѣсколькихъ легкихъ возраженій съ моей стороны, онъ объявилъ, что будетъ доволенъ всѣмъ, что я ни дамъ. Смягченный его уступчивостью, я рѣшилъ заплатить ему то, что онъ потребовалъ въ началѣ, и уже отсчитывалъ деньги, какъ къ санямъ моимъ подошелъ оборванный Русскій. Бѣлые зубы его шерились на меня сквозь черную бороду, глаза сверкали хитростью и злостью. Онъ страшно похожъ былъ на дикаго звѣря, готоваго броситься на свою добычу. «Ты не хочешь платить прогонъ», закричалъ онъ вдругъ неистово; «погоди, проучимъ же мы тебя; отложимъ оленей и оставимъ тебя на тундрѣ. Пойдешь, собачій сынъ, пѣшкомъ!»—И въ этомъ родѣ продолжалъ онъ еще кричать нѣсколько времени. «Что онъ, сумасшедшій что ли?» спросилъ я ближайшаго ко мнѣ Самоѣда.—Нѣтъ, отвѣчала Самоѣдъ,—онъ въ полномъ умѣ, но ужъ отъ природы безпокойнаго нраву.—Тутъ я въ свою очередь разсердился и прикрикнулъ такъ, что негодай замолчала тотчасъ же. Я записалъ его имя и поѣхалъ далѣе. Черезъ часъ мы пріѣхали къ одинокому чуму. Вышедъ изъ саней, я увидѣлъ на тундрѣ нѣсколько санокъ, запряженныхъ каждыя четырьмя оленями, которые направлялись также къ чуму. Не обративъ на нихъ большаго вниманія, я вошелъ въ чумъ. Вскорѣ вошло въ него множество Самоѣдовъ, пріѣхавшихъ изъ только что оставленнаго мною становья. Они ѣхали жаловаться на того самаго Русскаго, который мнѣ грозилъ и ругался. Они обвиняли въ воровствѣ и насиліяхъ всякаго рода, не только его, но и многихъ другихъ Русскихъ, кочующихъ по тундрамъ. Эти незваные гости до такой степени вывели изъ себя кроткихъ Самоѣдовъ, что даже изъ Канинской тундры собирались послать депутацію къ Государю Императору со всеподаниѣйшею просьбой объ удаленіи Русскихъ хоть отъ береговъ моря. Эту просьбу они думали основать главнымъ образомъ на томъ, что Русскіе держатъ ог-

ромныя стада оленей, и въ короткое время потравятъ весь мохъ по берегамъ моря; въ слѣдствіе чего Самоѣдамъ неминуемо придется оставить или рыбный промыселъ (главный источникъ ихъ пропитанія), или оленеводство. Въ уставѣ предусмотрены и эти обстоятельства; для предотвращенія ихъ, онъ постановляетъ, что каждому издавна на тундрѣ живущему поселенцу отмѣривается 60 десятинъ, на которыхъ уже никому кромѣ его не позволяется пасти оленей. Когда Самоѣды сообщили мнѣ свое намѣреніе подать просьбу—я посоветовалъ имъ прежде разузнать о данныхъ имъ огромныхъ правахъ, и потомъ просить Губернское начальство о приведеніи въ исполненіе Всемилостивѣйшихъ постановленій.

Въ продолженіе этихъ совѣщаній наступилъ вечеръ, и объ отъѣздѣ нечего было уже и думать, потому что мнѣ предстоялъ переѣздъ въ 60 верстъ, а на дворѣ бушевала страшная непогода. Къ тому же мнѣ не хотѣлось такъ скоро разстаться съ моими добрыми хозяевами. Я былъ у Тиманскихъ Самоѣдовъ,—а эти, не смотря на бѣдность, самые честные. Чтобъ дать вѣрное понятіе объ ихъ характерѣ, необходимо прежде сказать нѣсколько словъ о характерѣ общемъ всѣмъ Самоѣдамъ. Самоѣды имѣютъ какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ много общаго съ Финнами. Они крайне осторожны, кротки и скрытны, недовѣрчивы, упрямы и настойчивы; рѣшаются не скоро, но, разъ рѣшивши, страшно упорны въ исполненіи предпріятого. Подобно Лапландцамъ они своенравны, и такъ лживы, что на нихъ никакъ нельзя положиться. Последнее качество отноется впрочемъ по преимуществу къ Каннискимъ Самоѣдамъ и потому не составляетъ общей характеристической черты Самоѣдовъ. Общая черта всѣмъ имъ—это мрачный взглядъ на жизнь и жизненные отношенія. Какъ внѣшній, такъ точно и внутренній міръ Самоѣдовъ теменъ какъ ночь; бушуй въ нихъ страсти—они вполне соответствовали бы своему наружному виду: были бы однимъ изъ самыхъ дикихъ народовъ міра. Но благое Провидѣніе устроило такъ, что на большую часть жизненныхъ отношеній, они смотрятъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Естественно, что хорошій обѣдъ—однимъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ Самоѣда, но и къ нему онъ изумительно равнодушенъ. Отъ удовольствія поѣсть снѣ часто отказывается, для еще большаго удовольствія поспанствовать; изъ лѣни готовъ переносить и голодъ и жажду, и всевозможныя лишенія. Но угрозы только жизни этого сына Ледовитаго моря, оскорби его словомъ или дѣломъ, пробуди только подозрѣніе, что хочешь обмануть его—и тотчасъ же увидишь, что въ нравѣ его, омраченномъ и охлажденномъ полярнымъ небомъ, есть все таки пылъ, зародившійся, весьма вѣроятно, подъ солнцемъ болѣе знойнымъ. Этотъ мрачный, дикій и по своему страстный нравъ—обнаруживается по преимуществу у Каннискихъ

Самоѣдовъ. Онъ поддерживается здѣсь ихъ матеріальнымъ благосостояніемъ, развивающейся отсюда гордостью и приверженностью къ язычеству. Совѣмъ другое дѣло на Тиманской тундрѣ. Здѣсь въ 1831 и въ 1833 году свирѣпствовала скотскіи падежь, истребившій до 20,000 оленей и повергшій все населеніе въ страшную нищету. Погибло много и самихъ Самоѣдовъ, потому что они ѣли мясо павшихъ оленей. Послѣ этого страшнаго испытанія Тиманскіе Самоѣды упали духомъ; большая часть обратилась въ христіанство. Правда, мрачное возрѣніе на жизнь все-таки осталось и у нихъ, но дикій пылъ утратился совершенно; вообще, питая грусть въ глубинѣ души, они мягко-сердечны и кротки. Говоря объ общихъ качествахъ Самоѣдовъ, я долженъ упомянуть еще объ ихъ готовности помогать бѣднымъ. Эта добродѣтель примирила меня со многими дурными сторонами самоѣдской природы. Какъ не извинить то, что народъ дикій, борящійся съ нищетою, плохо различающій правое отъ неправаго, добро отъ зла, старается силою, хитростью или обманомъ завладѣть собственностью своихъ враговъ, когда онъ, въ тоже время, готовъ раздѣлить послѣднія крохи съ своими друзьями! Самоѣды, также какъ и Лопари, берутъ къ себѣ своихъ бѣдныхъ родственниковъ и заботятся объ нихъ. Такъ и въ чумѣ, въ которомъ мнѣ пришлось ночевать, была такая призрѣнная дѣвушка. «Это дочь твоя?» спросилъ я хозяйку. — Нѣтъ! отвѣчала она мнѣ; Богъ не далъ мнѣ дѣтей; она сирота, и ей пришлось бы умереть съ голоду или замерзнуть, еслибы мы ее не приняли, не одѣвали, не кормили; она намъ дальняя родня, и мы взяли ее изъ состраданія. — Дѣвушка потушила глаза и принялась мѣшать ложкою въ котлѣ. Мнѣ показалось, что она смутилась отъ словъ хозяйки, разгоряченной водкою. «Но если ты призрѣла ея беззащитную юность, такъ за то она помогаетъ твоей старости», сказалъ я, желая ободрить дѣвущку. — Да, нечего сказать, подхватила хозяйка; бѣдная трудится и работаетъ много, и тяжело мнѣ будетъ, когда она выдетъ за мужъ и заведетъ свое хозяйство. — При этихъ словахъ братъ хозяина нѣжно взглянулъ на дѣвущку, и она опять потушила глаза, и снова принялась мѣшать въ котлѣ. Вскорѣ за тѣмъ женихъ отправился стеречь оленей, а мы подъ овчинныя одѣяла. Но когда огонь на очагѣ погасъ, я слышалъ какъ дѣвущка тихо отворила дверь и вышла, чтобъ провести страшно непогодливую ночь вмѣстѣ съ своимъ любезнымъ.

Рано по утру, хозяинъ разбудилъ меня радостною вѣстью, что мятель улеглась и что мы безопасно можемъ ѣхать далѣе, прибавивъ однакожь къ этому, что если среди тундры насъ застанетъ новая непогода, такъ это ужъ воля Божья, и дѣлать тутъ нечего. Мы поспѣшили собраться. Хозяинъ и его братъ сами вызвались провожать меня; говоря, что дорога очень сбивчива, а время года самое ненадежное. Какъ я уже выше за-

вѣтилъ, путь мой лежалъ вдоль Чесской губы, и приходилось ѣхать то по Ледовитому морю, то по сушѣ. Конечно, въ отношеніи къ Пустозерску, послѣдней цѣли моего путешествія, это былъ порядочный крюкъ; но прямая дорога черезъ Чайцынскія горы была не только опасна, но и совершенно бесполезна для моей ученой цѣли, потому что на ней Самоѣды не живутъ. Не успѣли мы проѣхать нѣсколькихъ верстъ, какъ уже показались предвѣстники близкой непогоды. Вошки мои остановились и начали совѣтоваться другъ съ другомъ. Они долго говорили, покачивали въ раздумьи головами и потомъ поѣхали далѣе. Послѣ я узналъ, что рѣчь была о томъ: не воротиться ли, но что не посмѣли предложить мнѣ это. Вскорѣ въ самомъ дѣлѣ началась метель, все усиливавшаяся, такъ что къ полудню не видно было даже и запряженныхъ въ сани оленей. Сильный порывъ вѣтра сорвалъ наконецъ и родъ кибитки, приделанной къ моимъ санямъ и нѣсколько защищавшей меня отъ непогоды. Встрѣвоженный, я спросилъ: сколько мы проѣхали? и мнѣ отвѣчали: мы не знаемъ гдѣ мы и ничего не видимъ. Они повторяли это всякій разъ, какъ принимались сгребать съ меня массы снѣга, наносимаго метелью. При этомъ они сдѣлали печальное открытіе, что *малица* моя промокла, и одинъ изъ нихъ былъ такъ великодушень, что предложилъ мнѣ свой *савикъ*: пѣчто въ родѣ лопарскаго *пески*, носимый сверхъ малицы. Къ несчастію мои линейные размѣры нѣсколько превосходили обыкновенную длину человѣческаго тѣла, и это не разъ становило уже меня въ весьма затруднительное положеніе въ отношеніи къ санкамъ и къ одеждѣ; такъ и теперь, по милости этого обстоятельства, я долженъ былъ отказать отъ радушнаго предложенія Самоѣда и покориться необходимости промокнуть мало помалу до костей. Мы тащились шагомъ, направляясь то туда, то сюда; искали хребта Чайцынъ и не находили, хотя, навѣрное, не разъ были у подошвы его. Одинъ изъ вошниковъ ѣхалъ на своихъ легкихъ саняхъ нѣсколько впереди и отыскивалъ удобнѣйшій проѣздъ для моихъ тяжелыхъ саней. Наконецъ мы добрались до рѣки, знакомой одному изъ вошниковъ. Передовой спустился прямо съ обрыва на ледъ, чтобъ покскаать удобнѣйшаго для насъ спуска, и пропалъ. Другой вошникъ отправился отыскивать его, и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ я сидѣлъ на тундрѣ одинъ-одинешенекъ, не понимая, куда дѣвались вошки, потому что все, что я теперь рассказываю, я узналъ уже по прибытіи въ ближайшій чумъ. Сначала я и не подозрѣвалъ, что они исчезли; когда же сдѣлалъ это, совсѣмъ не отрадное открытіе—подумалъ, что они бѣжали со страху. Не стану описывать, что происходило внутри меня; ограничусь только вѣшнимъ. Вся моя одежда промокла еще днемъ и усилившейся къ ночи холодъ повергъ меня въ страшную лихорадочную дрожь. Я думалъ, что пробилъ уже мой послѣдній часъ и готовился къ путеше-

ствію на тотъ свѣтъ. Между тѣмъ вошки возвратились. Мы благополучно перебрались черезъ рѣку, снова заблудились, и, какъ послѣ рассказы-вали мнѣ вошки, пять разъ пріѣзжали назадъ къ той же самой рѣкѣ. Въ шестой разъ, когда уже мы порядочно поотдаились отъ нея, олени начали сами собою свертывать на западъ, не смотря на всѣ усилія вошниковъ направи-вить ихъ на востокъ. Наконецъ надобно было уступить ихъ непреодолимому уш-рямству, и они вскорѣ привезли насъ къ селенію, состоявшему изъ семи чумовъ. Лай собакъ вызвалъ Самоѣдовъ наружу еще прежде, чѣмъ мы подъѣхали. Старшій изъ моихъ вошниковъ подошелъ тотчасъ же къ моимъ санямъ, сталъ на колѣни и выразилъ свою радость благодарственной мо-литвой высочайшему Духу; потому что «не я, а онъ спасъ тебя въ эту ночь», сказалъ онъ въ заключеніе.

Почти всю остальную часть ночи толковали въ чумѣ о нашихъ при-ключеніяхъ, изъ которыхъ я сообщилъ только главное. Они возбудили та-кое участіе, что никто не хотѣлъ идти стеречь оленей; въ слѣдствіе этого поутру оказалось, что волки порядочно напроказили. Я хотѣлъ пере-днествовать въ чумѣ, но бывшіе тутъ же вино-торговцы такъ хлопотали объ моемъ отъѣздѣ, что я отправился поутру, почти что противъ моей воли. Погода нѣсколько прояснилась, и не трудно было отыскать дорогу, ко-торой мнѣ слѣдовало ѣхать. Я находился при устьѣ рѣки Индиги, въ нѣ-сколькихъ верстахъ къ югу отъ Святаго-Носа. Отсюда мнѣ надобно было ѣхать вверхъ по ея теченію верстъ сорокъ или пятьдесятъ до русской избы, въ которой хотѣлъ остановиться на нѣкоторое время, а потому захватилъ съ собою и нанятаго въ послѣднемъ чумѣ учителя самоѣдскаго языка. Но и въ этотъ день, какъ наканунѣ, поднялась мятель, усилившаяся къ вечеру до того, что противъ вѣтра нельзя было ни глядѣть, ни дышать. Въ ушахъ непрерывно раздавался оглушительный вой и свистъ. Днемъ промочилъ меня влажный снѣгъ, а къ ночи стало сильно морозить. Было уже за полночь, когда мы добрались до русской избы. Дорога до того истощила меня, что я едва держался на ногахъ, почти что утратилъ сознание, а зрѣніе мое до того пострадало отъ вѣтра, что я нѣсколько разъ стучался головою объ стѣну. Цѣлые сутки за тѣмъ раздавался еще въ ушахъ мо-ихъ свистъ вѣтра; но, кромѣ этого, дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій не было.

Послѣ десяти-дневнаго пребыванія въ Индигѣ я отправился далѣе. Жи-тели семи самоѣдскихъ чумовъ прислали мнѣ 20 оленей, трехъ вошниковъ и маленькую палатку на случай, если на длинномъ, восьмидесяти-верстномъ переѣздѣ до деревни Сулы насъ застанетъ непогода. Было прекрасное февральское утро, когда я выѣхалъ. Солнце взошло и озарило снѣжную пустыню грустнымъ блѣдно-розовымъ блескомъ. Я сидѣлъ въ переднихъ

саняхъ, и вощикъ подробно объяснялъ мнѣ свойства страны. Между прочимъ я узналъ отъ него, что Тиманская тундра необыкновенно богата рѣками и озерами;—что рѣки вытекаютъ изъ горъ Чайцынъ, и за тѣмъ, протекая по совершенно плоской землѣ и не встрѣчая никакихъ препятствій, не образуютъ большихъ потоковъ, а впадаютъ каждая прямо въ море. Изъ озеръ, по его рассказамъ, замѣчательно только одно Уріеръ—названное такъ въ честь одного прославленнаго древнѣйшими самоѣдскими сагами Тадибея, который съ одной изъ высокихъ Уральскихъ вершинъ взвѣхалъ съ своими оленями прямо на небо. Полагаютъ, что и самый Уралъ названъ по немъ. Разговаривая такимъ образомъ съ моимъ вощикомъ, я увидалъ цѣлое общество Самоѣдовъ, ѣхавшихъ намъ навстрѣчу. Одинъ изъ нихъ особенно привлекъ мое вниманіе своимъ страннымъ видомъ и необыкновеннымъ нарядомъ. На немъ была малица, покрытая свѣтло-коричневымъ сукномъ и окаймленная собачьимъ мѣхомъ. Пестрые сапоги его были подвязаны выше икръ красивыми подвязками, концы которыхъ спускались до половины голени. На головѣ у него была острая оленья шапка, надѣтая нѣсколько на бекрень. Говоря съ моимъ ящникомъ, Самоѣдъ держался немного перегнувшись назадъ, лѣвая рука висѣла недвижно, а правая была вытянута и указательный палецъ ея дѣлалъ, какъ бы заплата и тире. Зажмуривъ одинъ глазъ, тѣмъ пристальнѣе смотрѣлъ онъ другимъ. Его губы были очень тонки и почти не двигались во время разговора. Лице было не такъ широко, какъ обыкновенно у Самоѣдовъ, лобъ низокъ, а макушка остра. Это былъ самоѣдскій аристократъ. Ты смѣешься, читатель; повѣрь однакожь, что и у Самоѣдовъ богачъ считаетъ себя лучше другихъ людей, думаетъ о себѣ больше, чѣмъ любой маленькій князекъ, и обращается съ своими бѣдными собратьями даже презрительнѣе, чѣмъ многіе изъ сильныхъ земли. Занимаетъ онъ, сверхъ того, какую нибудь ничтожную должность—высокомѣріе его не знаетъ уже никакихъ предѣловъ. Но Самоѣдъ, о которомъ идетъ рѣчь, избранный въ помощники старшины Канинской тундры, отличался отъ другихъ самоѣдскихъ аристократовъ тѣмъ, что держалъ себя вполне согласно сознанію своего значенія по богатству и по важности занимаемой имъ должности. Съ мною онъ обращался совѣмъ не такъ, какъ съ вощикомъ; но все-таки съ чувствомъ собственнаго достоинства. Когда мы пріѣхали къ его чуму, онъ великодушно предложилъ мнѣ взять сколько угодно оленей, не просилъ водки и не сталъ торговаться о прогонахъ. Переѣхавъ оленей, мы отправились далѣе, оставивъ здѣсь одного изъ проводниковъ и нашу палатку, полагая, что она уже не понадобится, потому что самоѣдскій аристократъ указалъ намъ дорогу къ другому стану находившемуся верстахъ въ 20 отъ его чума. Мы и пріѣхали благополучно къ указанному мѣсту—но не нашли здѣсь ни одного чума, ни даже

оленьихъ слѣдовъ. Между тѣмъ поднялась вьюга, настала ночь, а до деревни Сула оставалось еще верстъ тридцать. Дѣлать было нечего—пришлось ѣхать далѣе, не смотря ни на ночь, ни на вьюгу. Проѣхавъ около часу, мы наткнулись, вовсе неожиданно, на станъ большеземельскихъ Самоѣдовъ, изъ которыхъ ни одинъ не понималъ по русски.—Я разговаривалъ съ этими добрыми людьми почти до утра, употребляя и переводчика и все свои небольшія свѣденія въ самоѣдскомъ языкѣ. Нѣсколько разъ заводилъ я рѣчь, что пора бы и ѣхать; но Самоѣды неотступно просили меня остаться и еще поговорить съ ними. Хозяйка подарила мнѣ рыбу, и приставала, чтобъ я отдалъ ей золотымъ кольцомъ, которое блестяло у меня на пальцѣ. Я заплатилъ за рыбу больше, чѣмъ она стоила, но Самоѣдка не удовлетворилась и всю ночь просидѣла со слезами на глазахъ въ углу чума. На развѣтъ я отправился далѣе и скоро прѣѣхалъ въ деревню Сулу. Отсюда, на другой же день добрался я, уже на парѣ лошадей, и до Пустозерска—безъ сомнѣнiя, одного изъ самыхъ пустынныхъ мѣстъ на цѣломъ земномъ шарѣ.

VII.

Въ Пустозерской волости считается всего на все 18 большихъ и малыхъ селеній, изъ которыхъ нѣкоторыя разбросаны по нижнему теченію самой Печоры, другія же по впадающимъ въ нее рѣчкамъ и по ближайшимъ озерамъ. Самое большое изъ этихъ селеній: Пустозерскъ, прозванный такъ по находящемуся по близости его Пустому-озеру. Въ простонародьи Пустозерскъ называется и Городкомъ, потому что, какъ разсказываютъ, здѣсь была прежде крѣпость для защиты отъ частыхъ нападений Самоѣдовъ. И Пустозерскъ и многія изъ ближайшихъ деревень окружены страшно пустынною и бѣдною природою. Здѣсь нѣтъ и слѣда лѣсовъ; нѣтъ даже ни скаль, ни камней; зимою всюду видѣется одна только необозримая снѣжная равнина, по которой свободно играютъ выюги и мятели. Они играютъ здѣсь почти непрерывно, и иногда съ такою силою, что жители не могутъ выйти ни за водою, ни за топливомъ. Вѣтеръ срываетъ нерѣдко крыши съ избъ и почти всегда заноситъ послѣднія снѣгомъ до самаго верху; чтобъ не быть совершенно погребенными, подъ снѣгомъ, жители прокапываютъ себѣ только узенькіе ходы вокругъ избъ, потому что разметать эти громадныя массы, крѣико слегшагося снѣга черезъ-чуръ трудно.

Въ этой-то грустной, пустынной мѣстности остановился я на нѣсколько мѣсяцевъ съ цѣлью продолжать изученіе языка, нравовъ и религій Самоѣдовъ. Послѣднему весьма благопріятствовало положеніе пустозерскихъ деревень въ средній страны Самоѣдовъ, въ слѣдствіе чего не только Большеземельскіе, но и Канинскіе и Тиманскіе Самоѣды пріѣзжаютъ въ нихъ почти ежедневно. Наболѣе же съѣзжаются они въ Пустозерскъ, гдѣ сбываютъ свои товары и запасаются мукою и другими необходимыми предметами; кромѣ того ихъ привлекаетъ сюда и водка. Пріѣзжаютъ нѣкоторые,

хоть и рѣдко, чтобъ побывать въ церкви. Такъ я слышалъ, какъ одна старая Самоѣдка говорила священнику, что она нарочно для этого пріѣхала, и вотъ по какому поводу. Съ полъ-года тому назадъ, находясь на тундрѣ, она потеряла оленѣика, котораго сильно любила, потому что былъ бѣлый и очень статень; чтобъ отыскать его, она пріѣхала къ Тадибеамъ и принесла богатыя жертвы Хахе, но безъ всякой пользы. Съ горя и тоски, она обратилась наконецъ къ русскому Богу и посулила ему рубль ассигнаціями, если онъ возвратитъ ей пропавшаго, и только что она сдѣлала это—глядь, а оленѣнокъ-то и бѣжить ей на встрѣчу. Вотъ она, чтобъ исполнить свое обѣщаніе, и пріѣхала почти изъ-за 200 верстъ. Я полагаю, что это обѣщаніе относилось къ Николаю Чудотворцу или Миколѣ, какъ называютъ его Самоѣды, потому что даже и необращенные еще почитаютъ этого Святителя мощнымъ богомъ.

Изъ пріѣзжавшихъ въ Пустозерскъ Самоѣдовъ я не встрѣтилъ ни одного настолько трезваго, чтобъ можно было нанять его въ услуженіе; но мнѣ принесло уже много пользы и то, что я ежедневно могъ разговаривать, о жизни и обычаяхъ на тундрѣ, съ людьми, наѣзжавшими съ разныхъ сторонъ. Для изученія языка я обращался по большей части къ нищимъ Самоѣдамъ, которые разбили свои чумы близъ Пустозерскихъ селеній. Часто пріѣзжалъ я также за совѣтомъ, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, къ одному самоѣдскому поселенцу, почитавшемуся свѣтиломъ и далеко извѣстному по своимъ похождениямъ. Еще ребенкомъ онъ былъ проданъ своей матерью за пудъ муки одному Русскому, и за-тѣмъ переходилъ, какъ товаръ, изъ рукъ въ руки, пока, восьми лѣтъ, не попалъ въ услуженіе къ одному Русскому, кочевавшему по Большеземельской тундрѣ. Этотъ новый господинъ былъ жестокъ и скупъ, и заставлялъ его, полу-нагаго и полу-голоднаго, стеречь оленей и день, и ночь. Какъ-то случайно, жалкій видъ и плохая одежда ребенка обратили на него вниманіе исправника, объѣзжавшаго тундры. Узнавъ объ его горькомъ положеніи, исправникъ взялъ его подъ свое покровительство и воспитывалъ на равнѣ съ своими дѣтьми. Къ несчастію исправникъ былъ векорѣ отставленъ и уѣхалъ—и мальчикъ снова остался безъ пріюта. Когда онъ повзросѣ, напившись разъ пьянъ, онъ продался въ рекруты, векорѣ былъ однакожь отпущенъ по болѣзни и неспособности къ военной службѣ. За тѣмъ онъ скитался нѣсколько времени по тундрамъ, нанимаясь въ услуженіе, и наконецъ поселился въ маленькой деревенькѣ близъ Пустозерска, гдѣ срубилъ себѣ избу и женился на Русской; но, не смотря на то (что довольно рѣдко), сохранилъ любовь къ своимъ соотчичамъ.

Онъ служилъ мнѣ нѣсколько недѣль по найму, и былъ весьма полезенъ какъ посредникъ между мною и пріѣзжавшими съ тундръ Самоѣдами,

которые, естественно, дичились и чуждались меня, как пноземца и чиновника. Иногда, въ сопровожденіи моего ментора, я ѣздилъ въ ближайшіе сомоѣдскіе чумы; но этимъ, въ высшей степени поучительнымъ для меня поѣздкамъ, мѣшали къ несчастію безпрестанныя мятели. Зима въ этомъ году была такъ непріязненна, что даже Самоѣды жаловались на нее, и благодарили ужь бога, какъ только непогода позволяла различать хоть только олевей передъ санями. А что это на тундрахъ не всегда возможно—я это и самъ испыталъ на пути въ Пустозерскъ. Я даже долго думалъ, что жесточе испытанной мною въ этотъ разъ непогоды и быть не можетъ; но жители Пустозерска предсказывали еще сильнѣйшія—и предсказанія ихъ сбылись.—Разъ утромъ вошелъ ко мнѣ хозяинъ моей квартиры и совѣтовалъ отложить на этотъ день мою обыкновенную прогулку, потому что вьюга необыкновенно сильна. Но этимъ предостереженіемъ онъ подстрекнулъ только мое любопытство. Я осторожно началъ спускаться съ лѣстницы и благополучно добрался до послѣдней ступеньки, потому что до сихъ поръ строеніе защищало меня отъ вѣтра; но за нею я тотчасъ же почувствовалъ, что мнѣ не переспорить бури и ухватился обѣими руками за перилы. Тутъ предстояла тяжелая барьба съ невидимыми воздушными демонами. Нужно было сдѣлать только одинъ шагъ, но чтобъ сдѣлать его требовалось напрячь все силы. Послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ попытокъ мнѣ удалось наконецъ пересилить бурю; но когда я вошелъ въ горницу—я былъ такъ утомленъ, что не могъ дойти даже до кровати, и почти безъ чувствъ уналъ на полъ.

Я оставался въ Пустозерскѣ все время, пока пріѣзжали съ тундры Самоѣды, какъ же скоро наѣзды ихъ прекратились и я оставилъ это мѣстечко и отправился въ Усть-Цыльму—русское селеніе, въ 250 верстахъ къ югу отъ Пустозерска, гдѣ, какъ мнѣ сказывали, еще оставались тундрскіе Самоѣды. Путь мой лежалъ вверхъ по Печорѣ, по странѣ до того пустынной, что о ней говорятъ: будто она создана не Богомъ, а образовалась уже послѣ потопа. Здѣсь нѣтъ не только постоянно живущихъ, но и никакихъ животныхъ. Это почти непрерывныя, низменныя болотистыя пространства. Ледяной холодъ внутри ихъ уничтожаетъ всякую растительность, покрайней мѣрѣ настоящихъ деревьевъ здѣсь нѣтъ совершенно; только изрѣдка по берегамъ рѣкъ видѣются полосы ивняка, а потому жители Пустозерска и отапливаютъ свои жилища однимъ пловучимъ лѣсомъ. Какъ я уже замѣтилъ выше, даже и камней нѣтъ на глинистыхъ берегахъ Печоры. Необыкновенно низкіе на всемъ нижнемъ теченіи ея, далѣе къ верховьямъ они постепенно поднимаются и въ иныхъ мѣстахъ доходятъ до значительной высоты. По мѣрѣ возвышенія береговъ увеличивается и растительность, и въ окрестностяхъ Усть-Цыльмы, какъ увѣрялъ

меня мой ящикъ, есть уже всякаго рода деревья, а именно: сосна, ель, береза, ива, рябина, ольха, черемуха и презрѣнная осина, на которой, какъ говорилъ мой вощикъ, повѣсился Іуда.

Изъ животныхъ, которыя водятся во множествѣ по низовьямъ Печоры, слѣдуетъ упомянуть о бѣлыхъ куропаткахъ. — Между Пустозерскомъ и Усть-Цыльмою пѣтъ еще осѣдлыхъ жителей, потому что каждый, кто только вздумаетъ поискать счастья въ этихъ ледяныхъ странахъ направляетъ свою уютную ладью къ Пустозерску—гдѣ, конечно, болѣе средствъ существовать рыболовствомъ и охотою на оленей, разумѣется, ручныхъ стадъ Самоѣдовъ. Чтобы хоть нѣсколько облегчить сообщеніе между Пустозерскомъ и Усть-Цыльмою, по берегамъ Печоры сложено нѣсколько маленькихъ курныхъ избъ, въ которыхъ путешествующій можетъ сварить для себя рыбу, и переночевать, въ случаѣ сильной непогоды. Въ этихъ избахъ находятъ пріютъ и многочисленныя русскіе охотники, занимающіеся ловлею куропатокъ сътями. Хотя бѣлая куропатка и не слишкомъ цѣнится здѣсь, и промыселъ за нею нѣсколько не почитается завиднымъ, охотникъ всегда однакожь достаточно вознаграждается, не смотря на то, что приходится проѣхать нѣсколько сотъ верстъ. Нерѣдко въ одинъ день въ его сѣти попадется до сотни куропатокъ, тогда какъ онъ большую часть дня спитъ себѣ въ избѣ, а если не спится, распѣваетъ съ товарищами пѣсни, или забавляется сказками.

Я тащился въ обществѣ этихъ охотниковъ почти цѣлую недѣлю на парѣ тощихъ влячъ, и наконецъ, въ началѣ Апрѣля, пріѣхалъ въ Усть-Цыльму. Селеніе это основано еще во времена царя Іоанна Грознаго и населено раскольниками, грубѣйшими и упорѣйшими изъ всѣхъ до селъ мною видѣнныхъ. Раскольникъ всегда готовъ проклинать другихъ, почитая себя лучше всѣхъ, а Усть-цыльмскіе прокливаютъ даже и подобныхъ себѣ раскольниковъ, если только они не совсемъ съ ними сходятся. — Поэтому не удивительно, что они смотрѣли на меня, протестанта, очень косо и недоброжелательно. Они разсказывали, что я колдунъ, поджигатель, отравитель рѣкъ и колодцевъ,—что я знаю съ злыми духами и что, при помощи ихъ, дѣлалъ въ Усть-Цыльмѣ страшныя вещи. Такъ, между прочимъ, что, разкашывая свѣтъ, я произвелъ подземный вой, который сопровождался громомъ и молніей и продолжался нѣсколько дней; что за тѣмъ земля разверзлась и изъ пѣдръ ея вышло чудовище съ рогами. Многие увѣряли, что видѣли своими глазами, какъ оно поднялось до облаковъ, потомъ снова опустилось и съ страшнымъ шумомъ погрузилось въ Печору.

Всѣ эти странныя толки пересказывалъ мнѣ каждый день грузинскій князь, жившій въ Усть-Цыльмѣ и занимавшій должность лѣсничаго. Прежде онъ служилъ нѣсколько лѣтъ солдатомъ въ Финляндіи и очень

полюбилъ мою родину. Помня радушіе къ нему моихъ земляковъ, онъ принялъ во мнѣ большое участіе, навѣщалъ меня ежедневно и дѣлалъ все, чтобъ только какъ-нибудь облегчить мое пребываніе въ этомъ непріятномъ мѣстѣ. Однажды, въ шесть часовъ утра, онъ вошелъ ко мнѣ весьма встревоженный. Причина, этого ранняго визита была слѣдующая: ему дали знать, что ночью 25 раскольниковъ держали совѣтъ, что бы со мною сдѣлать. Кажется онъ зналъ и рѣшеніе ихъ, но не хотѣлъ сказать мнѣ. Онъ только дружески посовѣтовалъ запереться въ моей горницѣ, а вздумавъ прогуляться, такъ не иначе какъ верхомъ и въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, которыхъ онъ дастъ мнѣ. Не смотря на это предостереженіе, въ обыкновенное свое время, я вышелъ на улицу одинъ и пѣшкомъ, никакъ не предполагая, чтобы среди бѣла-дня я могъ подвергнуться какой-нибудь опасности. Не успѣлъ я сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ цѣлая толпа пьяныхъ выскочила изъ кабака, и съ дикими криками окружила меня въ тоже самое мгновеніе. Ихъ было человѣкъ 25, и въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ. Они схватили меня за руки и за малицу и начали терзать въ разныя стороны. Высвободивъ, не безъ труда, правую руку, я замахнулся ею, крикнувъ довольно грозно, и вся толпа, какъ испуганное стадо барановъ, бросилась отъ меня и попряталась въ соседнія избы. За снѣгъ, они не беспокоили меня цѣлый день, но къ ночи начали похаживать около моей квартиры. Это возбудило во мнѣ опасеніе, что они задумали вломиться ночью въ мою комнату. Черезъ нѣсколько времени я услышалъ, что наружная дверь отворилась и кто-то тихо подходилъ къ крыльцу. Я подкрался къ окну и увидѣлъ подъ нимъ трехъ человѣкъ; двое были съ ружьями, третій, мой хозяинъ, безъ всякаго оружія. Боясь, чтобъ онъ не ввелъ ко мнѣ вооруженныхъ, я сталъ полѣзть двери, рѣшившись дорого продать жизнь свою; но вскорѣ услышалъ, что хозяинъ возвратился въ избу, оставивъ вооруженныхъ на улицѣ. Потомъ я узналъ, что они и не думали вламываться ко мнѣ въ комнату, а только хотѣли посмотрѣть: выйду ли я ночью изъ избы. И это вотъ для чего: прошелъ слухъ, что я по ночамъ отравляю колодцы, порчу поля и обмазываю избы составомъ, который отъ лучей лѣтнаго солнца воспламеняется, а потому они и рѣшили, прежде чѣмъ приступать къ чему нибудь рѣшительному, сперва убѣдиться въ справедливости этого слуха. Въ слѣдующее утро за этой тревожной, проведенной безъ сна ночью, желая освѣжиться, я гулялъ долѣе обыкновеннаго по берегамъ Печоры. Возвращаясь съ прогулки, я увидалъ, что входъ въ деревню былъ совершенно прегражденъ толпою, навѣрное, въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Идти прямо на эту толпу казалось мнѣ опаснымъ; но опасно было также и повернуть назадъ, потому что всякъе обнаруженіе боязни ободрило бы еще болѣе моихъ противниковъ.

Сообразивъ это, я смѣло пошелъ прямо, готовый на все, чтобы ни случилось. По счастью въ нѣсколькихъ уже шагахъ отъ толпы я увидаль узенькую боковую дорожку, которая вела прямо къ моей избѣ; я быстро свернулъ на нее и, прежде чѣмъ толпа успѣла обдуматься, былъ уже дома. За симъ мужество толпы проявилось только громкимъ, яростнымъ крикомъ.

Возвратясь домой, я тотчасъ же потребовалъ лошадей—и черезъ часъ былъ уже на дорогѣ въ Ижемскъ. Это большое селеніе при рѣкѣ Ижмѣ, въ разстояніи 100 верстъ къ югу отъ Усть-Цыльмы, населенное Зырянами. Мнѣ восхваляли это селеніе за его гостепрѣимство; но какъ же былъ я удивленъ, когда, по прѣздѣ, охотою никто не хотѣлъ впустить меня въ избу, и я долженъ былъ прибѣгнуть къ жившему здѣсь чиновнику. По прочтеніи моихъ бумагъ онъ силою отвелъ мнѣ квартиру у одного изъ жителей. Эта непріязненность добродушныхъ Зырянъ тотчасъ же навела меня на мысль, что слухъ о моихъ зловредныхъ качествахъ дошелъ и до Ижемска; такъ оно и было. Въ тотъ же день вышеупомянутый чиновникъ (по счастью человекъ вовсе безъ предразсудковъ) пригласилъ меня посмотрѣть, какъ нечистый проказничаетъ въ избѣ одного бѣднаго Зырянина. Я съ удовольствіемъ пошелъ съ нимъ, не столько для забавы, сколько въ надеждѣ какъ нибудь разубѣдить свѣтрную толпу на мой счетъ. Передъ избой мы нашли кучу народу и въ серединѣ священника въ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ. Священникъ подошелъ къ намъ и въ ужасѣ началъ рассказывать о томъ, что ночью происходило въ избѣ этой. Малица и оленья шкура слетѣли сами собою съ печи, невидимая рука бросила ножницы съ такою силою, что они воткнулись въ стѣну, ведро съ водою качалось и т. д. Зыряне полагали, что все это моп продѣлки, въ чемъ убѣдило ихъ еще болѣе увѣреніе одного изъ жителей, что ему удалось видѣть мои руки и ноги, и что онѣ у меня кованыя изъ железа. Чтобы разубѣдить толпу, я вошелъ вмѣстѣ съ чиновникомъ въ избу и принялся развѣдывать самадѣйшія подробности ночнаго происшествія. Послѣ многихъ разспросовъ мы открыли, что большая часть чудесъ произведена была сумасшедшимъ; онъ спалъ на печкѣ, ірикрывшись малицей и оленьей шкурой, которыя и пошвырялъ, когда ему стало слишкомъ жарко. Весьма вѣроятно, что имъ же были брошены и, какъ-нибудь помѣшавшія ему, ножницы, которыя хозяйка, по ея собственному признанію, забыла на печи наканунѣ вечеромъ. Ведро же стояло на отставшей половицѣ, приходившей въ движеніе какъ только кто нибудь ступалъ на нее.

И такія-то бездѣлицы взволновали большую часть населенія Ижемска, заставляли священника цѣлую ночь читать въ избѣ молитвы объ избавленіи отъ продѣлокъ нечистаго. Какъ ни было удовлетворительно наше объясненіе всего

случившагося, оно не разсѣяло однакожь предубѣжденія противъ меня. Какъ ни отставали меня чиновникъ, его жена, и нѣкоторые изъ значительныхъ жителей селенія,—большинство все-таки смотрѣло на меня, какъ на колдуна и богоотступника. Несмотря на то, все время долгой безпутницы я могъ спокойно продолжать въ Ижемекѣ свои занятія. Здѣсь я изучалъ ижемекое нарѣчіе самоѣдскаго языка и зырянскій языкъ. Кромѣ того мнѣ хотѣлось составить себѣ понятіе о національныхъ особенностяхъ Зырянъ, но для этого здѣсь было слишкомъ мало данныхъ, потому что ижемекіе Зыряне приняли уже почти вполне и религію, и нравы, и образъ жизни русскаго населенія. Во всякомъ однакожь случаѣ, основныя черты зырянскаго національнаго характера обнаруживаютъ несомнѣнное сродство съ характеромъ Финновъ, и цѣлаго финнскаго племени, къ которому принадлежатъ и Зыряне. Изъ хорошихъ качествъ, Зырянамъ приписываются по преимуществу разсудительность, прямота, степенность, добродушіе, честность и вѣрность; изъ дурныхъ—хитрость, подозрительность и зависть. Не сомнѣемъ псхвальная еще черта, зависящая впрочемъ не столько отъ національнаго характера, сколько отъ весьма низкой степени цивилизаціи—это то, что мужчина взваливаетъ на женщину, что слѣдовало бы дѣлать самому, что даже на собственную жену онъ смотритъ, какъ на рабу. Какъ мало уважаетъ Зырянинъ женщину видно уже изъ отношеній жениха къ невѣстѣ въ день брака. Она должна, въ присутствіи всѣхъ гостей прошѣть пѣсню, которой, со слезами и поклонами, умоляетъ жениха смилостивиться надъ ея беззащитнымъ положеніемъ и сдѣлать ее своею законною женою. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимъ намекается невѣстѣ, что она не должна слишкомъ гордиться тѣмъ, что женихъ шьетъ руки ей, — что она все таки должна быть покорной рабой его. Тоже значеніе имѣетъ и обычай, по которому послѣ вѣнчанія молодая должна раздѣвать своего мужа. Кромѣ того, при зырянской свадьбѣ много еще другихъ обычаевъ и обрядовъ, свидѣтельствующихъ о рабствѣ и глубокомъ униженіи женщинъ,—вмѣсто нихъ я приведу здѣсь двѣ свадебныя пѣсни, которыя поются невѣстой и ея подругами.

I.

«Отняли у меня мою волюшку, отняли ретивое сердечушко, повязали молодую головушку, подобрали кудри золотистыя—повели за концы пальчиковъ. Ты, вскормившій меня батюшка, вынянчившая матушка, ясный соколъ братецъ мой, сестра милая, добрый дадюшка, добрая тетунка, захотѣли, порѣшили вы, чтобы я покинула сторонкушку родимую.»

«Ко золотому столу подходила я, брала стаканъ—наливала, подносила

вино всѣмъ гостямъ , изъ подъ золотыхъ бровей на всѣхъ посматривала—не видала брата милаго. Улетѣлъ ты, соколъ мой, сидишь на тундрѣ черной ты, у залива моря темнаго, на скалахъ Урала высокнхъ. Ты спѣши, спѣши сюда дорогой мой братъ; аль не вѣдаешь—отсылаютъ меня изъ златой родины. Придижь, приди братъ возлюбленный, той же утробой выношенный, погляди на мое разставанье скорое. Шесть оленей, въ цѣломъ стадѣ что ни лучшихъ , что ни быстрыхъ , выбери , запряги ихъ въ санки крѣбкія, запряги ремнями толстыми и спѣши на родину. Препрадать ли путь-дороженьку сто двадцать рѣкъ—потоковъ вѣшнихъ—поднимись ты, полети бѣлымъ лебедемъ, легкой утицей.

« Добрый батюшка, милая матушка, аль не была я вамъ предана, какъ сынъ не воспитана? За чтожь вѣрную свою прислужницу теперь гоните къ родителямъ невѣдомымъ, къ братьямъ, сестрамъ незнаемымъ? Чтобъ найти мнѣ радость тамъ—надо долго жить, много кланяться. Не найду на новой родинѣ я радости—буду жить веномнваніемъ какъ была я счастлива въ дому родительскомъ.»

2.

« Жизнь моя, добрый батюшка, собирай ты корни двойственные (*), готовь пиръ имъ къ вечеру, свѣтлый, радостный: выставляй на столъ что ни лучшее! Ты вскормившая меня матушка, накрывай лучшій столъ—столъ изъ дерева кедроваго, ставь яства сладкія, пштыя что ни вкусныя. Жизнь моя, батюшка и матушка, возростили вы меня какъ сына, жила я какъ хотѣлося—пришелъ послѣдній день, послѣдній часъ моей волошки: не долго мнѣ любовью своей властвовать , сидѣть чтимой дѣвушкой. Съ этимъ днемъ все исчезнетъ для бѣдняжки, все останется въ дому родительскомъ — простижь молодость веселая. Еще распуколькой должна покинуть я родину—мѣсто, гдѣ беззаботно въ сласть кормилася, наряжалася, покоилася. Матушка моя родимая, чѣмъ же надоѣла тебѣ, вѣрная твоя прислужница? Алл много ѣла, много платій изнашивала, что ты такъ рано отдаешь ее? Не мѣшай же, родимая, не мѣшай ты мнѣ , бѣдняжечкѣ, горючими слезьми заливатися—все вѣдь, всѣ мои радости оставляю я въ дому родительскомъ. Не сердитесь на меня и вы мои подруженьки моей юности, веселыхъ игръ на лугахъ зеленыхъ; видитель: все, все покинуть мнѣ приходится въ первые дни весенніе, когда всѣ ручьи шумно разыгрываются, высокія деревья валятся, крѣпкіе камни трескаются, когда

(*) Родныхъ жениха и невесты.

начинает пѣть жалобная кукушечка, весенняя кукушечка. Рано запѣваетъ жалобная кукушечка, но еще ранѣе запою я, бѣдная, на новой своей родинѣ. Прощайте жь родимые, батюшка и матушка! прощайте жь и вы, подруженьки!»

—

Въ Ижемскѣ и въ другихъ деревняхъ принадлежащихъ къ той же волости я оставался до второй половины іюня; только въ это время снова стало возможно продолжать мое путешествіе по Самоѣдскимъ землямъ. Ближайшею моею цѣлю была деревушка Колва, въ 400 верстахъ отъ Ижемска, въ Большеземельской тундрѣ. Поѣздку эту я совершилъ въ 15 дней въ рыбачей лодкѣ, отпавлявшейся изъ Ижемска къ рѣкѣ Усѣ. Сперва мы плыли внизъ по рѣкѣ Ижмѣ, потомъ вверхъ по рѣкѣ Печорѣ и по ея притоку Усѣ, до впаденія въ послѣдній рѣчки Колвы. Большая часть нашего плаванія была по Печорѣ. Самоѣды называютъ эту рѣку моремъ (ямъ), и весьма справедливо. Принимая въ себя всѣ рѣки, вытекающія съ западной стороны сѣвернаго Урала, въ нижнемъ теченіи своемъ она расширяется версты на три, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болѣе. — Подобно Двинѣ она течетъ по ровной поверхности; есть конечно кое-гдѣ и быстрины, но на всемъ проѣханномъ мною протяженіи я не встрѣтилъ ни одной. По разсказамъ, Печора богата рыбой; берега средняго ея теченія довольно роскошны, и если все — таки, по суровости климата, неспособны для хлѣбопашества, такъ зато весьма хороши для скотоводства; но и эта отрасль сельскаго хозяйства до сихъ поръ здѣсь въ совершенномъ пренебреженіи. Жители всей этой страны—Зыряне, питаются преимущественно охотою и рыболовствомъ; они не кочуютъ однокожь, а живутъ въ маленькихъ деревушкахъ причисленныхъ къ Ижемской волости.

Въ концѣ іюня плаваніе по среднему теченію Печоры представляетъ много интереснаго. Величіе самой рѣки, прекрасные лѣсные берега, зеленѣющіе луга и острова, совершеннѣйшая пустынность, печальный темный цвѣтъ, которымъ на дальнемъ сѣверѣ отличаются и луга, и лѣса, и даже воды, и рядомъ яркій ослѣпительный блескъ снѣга, уцѣлѣвшаго въ какой нибудь глубокой лощинѣ, защищенной возвышенностями отъ знойныхъ лучей солнца—все это конечно прекрасно, но не надолго. Вскорѣ мѣриды комарей и мошекъ, кусающихъ ежеминутно лишаютъ васъ всякой возможности восхищаться. Только и думаешь какъ бы защититься отъ этаго зла, которое справедливо можно причислить къ семи Египетскимъ казнямъ. Надѣнешь ли сѣтку изъ конскихъ волосъ, забьешься ли въ парусинную палатку—тутъ уже не до красотъ природы, въ которыхъ видишь уже главную причину этой напасти. Даже самое солнце, лѣтомъ не выносимо здѣсь знойное, расслабляетъ всѣ чувства и уменьшаетъ ихъ воспріимчи-

вость ко многому. Я же, кромѣ того, не могъ обращать особеннаго вниманія на виѣшнюю природу, отчасти и отъ того, что на половинѣ дороги къ Колвѣ, на меня упала мачта и сильно ушибла голову. Счастье еще, что именно въ это самое мгновеніе ко мнѣ подходилъ одинъ изъ гребцовъ, чтобъ взять подаренную имъ для праздника бутылку съ водкой, и отклонилъ нѣсколько ударъ, который безъ того могъ прекратить дни мои преждевременно. Еще больнои отъ этого ушиба пріѣхалъ я въ началѣ іюля въ деревню Колву, находящуюся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ впаденія рѣчки того же имени. Въ этой деревнѣ есть недавно выстроенная для Большеземельскихъ Самоѣдовъ церковь и особенные дома для двухъ священниковъ и діакона, и кромѣ того девять жалкихъ избушекъ, въ которыхъ живутъ бѣдные Самоѣды, принявшіе и языкъ и обычаи Зырянъ. Я остался въ этой деревнѣ до конца лѣта; мнѣ отвели для житья одну изъ самыхъ жалкихъ лачугъ въ которой не зналъ рѣшительно покоя отъ духоты, сырости, дѣтскаго крика, комаровъ и другихъ наѣзкомыхъ. Какъ ни привыкъ я работать вездѣ и несмотря ни на что, здѣсь же — не могъ никакъ, и потому часто долженъ былъ удаляться въ родъ погреба, находившагося подъ избою. Въ этомъ подземельѣ, хотя и тутъ мѣшали крысы и мыши, составилъ я мою Зырянскую грамматику. Изученіе же Самоѣдовъ, главный предметъ моихъ занятій во время пребывания въ Колвѣ, я вынужденъ былъ производить наверху, потому что мои учителя страшлись подземнаго міра и неохотно въ него спускались. За тѣмъ я ежедневно бродилъ по лѣсамъ и полямъ, стрѣлялъ утокъ, собиралъ морѣшку, однимъ словомъ: старался какъ-нибудь улучшить жалкую трапезу Самоѣдовъ.

VIII.

Огромное пространство, называемое Большеземельскою тундрою, разделено между Самоѣдами волостей Пустозерской, Устьцыльмской и Ижемской: съверозападная ея половина отведена Пустозерскимъ и Устьцыльмскимъ, а юговосточная Ижемскимъ. Само собою разумѣется, что Самоѣды, какъ народъ кочевой, нисколько не сдерживаются въ определенныхъ предѣлахъ и переходятъ куда заведетъ ихъ нужда, или куда имъ захочется. Кажется, что высшее правительство никогда и не узаконяло этого раздѣленія тундры. Говорятъ, что оно сдѣлано мезенскимъ Земскимъ судомъ, по проскамъ Зырянъ, которые, правдою и неправдою, завладѣвъ оленями Ижемскихъ Самоѣдовъ, старались завладѣть и пастбищами для нихъ. Они просили отъ имени Ижемскихъ Самоѣдовъ и какъ бы для ихъ пользы; но такъ-какъ у Ижемскихъ Самоѣдовъ нѣтъ уже почти вовсе оленей, а другимъ, по опредѣленію Земскаго суда, воспрещается переступать за выше означенную границу, то на дѣлѣ, всею южной частью тундры, пользуются одни только Зыряне. Эта часть—лѣсистая страна по Усѣ и ея притокамъ. Въ зимнее время она превосходна для оленей, потому что лѣса защищаютъ отъ страшныхъ вьюговъ и мятелей, которыя на тундрахъ опасны не только для людей, но даже и для оленей. Лѣтомъ же она слишкомъ знойна для нихъ, а потому, съ приближеніемъ его, Зыряне перегоняютъ стада свои на прохладнѣйшія безлѣсныя тундры, съ которыхъ возвращаются домой только осенью. Въ это время зажиточные Зыряне, владѣльцы оленьихъ стадъ, изъ Ижемска и другихъ принадлежащихъ къ этой волости деревень, отправляются вверхъ по Печорѣ и Усѣ встрѣчать стада свои и распоряжаться своимъ богатствомъ. Осень—всюду время жатвы, сбора. На тундрахъ она приноситъ оленья мясо, оленья шкуры, лисьи и песцовые мѣха, перо, пухъ и проч. Но Ижемскіе крестьяне не довольствуются тѣмъ немногимъ, что доставляютъ имъ съ тундръ наемные работники ихъ или прикащики, они сами развѣзжаютъ осенью отъ чума къ чуму и приобрѣтаютъ всевозможными способами все добытое Самоѣдами. Съ наступленіемъ зимы нѣкоторые пробіраются даже въ самую

Сибирь, и скупают мѣха у тамошнихъ Остяковъ и Самоѣдовъ, муку— у Русскихъ поселенцевъ и проч.

Въ Ижемскѣ я уговорился съ однимъ изъ послѣднихъ вѣхать вмѣстѣ изъ Колвы, въ которую эти странствующіе Зыряне всегда заѣзжаютъ, до Обдорска. По этому уговору, я началъ мое азіатское путешествіе 16 (4) сентября, въ большомъ крытомъ суднѣ, которое Русскіе называютъ *каюкомъ*, широкомъ спереди, узкомъ сзади и только съ одною мачтою. Хотя каюкъ, въ которомъ мы отправились и почитался самымъ лучшимъ во всемъ околдѣ, я былъ однакожь не очень-то доволенъ имъ. Болѣе всего мучила меня отвратительная вонь изъ открытыхъ кадокъ съ испортившимися рыбой и мясомъ — провіантомъ нашего экипажа. За тѣмъ палуба сквозила какъ рѣшето; по этому, въ защиту отъ осеннихъ дождей, нѣкоторые изъ значительнѣйшихъ пассажировъ запаслись небольшими палатками. Такихъ палатокъ было подъ палубой четыре. Одна была, разумѣется, моя; въ другой помѣщался хозяинъ каюка; въ третьей—его племянникъ съ женою; но кому же принадлежала четвертая, изъ розовой матеріи? Вѣроятно какой нибудь краснощекой красавицѣ; но она не показывается: вѣроятно изъ дѣвичьей скромности, изъ боязни грубыхъ корабельщиковъ. Позже мы познакомимся съ нею.

Выше я сказалъ, что въ Колвѣ есть церковь, во имя Николая Чудотворца. Съ тѣхъ поръ какъ она выстроена, вошло въ обычай, проѣзжая Колву, служить въ ней молебень о попутномъ вѣтрѣ. Молитвы на этотъ разъ были услышаны; только что мы сѣли въ каюкъ, подулъ благопріятный вѣтеръ, и до самаго вечера мы плыли какъ нельзя лучше. На другой день пошелъ снѣгъ съ дождемъ, и вѣтеръ перемѣнилъ направленіе. Мы должны были стать на якорь. Мои спутники играли въ дурачки; я грѣлся у огня, разложеннаго на передней части каюка. 18 сентября мы добрались до устья Сыни небольшой рѣчки, впадающей въ Усу съ восточной стороны, верстахъ въ 40 отъ Колвы и около 60 отъ Печоры. Въ этомъ мѣстѣ Уса изгибается къ сѣверу; попутный вѣтеръ съ юга наполнилъ паруса и тяжелое судно наше пошло легко и быстро по шумящимъ волнамъ. Благодаря этому вѣтру, мы прошли довольно скоро 90 верстъ отъ Сыни къ устью Хыр-мора или Аджвы, другаго значительнѣйшаго притока, при впаденіи котораго Уса снова поварачиваетъ на востокъ. До этого мѣста природа почти таже самая, что и по Печорѣ: по бережьямъ много лѣсу и луговъ, дальше въ глубь страны—топкія болота и песчаные пустыри. Берега вообще низки; но кое гдѣ попадаются и возвышенія, которыя Зыряне называютъ *челья* (Tschelja). Преобладающая здѣсь почва—глина; но далѣе къ верховьямъ Усы она становится рѣже. Горно-каменные породы до устья Хыр-мора чрезвычайно рѣдки; но далѣе отсюда они

начинают обнаруживаться мѣстами въ берегахъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья этой рѣки виднѣтся даже огромная скала или гора, называемая *Адакъ*. Отсюда измѣняется видъ страны и во всемъ остальномъ. Лѣсъ постепенно становится все рѣже, деревья малорослѣ: береза преобразуется въ кустарникъ, сосна утрачиваетъ сучья и елится прикрыть наготу свою мхами. Наиболѣе распространена ива, образующая по берегамъ непроходимый кустарникъ. Однимъ словомъ вся страна обнаруживаетъ явную склонность къ переходу въ тундру.

Что значительное развитіе воздѣлыванія здѣсь земли невозможно—это очевидно; но на сколько не способна къ воздѣлыванію страна по нижнему теченію Усы и по верхнему теченію Печоры—это вопросъ еще. Общее мнѣніе, какъ ученыхъ, такъ и простолюдиновъ, что успѣшное земледѣліе здѣсь рѣшительно невозможно, и по самой уже общности своей, должно имѣть нѣкоторое основаніе; но оно нѣсколько не подтверждено опытомъ, потому что тамошніе жители не умѣютъ обрабатывать и не обрабатываютъ земли нисколько. Въ самомъ Ижемскѣ, который славится своимъ хлѣбопашествомъ, поля находятся подлѣ огромнаго болота, никогда не осушаются канавами и даже всахиваются какъ будто бы только для виду. Но допустимъ, что земледѣліе въ этихъ мѣстахъ дѣйствительно невозможно—берега Усы и Печоры представляютъ все-таки и другія средства существованія на нихъ не только для кочевниковъ, но и для осѣдлаго общества. Они богаты прекрасными лугами, рѣки — рыбою, лѣса—всевозможной дичью. И несмотря на все эти дары природы, страна пустынна и безлюдна. По берегамъ Печоры, какъ мы уже сказали, разбросано нѣсколько весьма малолюдныхъ деревушекъ, а по рѣчной системѣ Усы, за исключеніемъ Колвы—ни одной. Естественно, что, при такихъ обстоятельствахъ, природа обнаруживаетъ здѣсь характеръ рѣшительной дикости. Плыва по Усѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, вы видите большія луговые пространства мертвенно сѣрыя отъ густой травы, засохшей на нихъ безъ всякой пользы. Всюду встрѣчаются засохшія, сгнившія деревья, то стоящія еще, то свалившіяся уже. вмѣсто людей, по берегамъ бѣгаютъ лисицы, песцы, медвѣди и другія дикія животныя. вмѣсто человѣческихъ жилищъ вы натываетесь только на покинутыя логовища звѣрей. Надъ головами вашими ежедневно проносятся безчисленныя стаи дикихъ утокъ и гусей, возвращающихся въ страны болѣе теплыя, оглашая воздухъ радостными криками. Какъ хорошо было бы полетѣть за ними съдомъ! Но такъ какъ открытіе Дедала не доведено еще до совершенства, то удовольствуемся уже и тѣмъ, что, благодаря другому нѣсколько близкому къ этому открытію, проносимся довольно быстро мимо странъ, порождающихъ самыя грустныя впечатлѣнія.

Отъ впаденія Хыр-мора прошли мы, при попутномъ вѣтрѣ, около 40

версть до устья Косы, значительнѣйшаго изъ всеѣхъ притоковъ Усы, а отсюда—еще 50 версть, до впаденія рѣки Хузморъ или Роговой. Здѣсь вѣтеръ стихъ, и мы бросили якорь близъ берега. Но къ вечеру, между тѣмъ какъ все были заняты подъ палубойужиномъ, поднялась вдругъ страшная буря; дождь лилъ ливнемъ, вѣтеръ завывалъ въ снастяхъ и грозилъ разбить нашъ каюкъ о скалистый берегъ. Послѣ немовѣрныхъ усилій намъ удалось однакомъ отвести каюкъ на середину рѣки и утвердить его здѣсь на якорѣ. За симъ весь экипажъ предался успокоенію. Буря между тѣмъ не переставала свирѣпствовать; дождь лилъ какъ изъ ведра, и отъ него не защищала уже ни палуба, ни палатка. Я лежалъ довольно долго совершенно покойно и недвижно, разсуждая о томъ: пожертвовать ли ужъ волюнѣ однимъ полупромокшимъ бокомъ, или, чтобъ не обидѣть его—подвергнуть тому же и другой, какъ вдругъ, къ немалому удовольствію, услышалъ трескъ огня на передней части каюка. Я приподнялъ полу палатки и былъ пораженъ престраннымъ зрѣлищемъ. Подлѣ огня двигалось что-то такое, что смутило бы и самага смѣлаго, чуждаго всякихъ предразсудковъ человѣка. Это что-то было закутано въ мохнатую оленью шкуру, по которой въ самомъ фантастическомъ безпорядкѣ болтались сукошныя полосы всеѣхъ цвѣтовъ радуги. Голову, плечи и часть лица покрывало нѣчто въ родѣ слошнаго колпака изъ шкуры росомахи, украшеннаго блестящими мѣдными кружками, брещавшими на спинѣ. Изъ подъ этой косматой головной покрывки виднѣлись только два черные сверкающіе глаза, пара толстыхъ губъ и широкія ноздри. Ростомъ это что-то было едва двухъ аршинъ, зато его оленья шуба широко растопыривалась во все стороны. Оно тихо ходитъ вокругъ очага, на которомъ разведенъ огонь, останавливается на минуту на каждой изъ четырехъ сторонъ его и кланяется на все четыре стороны свѣта; при чемъ обнаруживается, что одна нога у него значительно короче другой. Въслѣдствіе этого, когда оно поварачиваетъ лицо къ востоку, вѣроятно съ цѣлью поклониться въ эту сторону, туловище само собою перегибается на сѣверъ, и поклонъ отдается ему послѣднему; повернетъ лицо къ западу—поклонъ приходится югу: нога рѣшительно не даетъ воли головѣ кланяться куда ей хочется. Конечно въ результатѣ цѣль все таки достигается, потому что наконецъ все стороны свѣта получаютъ по поклону; но нельзя было не замѣтить этой странной игры природы, поссорившей одну часть тѣла съ другою. Окланявшіеся такимъ образомъ каждой стороны свѣта, странное существо это сѣло передъ огнемъ, скрестивъ ноги, издало восклицаніе: «У-у-у!» и принялось тихонько постукивать по очагу. Тутъ я догадался, что это самоѣдское заклинаніе вѣтровъ, но все еще не могъ понять откуда взялось само заклинающее существо—прилетѣло ли по воздуху, вылѣзло ли изъ воды, какъ вдругъ случайно глаза мои встрѣ-

тились съ красной, озаренной пламенемъ палаткой. Подстрекаемый бѣсомъ смѣха, я выползъ потихонько на палубу, прокрался на переднюю часть и однимъ скачкомъ очутился подлѣ огня. Самоѣдка вскрикнула, но тотчасъ же успокоилась, и совершенно хладнокровно сказала: « Сядь къ огню и обогрѣйся; вѣтеръ холодный, а платье твое кажется намокло ». Слова эти были произнесены такимъ голосомъ, который ясно показывалъ, что старуха хотѣла задобрить меня, вѣроятно для того, чтобы я не разсказалъ нашимъ спутникамъ о ея почныхъ продѣлкахъ.

Разумѣется, я принялся выпытывать у Самоѣдки тайны ея чародѣйства. Вообще отъ Самоѣдовъ трудно добиться какого нибудь объясненія; они почти всегда отдѣляются короткимъ « екаръ » (не знаю); но на этотъ разъ мнѣ посчастливилось безъ всякаго труда узнать все, что знала старуха. Такъ какъ однакожь большая часть того, что она сообщила мнѣ, изложено уже мною выше, то я и ограничусь только передачей ея повѣствованія объ Уріерѣ, самоѣдскомъ шаманѣ, про котораго все говорятъ, что онъ живой взлѣхалъ на небо. Передаю на сколько можно ея словами :

« Жилъ въ старину на землѣ тадибей, по прозванію Уріерѣ, и былъ онъ тадибей надъ тадибеями, мудрецъ надъ мудрецами, врачъ надъ врачами, вѣщунъ надъ вѣщунами: такой знахарь, какихъ теперь уже и не бываетъ. Нужноль отыскать пропавшаго оленя, добыть украденное, возвратитъ здоровье, уготовать себѣ счастье и богатство и другое такое, и не ходи за совѣтомъ ни къ какому тадибею—ступай прямо къ Уріеру. У него было множество оленьихъ стадъ; онъ много объѣздилъ странъ, видѣлъ много народовъ; но наконецъ труды и напасти земной жизни наскучили ему. « Здѣсь, сказалъ онъ, оленеводство дѣлается все хуже, мохъ съ каждымъ годомъ уменьшается, звѣрь становится все рѣже, а воровство, обманы и всякая неправда напротивъ умножаются; не хочу жить долѣе на этой жалкой землѣ, поищу лучшей отчины на небѣ ». И сказавъ это онъ велѣлъ обѣимъ женамъ своимъ приготовить для него и для себя новую одежду, для оленей же новую сбрую, наказавъ при этомъ настрого, чтобы какъ въ одеждахъ, такъ и въ сбруѣ ничего не было стараго, уже употреблявшагося. Когда все было готово, онъ запрягъ въ сани четырехъ сильныхъ оленей-самцевъ и поѣхалъ по воздуху. Жены послѣдовали за нимъ, каждая въ своихъ санкахъ. И вотъ, когда проѣхали уже почти половину пути, олени Уріера начали пошатываться, опускаться внизъ. Уріерѣ, догадывавшійся въ чемъ дѣло, спросилъ женъ, сдѣлали ли онъ, какъ онъ сказалъ: все ли въ одеждахъ и въ сбруяхъ стачено изъ новаго? Тогда вторая жена призналась, что въ ея одеждѣ есть одна маленькая тесемочка уже пошенная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начала просить слезно, чтобы

онъ позволилъ ей возвратиться назадъ на землю, гдѣ у нея осталось два сына, увѣряя, что ей пріятнѣе дѣлать съ дѣтьми земныя напасти, чѣмъ наслаждаться безъ нихъ небеснымъ блаженствомъ. Уріеръ тронулся ея мольбами и отпустилъ ее назадъ, а самъ съ первою женою поѣхалъ на небо и тамъ нашелъ все, чего только можетъ пожелать человѣкъ—сильныхъ оленей, отличный мохъ, много звѣрей въ лѣсахъ и на поляхъ и т. д. (*)

Чрезвычайно замѣчательно, что Самоѣды вѣрятъ въ постоянныя переселенія на небо. Пропалъ безъ вѣсти какой нибудь дурной человѣкъ или преступникъ—все увѣрены, что его сожралъ, гдѣ нибудь на тундрѣ, медвѣдь; случись тоже съ хорошимъ человѣкомъ—все убѣждены, что онъ, подобно Уріеру, уѣхалъ въ небесныя жилища. Одинъ русскій миссіонеръ сообщилъ мнѣ, что, не знавши еще о такомъ вѣрованіи, онъ думалъ однажды склонить Самоѣдовъ—язычниковъ къ христіанству, между прочимъ и разсказомъ о взятіи на небо пророка Іліи. Самоѣды слушали разсказъ его весьма равнодушно и когда онъ кончился, одинъ изъ нихъ сказалъ : « Да, и мой братъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ уѣхалъ такъ же на небо ».

Безсмертіе составляетъ впрочемъ исключительную принадлежность тадебеевъ, потому что вообще между Самоѣдами распространено безотрадное вѣрованіе, что со смертію все кончается для человѣка. Хотя они и полагаютъ, какъ кажется, что покойникъ продолжаетъ еще нѣсколько времени жить въ могилѣ, и, вѣроятно, потому складываютъ подлѣ него очагъ, кладутъ ножикъ, топоръ, копье, деньги и другія жизненныя потребности, и по временамъ рѣжутъ даже на могилѣ его оленя; но какъ скоро трупъ сгнилъ, все убѣждены уже, что для него все кончено. Одни тадебей одарены безсмертіемъ; по смерти они превращаются въ такъ называемыхъ Итармовъ, которые, судя по всему, что мнѣ удалось о нихъ узнать, совершенно тождественны съ тадебціями Канинской тундры. Про нихъ разсказываютъ, что они то отдыхаютъ въ могилахъ своихъ, то скитаются по землѣ, особенно по ночамъ, и, смотря потому каковы они были при жизни, дѣлаютъ добро или зло. Вообще же Итармовъ боятся, и Самоѣдъ не любить много разговаривать о нихъ.

Разсказы старухи-Самоѣдки заняли меня такъ, что я преспокойно выносилъ дождливую и бурную ночь подъ открытымъ осеннимъ небомъ, меж-

---

(*) По другому разсказу Уріеръ взялъ съ собою на небо обѣихъ женъ и съ дѣтьми. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ сыновей воротился на землю и разсказалъ Самоѣдамъ о блаженствѣ небесномъ, о множествѣ оленьихъ стадъ, о прекрасныхъ пастбищахъ и т. д.

ду тѣмъ какъ моя Мельпомена не разъ вынимала изъ-за пазухи зеленую стѣлянцу и подкрѣпляла себя живительною влагою. Результатомъ этихъ повторительныхъ подкрѣпленій было то, что она заснула наконецъ у огня, а я возвратился въ свою палатку, завернулся въ оленій мѣхъ и улегся на постель изъ кирпичей и оселковъ. Въ слѣдующее утро (22 сентября) подулъ опять попутный вѣтеръ. Опъ дулъ изъ густой тучи, которая въ тоже время обливала насъ сильнымъ ливнемъ. Погода была пасмурная, туманъ покрывалъ землю. Сквозь него видѣлись огромныя болота, и по нимъ кое гдѣ склонившаяся сосна, пожелтѣвшая береза, медвѣдь поднятый крикомъ корабельщика, хищный орелъ сторожившій добычу. Грустное впечатлѣнiе производимое таковой картиной уменьшалось нѣсколько только тѣмъ, что, благодаря попутному вѣтру, мы плыли довольно быстро. Къ вечеру показались вдали огоньки, разложенные на берегу Ижемскими крестьянами, которые отиравались на встрѣчу къ оленьимъ стадамъ своимъ и расположились тутъ на ночлегъ. Мы пристали къ нимъ и вздумали устроить небольшую пирושку на пустынной Усѣ. Пригласивъ Ижемцовъ на нашъ просторный каюкъ, мы усѣлись вокругъ опрокинутой кадки, которая замѣняла намъ столъ. Пока пили чай, Зыряне сидѣли съ важными, угрюмыми лицами, но какъ только пошла въ круговую бутылка коньяку, флегматическiя физiономiи ихъ понемногу начали оживляться, и я тотчасъ же воспользовался этимъ случаемъ, чтобы завести рѣчь о житiѣ Самоѣдовъ и объ ихъ отношенiяхъ къ инороднымъ поселенцамъ тундръ. Вопросъ чрезвычайно щекотливый, потому что Самоѣды обвиняютъ инородцевъ, особенно Зырянъ, въ разныхъ неправдахъ, и убѣждены, что въ настоящее жалкое положенiе повергли ихъ безсовѣстныя притѣсенiя именно этихъ поселенцевъ; Зыряне же почитаютъ себя напротивъ благодѣтелями Самоѣдовъ и всячески стараются оправдать свои дѣйствiя. Я приведу здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ оправданiй и постараюсь съ возможною точностию передать слышанное мною въ бесѣдѣ подлѣ опрокинутой кадки. Вотъ что говорилъ старѣйшiй изъ всего общества, ученый церковный староста:

« Я уповаю на Бога и вѣрю, что ничто на свѣтѣ не дѣлается безъ Его воли. Если, какъ извѣстно, большая часть самоѣдскихъ оленей перешла къ Зырянамъ, то и это, безъ всякаго сомнѣнiя, произошло по волѣ Божiей. Конечно и тутъ, какъ вездѣ, было не безъ вмѣшательства лукаваго; но и его дѣламъ попускаетъ Богъ и будетъ попускать всегда, ради премудрыхъ своихъ цѣлей. Такъ какъ ты (*) чужеземецъ, татарской вѣры и не знаешь истиннаго свѣта, то я и объясню тебѣ примѣромъ, какъ съ самаго начала свѣта Госнодь обращаетъ на добро всѣ злыя дѣла

(*) Онъ говорилъ это мнѣ.

дьявола. Въ писаніи сказано, что Богъ сотворилъ въ первые шесть дней небо и землю, солнце, мѣсяць и всѣ звѣзды, человѣка, травы, животныхъ и прочее. Дьяволу тотчасъ и захотѣлось какъ нибудь попортить созданія Господа: онъ испортилъ человѣка, отравилъ многія травы, породилъ змѣй и другихъ вредныхъ животныхъ, а изъ рыбъ—щуку и налима. Какъ только Ангелы замѣтили этихъ рыбъ, они поймали ихъ, принесли къ Богу и спросили: что съ ними дѣлать. Богъ посмотрѣлъ на рыбъ, увидалъ въ ихъ головѣ крестъ, и благословилъ ихъ, такъ что теперь онѣ чисты и живутъ на пользу человѣка. Такимъ образомъ, что Богъ благословить того нечего хулить человѣку, хотя бы лукавый и замѣшался тутъ. Божье благословеніе очевидно надъ нашими оленьими стадами, потому что они умножаются и улучшаются съ каждымъ годомъ, и составляютъ главное наше достояніе. А если ты спросишь, ради чего же даровалъ намъ Господь самоѣдскихъ оленей—мы и это растолкуемъ тебѣ. До прибытія поселенцевъ на тундры, все самоѣдское племя жило въ языческомъ мракѣ и нечестіи. Они приносили жертвы простымъ древеснымъ пнямъ, и солнце благодати было еще скрыто отъ нихъ непроницаемымъ туманомъ. О дѣлахъ божественныхъ они знали не больше собакъ и псовъ; почти такъ же неведущи были они и въ дѣлахъ житейскихъ. Не знали огнестрѣльнаго оружія; у нихъ не было сѣтей, никакихъ порядочныхъ рыбачьихъ снарядовъ; не умѣли оберегать своихъ оленей, не имѣли никакого понятія о порядочномъ хозяйствѣ. Вотъ по этому-то богъ и послалъ на тундры Русскихъ и Зырянъ учить Самоѣдовъ и божескимъ и житейскимъ дѣламъ. Онъ отдалъ вмѣстѣ со стадами и самихъ Самоѣдовъ къ намъ въ ученье. Теперь они наши слуги; когда же кончатъ ученье, сдѣлаются настоящими православными христіанами—Господь навѣрное взыщеть и ихъ своею благостью, потому что взываетъ всякого, кто уповаеъ на Него. »

Другой собесѣдникъ говорилъ слѣдующее: «Есть пословица, что люди бываютъ всякіе, и это какъ между христіанами, такъ и между язычниками. Такъ, есть много добрыхъ и порядочныхъ людей между Самоѣдами; много плутовъ и мошенниковъ и между Зырянами, въ особенности между бродящими по тундрамъ. Они предпочитаютъ мѣста пустынные, потому что тамъ безнаказаннѣе могутъ злобствовать. Но вопросъ еще, кому они вредятъ болѣе: Самоѣдамъ или самимъ Зырянамъ. Жаловаться Самоѣды могутъ развѣ на прежнія притѣсенія; теперь же у нихъ взять нечего, и кому вздумается попользоваться чужимъ добромъ, идетъ, разумѣется, не къ нимъ, а къ намъ. Такъ, у каждаго изъ сидящихъ здѣсь, пропадаетъ ежегодно не мало оленей; ихъ крадутъ иногда и Самоѣды, но чаще свои же, Зыряне. Мы нисколько не защищаемъ ихъ, напротивъ были бы очень рады, еслибъ ихъ переловили и поступили съ ними по закону. Очистятъ отъ

нихъ тундры—теперешніе раздоры Зырянъ съ Самоѣдами прекратятся сами собою. Тогда Самоѣды сознаются, что мы приносимъ имъ не вредъ, а пользу».

« И то , самое, что стада Самоѣдовъ, говорилъ третій, перешли въ наши руки, польза всей страны. У Самоѣдовъ олени всегда были совершенно безплоднымъ имуществомъ, потому что Самоѣды живутъ какъ-то на выворотъ. Богатый лежитъ себѣ лежмя въ своемъ чумѣ, собираетъ къ себѣ бѣдную родню свою, кормить ее, пока наконецъ не обнищаетъ самъ и не пойдетъ такъ же кормиться на счетъ другаго. У нихъ нѣтъ, такимъ образомъ, никакой возможности что нибудь заработать. Мы же доставляемъ нашими стадами и работу и хлѣбъ сотнямъ Зырянъ и Самоѣдовъ. Мы заставляемъ ихъ выдѣлывать шкуры, шить платье для нашего собственнаго потребленія и для продажи, пасти наши стада, ловить рыбу и звѣря. На оленяхъ мы вывозимъ изъ Сибири муку, рыбу и другія потребности. Мы ѣздимъ на рынки, продаемъ выдѣланныя кожи, олени шкуры и волосъ, мѣховую одежду и проч., и возвращаемся въ нашу бѣдную сторону съ деньгами. Однимъ словомъ, мы умѣемъ употреблять оленей на общую пользу, и только ими и можемъ существовать въ этой дикой странѣ ».

Другихъ, новыхъ мнѣній объ этомъ предметѣ, не было; приводили, разбирали только вышеприведенныя и въ конечномъ результатѣ все рѣшили единогласно: 1) что Зыряне и русскіе поселенцы вообще много содѣйствовали и содѣйствуютъ еще образованію и облагороженію Самоѣдовъ; 2) что въ настоящее время Самоѣды не терпятъ отъ поселенцевъ никакихъ важныхъ обидъ, напротивъ зарабатываютъ у нихъ деньги, и 3) что Зыряне безъ оленьихъ стадъ рѣшительно не могутъ существовать въ этихъ безплодныхъ мѣстахъ.—Спросите объ этомъ самихъ Самоѣдовъ, и они скажутъ, что, конечно, между поселенцами есть честные люди, помогающіе имъ, какъ въ божескихъ, такъ и въ житейскихъ дѣлахъ; но что вообще они ненавидятъ этихъ, чуждыхъ имъ пришельцевъ, потому что они, воровствомъ и обманомъ, присвоили себѣ ихъ стада, отвели даже дѣтей и сродственниковъ ихъ въ нѣкоего рода вавилонскій плѣнъ, потому что они затрудняютъ ихъ существованіе на тундрахъ, потравляя своими многочисленными стадами весь олений мохъ, подрываютъ звѣринныя лозы, надуваютъ ихъ въ торговлѣ, крадутъ у нихъ оленей и проч. По этому все Самоѣды, у которыхъ еще есть какія нибудь олени стада, ничего такъ не желаютъ, какъ или совершеннаго удаленія поселенцевъ съ тундръ, или, по крайней мѣрѣ, точнаго ограниченія ихъ какимъ нибудь предѣломъ, чтобъ они не могли господствовать по всей Самоѣдской странѣ.

Но оставимъ политику Самоѣдовъ и поѣдемъ далѣе. Въ слѣдующую за этой бесѣдой ночь вѣтеръ совсѣмъ утихъ: пришлось тащить каюкъ биче-

вой вдоль берега. Такимъ образомъ мы добрались до мѣста, гдѣ впадаетъ въ Усу большой притокъ ея—Лемва, въ 90 верстахъ отъ Роговой. Тутъ снова подулъ попутный вѣтеръ; но только что распустили парусъ—переломилась мачта, отъ того что не укрѣпили порядкомъ канатовъ. Постановка новой мачты задержала насъ здѣсь цѣлый день; но съ старою мачтою какъ будто бы переломило и наше счастье. Слѣдующія трое сутокъ постоянно дулъ противный вѣтеръ; кромѣ того Уса становилась все быстрее и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказывалась такъ мелкой, что каюкъ нашъ, тащимый опять бичевой, нерѣдко касался дна. Послѣ не малыхъ усилій мы добрались таки, 27 сентября, до первой цѣли нашего путешествія—маленькой, никѣмъ не обитѣмой хижины на берегу Усы, въ 40 верстахъ отъ Урала.

Въ этой тѣсной хижинѣ или юртѣ остановилось пятнадцать человекъ, съ тѣмъ, чтобы, какъ выпадетъ снѣгъ, всемъ вмѣстѣ ѣхать въ Сибирь. Опасаясь слишкомъ долгаго ожиданія зимы въ грязной, сырой, темной и дымной избушкѣ я вздумалъ было отправиться тотчасъ же въ Обдорскъ пѣшкомъ; но Зыряне почитали такое путешествіе столь труднымъ и опаснымъ, что никакъ не соглашались дать мнѣ проводника, не желая взять на свою совѣсть и отвѣтственность весьма возможное несчастіе. Такимъ образомъ мнѣ по неволѣ пришлось остаться, и тутъ главною моею заботою сдѣлалось какъ бы убить время. О какихъ либо занятіяхъ нечего было и думать; потому что отъ духоты, дыму и чаду, и самые Зыряне не могли оставаться весь день въ юртѣ; но и подъ открытымъ небомъ было не лучше: при постоянно западномъ вѣтрѣ дождь не переставалъ ни на минуту. Несмотря на то, я бродилъ неутомимо по пустыннымъ окрестностямъ и иногда заходилъ такъ далеко, что съ трудомъ отыскивалъ нашу юрту. Вся эта мѣстность была сплошная тундра. Тундрой, какъ я уже замѣтилъ выше, называется вообще страна безлѣсная: голая, обнаженная почва. На тундрѣ бываютъ возвышенія и долины, болота, трясины, озера, рѣки и т. д., но почти безъ всякой растительности. Очень можетъ быть, что микроскопическое изслѣдованіе открыло бы и на ней цѣлый міръ живыхъ существъ; но простому глазу она не представляетъ ничего кромѣ низкаго ивняка, сѣраго оленьяго моха, весьма не многихъ злаковъ и множества тайнобрачныхъ растений. Изъ животныхъ, кромѣ оленей, здѣсь встрѣчаются только волки, лисы, песцы, вороны, совы и несмѣтное множество крысъ и мышей. По этому человекъ, видѣвшяго печальную пустынность тундръ и не удивитъ нисколько странное вѣрованіе Самоѣдовъ, что богъ смерти царитъ надъ землею, Елисейскія же поля находятся подъ нею, въ ея нѣдрахъ. По этому они обыкновенно и не зарываютъ въ землю своихъ покойниковъ, а хоронятъ ихъ поверхъ земли, надъ которою во тьмѣ ночной

летаютъ мрачныя души тадйбеевъ. Глубоко же въ нѣдрахъ ея живетъ, по ихъ понятіямъ, добрый и счастливый народъ, называемый ими Сиртеями (Siirtjei), богатый мамонтами, которые служатъ ему вмѣсто оленей, бобрами, соболями, золотомъ и серебромъ.

Въ одну изъ моихъ прогулокъ по тундрѣ, внезапно поднявшаяся непогода заставила меня искать убѣжища подъ одинокимъ деревомъ, на берегу рѣки. И какъ же былъ я изумленъ, увидавъ неподалеку отъ него четырехугольный ящикъ, аршина въ три длиною, и въ аршинъ шириною. Ящикъ этотъ, сколоченный изъ грубыхъ, необтесанныхъ бревешекъ, стоялъ на нѣсколькихъ врытыхъ въ землю отрубкахъ и былъ покрытъ двумя рядами бревешекъ же. Сваливъ съ него часть послѣднихъ, я увидалъ въ немъ гниющей человѣческой трупъ.

Что же касается до моего пребыванія въ тѣсной Зырянской юртѣ, оно съ каждымъ днемъ становилось невыносимѣе. Отъ ежедневнаго обращенія, присутствіе чиновнаго иноземца перестало воздерживать моихъ спутниковъ и они начали предаваться необузданному пьянству. Конечно забавно иногда трезвому смотрѣть на смѣшныя проделки пьяныхъ, но постоянное зрѣлище ихъ противно. Драмѣ, разыгрываемая въ кабакѣ, въ сущности нисколько не отличается отъ представляемой сумашедшимъ домомъ. Опьянѣніе—рѣшительно преходящій приступъ помѣшательства.

Наконецъ, въ концѣ октября наступила зима. Олени Зырянъ прибыли; приступили къ сборамъ въ дорогу. Составился караванъ изъ 150 саней; онъ раздѣлялся на 15 такъ называемыхъ аржишей (Arjishe)—меньшихъ связныхъ каравановъ, саней въ 10-ть. Въ каждыя сани впрягается обыкновенно по два оленя, которыхъ привязываютъ ремнемъ къ ѣдущимъ впереди и такимъ образомъ заставляютъ слѣдовать за ними. Впереди всегда ѣдетъ одинъ человѣкъ въ легкихъ саняхъ, запряженныхъ тремя или четырьмя оленями. Эти сани такъ коротки, что управляющій ими сидитъ обыкновенно поперегъ ихъ, спиною направо, свѣсивъ ноги наружу. Неловкость и утомительность такого путешествія заставила меня предпочесть имъ обыкновенныя обозныя, въ которыхъ могъ, по крайней мѣрѣ, принять полу-лежачее положеніе и смотрѣть на право и на лѣво. Но въ первый день и смотрѣть-то было нечего, потому что выѣхали поздно вечеромъ и вскорѣ должны были остановиться и разбить двѣ бывшія съ нами палатки. Это дѣлается такъ: сперва вбиваются въ землю двѣ большія жерди, верхніе концы которыхъ соединяютъ петлей; въ эту петлю всовываютъ другія жерди и, разводя ихъ къ низу, на сколько требуетъ величина палатки, втыкаютъ въ землю. За снѣгъ обтягиваютъ этотъ остовъ двумя рядами сшитыхъ оленьихъ шкуръ, которыя обвязываютъ накрѣпко веревками, а на случай непогоды привязываютъ и всю палатку или къ близъ стоящему дереву, или къ тяжело нагруженнымъ санямъ, по-

тому что, безъ этой предосторожности, вся эта постройка легко можетъ быть снесена вѣтромъ. Внутри палатки, раздѣленной на четыре отдѣленія, устилаютъ землю досками, хворостомъ, рогожами или оленьими шкурами. Очагъ состоитъ изъ желѣзной рѣшетки и двухъ, прибрѣленныхъ надъ нею къ стѣнамъ палатки жердей, къ которымъ прицѣпляютъ котлы. Но вариво на тундрѣ не главное еще, потому что не только Самоѣды, но даже и Русскіе и Зыряне привыкли ѣсть сырую рыбу и сырое мясо. Я встрѣчалъ даже и образованныхъ людей, которые ѣли такую пищу, и именно мерзлую рыбу, которая почитается превосходнѣйшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ скорбута. Какъ бы тамъ ни было, на тундрѣ необходимостъ пріучить и къ употребленію сырой пищи. Случается нерѣдко, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней или не найдешь никакого топлива, или за непогодю нѣтъ никакой возможности разбить палатку; даже и при благоприятныхъ обстоятельствахъ не часто удается устроить настоящей обѣдъ. Поэтому каждый запасается обыкновенно кускомъ сыраго мяса или, еще чаще, любимымъ оленьимъ горломъ, и ѣсть, когда вздумается. Впрочемъ, когда можно, каждое утро и каждый вечеръ разводять огонь и ставить на него котелъ.—Разбита палатка и есть надежда на ужинъ — путники пробираются въ нее одинъ за другимъ и усаживаются подлѣ очага, весело поглядывая на котелки, изъ которыхъ подымается пріятный паръ. Въ нашемъ пестромъ кружку наслажденіе жизнью проявляется однакожъ чрезвычайно разнообразно. Русскій распѣваетъ веселыя пѣсни, шутитъ, подсмѣивается, дурачится; Зырянинъ—читаетъ молитвы, рассказываетъ житія святыхъ и преподаетъ нравственныя наставленія; Самоѣдъ — сидитъ тихо и внимательно слушаетъ, что говорятъ люди умнѣйшіе. Только одинъ изъ послѣднихъ иногда подаетъ голосъ. Зыряне называютъ его дуракомъ, но вся его глупость въ томъ, что онъ всему смѣется и отдѣливается шуткой отъ всякой насмѣшки, всякаго оскорбленія, даже отъ брани. А что онъ нисколько не былъ глупъ—въ этомъ я убѣдился въ первый же нашъ ночлегъ, и вотъ по какому случаю. По окончаніи ужина, хотѣли было отдать оставшееся этому Самоѣду, но такъ какъ на немъ не было креста, то и обнаружили опасеніе, что онъ оцоганитъ посуду и заразитъ своей языческой грѣховностью. Вслушавшись въ разсужденія Зырянъ о такомъ обстоятельствѣ, Самоѣдъ схватилъ тотчасъ же лежавшій подлѣ него кусокъ льду и, придавъ лицу плачевнѣйшее выраженіе, принялся тереть и скоблить имъ невинный языкъ свой. Хотя и эта выходка была принята за сумашествіе, хитрый Самоѣдъ достигъ однакожъ своей цѣли — получилъ все оставшееся отъ ужина. За сямъ все улеглись спать. Утро слѣдующаго дня было великолѣпное. По моему, далекій Сѣверъ не представляетъ ничего лучше яснаго звѣзднаго осенняго утра, когда земля покрылась уже

снѣгомъ , лѣсъ чернѣеть , а ледъ блеститъ еще , когда воздухъ чистъ и легокъ какъ тончайшій эфиръ , когда при вѣтерокъ , ни птица , ни одинъ звукъ не нарушаютъ глубокого безмолвія природы.

Что касается до нашего путешествія , то мы ѣхали страшно медленно. Въ первые четыре дни (25—28 октября) мы сдѣлали около 40 верстъ , но до Урала все-таки не добрались , потому что , для удобнѣйшаго переѣзда черезъ горы , необходимо было сдѣлать значительный объѣздъ. Потомъ наступила оттепель , продержавшая насъ цѣлые два дни на одномъ мѣстѣ. Октября 31 , мы снова пустились въ дорогу и днемъ переѣхали Кочпель , одинъ изъ многочисленныхъ притоковъ Усы. Здѣсь я видѣлъ послѣднія сосны на западной сторонѣ Урала ; ночью пошелъ дождь и лилъ два дня , мѣшая ѣхать далѣе. 3 ноября мы снова были обрадованы яснымъ утромъ , и тутъ я увидалъ впервые Уралъ во всемъ его великолѣпїи. Изъ среды высокихъ , волнообразныхъ горъ гордо поднималъ « Князь Урала » (*) бѣлое чело свое , надъ которымъ сверкали тысячи звѣздъ. Мерцаніе ихъ придавало какою-то жизненность недвижнымъ его очеркамъ. « Видишь , Князь нынче кротокъ ; но онъ не всегда таковъ » , сказалъ незамѣтно подкрѣвшійся ко мнѣ вышеупомянутый Самоѣдъ. За симъ онъ принялся разсказывать мнѣ о страшныхъ буряхъ , свирѣпствующихъ на Уралѣ , низвергающихъ камни и цѣлыя скалы , и какъ многіе изъ его братьевъ , при переѣздѣ черезъ Уралъ , погибли отъ нихъ. Самоѣды такъ боятся « Уральскаго Князя » , что никогда не переѣзжаютъ черезъ хребетъ , не давши верблюдамъ нѣсколькихъ дней отдыха у подошвы его. На свѣжихъ верблюдахъ переѣздъ совершается въ одинъ день. Мѣстами переѣзда служатъ разные горные проходы или такъ называемые « ворота » , коими часто хребетъ пересѣкается. Проходъ состоитъ изъ болѣе или менѣе длинныхъ горныхъ возвышенностей и довольно значительныхъ , хотя издали онѣ и пѣхотятъ на долины. Мы ѣхали по горной цѣпи , которую думаютъ прорѣзать каналомъ , для соединенія двухъ рѣкъ , вытекающихъ изъ этого хребта и изъ которыхъ одна , *Елецъ* , впадаетъ въ Усу , а другая въ одинъ изъ притоковъ Оби , именно въ Падагу или Собь. Такимъ образомъ , чрезъ соединеніе Оби съ Печорою , сѣверные продукты могли бы идти за границу черезъ Пустозерскъ. Если этотъ планъ когда нибудь приведется въ исполненіе , то онъ неминуемо окажетъ величайшее ваіаніе на культуру страны и на цивилизацію дикихъ ея обитателей.

Мы скоро и благополучно добрались до вершины прохода ; но только

(*) Самоѣды называютъ Уралъ *Пае* , т. е. камень , а самую высокую вершину въ каждомъ изъ его хребтовъ *Пав іеру* , — « Княземъ » или « Господиномъ Урала » .

что стали спускаться на другую сторону, какъ вдругъ, съ запада, поднялась такая страшная буря, что и на восточной, закрытой отъ вѣтра сторонѣ хребта, не мало стоило намъ труда разбить палатки. Ночью вѣтеръ притиухъ, и въ слѣдующій день (4 ноября) мы снова пустились въ дорогу. Мы ѣхали въ юговосточномъ направленіи вдоль лѣваго берега рѣки Соби, по весьма неровной и густо заросшей соснами и лиственницею мѣстности. Черезъ три дни медленнаго и труднаго пути лѣсомъ, мы оставили Соби въ правѣ и вскорѣ очутились на огромной тундрѣ, ѣхали по ней полтора дни и затѣмъ поднялись на возвышенность, съ которой увидали наконецъ Обь со всеми ея безчисленными рукавами, островами и притоками. Такъ какъ рѣка не стала еще, то мы и расположились на этой возвышенности, пославъ нѣсколькихъ человекъ отыскивать остяцкія юрты и лодку, на которой бы я могъ переправиться на другую сторону рѣки. Къ вечеру посланные возвратились съ вѣстью, что хотя и нашли нѣсколько юртъ, но что Остяки отказываются перевезти меня, отзываясь непмѣніемъ лодки. Опасаясь, чтобы ночью они не разбѣжались, я велѣлъ запречь четырехъ оленей и отправился въ одну изъ юртъ собственной особой. Здѣсь меня встрѣтилъ пожилой Остякъ предложеніемъ убраться назадъ, тою жъ дорогой, которой пріѣхалъ. Я прикрикнулъ, и Остяки такъ перепугались, что тотчасъ же бросились мнѣ въ ноги, но перевезти меня черезъ рѣку все-таки не соглашались. Причиной этого упорства было очевидно опасеніе, что небольшія льдины, проносившіяся уже по рѣкѣ, легко могутъ повредить и даже разбить лодку. Угрозы и еще болѣе обѣщаніе заплачить чего стоитъ лодка—довели ихъ наконецъ до признанія, что у нихъ есть старая, негодная рыбацья лодка. Посадивши одного Остяка къ себѣ въ сани, я поѣхалъ осматривать ее. Дорогою Остякъ признался, что у него есть другая лодка, потомъ вспомнилъ, что есть еще третья, четвертая, пятая, наконецъ шестая, не считая малыхъ лодокъ.

Въ слѣдующій день (9 ноября) я благополучно переправился черезъ Обь и затѣмъ добрался до Обдорска, послѣ почти двухмѣсячнаго странствованія, сопровождавшагося такими трудностями, какихъ не испытывалъ ни въ одномъ изъ моихъ путешествій, ни прежде, ни послѣ.

IX.

Хотя послѣднее долгое и трудное странствованіе истощило мои силы, поразило здоровье и ослабило мое мужество, тѣмъ не менѣе, по прїездѣ въ Обдорскъ, я былъ веселъ и счастливъ мыслию, что нахожусь наконецъ на священной почвѣ матери Азіи, дышу воздухомъ, вздуншимъ пѣкогда первую жизненную искру въ груди нашихъ праотцевъ и доселѣ еще поддерживающимъ существованіе многихъ жалкихъ потомковъ ихъ. Судьба загнала ихъ частію къ холоднымъ вершинамъ Урала, частію къ еще холоднѣйшимъ берегамъ Ледовитаго моря, и оковала ихъ духъ цѣпями, почти столь же твердыми, какъ ледъ, оковывающей природу теперешней ихъ родины. Эти цѣпи—грубость, невѣжество и дикость. Конечно и эта грубость соединяется съ многими прекрасными качествами; иногда мнѣ приходило даже въ голову, что свѣтлый инстинктъ, невинная простота, добродушіе этихъ, такъ называемыхъ, дѣтей природы могли бы во многихъ отношеніяхъ пристыдить европейскую мудрость; но вообще въ продолженіе моихъ странствованій по пустынямъ, къ крайнему сожалѣнію, я замѣчалъ, рядомъ съ хорошими чертами характера, столько отвратительнаго, грубо-животнаго, что я не столько любилъ, сколько жалѣлъ ихъ. Это нисколько не уменьшило однакожъ моей радости, когда я увидѣлъ себя въ странѣ моихъ мечтаній, среди племенъ, производимыхъ болѣе или менѣе прямо отъ матери Калевы. Именно съ цѣлью познакомиться съ этими племенами я и отправился въ Обдорскъ, самое сѣверное поселеніе Западной Сибири не въ далекѣ отъ впаденія Оби въ Ледовитое море. Въ настоящее время Обдорскъ не имѣетъ особеннаго значенія; но прежде имя его было славно и потому внесено даже въ царскій титулъ. Слово Обдорскъ полу-Зырянское и значить «Обское-устье» (отъ *Обь* и *доръ*—крайнѣйшее). Очень можетъ быть, что Зыряне и основали этотъ малый поселокъ; исторически достоверно по крайней мѣрѣ то, что они издавна предпринимали торговыя поѣздки въ Обдорскъ. Гораздо позднѣе начали посѣщать это мѣсто и Русскіе изъ Тобольска и Березова; они строили себѣ лачуги и амбары, но жили здѣсь только временно. Затруднительность поѣздокъ сюда заставила ихъ вскорѣ основываться въ этой пустынной странѣ и навсегда. Русскіе начали здѣсь селиться

впрочемъ никакъ не болѣе ста лѣтъ тому назадъ; большая же ихъ часть живеть здѣсь не болѣе тридцати лѣтъ, по паспортамъ ежегодно возобновляемымъ. Кромѣ того немногочисленное здѣшнее населеніе увеличивается еще небольшимъ числомъ ссыльныхъ. Между ними одинъ выдавалъ себя за Поляка, другой за Калмыка, третій за Киргиза. Кромѣ того я нашель здѣсь довольно много торговцевъ изъ Татаръ и Зырянъ. Природные же жители этой страны—Остяки и Самоѣды. Многія остяцкія семейства имѣли вокругъ селенія постоянныя юрты; ожидали еще прибытія въ скоромъ времени и другихъ, кочевыхъ Остяковъ съ значительнымъ числомъ Самоѣдовъ.

По этому понятно, что я выбралъ Обдорекъ мѣстомъ своей дѣятельности. Это былъ мой Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, а между тѣмъ въ немъ не было ни одной книги, кромѣ Сибирскаго уложенія, ни одной газеты, кромѣ вечернихъ дамскихъ бесѣдъ, ни одного музея древностей или естественныхъ произведеній, хотя все окружающее меня заняло бы почетное мѣсто въ любомъ изъ нихъ. Хуже всего было то, что съ начала я не могъ найти ни одного христіанина, который интересовался бы хоть чѣмъ нибудь кромѣ барышей и процентовъ. Да и чего же было ждать отъ людей отказавшихся отъ всѣхъ радостей и наслажденій цивилизованной жизни, для того, что бы хитростью и обманомъ отнимать у простодушныхъ, легковѣрныхъ туземцевъ достояніе ихъ, добытое трудомъ и потомъ. Успѣхъ въ этомъ развратилъ большую часть этихъ искателей счастья и повергъ ихъ въ животную грубость, далеко, отвратительнѣйшую, грубости дикарей. Отыскивая, по пріѣздѣ въ Обдорекъ, квартиру, я зашелъ въ домъ мѣщанина, переселившагося сюда изъ Тобольска, и засталъ все семейство сидящимъ на полу и пожиравшимъ сырую рыбу. Вскорѣ за тѣмъ я познакомился съ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей города, занимавшимъ незначительное казенное мѣсто; и онъ хвастался мнѣ, что въ продолженіе полгода не ѣлъ ничего, кромѣ сырой рыбы. Вышеупомянутый Полякъ, бывшій прежде поваромъ и, по его словамъ, игравшій блестящую роль въ петербургскихъ кухняхъ, жаловался мнѣ, что его искусство мало приноситъ ему выгоды въ Обдорекъ, потому что люди живутъ здѣсь *à la Samoiède*. У нихъ есть дома, у нѣкоторыхъ даже двухъэтажные, но всѣ они выстроены изъ стараго барочнаго лѣса и зимою плохо защищаютъ отъ холода и вѣтра. Обыкновенная одежда жителей почти такая же, какъ у Самоѣдовъ и Остяковъ. Многіе изъ нихъ походятъ на Самоѣдовъ и тѣмъ, что содержатъ болѣе или менѣе значительныя олени стада. Коровы и овцы также не рѣдки, но лошадей нѣтъ совершенно; ихъ замѣняютъ здѣсь олени, а иногда и собаки. Впрочемъ, что бы быть справедливымъ къ Обдорску, я долженъ прибавить, что въ домахъ нѣкоторыхъ здѣшнихъ купцевъ и мѣщанъ вѣдетъ все-таки

Тобольскимъ духомъ или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то подобнымъ. Въ нихъ я видалъ и хорошіе кафтаны, и прекрасныя шали, и большія зеркала, и мускатное вино, и пріятное обращеніе, и Суворовскій табакъ № 1. Къ замѣчательностямъ Обдорска принадлежить, между прочимъ, фамилія Х. . . . ., весьма, кажется, распространенная въ Березовскомъ уѣздѣ. По разсказамъ, ихъ предокъ, во время войны Петра Великаго съ Шведами, взмѣнилъ свесему государю, и, по окончаніи войны, ушелъ въ этотъ отдаленный край, избѣгая опасности быть выданнымъ. Какъ бы то ни было, не смотря на то, что меня почитали Шведомъ, и это нисколько не расположило ко мнѣ ни одного изъ членовъ этого семейства. Завидѣвъ меня, даже издали, на улицѣ, они сѣшили скрыться. Точно также непріязненно чуждались меня и другіе жители, видѣвшіе во мнѣ какого-то соглядатая, чрезвычайно опаснаго для ихъ торговыхъ дѣлъ. Эта подозрительность была тѣмъ естественнѣе, что я безпрестанно возился съ туземцами, выпытывая отъ нихъ не одни филологическія и этнографическія, но и статистическія свѣдѣнія всякаго рода.

Сначала мои занятія шли довольно плохо, потому что въ обдорскихъ юртахъ жило лишь нѣсколько бѣдныхъ полу-обрусѣвшихъ остяцкихъ семей; бѣольшая же часть туземцевъ бродила еще по своимъ пустыннымъ тундрамъ. Вскорѣ однакожь начали прибывать и Остяки и Самоѣды на обдорскую ярмарку, продолжающуюся отъ начала зимы до февраля. На это время они располагаются съ своими стадами и чумами вокругъ городка. Жизнь его приняла за симъ совершенно новый, странный и пестрый видъ. Каждый день приходили многочисленныя толпы сыновъ и дочерей тундръ, закутанные въ мѣха, расхаживали тихо по улицамъ и глазѣли на высокіе дома. Трудно было повѣрить, чтобъ они являлись сюда для покупки и продажи; они казались праздными посѣтителями рынка, потому что не приносили на него никакого товара. Но мнѣ говорили, что подъ оттопырившимся шубами ихъ скрывались черныя и бурья лисцы и кое что еще. Товаръ этотъ показывался однакожь не каждому: продавецъ пробирался тайкомъ къ какому-нибудь пріятелю, и тутъ, послѣ надлежащаго угощенія, показывалъ ему свои богатства. Дикарь знаетъ очень хорошо, что, при такой скрытной торговлѣ, онъ много теряетъ, а все таки, по врожденной робкости, боится открытаго торгу; къ тому же и не въ его волѣ продавать товаръ всякому больше дающему. Изъ тысячъ туземцевъ, пріѣзжающихъ каждый годъ на обдорскую ярмарку, весьма мало такихъ, которые не были бы должны здѣшнимъ купцамъ, мѣщанамъ и казакамъ гораздо больше, чѣмъ могутъ привезти. По этому осмѣлся кто изъ нихъ обратиться съ привезеннымъ товаромъ къ кому нибудь по мимо запродавцевъ, послѣдніе не позадумаются не только отобрать все

достояніе дикаря, но и закабалить его самого въ батраки свои. Если же и вышестся такой смѣльчакъ, что рѣшится уступить хоть часть своего товара постороннему, то и это дѣлается, разумѣется, съ величайшею осторожностью, усиливающей таинственность, которая болѣе всего поражаетъ посѣтителя обдорской ярмарки. Но въ настоящемъ году эта то-скливая таинственность была усилена еще болѣе слухомъ, что торговля начнется тогда только, когда казна соберетъ всю подать и со всѣхъ племенъ. Слухъ этотъ не могъ не подѣйствовать на туземцевъ весьма неблагоприятно, потому что многимъ изъ нихъ, по немнѣнію другихъ средствъ къ прокормленію себя, пришлось бы перерѣзать немногихъ оленей, безъ которыхъ кочующая жизнь ихъ рѣшительно невозможна. Какъ обыкновенно, они пріѣхали въ Обдорскъ въ надеждѣ тотчасъ же промѣнять свои товары на хлѣбъ, муку и другіе жизненные припасы; въ слѣдствіе же отсроченія мѣны до окончанія сбора податей, имъ пришлось бы голодать почти цѣлый мѣсяцъ, потому что наиболѣе отдаленные Самоѣды могли прібыть въ Обдорскъ только въ февралѣ. Вскорѣ и въ самомъ дѣлѣ прібылъ чиновникъ изъ Тобольска, запечаталъ амбары кушцовъ и запретилъ всякую торговлю. Это возбудило страшный ропотъ: туземцы громко жаловались на несправедливость въ отношеніи къ главному ихъ интересу—интересу желудка; кушцы—на то, что не успѣютъ во время въ Ирбитъ и потому потерпятъ большіе убытки. Общая выгода соединила обѣ партіи и онѣ рѣшили во что бы ни стало убѣдить Тобольскаго чиновника снять запрещеніе; но депутация за депутатіей возвращалась отъ него безъ всякаго успѣха. Вдругъ началъ ходить слухъ, что туземцы замышляютъ разломать амбары, ежечь и разграбить весь городъ. Горожане вѣрили ему тѣмъ болѣе, что за нѣсколько лѣтъ былъ открытъ точно такой же заговоръ и зачинщики были суждены и наказаны. И въ самомъ дѣлѣ на улицахъ было уже нѣсколько небольшихъ смуть. Я видѣлъ въ этомъ небольше какъ военную хитрость; но чиновникъ, опасаясь ответственности за возможное возмущеніе, рѣшилъ снять запрещеніе, обезпечивъ взносъ податей поручительствомъ кушцовъ. За такимъ примиреніемъ, къ общему удовольствію, выгодъ казны, кушцовъ и туземцевъ, торговля началась по прежнему тихо и таинственно.

Амбары наполнялись мало по малу пушнымъ товаромъ (мѣхами лисецъ, волковъ, бѣлыхъ медвѣдей и другихъ звѣрей), сшитыми платьями изъ оленьей шкуры, перьями, оленьимъ мясомъ, мороженой осетриною, мамонтовой костью и т. д. Въ обмѣнъ за все это туземцы брали муку, печеный хлѣбъ, табакъ, котлы, чугуны, стеклянную посуду, ножи, иглы, мѣдныя пуговицы и кольца, стеклянныя бусы и множество другихъ мелочей. Публичная продажа хлѣбнаго вина въ Обдорскѣ не позволена, но

привозъ его не запрещенъ безусловно, по вниманію къ той пользѣ, которую оно можетъ оказывать въ медицинскомъ отношеніи, употребляемое съ умѣренностью, по предписанію врача. Лица же и походка туземцевъ показывали ясно, что, во время пребыванія въ Обдорскѣ, они не упускаютъ случая пользоваться этимъ лекарствомъ и ревнисто пекутся о своемъ здоровьѣ. Въ большомъ ходу также на обдорской ярмаркѣ другое лекарственное средство — сассапариль, извѣстная въ Сибири подъ именемъ «дорогой травы», и употребляемая туземцами противъ всѣхъ болѣзней. Такъ какъ употребленіе этого лекарства требуетъ осторожности, которой туземцы не могутъ соблюдать въ своихъ жалкихъ юртахъ при кочевомъ образѣ жизни, то иногда больные переселяются, на время лѣченія, въ Обдорскъ и поручаютъ ухаживать за собою какому нибудь мѣстному жителю. У моего хозяина былъ также пациентъ; онъ помѣщался въ уголкѣ комнаты, соедѣнной съ моею. Родомъ онъ былъ Остякъ, и нѣсколько уже лѣтъ страдалъ болями въ суставахъ и костяхъ. Предполагая, что онъ страждетъ, такъ называемой, дурной болѣзью, я вздумалъ однажды развѣдать у него о прежнемъ его житѣ и спросилъ: давно-ли онъ женатъ? «Года-то не помню, а ужъ очень давно», отвѣчалъ Остякъ.— Не припомнишь ли покрайней мѣрѣ, сколько тебѣ было лѣтъ, когда взялъ жену?— «Да жены я не бралъ; по шестому году отецъ купилъ мнѣ дѣвочку, съ тѣхъ поръ я и живу съ нею».

Не смотря на общія жалобы купцовъ, что обдорская ярмарка падаетъ съ каждымъ годомъ, по причинѣ постепеннаго обѣднѣнія туземцевъ, на нее съѣхалось все-таки много всякихъ торговцевъ: купцевъ, мѣщанъ, крестьянъ и казаковъ. Большая часть пріѣзжихъ были Березовцы; изъ Березова же былъ и старшій отставной казакъ, съ которымъ я очень сблизился по той причинѣ, что онъ занималъ другой уголокъ комнаты, въ которой лежалъ больной Остякъ, на своей оленьей шкурѣ. Этотъ человекъ интересовалъ меня болѣе другихъ по тому благоговѣнію, которое онъ питалъ къ памяти Менщикова, жившаго въ Березовѣ въ ссылкѣ; я долженъ сказать, что это чувство раздѣляютъ съ нимъ и всѣ Березовцы. Старикъ не могъ говорить безъ одушевленія объ опальномъ вельможѣ; каждое слово его онъ помнилъ какъ святыню. Онъ зналъ однообразную жизнь Менщикова въ ссылкѣ лучше всѣхъ легендъ, которыя твердилъ съ утра до вечера. По его словамъ, Менщиковъ, прибывъ въ Березовъ, началъ серьезно помышлять о своей душѣ, при чемъ пришелъ къ сознанію, что во всю предшествовавшую жизнь не имѣлъ другихъ цѣлей, кромѣ собственнаго возвышенія. Дома и всенародно признавалъ онъ себя виновнымъ передъ своимъ государемъ и воплѣ достойнымъ тяжкой казни, постигшей его. Онъ видѣлъ въ ней не казнь, но небесное благодѣяніе, отверзавшее ему путь ко вратамъ искупленія. Чтобы загладить грѣхи свои, онъ рѣшился провести остатокъ дней въ

подвигахъ покаянія; сооружая въ Березовѣ церковь, работалъ при этомъ и самъ. Когда церковь была готова, онъ занялъ при ней должность пономаря, которую и отправлялъ съ величайшею точностью. Ежедневно входилъ онъ первый въ храмъ и послѣдній выходилъ изъ него, и часто, по окончаніи божественнаго служенія, обращался къ собравшемуся народу съ духовнымъ поученіемъ. Въ памяти казака хранился неистощимый запасъ этихъ поученій, говоренныхъ въ разныхъ обстоятельствахъ Меншиковымъ, не предполагавшимъ, что его слова сохранятся въ памяти благодарныхъ Березовцевъ и, болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ, будутъ повторяться съ благословеніями. О двухъ другихъ любимцахъ великаго императора, также сосланныхъ въ Березовъ: о Долгоруковѣ и Остерманѣ, добрый казакъ не могъ ничего разказать мнѣ. Изъ разказовъ же его о Меншиковѣ упомяну еще о томъ, что земные останки послѣдняго были вырыты въ 1821 году, спустя 92 года по погребеніи, и найдены нѣсколько не испортившимися.

Говоря о моемъ знакомцѣ изъ Березова, я не могу не разказать и о другомъ моемъ знакомомъ, чиновникѣ изъ Тобольска, Г. Шершеневичѣ, родомъ Полякъ, состоятъ на службѣ въ двѣнадцатомъ классѣ, но если судить о людяхъ по степени образованія и познаній, то, вѣроятно, во всей Тобольской губерніи не найдется человѣка, равнаго ему. Онъ получилъ воспитаніе въ Одессѣ, учился съ большимъ успѣхомъ въ восточномъ институтѣ и послѣ того еще долго занимался по собственной охотѣ. Онъ намѣревался посвятить себя исключительно ученымъ трудамъ; но, встрѣтивъ неудачи на этомъ поприщѣ, рѣшился искать счастья въ Сибири. Вскорѣ, по прибытіи въ Тобольскъ, опредѣлился онъ къ гражданскому губернатору, и ему было поручено составить проэктъ управленія Остяковъ и Самоѣдовъ, живущихъ въ Тобольской губерніи. Для добросовѣстнаго выполненія этого порученія, онъ нашелъ необходимымъ познакомиться съ обычнымъ правомъ этихъ племенъ; для этого собственно онъ и пріѣхалъ въ Обдорекъ. Но кромѣ того ему были даны еще другія порученія; между прочимъ генералъ губернаторъ Западной Сибири приказалъ ему собрать этнографическія, историческія и статистическія свѣдѣнія всякаго рода касательно дикарей, живущихъ по берегамъ Ледовитаго моря. Такъ какъ я самъ занимался нѣкоторое время тѣмъ же предметомъ, то мнѣ было очень пріятно сообщить ему всѣ свѣденія, которыми я могъ быть ему полезенъ. Онъ, съ своей стороны, оказалъ мнѣ еще больше услугъ не столько своимъ прекраснымъ столомъ, сколько пріятнымъ обществомъ и еще болѣе тѣмъ, что, по своему служебному положенію, могъ вызывать людей, нужныхъ и для него и для меня въ томъ или другомъ отношеніи. Результаты моихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ при такихъ пособіяхъ, будутъ обстоятельно изложены мною въ сочиненіи, болѣе обширномъ; здѣсь же по-

говоря только о племени обдорских Остяковъ, о которомъ не сказалъ еще ни слова. На этотъ разъ я вовсе оставляю въ сторонѣ вопросъ объ ихъ происхожденіи, объ ихъ несомнѣнной родственной связи съ Финнами и Магиарами, равно какъ и о другихъ историческихъ отношеніяхъ, и скажу только въ краткихъ словахъ объ ихъ управленіи, религіи, правахъ и образѣ жизни.

Остяки, подобно Самоѣдамъ, распадаются на множество небольшихъ родовъ, изъ которыхъ каждый образуетъ маленькое государство или, по крайней мѣрѣ, большую семью. У Остяковъ, принявшихъ христіанство, такое раздѣленіе уже исчезло, ибо ими управляютъ русскіе чиновники по русскимъ законамъ. Только обдорскіе Остяки сохраняютъ еще патріархальное учрежденіе, поддерживающее миръ и согласіе, охраняющее нравственность и предотвращающее разныя преступленія. Сила, побуждающая таковое цѣлое къ добродѣтели, есть любовь ко всему роду. Каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ семей, имѣющихъ общее происхожденіе и состоящихъ въ дальнемъ или близкомъ родствѣ между собою. У Остяковъ и еще чаще у Самоѣдовъ встрѣчаются роды, состоящіе изъ сотенъ и даже тысячъ лицъ, не могущихъ уже опредѣлить степеней родства между собою, но тѣмъ не менѣе они считаютъ себя родственниками, не заключаютъ между собой браковъ и почитаютъ обязанностью помогать другъ другу. Семьи, принадлежащія къ одному роду, не разходятся обыкновенно и во время кочеванья, и богатый дѣлитъ своимъ имуществомъ съ бѣдными того же рода. Остяки вообще бѣдны и живутъ большею частію тѣмъ, что дастъ день, а потому и помощь, оказываемая ближнему, состоитъ обыкновенно въ удѣленіи ему денной добычи. Особенно замѣчательно, что никто между ними не проситъ милостыни, но каждый почитаетъ себя въ полномъ правѣ безъ церемоніи пользоваться имуществомъ своего сосѣда. Понятно, что гдѣ всѣ мыслятъ подобнымъ образомъ, тамъ размолвки должны быть чрезвычайно рѣдки. Между тѣмъ каждый родъ имѣетъ старшину, котораго обязанность — сохраненіе порядка и согласія въ родѣ. Когда два родича поссорятся и не покончатъ дѣла полюбовно — оно обесуживается старшиной, который тутъ же, безъ всякихъ юридическихъ формальностей, произноситъ рѣшеніе. Обѣ стороны обыкновенно бываютъ довольны его рѣшеніемъ; въ противномъ же случаѣ они жалуются вышей инстанціи — князю. Многіе роды, живущіе по близости другъ отъ друга, признаютъ съ пазанматныхъ временъ общаго главу, котораго называютъ княземъ; этотъ титулъ утверждёнъ формальнымъ постановленіемъ Екатерины второй за Остяцкими князьями Обдорска и Куновата въ Березовскомъ уѣздѣ. Каж-

дый князь рѣшаетъ въ своемъ округѣ все процессы, за исключеніемъ тѣхъ, которые, по старымъ русскимъ законамъ, кончаются смертною казнью. Главная же обязанность князя состоитъ въ сохраненіи согласія между родами и улаживаніи споровъ за луга, рыболовныя и звѣроловныя угоды и проч. Ему подчинены все старшины, самъ же онъ зависитъ только отъ государственныхъ властей и преимущественно отъ губернскаго правленія и земскаго суда. Санъ князя, равно какъ и старшины, наследственъ и переходитъ отъ отца къ сыну. Если сынъ не совершеннолѣтній, то община назначаетъ къ нему опекуномъ дядю или какого-нибудь другаго близкаго родственника. Если же сына нѣтъ, то мѣсто умершаго занимаетъ ближайшій родственникъ его. Ни князь, ни старшины не получаютъ никакого жалованья; пользуются только добровольными подарками подчиненныхъ.

Кромѣ родства лица одного рода связываются еще общимъ подолслуженіемъ. Каждый родъ имѣетъ издревле своихъ собственныхъ кумировъ, которые часто хранятся и чествуются всемъ родомъ, жертвами и другими обрядами, въ особенной юртѣ. Эти «юрты-кумиры» состоятъ обыкновенно въ завѣдываніи духовнаго лица; это лицо, въ одно и тоже время, и прорицатель, и жрецъ, и врачъ, и пользуется величайшимъ уваженіемъ. Такъ какъ вся остяцкая религія въ сущности только магія, то и жрецы по преимуществу прорицатели или шаманы. Какъ весь родъ, такъ и частныя лица обращаются къ нимъ съ вопросами въ сомнительныхъ обстоятельствахъ; но шаманъ никогда не даетъ отвѣта прямо отъ себя: во всякомъ случаѣ онъ сперва вопрошаетъ боговъ и потомъ уже возвѣщаетъ рѣшеніе ихъ.

Онъ не можетъ однакожь вопрошать высшаго, небеснаго бога, называемаго Остяками Турмъ (Турумъ), ибо Турмъ говоритъ съ людьми только гнѣвнымъ голосомъ грома и вихря. Полагая, что Турмъ всею слѣдитъ за человѣкомъ, что отъ него не скрывается ни добро ни зло и что онъ непрестанно воздастъ каждому по его заслугамъ, его все-таки почитаютъ существомъ недоступнымъ для смертнаго и необыкновенно страшнымъ. Молитвы не доходятъ до него; онъ управляетъ судьбами міра и людей по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Его нельзя умилостивить никакими жертвами, ибо онъ смотритъ только на внутреннія достоинства людей и по нимъ распределяетъ свои дары, не обращая вниманія на молитвы и жертвы. По этому, если, въ какихъ нибудь обстоятельствахъ, Остякъ имѣетъ нужду въ верховной помощи, то онъ долженъ обращаться къ другимъ, подчиненнымъ божествамъ. Последнія изображаются различно, и изображенія ихъ частію составляютъ собственность цѣлаго рода, частію принадлежать отдѣльнымъ семействамъ и лицамъ. И тѣ и другія иногда

вовсе не отличаются другъ отъ друга; но крайней мѣрѣ они большею частію деревянные, имѣютъ человѣческой видъ и представляютъ то мужскія, то женскія существа. Общественные кумиры отличаются отъ частныхъ только большимъ украшеніемъ. Нѣкоторые одѣты въ красныя одежды, съ ожерельями на шеѣ и другими украшеніями. Лица у многихъ обложены листовымъ желѣзомъ; мужскіе кумиры облечены нерѣдко въ панцырь и съ мечемъ при бедрѣ. Общественные кумиры хранятся, какъ я уже сказалъ, въ особенной юртѣ, за неизмѣнимъ же послѣдней—въ шалашѣ, или и подъ открытымъ небомъ, на отдаленномъ лѣсистомъ холмѣ. Дѣло въ томъ, что Остяки не любятъ показывать своихъ кумировъ чужимъ людямъ и потому устриваютъ кумирни въ отдаленныхъ, никѣмъ не посѣщаемыхъ мѣстахъ — предосторожность необходимая уже и потому, что въ кумирняхъ хранятся значительныя приношенія деньгами и мѣхами, похищеніе которыхъ чуждые идолопоклонства сосѣди нисколько не почитаютъ святотатствомъ. Не знаю, много ли у Остяковъ такихъ кумирней, но, ѣхавши въ Обдорекъ, разъ я попалъ, совершенно неожиданно, въ общество остяцкихъ боговъ, стоявшихъ подъ густой стѣною ливетвенницъ. Всѣ они были голы и ничѣмъ не отличались отъ самоѣдскихъ «Сядеевъ». Остяки называли ихъ Ыльянь (Iljan), въ отличіе, отъ всѣхъ другихъ кумировъ, называемыхъ общимъ именемъ «Лонгъ» и соответствующихъ самоѣдскимъ «Хаге» (Hage). Вышеупомянутые «Ыльяны» были весьма различной величины: самыя большіе не превышали и полутора локтя, а самыя малые едва ли имѣли и половину этой вышины. Я видѣлъ тутъ же множество оленьихъ шкуръ и роговъ, развѣшенныхъ по окружающимъ деревьямъ и при томъ такъ, что всѣ они находились передъ глазами кумировъ. Невдалекѣ былъ станъ бѣднаго остяцкаго рода, для котораго эта роща была общественнымъ святищемъ.—Что касается до частныхъ и семейныхъ кумировъ Остяковъ, о нихъ можно сказать тоже самое, что было выше сказано (стр. 130 и слѣд.) о самоѣдскихъ. Это или необдѣланные камни и другіе предметы необыкновенныхъ, странныхъ формъ, или (наипаче) небольшіе деревянные кумирчики съ человѣческимъ лицомъ и заостренною головою. У каждой семьи и даже у отдѣльныхъ лицъ есть по одному или по нѣскольку такихъ кумирчиковъ, которыхъ почитаютъ хранителями и возятъ съ собою во всѣхъ странствованіяхъ. Какъ и у Самоѣдовъ они хранятся въ особенныхъ саяхъ и одѣваются въ богатый остяцкій костюмъ, убранный красными тесьмами и другими украшеніями. Часто каждому изъ этихъ божковъ приписывается своя особенная сила. Одни охраняютъ оленья стада, другіе даютъ хорошей ловъ, третьи искутся о здоровьи, о супружескомъ счастьи и т. д. Когда потребуется, ихъ ставятъ въ шалашъ, на оленьи пастбища, на мѣста звѣриной или рыбной ловли. И тутъ по временамъ приносятъ имъ жертвы,

состоящія въ помазываніи ихъ губъ рыбьимъ жиромъ или кровью и въ становленіи подлѣ нихъ посудинъ съ рыбой или мясомъ. Таковыя частныя жертвоприношенія можетъ совершать каждый самъ; но когда требуется общая жертва богамъ, когда нуженъ совѣтъ ихъ цѣлому роду или даже и одному лицу, тогда необходимъ уже жрецъ или шаманъ, потому что только онъ можетъ открывать сердца боговъ и говорить съ ними. Шаману же, въ свою очередь, необходимъ волшебный барабанъ. Обыкновенная рѣчь не достигаетъ слуха боговъ; онъ долженъ бесѣловать съ ними пѣніемъ и барабаннымъ боемъ. Кумирь, стоящій передъ шаманомъ, также иногда начинаетъ говорить, но, разумѣется, его слова слышитъ только шаманъ. Чтобы убѣдить легковѣрную толпу въ томъ, что изъ устъ кумира дѣйствительно выходятъ слова, шаманъ вѣшаетъ перель нимъ тесьму, навазанную на конецъ прямо воткнутой палки, и когда, случайно или дитростью шамана, тесьма приходитъ въ движеніе, тогда, каждый убѣждается, что въ самомъ дѣлѣ изъ устъ кумира выходятъ слышные шаману звуки. Само собою разумѣется, что при этомъ никогда не обходится безъ жертвоприношеній: обыкновенно одного или нѣсколькихъ оленей. По закланіи ихъ шаманомъ, шкура и рога развѣшиваются въ честь богамъ на священныя деревья; мясо же кладется передъ кумиромъ, и затѣмъ вскорѣ съѣдается собравшеюся толпою; при чемъ шаманъ всегда получаетъ свою часть.

Богослуженіе Остяковъ состоитъ почти только въ призываніи боговъ и умиловленіи ихъ жертвами. Впрочемъ иные роды справляютъ еще и нѣкоторыя общественныя празднества въ честь боговъ. Изъ этихъ празднествъ значительнѣе всѣхъ справляемое осенью, когда кочевые Остяки возвращаются съ тундръ съ богатою добычею къ своимъ братьямъ, занимающимся рыболовствомъ въ Оби. Оно справляется каждый годъ разными родами и въ немъ участвуютъ не одни только члены празднующаго рода, но и Остяки другихъ родовъ, которые привозятъ съ собою для празднованія и нѣкоторыхъ изъ своихъ старѣйшихъ божковъ. Последніе ставятся въ той же юртѣ, въ которой хранятся кумиры рода; если же таковой не имѣется, то ихъ помѣщаютъ въ особомъ, нарочно для этого устроиваемомъ, шалашѣ. Торжество совершается всегда въ ночное время, и вотъ какъ описываетъ его одинъ изъ очевидцевъ: « Оно началось около 8 часовъ вечера и продолжалось до 2 часовъ по полуночи. Прежде всего начали бѣгать по юртамъ дѣти, приглашая Остяковъ къ богослуженію непонятными дикими звуками, съ выраженіемъ какъ бы испуга. Мало по малу народъ сталъ собираться въ юрту, предназначенную для празднованія. Войдя въ нее, каждый Остякъ троекратно повертывался передъ кумиромъ, садился потомъ въ правой части юрты на землю и принимался разговаривать съ сосѣдомъ,

о чемъ вздумается. Западная часть была отдѣлена занавѣсью, за которую нѣкоторые уходили, также повертѣвшись передъ кумиромъ. Когда все собралось, шаманъ застучалъ саблями и обитыми желѣзомъ копыями, занавѣсью принесенными въ юрту и положенными на жерди передъ кумиромъ, раздалъ каждому изъ присутствующихъ, за исключеніемъ женщинъ, скрывавшихся за другою занавѣсью, по саблѣ и копыю, а самъ взявъ въ каждую руку по саблѣ и повернулся спиною къ идолу. Остатки же стали рядами на срединѣ и вдоль стѣнъ юрты, и, держа прямо передъ собою саблю, разомъ повернулись все тоекратно. Шаманъ ударилъ саблей о саблю и, по данному имъ знаку, все принялись вскрикивать на разные голоса: «гай», покачиваясь при этомъ все тѣломъ съ боку на бокъ. Это вскрикиваніе повторялось то съ большими разстановками, то часто и быстро, и при каждомъ повтореніи его, покачиваясь на лѣво и на право, они то опускали сабли и копыя къ землѣ, то поднимали ихъ вверхъ. Эти крики и покачиваніе, продолжавшіеся около часу, приводили Остакъ въ какое-то изступленіе, которое возрасло подъ конецъ до того, что я не могъ смотрѣть безъ содраганія на ихъ лица, какъ они ни казались мнѣ сначала интересными. Утомившись криками, они вдругъ замолчали, перестали качаться, повернулись снова передъ идоломъ, отдали сабли и копыя шаману, который сложилъ ихъ на прежнее мѣсто, и сѣли на земь въ разныхъ частяхъ юрты. Тутъ распахнулась занавѣсь, скрывавшая женщинъ, заиграли *долбру*, и мужчины и женщины пустились плясать. Пляска, дикая, смѣшная и часто непристойная продолжалась очень долго. За тѣмъ выступило нѣсколько фокусниковъ или комедіантовъ въ различныхъ потѣшныхъ нарядахъ. Ихъ штуки походили во многомъ на продѣлки предшествовавшей пляски. За симъ шаманъ снова раздалъ Остакъ сабли и копыя. Они опять покачались и покричали нѣсколько времени «гай», повернулись три раза, ткнули столько же разъ копыями въ землю, послѣ чего отдали оружіе шаману и разошлись по юртамъ». — По этому описанію выходитъ, что празднество совершается передъ однимъ кумиромъ и при томъ однимъ только родомъ; кромѣ того оно отличается еще и по другимъ частностямъ отъ собранныхъ мною свѣдѣній. Такъ я слышалъ, что торжество это продолжается десять ночей сряду; что сей часъ еписанная пляска съ оружіемъ въ рукахъ выполняется передъ идолами въ первую ночь однимъ только шаманомъ, во вторую — двумя Остакъми, въ третью — тремя и т. д. въ той же прогрессіи до послѣдней ночи, въ которую въ ней участвуютъ все, даже и женщины. Кромѣ того, мнѣ сообщили, что это празднество сопровождается и жертвоприношеніями. Возвращающіеся съ тундръ Остакы угощаютъ боговъ отчизны своей роскошными обѣдами. Заказываютъ олсней, и шаманъ подноситъ къ каждому божку

особенное блюдо съ сырымъ мясомъ, мажетъ губы и лицо кумира кровью, даетъ ему напиться воды, угощаетъ его всячески. Когда по мѣнѣю шамана, божества наблѣсь достаточно, кушанье принимается и съѣдается Остяками. Все же остающееся отъ жертвеннаго пира предоставляется шаману. Подобныя общественныя жертвоприношенія дѣлаются и по многимъ другимъ поводамъ: передъ началомъ какого нибудь общественнаго предпріятія, передъ отправленіемъ въ долгое и далекое странствованіе и т. п. Разсказывали мнѣ между прочимъ, что въ случаѣ неудачнаго рыболовства въ Оби, обдорскіе Остяки навязываютъ иногда камень на шею оленя и бросаютъ его въ рѣку, какъ жертву.

Въ этихъ жертвахъ и празднествахъ нельзя конечно не признать зачатковъ религіознаго культа, но культа, стоящаго весьма еще на низкой степени. Здѣсь почитаютъ боговъ не вѣдѣствіе глубокой религіозной потребности, но по чувству своекорыстія. Имъ приносятъ жертвы не для нихъ самихъ, не изъ благоговѣнія къ ихъ величію и могуществу, но въ надеждѣ получить такимъ образомъ исполненіе своихъ желаній и удовлетвореніе своимъ потребностямъ. За все, что имъ даютъ, требуютъ и отъ нихъ даровъ. Жертва—или задатокъ, которымъ обязываютъ бога, или же награда за оказанную уже имъ услугу. Нерѣдко сами боги впередъ назначаютъ цѣну. Само собою разумѣется, что какъ во всѣхъ другихъ, такъ и въ этомъ случаѣ, толмачемъ боговъ бываетъ шаманъ. Запрашиваетъ богъ слишкомъ много—шаманъ заставляетъ его укорами и угрозами сбавить цѣну, и онъ обыкновенно сбавляетъ. Изъ этого ясно, что Остяки поклоняются своимъ идоламъ не какъ верховнымъ силамъ, а какъ услужливымъ духамъ. Только *Турмъ* или небесный богъ пользуется болѣшимъ уваженіемъ, хотя и не имѣетъ своего особеннаго культа. Гораздо меньше значеніе лѣснаго бога *Меанъ* и водянаго *Кули*; послѣдній почитается по преимуществу злымъ и гибельнымъ. Что-то въ родѣ божескаго значенія имѣетъ у Остяковъ, какъ и у всѣхъ сродственныхъ имъ народовъ, медвѣдь, одаренный сверхъестественною силою. У обдорскихъ Остяковъ я видѣлъ даже маленькія изображенія этого звѣря, вылитыя изъ мѣди и чествуемыя какъ кумиры. По преданію, эти изображенія перешли сюда очень давно отъ Пермскихъ и Зырянъ, которые также поклонялись медвѣдю. Кромѣ того Остяки чтутъ еще нѣкоторыя деревья и священныя мѣста. Растетъ кедръ посреди сосноваго лѣса — и кедръ и вся мѣстность вокругъ его почитаются священными. Такое же значеніе имѣютъ и тѣ мѣста, гдѣ семь лиственницъ растутъ другъ подле друга. Тутъ обыкновенно найдешь одинъ или нѣсколько кумировъ, а передъ ними, на древесныхъ вершинахъ, принесенныя имъ въ жертву оленинѣ шкуры, рога и т. д.

Говоря о религіи Остяковъ я не могу не упомянуть объ обычаяхъ, ко-

торый они раздѣляютъ съ Самоѣдами и многими другими народами, именно: обѣ обычаѣ чтить память покойниковъ жертвами и другими обрядами. Это чествованіе основывается на весьма распространенномъ мнѣніи, будто люди и по смерти и надлежащемъ погребеніи сохраняютъ потребности и продолжаютъ занятія прежней жизни. Потому-то и становятся подлѣ могилы сани, кладутъ подлѣ или и въ самую могилу копье, таганъ, котель, ножъ, топоръ, огниво и другіе предметы, съ помощью которыхъ покойникъ добывалъ и готовилъ себѣ пищу. Какъ во время похоронъ, такъ и за тѣмъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, родственники его приносятъ надъ могилою въ жертву оленей. Умираетъ человекъ старѣйшій, пользующійся большимъ почетомъ, ближайшіе родственники дѣлаютъ тотчасъ же его изображеніе, которое хранятъ въ юртѣ покойнаго, и оказываютъ ему такой же почетъ, какимъ онъ пользовался при жизни. При каждомъ обѣдѣ ставятъ кушанье и этому изображенію; вечеромъ раздѣваютъ и кладутъ его въ постель, по утру одѣваютъ и снова ставятъ на мѣсто, которое обыкновенно занималъ покойникъ. Это продолжается три года, по истеченіи которыхъ изображеніе зарывается въ могилу покойнаго, въ предположеніи, что тѣло уже сгнило, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончилось и безсмертіе его (См. стран. 169).

Подобно Самоѣдамъ Остяки придаютъ клятвѣ великое релігіозное значеніе. Если преступленіе совершено тайно, и потерпѣвшій Остякъ подозреваетъ кого-нибудь, онъ можетъ заставить его поклясться. Клятва медвѣдемъ и у Остяковъ почитается сильнѣйшею. Какъ у Самоѣдовъ, обвиненный раздѣзаетъ носъ медвѣдя ножомъ и говоритъ: «Пусть сожретъ меня медвѣдь, если я клянусь ложно». Клянущаяся Остяки также и богами своими и съ тѣми же обрядами, какъ Самоѣды. Такая клятва почитается также священной, и почти каждый Остякъ убѣжденъ, что ложная ни въ какомъ случаѣ не остается безнаказанною. А потому если обвиняемый сознаетъ себя преступнымъ, то не соглашается на клятву и признается въ винѣ. Поэтому человекъ, произнесшій очистительную клятву почитается навсегда чистымъ и безукоризненнымъ. Заѣденъ кто-нибудь медвѣдемъ, утонувъ, сгорѣвъ или погибъ какимъ-нибудь другимъ образомъ, возникаетъ нерѣдко предположеніе, что, онъ поклялся когда-нибудь ложно. Кромѣ выше упомянутыхъ клятвъ Остяки не знаютъ никакой другой. Свидѣтели не присягаютъ; имъ вѣрятъ на слово; всякій человекъ, за исключеніемъ безумныхъ, принимается въ свидѣтели. Дети могутъ свидѣтельствовать противъ родителей, братья противъ сестръ, супруги другъ противъ друга. Все это обнаруживаетъ въ нихъ чувство строгой справедливости и взаимное довѣріе.

Въ связи съ очеркомъ религіи кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о бракѣ, который имѣетъ у Остяковъ болѣе социальное, чѣмъ релігіозное зна-

ченіе. Какъ у Самоѣдовъ и другихъ близкихъ къ нимъ племень, бракъ рѣшается отцомъ или ближайшими родственниками невѣсты, сама же она въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, касающихся чувствительнѣйшихъ струнъ ея сердца, не имѣетъ никакого голоса. Женщина здѣсь рабыня въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но этого мало: она считается нечистымъ существомъ и живетъ въ самомъ глубокомъ униженіи. Временами ее почти совершенно отдѣляютъ отъ прочихъ членовъ семьи; за всякимъ ея движеніемъ наблюдаютъ съ мучительною тщательностью; окуриваютъ каждое мѣсто, на которомъ она посидитъ. Чувствуя свое глубокое униженіе, она никогда не осмѣливается выразить своихъ желаній и покоряется всему прихотямъ мужа. Такъ же безпомощна она и въ то время, когда отецъ, братъ или какой нибудь другой родственникъ продаетъ ее болѣе дающему. Ея собственыя жланія, если она осмѣлится имѣть ихъ, не имѣютъ при этомъ никакого значенія; съ нею поступаютъ, какъ со всякимъ другимъ товаромъ. Ея не выводятъ на рынокъ, но тѣмъ не менѣе судьбу ея рѣшаетъ аукціонъ. Цѣна молодой дѣвушки различна по мѣстностямъ. Въ Обдорскѣ дочь богатаго человѣка стоитъ отъ 50 до 100 оленей; бѣдный человѣкъ продаетъ свое дитя за 20 и за 25 головъ. Причина большей цѣны дочери богатаго, кромѣ богатѣйшаго приданаго — надежда жениха на пособіе со стороны тестя въ будущемъ. Дорогая жена разсматривается здѣсь какъ дорогой товаръ, приносящій со временемъ, гораздо болѣе прибыли, чѣмъ дешевый. Взносъ за невѣсту принимается впрочемъ отцомъ не какъ пособіе, которое со временемъ должно возвратитъ, но какъ дѣйствительная плата за получаемый товаръ. По понятію Остяковъ, нѣтъ ничего справедливѣе такого вознагражденія отца или воспитателя дѣвушки: вѣдь онъ выдаетъ ее въ такомъ возрастѣ, когда она уже совершенно способна къ работѣ. Ктожь можетъ требовать, чтобы, въ семьѣ ему чуждой, даромъ вскармливалась, вскармливалась для него жена, которая на всю жизнь дѣлается его рабой и работницей? Отецъ могъ бы оставить дочь свою при себѣ, и, работой своей, она вознаградила бы вполне все, что онъ издержалъ на ея воспитаніе. Если же онъ добровольно отдаетъ свою законную собственность чужому человѣку, то справедливость требуетъ, чтобы послѣдній вознаградилъ его за все труды и издержки, употребленные имъ на его будущую жену. Однимъ словомъ, взносимый за жену выкупъ есть вознаграженіе отцу за содержаніе и воспитаніе дочери. По предварительному соглашенію, выкупъ можетъ быть внесенъ до свадьбы или послѣ нея. Если онъ внесенъ до нея и женихъ или невѣста умретъ до совершенія брака, то выкупъ возвращается. Въ случаѣ смерти невѣсты, женихъ, за внесенный выкупъ, можетъ требовать ея сестру, если только она есть.

У Остяковъ допущено многоженство, но теперь оно очень рѣдко по причинѣ значительности выкуповъ. Въ бытность мою въ Обдорскѣ, я слышалъ только объ одномъ троеженцѣ; немногимъ больше было и двоеженцевъ. Замѣчательно, что при этомъ допускается и женитьба на нѣсколькихъ сестрахъ; но къ такимъ бракамъ приступаютъ всегда съ опасеніемъ, ибо опытомъ дознано, что родныя сестры за однимъ мужемъ не уживаются. Два же брата не могутъ жениться на двухъ сестрахъ, хотя бы послѣднія происходили отъ разныхъ матерей. Младшій братъ обязанъ жениться на вдовѣ старшаго. Въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, остающійся въ живыхъ можетъ вступать въ новый бракъ не прежде, какъ спустя годъ по кончинѣ перваго. Въ случаѣ смерти одного изъ родителей, дѣти не могутъ вступать въ бракъ ранѣе двухъ лѣтъ по его кончинѣ.

Низкое положеніе женщины между Остяками и другими сибирскими дикарями обнаруживается между прочимъ и тѣмъ, что она никогда не наследуетъ. Ни мужъ не наследуетъ черезъ жену, ни жена по смерти мужа. Все имущество умершаго раздѣляется по ровну между его сыновьями, которые обязаны содержать мать, сестеръ и другихъ женскихъ членовъ семьи. Сыновья, оставшіеся несовершеннолѣтними по смерти отца, поступаютъ, вмѣстѣ со всѣми жевщинами его семейства, въ опеку къ ближайшимъ родственникамъ, которые за это участвуютъ въ наследствѣ наравнѣ съ сыновьями. Если покойникъ не оставилъ послѣднихъ, то имѣніе его дѣлится между его близкими или дальними родственниками, по взаимному ихъ соглашенію, причемъ они обязуются заботиться о содержаніи вдовы и дочерей.

По образу жизни обдорскіе Остяки распадаются на два рода: на рыбаковъ и оленеводовъ. Первые держатся по рѣкамъ, преимущественно по Оби и Нарыму; послѣдніе кочуютъ по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть года по тундрамъ и находятся тутъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Самоѣдами. Число Остяковъ, занимающихся оленеводствомъ, сравнительно весьма невелико и уменьшается ежегодно въ слѣдствіе смѣщенія съ многочисленнымъ самоѣдскимъ племенемъ. Вліяніе послѣдняго такъ сильно, что Остяки-олeneводы не только усвоили уже себѣ религію, нравы и образъ жизни своихъ сосѣдей, но даже и на языкъ ихъ говорятъ свободно, чѣмъ на родномъ. По этому желающій изучить особенности остяцкаго быта долженъ обратиться къ Остякамъ-рыболовамъ. Но и эти живутъ не одинакимъ образомъ: одни занимаются только рыболовствомъ, другіе—и рыболовствомъ и оленеводствомъ. Послѣдніе должны, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, раздѣляться по этимъ двумъ хозяйствамъ: одни остаются близъ рѣкъ, другіе же слѣдуютъ за оленями въ ихъ странствованія. Инстинктъ сѣвернаго оленя влечетъ его въ теплое время года къ

морскимъ берегамъ, потому что, по густотѣ своей шерсти, онъ нуждается въ прохладѣйшей атмосферѣ, да сверхъ того и менѣе здѣсь страдаетъ отъ комаровъ, убійственныхъ для него во время линянiя. Кочуя съ своими оленями по берегу Ледовитаго моря, Остяки, подобно Русскимъ и Самоѣдамъ, ловить рыбу, бьютъ тюленей, моржей, бѣлыхъ медвѣдей и т. д. Но до самаго моря изъ Остяковъ доходятъ весьма не многіе. Большая часть ихъ останавливается лѣтомъ на самыхъ сѣверныхъ тундрахъ, и какъ только воздухъ сдѣлается по прохладѣе и комары пропадутъ, они отправляются на ловлю лисицъ въ лѣсистыя мѣстности, на востокъ отъ Урала. Съ первыми предвѣстниками зимы и кочующіе по морскимъ берегамъ Остяки и Самоѣды переходятъ также въ лѣса, и преимущественно для защищенiя себя и своихъ стадъ отъ ужасныхъ бурь. Эти переходы совершаются очень спокойно; въ день уходятъ очень не много; днюютъ по суткамъ и даже по двое и прилежно занимаются звѣроловствомъ. Каждый родъ идетъ не расходясь слишкомъ, предводительствуемый княземъ или старшиной. Къ концу декабря всѣ эти кочующія толпы являются на Обдорскую ярмарку. Князья и старшины должны необходимо присутствовать на ярмаркѣ, ибо они обязаны наблюдать за исправнымъ внесомъ податей. Подать состоитъ главнымъ образомъ въ двухъ бѣлыхъ лисичкахъ съ каждаго лица мужескаго пола; но кромѣ лисичъ требуются еще съ каждаго рода положенное число другихъ мѣховъ; недостающаго мѣховъ какаго-нибудь изъ означенныхъ звѣрей—дѣло князей замѣнить недостающее количество другими шкурами.—Съ ярмарки туземцы уходятъ опять въ лѣса и продолжаютъ заниматься звѣроловствомъ всю зиму. Самоѣды и Остяки, занимающіеся исключительно однимъ только оленеводствомъ, отправляются къ морскимъ берегамъ ранней весною; тѣ же, которые оставляютъ часть своего семейства на берегахъ рѣкъ, не снѣшатъ, потому что не доходятъ до отдаленныхъ морскихъ береговъ. Во время пребыванiя въ лѣсахъ, они живутъ въ постоянныхъ жилищахъ, такъ называемыхъ юртахъ, которыхъ у Самоѣдовъ и постоянно кочующихъ Остяковъ не бываетъ.

Понятно, что Остяки, живущіе ежегодно по-долгу на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, не могутъ держать большихъ оленьихъ стадъ, ибо послѣднія требуютъ обширныхъ пастбищъ и перемѣны мѣстъ. Впрочемъ, какъ ни малы эти стада, они почитаются большимъ богатствомъ; ибо сѣверный олень не только доставляетъ Остяку пищу и одежду, но и необходимъ для звѣроловческихъ и другихъ разъѣздовъ. Остяки, не имѣющіе оленей, тѣзятъ на собакахъ, которыя, не доставляя хозяину пищи, обходятся ему дороже оленя и къ тому же негодны для перевоза тяжестей. Для этихъ Остяковъ рыболовство почти единственное средство существованiя. Почти повсемѣстный въ полярныхъ странахъ фактъ, что племена, занимающіеся исключи-

тельно рыболовствомъ, не достигаютъ благосостоянія, но живутъ обыкновенно въ большой бѣдности, нерѣдко соединяющейся съ лѣностью, пьянствомъ и нравственною порчею. Причины этого большею частію случайныя: частію неумѣнье пользоваться какъ слѣдуетъ богатыми средствами, представляемыми здѣшной природой, частію пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Это главные причины бѣдности господствующей между Остяками-рыболовами. Много содѣйствуетъ впрочемъ также и хитрая, своекорыстная торговля русскихъ поселенцевъ. Они ввели пагубную систему кредита и сумѣли навязать Остякамъ множество предметовъ роскоши, которымъ назначали произвольную цѣну, почти безъ вѣлома покупателей. Велѣдствіе этого Остяки мало по малу вошли въ долги, которыхъ въ настоящее время никакъ не могутъ уже уплатить. Долги ихъ возрастаютъ наиротивъ съ каждымъ годомъ, потому что безъ всякаго усиленія труда и осторожности число потребностей безпрестанно увеличивается. Существеннѣйшую потребность, безъ которой, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, Остякъ не можетъ уже обойтись, составляетъ хлѣбъ, привозимый купцами. Не имѣя возможности заплатить за покупаемое тутъ же, потому что и безъ того уже долженъ купцу, онъ обязывается не продавать въ слѣдующій годъ своей рыбы никому кромѣ его. Такимъ образомъ онъ становится въ полнѣйшую зависимость отъ заимодавца, который назначаетъ, какую ему вздумается, цѣну не только своему, но и его товару. Эту торговлю, положительно пагубную какъ для Остяковъ, такъ и для другихъ народцевъ Сибири, правительство старалось ограничить разными постановленіями и, между прочимъ, учрежденіемъ казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ; но зло, къ несчастію, пустило уже такіе глубокіе корни, что его не искоренишь разомъ. Вся рыба, продаваемая Остяками вышеописаннымъ образомъ купцамъ, ловится лѣтомъ, и барышники изъ Обдорекъ, Березова и Тобольска раздѣзжаютъ цѣлое лѣто на своихъ ладьяхъ по Оби, скупаютъ у Остяковъ все пойманное ими, солятъ и сберегаютъ до времени въ нарочно для этого на берегахъ рѣки устроенныхъ амбарахъ. Въ началѣ осени, сбывъ привезенную муку, они нагружаютъ лодки рыбой, сохранившейся въ амбарахъ и отправляются домой. Остяки же продолжаютъ еще ловить рыбу. Часть этой они бросаютъ въ небольшія озера или пруды, откуда къ концу осени снова вытаскиваютъ ее сѣтями и замораживаютъ. Въ началѣ зимы являются опять Русскіе и Зыряне и скупаютъ мороженую рыбу; часть ея привозится и самими Остяками въ Обдорекъ на ярмарку. Рыболовство не прекращается и зимою: но рыба, ловимая въ это время года, невыгодна для торговли; да и самые уловы ея такъ незначительны, что рѣдко удовлетворяютъ дневной потребности. Въ Оби водятся слѣдующія рыбы: 1.) щука, окунь, ершь, плотва—эти ловятся и лѣтомъ и зимою; осетръ, сельдь, налимъ и разные виды

лососей, называемые Русскими: муксунъ, нельма, зырокъ пыжьянъ—породы, идущія въ началѣ іюня, тотчасъ по проходѣ льда, вверхъ по рѣкѣ и за тѣмъ въ теченіи зимы постепенно возвращающіяся опять въ море. Цѣнны въ особенности осетръ и разныя виды лососей; остальные же породы идутъ на пищу Остяку и его собакамъ. Лѣтомъ туземець ловить рыбу большею частію сѣтями, въблизи удобныхъ для этого песчаныхъ береговъ. Другой лѣтній рыболовный снарядъ верши, прикрѣпляемая къ кольямъ или жердямъ, которыми перегораживаютъ небольшіе рукава рѣки. Ловятъ и на крючья, а когда начнутся темныя ночи бьютъ угрей остроугою. Употребляется еще мѣшковидная сѣть; положивъ въ нее камень и прикрѣпивъ длинной веревкой къ лодкѣ, рыболовъ опускаетъ ее на дно и ѣдетъ потихоньку внизъ по теченію. Приподнимая ее временами, онъ тотчасъ же узнаетъ попалось ли что, а, благодаря обилію рыбы въ Оби, она попадаетъ и въ такой снарядъ. Зимой самый простой и наиболѣе употребительный способъ ловли состоитъ въ томъ, что поперегъ малаго рѣчнаго рукава кладутъ бревно и прикрѣпляютъ къ нему множество вершей сдѣланныхъ изъ прутьевъ. Кромѣ того ловятъ также и сѣтями, и крючками и т. д.

За исключеніемъ обычая женщинъ носить покрывала, обычая заметвованнаго у сосѣднихъ Татарокъ, одежда обдорскихъ остяковъ ничѣмъ не отличается отъ самоѣдской. Что касается до образа ихъ жизни, то кочевые Остяки устриваютъ себѣ такіе же чумы, какъ и Самоѣды; юрты же Остяковъ-рыболововъ—маленькія, очень низкія одно-комнатныя лачуги съ открытымъ глинянымъ очагомъ (чуваль) въ углу и съ дырой въ стѣнѣ или крышѣ; эта дыра замѣняетъ окно и зимою закрывается ледяной пластинкой. Въ лучшихъ юртахъ полъ подлѣ одной или двухъ стѣнъ устланъ рогожами, на которыхъ семья проводитъ день, спитъ ночью. Иногда къ входу въ юрту пристроиваются маленькія сѣни, въ которыхъ собирается платье и разная домашняя рухлядь. Кромѣ такихъ зимнихъ юртъ, у многихъ семействъ бываютъ еще и лѣтнія, безъ пола и очага. Огонь раскладывается въ нихъ на серединѣ, а дымъ выходитъ въ отверстіе, сдѣланное въ кровлѣ. Нищенствующія Остяцкія семьи живутъ и въ землянкахъ.

Внѣшность и характеръ Остяковъ описаны Паласомъ (*Reise durch die verschiedenen Provinzen des Russischen Reichs*, III, §. 39.) слѣдующимъ образомъ: «Роста они большею частію средняго и даже малаго, слабосильны, сухопары и тонконоги. Лица почти у всѣхъ непріятныя, блѣдныя и плоскія, безъ особенно-характеристическаго выраженія. Еще болѣе безобразны ихъ рыжеватыя или бѣловатыя волосы, которые у мужчинъ висятъ вокругъ головы въ беспорядкѣ. Между взрослыми и преимущественно зрѣлыми женщинами пріятныя лица весьма рѣдки. Вообще Остяки робки, суевѣрны и простоваы, но довольно добродушны; когда загавляегь необходимость, работящ

но за тѣмъ склонны къ празности, особенно мушны; въ домашнемъ быту страшно грязны и неопрятны». Къ этому описанію я долженъ прибавить во первыхъ относительно вѣшности, что бѣлолицыхъ и бѣлокурыхъ Остяковъ я встрѣчалъ, конечно много, но еще больше смуглыхъ и черноволосыхъ, подобно Самоѣдамъ; это, между прочимъ, наводитъ меня на мысль, что бѣлокурые Остяки можетъ—быть потомки Зырянъ, ушедшихъ въ Сибирь во время обращенія Пермь въ христіанскую вѣру святымъ Стефаномъ. Впрочемъ Остяки вовсе не принадлежатъ къ безобразнѣйшимъ сибирскимъ племенамъ; между ними не встрѣтишь такихъ плоскихъ носовъ, узкихъ глазъ и уродливо широкихъ скулъ, какъ у Монголовъ и Тунгузовъ; они гораздо ближе къ племенамъ финнекому, самоѣдскому и тюркскому. Впрочемъ нужно сказать, что ихъ типъ не выработался, вѣроятно влѣдствіе смѣси съ инородными племенами. Робость, суевѣріе, простоватость, и добродушіе качества, общія всѣмъ сибирскимъ дикарямъ. Но Палласъ умалчиваетъ о двухъ весьма хорошихъ качествахъ Остяковъ: объ ихъ услужливости и честности. Остякъ не покидаетъ своего друга въ нуждѣ; не запираетъ двери для стучащагося въ нее; охотно дѣлится тѣмъ, что у него есть; если богатъ—считаетъ обязанностью помогать бѣдному. Воровство почти неизвѣстно; дома никогда не запираются; имущества оставляются часто переди тундры. Остяки вполне довѣряютъ другъ другу и живутъ какъ братья. Неопрятство, въ которомъ обвиняетъ ихъ Палласъ—свойство всѣхъ рыболовныхъ народовъ; оно не меньше и на норвежскихъ берегахъ. Многія занятія рыболова нечистоплотны сами по себѣ; на промыслахъ онъ живетъ во временномъ тѣсномъ жилище, въ которомъ негдѣ даже помѣстить и всѣхъ изорванныхъ, полусопрѣвшихъ одеждъ, безъ которыхъ не можетъ обійтись въ своемъ многотрудномъ занятіи. Дымъ увеличиваетъ еще болѣе нечистоту внутри, а снаружи скопляются внутренности выпотрошенныхъ рыбъ, не только отвратительныя на взглядъ, но и заражающія воздухъ своимъ гніеніемъ. Рыбакъ часто работаетъ безъ отдыха дни и ночи; гдѣжь тутъ время заботиться и о чистотѣ своего тѣла, не только что о чистотѣ жилища, и неопрятность мало по малу переходитъ въ привычку. Но врожденною назвать ее нельзя, ибо ею отличаются только рыбаки, но не кочевые оленеводы. Къ преимуществамъ кочевой жизни въ полярныхъ странахъ принадлежитъ и то, что она не сопряжена ни съ какимъ неопратнымъ занятіемъ. Безпрестанные переходы съ одного мѣста на другое имѣютъ между прочимъ ту выгоду, что не даютъ завестись большой грязи ни внутри, ни внѣ жилья. Сажа, пристающая къ платью отъ очага и котла, сдувается вѣтромъ тундры; къ тому же она и не очень замѣтна на одеждѣ, сшитой изъ грубой оленьей кожи.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СИБИРЬ

1845 — 1849

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

Казань, апрѣля 1845 г.

Справивъ важнѣйшія дѣла свои въ Петербургѣ, я началъ свое вторичное путешествіе въ Сибирь 12 (24) марта. Какъ нарочно этотъ день былъ одинъ изъ такъ называемыхъ черныхъ дней, *dies infaustus*, коротко—понедѣльникъ, въ который въ Россіи не охотно пускаются въ дорогу. Основываясь на этомъ, друзья мои хотѣли задержать меня еще на одинъ день въ Петербургѣ: но «дружба дружбой, а служба службой», говоритъ русская пословица; да и я самъ былъ такого мнѣнія, что изъ трижды трехсотъ—шестидесяти—пяти служебныхъ дней не стоитъ оттягивать у казны одинъ какой нибудь служебный день въ угожденіе дружбы. Итакъ, подкрѣпленный хорошимъ завтракомъ и напутственными желаніями добрыхъ друзей, уѣзая я въ упомянутый день въ сани, которыя, кромѣ меня, пріютили еще моего спутника, кандидата І. Р. Бергстади, и пастора Платана, отправлявшагося на Ситху. На тройкѣ бойкихъ коней, съ лихимъ ямщикомъ и въ легкихъ саняхъ я надѣялся быстрою, веселою ѣздою заглушить чувства, отъ которыхъ не такъ-то легко отдѣлаться въ минуты, подобныя той, которую описываю; но роковой понедѣльникъ изслалъ на меня сильную мятежь лишь только я выѣхалъ за заставу на московскую дорогу. Правда, что въ хорошо ухиченныхъ русскихъ саняхъ, съ верхомъ, физическія страданія не такъ страшны и при далеко еще сильнѣйшей непогодѣ, но какому жъ ученику въ исторіи человѣческихъ бѣдствій не извѣстно, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и ничтожная непріятность мучитъ гораздо болѣе, чѣмъ, при другихъ, и далеко важнѣйшая. Такъ и вьюга за московскою заставою, вѣроятно, не имѣла бы для меня никакого значенія, если бы я ѣхалъ на свадьбу или за полученіемъ степени магистра; но такъ какъ цѣль моего путешествія—была

Сибирь, а въ Петербургѣ я простился съ послѣдними еще оставшимися у меня финскими друзьями, то небольшая разлада въ природѣ и пробудила во мнѣ тоску по родинѣ и въ то же время горькое воспоминаніе о сибирскихъ тундрахъ. Мнѣ казалось, что путешествіе мое изъ отечества на тундры составляетъ нѣкоторымъ образомъ совершенную противоположность вознесенію пророка Іліи на небо; потому что какъ, съ одной стороны, отечество должно считаться нашимъ земнымъ небомъ, такъ съ другой, всякій, кромѣ развѣ какого нибудь Самоѣда, согласится, что нѣтъ на землѣ ничего ужаснѣе сибирской тундры.

Сверхъ непогоды, и самая мѣстность не мало содѣйствовала къ пробужденію во мнѣ воспоминаній о тундрахъ, которыя составляли цѣль моего путешествія и должны были сдѣлаться моимъ отечествомъ на цѣлые три года. Я ѣхалъ по безпрерывнымъ необозримымъ равнинамъ, безлѣснымъ, пустыннымъ и однообразнымъ, какъ тундра; нерѣдко изъ-подъ стаявшаго снѣга проглядывала, темно бурными пятнами, земля, точь въ точь какъ на болотистыхъ тундрахъ. На дорогѣ ни души, все живое попряталось отъ непогоды; деревни и дома скрылись за облаками вьющагося снѣга. Такая точно природа и такая же упорная непогода преслѣдовали меня почти по всей Петербургской и Новгородской губерніи. Только окрестности Валдая отличались нѣсколько отъ всего этого пространства своими песчаными холмами, но высота и этихъ холмовъ такъ незначительна, что ихъ очень можно сравнить съ подобными возвышеніями на тундрахъ. Съ Новгородскою губерніею оканчиваются Валдайскія горы, и въ Тверской снова начинается равнина, но уже красивѣе, живонисѣе и разнообразнѣе прежней. Независимо отъ естественной, безъискусственной красоты природы, какъ въ Тверской, такъ и въ Московской и во Владимірской губерніяхъ встрѣчается не мало помѣстій, украшенныхъ садами, парками, аллеями и т. п. Но кому придетъ въ голову наслаждаться красотами природы въ концѣ марта, когда не знаешь, какъ уберечь лице отъ грязныхъ комковъ снѣга, летящихъ съ дороги изъ-подъ копытъ лошадей! Во Владимірской губерніи меня пріятно поразила еще большая красота природы. Я говорю не о безлѣсныхъ, подобныхъ тундрамъ, возвышенностяхъ, которыя тянутся тамъ на большія пространства, и съ которыхъ однимъ взглядомъ можно обозрѣть цѣлый хаосъ голыхъ снѣжныхъ полей,—кромѣ такихъ возвышенностей въ этой губерніи встрѣчаются и довольно крутые, поросшія стройными елями, на которыхъ всегда съ удовольствіемъ остановится взоръ Финлянца. Въ Нижегородской губерніи дорога шла вдоль Волги. Берега ея состояли изъ безлѣсныхъ, песчаныхъ, очень высокихъ холмовъ, которые скрывали отъ меня находящіяся за ними пространства. Все что я могъ видѣть, составляло непрерывную равнину. Въ Казанской губерніи я продолжалъ свой

путь вниз по Волгѣ, но здѣсь берега ея уже не представляли собою обнаженныхъ песчаныхъ холмовъ, какъ въ Нижегородской: съ одной, и именно по правой сторонѣ рѣки, тянется гористая страна, густо поросшая дубами и вязами; по лѣвой—пространныя равнины, состоящія, какъ говорятъ, изъ луговъ и пахотныхъ полей.

Путь, совершенный мною отъ Гельсингфорса до Казани, составляетъ около 2000 верстъ. Само собою разумѣется, что въ продолженіе этого пути представлялся случай видѣть многое, но, въ сущности, я не осмотрѣлъ ничего. Черезъ Новгородъ великій я проѣхалъ, не взглянувъ даже на мѣсто, гдѣ граждане во время оно возвышали свой голосъ во имя общаго блага. На прекрасное мѣстоположеніе Твери я полюбовался за чашкою кофе изъ окна высокой свѣтлѣки на станціи. Наконецъ въ Москвѣ я посѣтилъ Кремль, видѣлъ старинный царскій дворецъ, оружейную палату и достопримѣчательную церковь, которую Иванъ Васильевичъ соорудилъ въ память покоренія Казани, послѣ чего ему заблагоразсудилось приказать выколоть глаза архитектору, чтобы лишить его возможности построить еще другое, подобное этому чудо. Въ числѣ прочихъ достопримѣчательностей Кремля мнѣ показывали и знаменитый колоколъ. Осмотрѣвъ все, что заслуживало особеннаго вниманія, я вышелъ изъ Кремля воротами, которые, какъ говорятъ, Наполеонъ взорвалъ на воздухъ, причемъ, слѣдуя всеми соблюдаемому обычаю, я долженъ былъ снять шляпу, потому что надъ воротами виситъ образъ, оставшійся невредимымъ при взрывѣ. Пробывъ три дня въ Москвѣ, я продолжалъ свой путь на Владиміръ, ближайшій губернской городъ. Здѣсь я остался ночевать и этимъ самымъ избѣжалъ несчастья, постигшаго многихъ другихъ путешественниковъ, которые съ лошадьми и санями были занесены снѣгомъ на одномъ изъ подгородныхъ холмовъ и принуждены были провести тамъ всю ночь истинно по-самодѣски. Полумертвые возвратились они на слѣдующее утро во Владиміръ, жалуясь на ночлегъ и горюя о 50 рубляхъ, которые должны были заплатить за свое освобожденіе. « Богъ тебя облумалъ », замѣтилъ мой ящикъ, услыхавъ, что и я располагалъ было ѣхать въ эту ночь. Въ Нижній Новгородъ я прибылъ, одолеваямый разнообразнѣйшими недугами, но, несмотря на то, продолжалъ свое путешествіе въ Казань.

Здѣсь, наконецъ, я остановился на нѣсколько недѣль, но до сихъ поръ еще не посвященъ въ таинства города. Дѣло въ томъ, что у Русскихъ теперь страстная недѣля; все говѣютъ и молятся и, слѣдовательно, недоступны взорамъ оглашенныхъ. Точно такъ же и я веду уединенную затворническую жизнь, но не столько размышляю о своихъ грѣхахъ, сколько о древшіихъ жителяхъ Казанской губерніи.

Извѣстно, что казанская земля или средняя часть волжской рѣчной области была коприщемъ множества разныхъ народцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже исчезли съ лица земли, другіе еще существуютъ, но большею частію, кажется, уже перестали играть роль во всемірной исторіи. Коренными жителями этой страны были Булгары—народъ не оставившій по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ гробницъ и развалинъ разрушенныхъ городовъ, хотя, судя по вѣсѣмъ признакамъ, они стояли на довольно высокой степени образованности и имѣютъ весьма важное значеніе въ древнѣйшей русской исторіи. Первые свѣдѣнія о Булгарахъ мы имѣемъ отъ арабскихъ и византійскихъ писателей. Они представляютъ Булгаръ народомъ торговымъ и, по религіи, послѣдователями магометанства. Главнымъ городомъ ихъ царства былъ городъ *Болгари*, развалины котораго, говорятъ, и теперь еще видны при Волгѣ, не подалеку отъ города Спасека, въ 90 верстахъ къ югу отъ Казани. Булгары относятся византійскими историками къ одному классу народовъ съ Гуннами, которые, по всей вѣроятности, были родоначальниками Финновъ. Вообще и другими историками Булгары причисляются къ финскому племени, и преимущественно на томъ основаніи, что, какъ замѣчаетъ Ф. Г. Миллеръ, и теперь еще многочисленныя вѣтви послѣдняго встрѣчаются въ странѣ, гдѣ нѣкогда Булгары играли роль свою. Царство Булгаровъ пало, и на развалинахъ его возникло Монголо-татарское царство съ главнымъ городомъ его Казанью. Когда въ послѣдствіи наступилъ и его часъ, и вся страна до Урала покорилась русскому скипетру, область Казанская все еще была наводнена Башкирами, Киргизами и Калмыками, которые заодно съ приволжскими финскими племенами дѣйствовали противъ Россіи.

Послѣ многократныхъ, но въ древнѣйшія времена мало извѣстныхъ, народныхъ передвиженій, происходившихъ въ предѣлахъ казанской части волжской рѣчной области, и въ настоящее время существуютъ еще здѣсь три племени, которыя господствовали въ этихъ мѣстахъ одно послѣ другаго, а именно финское, татарское и славянское. Теперь Русскіе составляютъ наибольшую, Татары наименьшую часть населенія страны. По послѣдней ревизіи показано было въ Казанской губерніи: Русскихъ 504,930 Татаръ 136,470, а финскихъ племень, всѣхъ вмѣстѣ, 356,191. Относительно Татаръ полагаютъ, что они произошли изъ смѣшенія Турокъ съ Монголами, которые соединились въ одинъ народъ во время монгольскаго владычества. Несмотря на то, Турки и Монголы почитаются до такой степени различными между собою, что обыкновенно ихъ причисляютъ къ двумъ различнымъ расамъ. Совершенно противоположнаго однакожъ мнѣнія датскій филологъ Раскъ, который настаиваетъ на положительное родство этихъ двухъ народовъ, и сверхъ того полагаетъ далеко простираю-

щееся сродство и между всеми племенами которые причисляются къ монгольскому, манджурскому, туркскому, финскому, самоѣдскому, тунгусскому, сѣверо-восточно-сибирскому, и сѣверо-американскому семейству. Это мнѣніе пріобрѣтаетъ, кажется, въ наше время все болѣе и болѣе достовѣрности. По крайней мѣрѣ въ Россіи я имѣлъ случай познакомиться съ людьми специально занимающимися этимъ предметомъ, и они считаютъ сродство между туркскимъ и монгольскимъ племенемъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію. Впрочемъ, какъ филологи, такъ и физиологи давно уже допускаютъ сродство между Финнами и Монголами, сродство же финскаго племени съ туркскимъ почти несомнѣнно. Такимъ образомъ и черезъ Финновъ мы приходимъ къ тому, что Турки или Татары и Монголы принадлежатъ къ одной и той же расѣ.

Кромѣ Русскихъ и Татаръ, въ Казанской губерніи встрѣчаются еще Чуваши, Черемисы, Мордва, и Вотяки, которые все принадлежатъ къ финскому племени. О происхожденіи Чувашей существуютъ, однакожъ, два различныя мнѣнія. Одни полагаютъ, что первоначально они составляли финское племя, которое, вслѣдствіе сосѣдства и сношеній съ Татарами, до такой степени отатарилось, что теперь едва уже можно и причислять его къ финскому семейству. Другіе утверждаютъ напротивъ, что Чуваши и по самому происхожденію Турки, и только заимствовали многое отъ пограничныхъ финскихъ племенъ. Нѣкоторые полагаютъ ихъ потомками древнихъ Булгаръ. Последнее мнѣніе, принадлежащее знаменитому ориенталисту Френу, заслуживаетъ особеннаго вниманія и точнѣйшаго изслѣдованія (1). Но такъ какъ мои свѣдѣнія по этому предмету не позволяютъ предпринять подобнаго изслѣдованія, то я ограничиваюсь только предположеніемъ, что Чуваши татарская вѣтвь Черемисовъ. Къ этому предположенію приводитъ меня сродство языковъ, смежность мѣстъ жительства обоихъ народовъ и еще то обстоятельство, что *Песторъ* не упоминаетъ особенно о Чувахахъ. Мѣста жительства Чувашей и Черемисовъ раздѣлены только Волгою. Чуваше живутъ преимущественно на правой или горной сторонѣ Волги, Черемисы, напротивъ—на лѣвой или луговой. Мѣстами встрѣчаются впрочемъ чувашскія селенія и на лѣвомъ и черемисскія на правомъ берегу. Чувашская вѣтвь простирается по губерціямъ: Казанской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской и Вятской; черемисская по Казанской, Костромской, Нижегородской, Оренбургской, Пермской и Вятской. Чуваше составляютъ, послѣ Финновъ, самую многочисленную вѣтвь финскаго се-

(1) Названіе Булгары, Болгары (Волгары), можетъ быть, даже вовсе и не собственное имя, а обозначало просто приволжскихъ жителей.

мейства; ихъ полагается до 400,000 душъ, изъ которыхъ 271,758 живутъ въ Казанской губерніи. Черемисовъ же, общее число копъ не многимъ болѣе 200,000 душъ считается въ помянутой губерніи только 67,657. Народъ этотъ играетъ въ русской исторіи не маловажную роль, потому что во времена казанскаго ханства Черемисы съ дикимъ отчаяніемъ дрались противъ русскихъ князей, и даже послѣ паденія ханства упорно сопротивлялись водворенію русскаго владычества.—Какъ Чуваши, такъ и Черемисы болшею частію приняли крещеніе, но тѣмъ не менѣе все-таки сильно привязаны къ своимъ стариннымъ языческимъ обрядамъ, которые, какъ говорятъ, у обоихъ народовъ имѣютъ весьма много сходнаго. О религіи, нравахъ и образѣ жизни Чувашей и Черемисовъ г-жа Фуксъ сообщила весьма интересныя свѣдѣнія.

Мордвы, составляющей самую южную вѣтвь приволжскихъ финскихъ племенъ, полагается всего на все до 92,000 душъ, изъ которыхъ только 1,137 живутъ въ Казанской губерніи. Прочіе разбросаны по губерніямъ Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Саратовской и Симбирской. Всѣ Мордвины исповѣдуютъ православную вѣру. Они раздѣляются на двѣ вѣтви: западную—*Эрсадъ*, живущую по Окѣ, и восточную, которая называетъ себя *Мокшадъ* и живетъ по Сузѣ и Мокшѣ. Разница между обѣими вѣтвями состоитъ, какъ говорятъ, собственно только въ томъ, что Эрсэ сохранили себя отъ татарскаго вліянія болѣе, нежели Мокша. Вообще однакожь, всѣ три народа, принадлежащіе къ волжскому племени: и Чуваши, и Черемисы, и Мордва, болѣе или менѣе отатарились, и именно этимъ-то и отличаются отъ всѣхъ другихъ вѣтвей, принадлежащихъ къ финскому племени.

Къ финскому приволжскому населенію примыкаетъ на сѣверѣ пермское племя, самую южную вѣтвь котораго составляютъ Вотяки. Сѣверные соплеменники ихъ суть Пермьяки и Зыряне — двѣ вѣтви, которыя, можно принять за одну, потому что и по языку и по правамъ ихъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга. Сѣверные Вотяки сходны съ сими послѣдними; южные же ближе къ Черемисамъ. Хотя Вотяки болшею частію крещены, однакожь и они сохраняютъ еще привязанность къ своей языческой вѣрѣ, которая, по свидѣтельству г-жи Фуксъ, мало отличается отъ чувашской и черемисской. Всѣхъ Вотяковъ считается до 100,000; они живутъ въ Казанской, Оренбургской и Вятской губерніяхъ. Наиболѣе ихъ въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Въ Казанской число ихъ простирается только до 5,399 душъ.

Вотяки, какъ сейчасъ было уже замѣчено, составляютъ посредствующее звено между воложскимъ и пермскимъ племенемъ. Оба эти племена играли въ древнія времена весьма важную роль въ исторіи восточной Россіи. Эту часть

страны занимали нѣкогда, по свидѣтельству лѣтописцевъ, двѣ немаловажныя торговыя державы: Пермская на сѣверѣ и вышеупомянутая Булгарская на югѣ. Къ первой принадлежали исключительно финскіе народы, какъ пермскаго, такъ и карельскаго племени. Последняя совмѣщала въ себѣ, кромѣ Булгаръ, которыхъ происхожденіе еще неопредѣлено, всѣ приволжскія финскія племена. Если, съ одной стороны, и нельзя не допустить, что ни одна изъ обѣихъ помянутыхъ державъ не составляла замкнутого въ самомъ себѣ цѣлаго, государства съ общими для всѣхъ законами и учрежденіями, но была раздроблена на мелкія племена, изъ которыхъ каждое имѣло главою своего собственнаго племеннаго князька,—то, съ другой стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно эти народы положили первое основаніе цивилизаціи восточной Россіи. О финскомъ племени вообще можно сказать, что оно распространило сѣмена цивилизаціи по снѣжнымъ полямъ Сѣвера. Каково бы ни было политическое значеніе этого племени, во всякомъ случаѣ даже и самое несправедливое къ нему историческое изслѣдованіе не отвергаетъ его важнаго значенія въ отношеніи къ исторіи цивилизаціи, а потому, если есть только правда на землѣ, то финское народное семейство во всемъ своемъ объемѣ получить мѣсто въ исторіи. По крайней мѣрѣ о *Великой Пермїи* и *Великой Булгарїи* будутъ поминуть до тѣхъ поръ, пока Россія будетъ имѣть исторію; потому что древняя исторія восточной Россіи есть ея исторія, хотя, какъ уже сказано, въ сущности это только исторія цивилизаціи. Земледѣліе и торговля—первые шаги къ цивилизаціи. Что финскія племена были въ Россіи самыми прилежными земледѣльцами—это извѣстное дѣло. Что же касается до торговли Бьярмаландїи и Булгарїи, то о значеніи ея единогласно свидѣлствуютъ историки многихъ странъ. Въ высшей степени вѣроятно, что торговый путь отъ Бѣлаго къ Каспійскому морю пролегалъ по владѣніямъ Пермяковъ; Булгаръ и Хазаръ, и что этотъ путь продолжался къ сѣверу до Норвегїи, къ югу до Индіи. Такія торговыя сношенія были возможны влѣдствіе большихъ рѣкъ, перерѣзывающихъ восточную Россію. На плодоносныхъ берегахъ этихъ рѣкъ могло также съ успѣхомъ производиться и земледѣліе. Лѣсъ важенъ только для дикихъ, кочующихъ народовъ. Лѣсной житель чуждъ и всегда останется чуждымъ цивилизаціи. Поэтому мы видимъ, что и финскія племена по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи селятся по рѣкамъ, морямъ и озерамъ. Выше мы замѣтили уже, что Волга съ незапамятныхъ временъ была средоточіемъ для Чувашей, Черемисовъ и Мордвы; Пермское племя занимало рѣчную область Камы и Двины; Угрское, состоящее изъ Вогуловъ и Остяковъ, сосредоточилось у Оби; Карелы жили прежде по Двинѣ и Бѣлому морю, Весь—по Онегѣ и Бѣлому озеру и т. д.

Отсюда объясняется далѣ замѣчательное, но, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ еще не замѣченное обстоятельство, что разныя финскія племена получили свои названія отъ извѣстныхъ рѣкъ или заключаютъ въ своемъ наименованіи слово «вода». Такъ Остяки называютъ себя *Chonduschii* или *As-chui*, т. е. народомъ Конда или Обьскимъ народомъ; Пермьки называютъ себя *Кюми* по Камѣ; Мордва значитъ буквально: народъ при водѣ; Зыряне, Мокшаны, Печеры и др.—все это имена произведенныя отъ названій рѣкъ. Отъ слова «вода» можно такъ же безъ натяжки произвести названія Вотовъ, Вотяковъ, Веси. Слово это звучитъ въ различныхъ финскихъ языкахъ: *wa* (Зыр.) *wu* (Вот.) *wit* (Чер.) *wesi*, собственно *wete* (финн.), *wäd* (Мордв.), *tschattoe* (Лапл.) и т. д. Тотъ же самый корень встрѣчается и въ нѣкоторыхъ индогерманскихъ языкахъ наприм. *wasser*, *vatten*, *voda* и т. д. Въ финскихъ языкахъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, корень первоначально двусложный пзмѣнялся различнымъ образомъ. Не говоря объ обыкновенныхъ измѣненіяхъ гласной, въ черемисскомъ и мордовскомъ языкахъ только отбросена конечная гласная. Кромѣ того въ зырянскомъ и вотяцкомъ и буква *t* превратилась еще въ придыханіе, что во всѣхъ финскихъ языкахъ весьма обыкновенно. Что и въ послѣднихъ языкахъ *t* также принадлежало первоначально къ корню—это доказывается не только сравненіемъ съ лашонскимъ, финскимъ и другими языками, но еще и тою особенностью, общою всѣмъ финскимъ языкамъ, что, за исключеніемъ мѣстоименій и частиць, въ нихъ нѣтъ ни одного односложнаго кореннаго слова, если только въ этомъ словѣ не встрѣчается долгой гласной или двугласной. Поэтому для употребляемаго въ настоящее время корня *wu* надобно предположить въ вотяцкомъ языкѣ болѣе первоначальную форму *wut*, *wuti*. А такъ какъ сами Вотяки называютъ себя *wut* (*Ut*) или *Wut-mort*, то это названіе и означаетъ, такъ же какъ и *мордва*, просто на просто *народъ при водѣ*. То же значеніе имѣеть, по всей вѣроятности, и имя *Вотовъ*, которые сами называютъ себя *Watjalaiset*, точно такъ же и Веси отъ *wesi*.

Другое обстоятельство не менѣе важное въ вопросѣ о названіяхъ финскихъ племенъ. Подобно Самоѣдамъ и многимъ другимъ дикимъ народамъ финскія племена называли себя первоначально также общимъ именемъ «люди». Теперь они имѣютъ конечно специфическія имена, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ названіе *человѣкъ* и теперь еще придается только урожденцу. Такъ у Зырянъ слово *mort* значитъ «человѣкъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ «урожденный Зырянинъ», особи же другаго племени называются *jös* или *jös-mort*, а во множественномъ числѣ *woityr* или *woityrjas*—иноземцы, въ противоположность *mortjas*—людямъ или Зырянамъ. Такъ же

точно Черемисы сами называют себя *mara*—человѣкъ, а иноземцевъ—*edem* (отъ татарскаго *adam*). Названіе Олончанъ *Lyuti* (отъ люди, *Leute*) есть вѣроятно переводъ какого-нибудь туземнаго, равнозначащаго слова. Возвращаясь къ вышеприведеннымъ словамъ *mort*, (*mord*, *murt*) и *mara*. По происхожденію своему они одно и то же слово, родственное персидскому *mārd*, которое равнымъ образомъ значить «человѣкъ». Здѣсь въ черемисскомъ также отпало на концѣ *t*, и за тѣмъ корень принялъ мягкое *a*, и именно вслѣдствіе общей финскимъ языкамъ наклонности къ двусложнымъ корнямъ. Происшедшее такимъ образомъ *mara*, по русскому произношенію, почти непроизвольно переходитъ въ *marja*, которое, для отличія отъ собственнаго имени Марья, легко могло превратиться въ Мера. Такъ называется у Нестора финскій народецъ, который, по его свидѣтельству, жилъ къ западу отъ Черемисовъ, въ окрестностяхъ стараго Ростова. Такъ какъ этотъ, уже исчезнувшій изъ исторіи народъ носить одно названіе съ своими сосѣдями, Черемисами, то мы и имѣемъ полное право заключить, что онъ или состоялъ изъ Черемисовъ, или былъ весьма близкое къ нимъ племя. Другое, также исчезнувшее финское племя—*Мурома*, жило къ югу отъ Мери или къ западу отъ нынѣшней Мордвы, въ странѣ, гдѣ теперь городъ Муромъ. Слово *Мурома* составлено изъ *mur*, очевидно сроднаго съ *mort* (*murt*) и изъ *ma*—земля, страна. По этому въ буквальномъ переводѣ слово *Мурома* значить «люди на землѣ», въ противоположность Мордвѣ, «людямъ при водѣ». Изъ этихъ названій кажется можно заключить, что оба эти народа принадлежали къ одному и тому же племени, но раздѣлились на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна (Мордва) поселилась у рѣки, а другая (Мурома) была напротивъ отрѣзана отъ нея. Предположеніе это въ высшей степени правдоподобно, но чтобы привести генеалогію Мери и Муромы въ совершенную ясность, нужно было бы подробно изслѣдовать все не русскаго происхожденія названія мѣстностей, которыя, можетъ-быть, еще встрѣчаются въ предѣлахъ древняго мѣста жительства обоихъ народовъ. Я уже приступилъ было къ такому изслѣдованію, но долженъ былъ оставить его за неимѣніемъ достаточныхъ лексикографическихъ пособій. Во всякомъ случаѣ, не трудно было убѣдиться, что въ древнихъ земляхъ Мери и Муромы дѣйствительно множество названій мѣстъ, заимствованныхъ изъ кореннаго финскаго языка; но принадлежатъ ли нѣкоторыя изъ нихъ исключительно Мордвѣ и Черемисамъ—этого я пока еще не могу рѣшить.

ПИСЬМА.

Статскому Советнику Шегрену въ С.-Петербургъ.

Казань, 31 марта (12 апрѣля) 1843 г.

Хотя я и сильно утомленъ и разбитъ продолжительною тряскою по сквернѣйшей дорогѣ, смѣшу однакожь увѣдомить васъ о своемъ прибытіи въ Казань, что при другихъ обстоятельствахъ легко могъ бы и отложить. Дѣло въ томъ, что въ настоящую минуту здѣсь въ городѣ, очень мало Черемисовъ, и потому г. Фуксъ совѣтуетъ мнѣ отправиться въ его пѣніе, находящееся въ 72 верстахъ отъ города, въ настоящей черемисской странѣ. На это предложеніе я согласился бы только въ случаѣ крайней необходимости и все-таки неохотно, потому что и безъ того прійдется ѣздить болѣе, чѣмъ вдоволь. Притомъ же я думаю, что для вѣрнаго и успѣшнаго достиженія цѣли надобно избѣгать всѣхъ окольныхъ и боковыхъ путей. Поездка, предложенная г. Фукомъ, вѣроятно, завлекла бы меня слишкомъ далеко въ черемисскій мѣръ, рѣшительно въ ущербъ моему главному занятію—изученію Самоѣдовъ, а потому я до сихъ поръ и не рѣшился еще на сдѣланное мнѣ предложеніе.

Пробывъ цѣлыхъ 16 дней въ дорогѣ, и прибылъ третьяго-дня, 10 апрѣля, въ Казань, съ кашлемъ, катарромъ и разбитымъ отъ тряски тѣломъ. На пути со мною не было никакихъ особенныхъ приключеній... Въ Москвѣ я охотно остался бы еще нѣсколько времени, потому что гг. Погодинъ и Спасскій могли бы оказать мнѣ много пользы своими обширными историческими свѣдѣніями, въ особенности своими рѣдкими рукописями; но во время пребыванія моего тамъ погода была такъ тепла, что надо было опасаться скорой и совершенной порчи зимняго пути, хотя въ послѣдствіи опасеніе это оказалось неосновательнымъ. Долго ли я пробуду въ Казани—это зависить во первыхъ отъ петербургскихъ документовъ, которые еще не прибыли, во вторыхъ отъ лѣтняго пути. Само собою разумѣется, что я не заживусь здѣсь безъ нужды, но ближе трехъ или четырехъ недѣль едва ли мнѣ удастся выбраться изъ Казани. До отъѣзда я, по всей вѣроятности, еще буду имѣть честь написать вамъ нѣсколько строкъ.

Съ чувствомъ искреннѣйшей благодарности неоднократно вспоминалъ я объ особенной милости и благосклонности, съ которыми я былъ принятъ въ Петербургѣ вами, нѣкоторыми другими членами академіи, семействомъ

Сирена и др. Непріятности, испытанныя мною послѣ того въ дорогѣ, рѣзкою противоположностью своею еще усилили во мнѣ сожалѣніе о прошедшемъ и въ особенности о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ въ Петербургѣ.

Ассесору Ф. І. Раббе въ Гельзингфорсъ.

Казань 29 апрѣля (11 мая) 1843.

— — — Цѣлый мѣсяць прожилъ я въ Казани, но разсказать объ этомъ мѣсяцѣ почти не чего. Между тѣмъ какъ небо проливало обильныя слезы на землю и улицы Казани были покрыты содомской грязью, я большею частью сидѣлъ въ своей комнатѣ и испытывалъ разныя мученія, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимали порождаемыя произведеніемъ на свѣтъ новой книги. Само собою разумѣется, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, я имѣлъ и нѣкоторое развлеченіе. Такъ напримѣръ, не скрою, что г-жа Фонъ Фуксъ (не говоря уже о ея превосходительномъ супругѣ) — принимала меня очень благосклонно, что я пользовался поучительными бесѣдами извѣстнаго оріенталиста Эрмманна и латиниста Фатера. Не смотря на зубную боль и непроходимую грязь, я почти ежедневно пробирался на татарскій крѣпостной валъ и наслаждался оттуда прекраснымъ видомъ на Волгу. Кромѣ того я провелъ много пріятныхъ часовъ съ двумя финскими друзьями, магистромъ Альценіусомъ и учителемъ русскаго языка Авелланомъ. Спутника своего, пастора Платана, захворавшаго на пути изъ С.-Петербурга въ Москву, я принужденъ былъ оставить въ финской студенческой колоніи во второй столицѣ имперіи. Нѣсколько времени спустя, мы снова съѣхались въ Казани и провели еще нѣсколько дней вмѣстѣ. Потомъ пасторъ отправился въ дальнѣйшій путь по той же дорогѣ, которая предстоить и мнѣ, т. е. по дорогѣ въ Сибирь.

Если я могу сказать дѣльное слово о Казани, то развѣ только о ея университетѣ. Между университетами всего міра едва ли есть хотя одинъ, гдѣ бы съ такимъ усердіемъ занимались восточною литературою, какъ въ казанскомъ. Здѣсь учреждены каедры для многихъ языковъ Востока, какъ то: арабскаго, армянскаго, персидскаго, санскритскаго, монгольскаго, турецкаго, китайскаго, манджурскаго, и въ числѣ преподавателей этихъ языковъ есть нѣсколько уроженцевъ Востока, какъ напримѣръ: Хаджи Миръ Абу-Талибъ Миръ Моминъ, Мирза Абъ-уе-Сатаръ Каземъ-Бекъ, Мухамедъ-Али Махмудовъ, Александръ Каземъ-Бекъ. Изученію восточныхъ языковъ въ особенности способствуетъ еще и то, что по временамъ молодые люди посылаются въ азіатскія земли. Въ настоящее

п. т.

время два магистра этого университета путешествуютъ по Аравіи и Персіи, а третій посланъ на 10 лѣтъ въ Китай для изученія языковъ монгольскаго, китайскаго и манджурскаго (1). И такія издержки дѣлаютъ не для образованія только какихъ-нибудь дюжинныхъ толмачей. Казанскій университетъ считаетъ въ числѣ своихъ ориенталистовъ людей, пользующихся Европейскою извѣстностью, и я совершенно увѣренъ, что современемъ здѣсь будутъ разрѣшены самые важные вопросы относительно Востока.

Вышеупомянутая миссія въ Китай, какъ видно по одной уже пѣли ея, касается весьма важнаго вопроса. Она имѣетъ самое близкое отношеніе и къ намъ, Финнамъ, котораго, однакожь, наши не согласятся допустить даже и въ такомъ случаѣ, когда весь свѣтъ согласится съ этимъ. Дѣло въ томъ, что по достаточнымъ даннымъ здѣсь дошли до предположенія сродства между финскимъ и турецко-татарскими языками. Въ противоположность Клапроту и другимъ естествениспытателямъ и филологамъ прежняго времени, новѣйшіе писатели, и между ними, по преимуществу казанскій ученый Эрдманнъ, старались доказать, что и Монголы, по происхожденію своему, также Турки, слѣдовательно родственное Финнамъ племя. (См. выше стр. 203.). Къ этому же результату приходимъ и чрезъ самоѣдское племя, которое съ одной стороны находится въ родствѣ съ финскимъ, съ другой стороны съ монгольскимъ семействомъ народовъ. Китайская миссія рѣшить: есть ли надежда на возможность проникнуть въ небесную имперію. Но прежде, нежели мы вздумаемъ перебраться чрезъ великую стѣну въ Китай, мы должны со всевозможною точностью изслѣдовать, въ какомъ отношеніи находятся Финны къ Монголамъ. Этой цѣли можно достигнуть разными путями, напримѣръ: отыскавъ чрезъ посредство Самоѣдовъ родство между финскимъ и монгольскимъ племенемъ, или чрезъ сравнительное изученіе языковъ монгольскаго, финскаго и турецко-татарскаго и т. д. Для полнѣйшаго изученія нашего отношенія къ Востоку весьма важно было бы также сравнить языки финскій, тунгусскій и манджурскій.

Къ чему бы ни привели насъ эти изслѣдованія, во всякомъ случаѣ мы должны продолжать ихъ, потому что они составляютъ потребность времени и исторія не можетъ уже обойтись безъ ихъ результатовъ. Поэтому мы видимъ, что и въ Германіи люди, замѣчательные своей ученостью, уже принялись за подобныя изслѣдованія. Ф. Г. Миллеръ, какъ извѣстно, издалъ двѣ части историческо-географическаго описанія всехъ наро-

(1) Два магистра, путешествовавшіе по исламитскому востоку, были теперешніе профессоръ Березинъ и покойный профессоръ Диттель; третій профессоръ Васильевъ.

довъ, принадлежащихъ къ финскому племени. Въ филологическомъ отношеніи Габеленцъ оказалъ важную услугу изданіемъ грамматикъ мордовскаго и зырянскаго языковъ и нѣсколько монографій о другихъ языкахъ, принадлежащихъ тому же семейству. Въ предисловіи къ своей мордовской грамматикѣ онъ извѣщаетъ, что занимается также составленіемъ сравнительной грамматики финско-татарской отрасли языковъ, которую, послѣ индо-германской и семитической, онъ не безъ основанія считаетъ важнѣйшею. Что иностранцы обратили вниманіе на наше племя и начали обрабатывать его языкъ и исторію,—это весьма хорошо и утѣшительно, если ужъ такъ суждено, что мы даже и на собственной своей почвѣ не можемъ сдѣлать шагу впередъ безъ того, чтобы Нѣмцы не вели насъ за носъ. Но лучше было бы и для самаго дѣла и для нашей чести, если бы наши собственные ученые приняли на себя рѣшеніе этой задачи. Впрочемъ, если я буду продолжать свое письмо въ этомъ тонѣ, то ты,—чего добраго,—выпишешь меня въ Гельзингфорсъ и отправишь въ Лашвикенъ (1), такъ какъ за распространеніе ложныхъ мнѣній, въ настоящее время не сжигаютъ уже на кострахъ.—Протрубили по всему свѣту, что я жду писемъ въ Тобольскъ.

PS. Чуть было не забылъ сказать, что я послалъ тебѣ съ Альценіу-сомъ небольшое извлеченіе изъ своего дневника. Часть его ты можешь напечатать въ *Suomi*, если изданіе этой газеты будетъ продолжаться въ слѣдующемъ году.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Перваго (13) мая небольшой кружокъ финскихъ друзей велъ бесѣду за стаканомъ донскаго вина въ 12 № Гейдлерской рестораціи въ Казани. Двое изъ нихъ ѣхали на три года въ Сибирь, остальные два собирались обратно въ отечество послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Россіи. Посторонній зритель безъ сомнѣнія замѣтилъ бы въ обѣихъ парахъ весьма различныя чувства, которыя необходимо должны были вызвать столь различныя обстоятельства. Но если радость и горе, надежда и нетерпѣніе столкнутся такимъ образомъ—они вскорѣ переходятъ въ юморъ, таящій—

(1) Такъ называется мѣстность, гдѣ находится домъ умалишенныхъ.

ся въ обѣихъ пончменованнхъ прѣтввоположенствхъ. Финскій характеръ, со времянь нашего праотца Вѣйнемойкенса и его достойнаго друга Лемминкейнено, имѣеть рѣшительную склонность къ юмористическому. Какъ упрямяство, такъ и юморъ составляетъ отличительную черту нашего національнаго характера. Всякій истый Финнъ надѣленъ имъ болѣе или менѣе. Въ нихъ онъ вкоренился до такой степени, что они не могутъ сказать самой простой мысли безъ того, чтобы не придать ей юмористическаго оттѣнка. Именно такой характеръ былъ у одного изъ четырехъ друзей, сведенныхъ случаемъ. Онъ былъ извѣстенъ во всей Казани подъ именемъ «стараго Шведа» вѣроятно по той причинѣ, что однажды въ части города, называемой «Мокрая», онъ принужденъ былъ жарко защищать честь шведскаго народа. Въ настоящемъ случаѣ старшій Шведъ, какъ посредникъ между противоположными чувствами, былъ рѣшительно необходимымъ лицомъ въ нашемъ маленькомъ кружкѣ. Чуждый всякой шутовской гоньбы за остротами, онъ шутилъ совершенно серьезно и слова его всегда имѣли опредѣленное, ясное содержаніе. Такъ напримѣръ, когда онъ распространялся о финскомъ сырѣ, о финской вѣтчинѣ и финской дружбѣ, можно было сей часъ же понять, что все это вещи прекрасныя, солидныя, но что, насытившись ими, можно и попоститься нѣкоторое время. Въ такомъ духѣ старшій Шведъ давалъ полную волю своему юмору ко всеобщему нашему удовольствію и утѣшенію. Разглагольствія его прерывались однакожъ довольно часто появленіемъ лица, которое, въ заботѣ получить скорѣе на водку, докладывало, что лошади давно уже готовы. Последній разсказъ приближался къ концу и все взоры были обращены на послѣднюю слезу въ стаканѣ, какъ вдругъ мы услышали въ корридорѣ незнакомый голосъ, который спрашивалъ 12 №. Все встало, устремивъ взоры на дверь, и въ комнату вошелъ человекъ въ военномъ мундирѣ. Къ общей нашей радости и къ удивленію оказалось, что этотъ человекъ—землякъ, поручикъ Эрикссонъ, который съ женою и тещею ѣхалъ въ Охотскъ. Можно себѣ представить и изумленіе Эрикссона, который, отыскивая въ гостиницѣ какого-то англійскаго путешественника,—очутился вдругъ, совершенно неожиданно, въ кругу земляковъ. Началась новая болтовня. Эрикссонъ разсказалъ, между прочимъ, свои путевыя приключенія и бесѣда приняла болѣе веселый, болѣе оживленный характеръ. Но такъ какъ всему на свѣтѣ есть конецъ, то и мы двое, ѣхавшіе въ Сибирь, должны были напоследокъ уступить нетерпѣнію ящика и распрощаться съ своими друзьями, давъ, однакожъ, обѣщаніе Эрикссону дождаться его гдѣ нибудь на пути.

Такимъ образомъ перваго мая, стараго стила, я выѣхалъ изъ Казани. Извѣстно, какъ Русскіе дороги въ это время года разбиты и дурны, не мудрено слѣдовательно понять, какъ сильно страдало мое брешное тѣло,

изнуренное еще въ Казани болѣзною и сидячею кабинетною жизнью, — отъ страшной тряски въ безпокойномъ экипажѣ. Но юморъ стараго Шведа овладѣлъ и мною до такой степени, что у меня не выходила изъ головы прекрасная пѣсня: «Смертный, страдай, таковъ твой удѣлъ», и я, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, выдерживалъ все шутки совершенно не поэтическаго почтового тракта. Это было только первое мученіе. Другое — составлялъ сильный холодный вѣтеръ, засыпавшій глаза мои цѣлыми облаками песку и пыли. Какъ ни трудно было открывать глаза, однакожь я старался, по возможности, обозрѣть страну, по которой ѣхалъ. Она показалась мнѣ вездѣ почти одинаковою. Мы ѣхали по необозримой равнинѣ, между луговъ и пашенъ, поднимались на небольшой песчаный, безлѣсный холмъ, снова спускались на равнину, снова поднимались на холмъ и такъ далѣе въ продолженіе цѣлаго дня. Нѣтъ ничего утомительнѣе, какъ ѣхать по такимъ мѣстностямъ, когда земля еще не оживилась весеннею зеленью. Сѣрымъ цвѣтомъ своимъ онѣ наводятъ тоску на душу и повергаютъ смотрящаго на нихъ въ невыносимо-тяжелое, сонливое расположеніе. Временами видъ верховыхъ Татаръ, пронесившихся по обширной степи, на быстрыхъ, какъ молнія, коняхъ своихъ, выводилъ однакожь меня изъ тупаго усыпленія и заставлялъ желать, чтобы поле было еще обширнѣе. Такъ же точно, когда съ вершины довольно высокаго холма передо мной вдругъ открылось нѣсколько татарскихъ деревень съ ихъ тонкими, возносящимися до облаковъ минаретами, откуда не звенящая мѣдъ, а живой голосъ чело-вѣка возвѣщаетъ, что «великъ Богъ», и созываетъ сыновъ Аллаха на молитву, — мнѣ захотѣлось сдвинуть все холмы, заграждающіе видъ на другія деревни. Не мало удовольствія доставилъ мнѣ и самый проѣздъ черезъ татарскія деревни. Видъ тучныхъ Татаръ въ халатахъ и робкихъ Татарокъ, закрывавшихъ прекрасное лице свое бѣлыми покрывалами, былъ весьма пріятенъ, и тѣмъ болѣе, что не успѣлъ надѣсть, потому что татарское населеніе скоро кончилось. Проѣхавъ съ небольшимъ 100 верстъ, я выѣхалъ изъ Казанской губерніи, а въ Вятской уже нѣтъ болѣе Татаръ: вмѣсто ихъ встрѣчаешь тотчасъ же черемисскія, русскія и вотяцкія фізіономіи. Далѣе въ Малмышскомъ и особенно въ Глазовскомъ уѣздѣ преобладаетъ уже вотяцкое населеніе. Вотяки, какъ извѣстно, составляютъ часть пермскаго племени; это кроткій, добродушный и работающій народъ. Во все время переѣзда чрезъ землі Вотяковъ я мечталъ, что я въ Финляндіи. Мечтѣ этой всего болѣе содѣйствовала и сама природа, потому что здѣсь, какъ и въ Финляндіи, я встрѣчалъ рѣки, озера, лѣса, болота, вересковые пустыри, горы и долины. Кромѣ того обѣ страны эти населены въ сущности однимъ и тѣмъ же народомъ. Я не стану говорить здѣсь о фізіологическомъ сходствѣ между Финнами и Вотяками и еще менѣе о фізіо-

номическомъ и краеологическомъ, а только объ одномъ антропологическомъ, общечеловѣческомъ. Это сходство обнаруживается вообще тихой, благопривольной и трудолюбивой жизнью, далеко непохожей на все то, что мнѣ пришлось видѣть и испытать въ большей части другихъ губерній. Такъ я не встрѣчалъ въ деревняхъ ихъ ни воровъ, ни туеядцевъ, ни любопытныхъ зѣвакъ, ни шумливыхъ пьянчугъ; напротивъ, каждый, казалось, занимался только своимъ дѣломъ или работой. На станціяхъ все дѣлалось безъ всякаго шума и крика. Нигдѣ меня не обманывали, потому что, кромѣ прогоновъ, я платилъ за все по собственному усмотрѣнію и никогда не слышалъ ни малѣйшаго ропота. Безъ всякаго предварительнаго торга все мое желаніе и порученія исполнялись съ величайшею готовностію, и ничтожійшее вознагражденіе принималось съ чувствомъ непритворной благодарности. Коротко Вотяки такъ же кротки, простодушны и безхитроствы, какъ наши финскіе мужички. Впрочемъ, можетъ-быть и мнѣ представилось бы все въ совершенно другомъ свѣтѣ, если бы благодатный геній весны, съ своимъ благораствореннымъ воздухомъ, съ своими сладкими благоуханіями, съ порхающими мотыльками и великолѣпнымъ солнечнымъ освѣщеніемъ, не встрѣтилъ меня въ этомъ году именно въ Вятской губерніи.

Два дня наслаждался я благодѣтельными дарами весны подъ Вятскимъ небомъ. На третій день я вѣхалъ въ Пермскую губернію, и здѣсь меня встрѣтили вдругъ сѣрое небо, холодные вѣтры, обширныя снѣжныя поля, и мрачныя гористыя мѣстности. По причинѣ неровности страны нѣкоторые ученые производили имя Пермь, Пермія, Біармія, отъ финскаго слова *waagamaa* (гористая страна). Но гораздо естественнѣе, въ филологическомъ отношеніи, производство этого слова отъ *Perämaa*,—названіе, которое, должно полагать, даю этой странѣ Заволочанами, потому что она находилась за ихъ областью. Пермское племя простиралось прежде отъ сѣвернаго Заволочья, отъ Двины къ югу до Камы. Теперь настоящее пермское населеніе оттѣснено Русскими далѣе на сѣверъ, далеко за тѣ мѣста, которыми я проѣзжалъ. Проѣхавъ Глазовскій уѣздъ, я вѣхалъ цѣлый день по Оханскому уѣзду Пермской губерніи и 6 (18) мая прибылъ въ губернскій городъ Пермь. Этотъ городъ имѣетъ весьма выгодное положеніе на западномъ берегу Камы, но лучшая часть его и до сихъ поръ—огромное пепелище, послѣ пожара, бывшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Предмѣстія большею частію состоятъ изъ низенькихъ жалкихъ лачугъ. О жителяхъ города нельзя ничего сказать, кромѣ хорошаго. Они во всѣхъ отношеніяхъ остались вѣрны своей національности, и потому самому питаютъ какую-то суевѣрную боязнь къ иностранцамъ. Когда я ходилъ по городскимъ улицамъ, все останавливались и съ удивленіемъ смотрѣли на мою иностранную фигуру; и тутъ не разъ приводилось мнѣ слышать ка-

савніесе меня вопросы и замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: « Кто такой? » « Чортъ его знаетъ ». « Такого-то прежде у насъ и не бывало ». Въ одной кучкѣ толковали о холерѣ и о поджигателяхъ. Одна старая баба была даже до того дерзка, что прямо у меня подъ носомъ сказала своему сосѣду: « плюнь! » А впрочемъ мнѣ не встрѣтилось въ этомъ городѣ ничего такого, о чемъ стоило бы упомянуть. Здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, есть большіе и малые дома, широкія и узкія улицы, рынки, церкви и кабаки, канцеляріи, казармы и т. п. Нѣтъ только одного—приличной гостиницы и потому прощаюсь съ городомъ, не дождавшись Эрикссона.

2.

Тюмень 13 (23) мая.

Продавъ Эрикссона въ Пермь цѣлыхъ два дня, мнѣ наконецъ надоѣло ждать. Лошади уже были готовы и все уложено, какъ вдругъ подъѣзжаетъ къ почтовому двору казанскій тарантасъ, и глядь! въ немъ Эрикссонъ, его молодая жена и старая теща... Не взирая на грустное расположеніе духа, въ которомъ я находился, можетъ-быть, никто еще не поднимался на высоты Урала съ такимъ радостнымъ чувствомъ, какъ я. Меня радовала пріятная весенняя погода, пробужденная природа, жизнь на дорогахъ, воздѣланная страна и т. д. Пермская губернія находится въ такомъ же отношеніи къ Вятской, какъ шумный потокъ къ тихому озеру, и тотъ, кто въѣзжаетъ въ Пермь съ Вятской стороны, чувствуетъ себя пробужденнымъ къ новой дѣятельности. Хотя екатеринбургская часть Урала и заключаетъ въ себѣ мѣстности, наводящія такую же спячку, какъ и Вятскія равнины, но, по счастью, духъ человѣческой огличается отъ камня уже и тѣмъ, что, получивъ толчокъ, не падаетъ тотчасъ же назадъ на землю, а сохраняетъ сообщенную ему силу по крайней мѣрѣ на время переѣзда отъ одной высоты Урала до другой. На уральскихъ степяхъ, какъ я уже замѣтилъ, многіе и разнородные предметы обращали на себя мое вниманіе. Въ Вятской губерніи только изрѣдка, кое-гдѣ попадались проѣзжіе, а уральская дорога кишала ѣдущими въ экипажахъ, верховыми и пѣшеходами, въ праздничныхъ нарядахъ и съ праздничными фізіономіями, пробравшимися вѣроятно въ ближайшую церковь на предстоящій праздникъ Св. Николая. А многолюдныя деревни, огромныя фабрики, прекрасныя усадьбы, красивыя каменныя церкви Екатеринбургской губерніи—

есть ли что-нибудь подобное въ бѣдной Вятской? А все-таки ты близка моему сердцу, бѣдная страна, несмотря на то, что духъ мой за высотами Урала!

Я переезжалъ черезъ Уралъ въ трехъ мѣстахъ: при Обдорекѣ, Верхотурьѣ и Екатеринбургѣ. При Обдорекѣ маститый неполянъ стоялъ, скрывъ въ облакахъ свое обнаженное темя, при Верхотурьѣ я видѣлъ его широкую вершину, при Екатеринбургѣ видѣлись только нагія кости его нальцевъ. При Обдорекѣ скакали олени, при Верхотурьѣ бѣгали сохатые, при Екатеринбургѣ паслись стада рогатаго скота. При Обдорекѣ все было тундра, при Верхотурьѣ—лѣсъ, при Екатеринбургѣ—большею частью воздѣланныя поля. При Обдорекѣ я видѣлъ Остяковъ и Самоѣдовъ, при Верхотурьѣ—Вогуловъ, при Екатеринбургѣ—Башкировъ. При Обдорекѣ были юрты, при Верхотурьѣ—избы, при Екатеринбургѣ—высокіе дома. Кромѣ того въ Екатеринбургѣ и его окрестностяхъ встрѣчались тысячи разныхъ другихъ предметовъ, на которые нѣтъ ничего похожаго и непохожаго ни въ Обдорекѣ, ни въ Верхотурьѣ; но мнѣ некогда было осматривать, потому что Эрикссонъ не хотѣлъ ждать меня, а мнѣ не хотѣлось разстаться съ нимъ. Въ 26 верстахъ къ востоку отъ Екатеринбурга наши пути разошлись все-таки въ разные стороны. Эрикссонъ поѣхалъ къ югу чрезъ Ишимъ, на Иркутскъ, а я направилъ свой путь на сѣверъ къ Тобольску.

Теперь я въ Тюмени, и привѣтствую Азію въ томъ же самомъ городѣ, въ которомъ съ небольшимъ за годъ я на вѣки простился съ Сибирью. Тогда я ѣхалъ на Туринскъ, Верхотурье, Соликамскъ, Кай, Великій-Устюгъ, Каргополь, Пудожъ, Петрозаводекъ и Сордавалу. Такъ какъ теперь я возвращаюсь въ Тюмень чрезъ С.-Петербургъ, Москву, Казань, Пермь и Екатеринбургъ, то въ теченіе этого года я описалъ кругъ, который со всѣми своими большими и меньшими уклоненіями заключаетъ въ себѣ около 40,000 веретъ.

3.

Тобольскъ 16 (28) мая.

Во время переезда моего отъ Тюмени или даже отъ Екатеринбурга до Тобольска природа не представляла моему любопытству ничего такого, чего бы я не видалъ и не описывалъ уже тысячу разъ—безконечныя равнины, частію обращенныя въ пашни и зуга, частію поросшія лѣсомъ. Все

пусто, однообразно, безжизненно. Какое-то подавляющее бремя тяготѣетъ надъ странюю и надъ народомъ. Природный Сибирякъ стоитъ у Русскихъ на хорошемъ счету за простоту его нравовъ, за гостепрѣимство и добродушіе. Все это, можетъ быть отчасти и справедливо. Но всякое изъясненіе радости и веселья, какъ наирим. пѣніе, пляска, общественыя или семейныя празднества, въ Сибири или, по крайней мѣрѣ, въ Тобольской губерніи, величайшая рѣдкость. Тотъ, кто привыкъ видѣть, какъ въ Россіи потокъ жизни несетя чрезъ все преграды, чувствуетъ какую-то неловкость въ сибирской тишинѣ. Это не тишина, питаемая внутреннею, мирною, безмятежною сущностью души; нѣтъ—это порожденіе холодности, равнодушія и ожесточенія. Да и можетъ ли быть что нибудь, кромѣ ожесточенія въ странѣ, которая большею частью населена преступниками или ихъ потомками.

4.

Тобольскъ 19 (31) мая.

Вотъ уже нѣсколько дней спужу я въ Тобольскѣ и обдумываю, въ какомъ направленіи продолжать мнѣ отсюда свое путешествіе. Отъ направленія, принятаго въ самомъ началѣ, часто зависитъ весь успѣхъ дѣла. Но заблаговременное точное опредѣленіе пути здѣсь невозможно, потому что въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніи Сибирь не много лучше океана, покрытаго туманомъ; на что-нибудь надобно однакожъ рѣшиться, и рѣшиться обдуманно, прежде чѣмъ пуститься странствовать по этому обманчивому океану. Академія наукъ облегчила конечно эту заботу тѣмъ, что обозначила все гавани, въ которыя мнѣ слѣдовало завернуть въ продолженіи моего странствованія, но составленіе необходимыхъ для этого морскихъ картъ она предоставила моему собственному благоусмотрѣнію. Въ данной мнѣ инструкціи сказано касательно этого предмета, что маршруты мои должны опредѣляться по преимуществу на мѣстѣ, указаніями людей свѣдущихъ. А такъ какъ до сихъ поръ я не получилъ еще никакихъ указаній этого рода, то и о направленіи предстоящаго мнѣ путешествія могу говорить только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Для большаго уясненія себя, я раздѣлилъ поле предстоящей мнѣ дѣятельности на три части: на сѣверную или самоѣдскую, среднюю или остяцкую и южную или монголо-татарскую. По данной мнѣ инструкціи я долженъ изслѣдовать преимущественно въ лингвистическомъ и этнографическомъ

отношеніи сѣверную или самоѣдскую часть Сибири. Но извѣстно, или по крайней мѣрѣ предполагается, что нѣкоторыя племена Самоѣдовъ, при передвиженіи отъ Алтая къ Ледовитому морю, остались въ средней и южной Сибири, въ предѣлахъ теперешнихъ областей Остяковъ, Монголовъ и Татаръ. Изъ нихъ нѣкоторыя, какъ говорятъ, уже слились съ прочими обитателями страны; другія же напротивъ того сохраняютъ еще и свой языкъ и свою національность, хотя, вельдствие малочисленности своей, и смѣшиваются частію съ Остяками, частію съ Монголами и Татарами. По данной мнѣ инструкціи я долженъ также дознать, что такое въ самомъ дѣлѣ всѣ племена, принимаемыя въ Сибири за Самоѣдовъ. А этого, разумѣется, я не могу исполнить не познакомившись предварительно съ языками остяцкимъ, монгольскимъ и татарскимъ. Если бы мнѣ даже и не понадобилось подробное изслѣдованіе языковъ, которые можетъ-быть совѣзмъ и не самоѣдскаго происхожденія (наприм. Койбалскій, Сойотскій и др.), хотя ихъ и считаютъ такими, то все-таки общія свѣдѣнія объ этихъ языкахъ и особенно объ остяцкомъ, необходимы для точнѣйшаго опредѣленія свойствъ, преобразовавшагося вельдствие остяцкаго, монгольскаго и татарскаго вліянія, самоѣдскаго языка.

Итакъ первоначальное направленіе моего путешествія опредѣляется прежде всего необходимостію заняться Остяками. Не встрѣтѣся этой необходимости, я отправился бы прямо къ Самоѣдамъ. Путешествіе къ послѣднимъ было бы очень для меня интересно уже и потому, что имѣло бы связь съ прежнимъ моимъ путешествіемъ. Тогда я прослѣдилъ самоѣдское населеніе отъ Мезени по Каньинской, Тиманской и Большеземельской тундрамъ и чрезъ Уралъ до Обдорска. Теперь, по настоящему, мнѣ слѣдовало бы начать свои изслѣдованія отъ Обдорска къ Надымской губѣ, отсюда къ Тазу и далѣе къ Енисею. Но на этомъ пути мнѣ встрѣтились бы народцы, которые нѣкоторыми учеными принимаются за Самоѣдовъ, другими за Остяковъ. Предположивъ, что они ни чистые Самоѣды, ни чистые Остяки, а смѣсь этихъ двухъ народцовъ,—безъ знанія остяцкаго языка, этой поѣздкой я никакъ не достигъ бы своей цѣли. Даже и въ случаѣ ложности этого предположенія я имѣю все-таки основательную причину полагать, что этимъ путемъ цѣль моего путешествія недостижима. Въ моей инструкціи выражено желаніе академіи, чтобы лингвистическія занятія составляли главный предметъ моей дѣятельности во время путешествія. Но чтобъ занятія такого рода могли имѣть хотя нѣкоторый успѣхъ во время лѣтняго путешествія, для этого необходимо имѣть возможность располагать собственнымъ экипажемъ и разъѣзжать по собственному благоусмотрѣнію. Но не всякій можетъ располагать довольно значительными, необходимыми для этого средствами. Что касается до меня, то я былъ бы при-

нужденъ прѣтатъ къ Русскимъ, которые отправляются по торговымъ дѣламъ къ берегамъ Ледовитаго моря. Но торговля и наука рѣдко подають другъ другу руку помощи, а въ настоящемъ случаѣ мои интересы вовсе не могли бы идти рука объ руку съ интересами купца. Пока онъ производилъ бы торгъ съ Остякомъ или спокойно занимался соленіемъ рыбы на какомъ нибудь пустынномъ берегу, мнѣ слѣдовало бы сидѣть въ самоѣдскомъ шалашѣ, въ которомъ кушцу въ лѣтнее время нечего дѣлать. Кромѣ того, обѣскія суда ходятъ не дальше Надыма, гдѣ живутъ еще Остяки; но какъ пробраться оттуда до Таза, и вообще, возможно ли это при моихъ средствахъ—не знаю. Знаю только то, что лѣто въ этихъ мѣстахъ въ высшей степени неблагопріятно для путешествія, предпринимаемаго съ лингвистическою цѣлью. Филологъ долженъ отыскать для своихъ занятій нѣсколько главныхъ соответствующихъ станцій, и по возможности избѣгать пребыванія въ необитаемыхъ, безлюдныхъ мѣстахъ, гдѣ, само собою разумѣется, ему нечего и дѣлать. Зимой онъ можетъ и остановиться и ѣхать, когда ему угодно, потому что, говоря въ самоѣдскомъ духѣ, въ это время вездѣ есть *люди*, вездѣ *дороги*. Лѣтомъ же Самоѣды разбредаются, и всякое сообщеніе по тундрамъ прерывается, такъ что мѣсяцы не лзя тронуться съ мѣста. Это я испытывалъ неоднократно и въ послѣдній разъ на пути изъ Колвы въ Обдорекъ, осенью 1843 года. Я путешествовалъ тогда въ обществѣ Зырянъ на такъ называемомъ каюкѣ вверхъ по рѣкѣ Усѣ и доѣхалъ такимъ образомъ до подошвы Урала, пробывъ въ дорогѣ около двухъ недѣль. Здѣсь, въ ожиданіи оленей и зимняго пути, я принужденъ былъ простоять почти пять недѣль на пустынной тундрѣ, и питаться мясомъ дохлыхъ оленей. Отъ Колвы до Березова я ѣхалъ девять недѣль, и на всемъ этомъ пути не встрѣтилъ ни одного Самоѣда. Двумя мѣсяцами позже я могъ бы проѣхать это пространство въ девять дней и встрѣтилъ бы на дорогѣ множество кочевниковъ. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ я не могъ не ожидать тѣхъ же самыхъ непріятностей. Кромѣ того и еще одно обстоятельство заставило меня отказаться отъ небѣрнаго путешествія къ Ледовитому морю. Во время прошлагодняго моего пребыванія въ Березовѣ мнѣ говорили, что при рѣкѣ Казымъ живутъ восемь кочующихъ самоѣдскихъ племенъ (по мнѣнію Шёгрена—семействъ), которые по языку значительно отличаются отъ Самоѣдовъ, принадлежащихъ къ Обдорской волости. Такого важнаго показанія я, разумѣется, не могу оставить совершенно безъ вниманія, и, до отъѣзда къ Енисею, долженъ узнать что-нибудь поподробнѣе объ этой незамѣченной до сихъ поръ отрасли самоѣдскаго племени. Этого, по всей вѣроятности, я не въ состояніи буду сдѣлать до наступленія осени, когда казымскіе Самоѣды, какъ говорятъ, посѣщаютъ Кондинскъ и Сургутъ.

Принимая въ соображеніе все эти обстоятельства, я предполагаю поѣздить въ это лѣто только по Иртышу и Оби и заняться преимущественно изученіемъ остяцкаго языка. Главнымъ и удобнѣйшимъ для этого пунктомъ кажется мнѣ мѣстность около Самаровой, потому что сюда стекаются Остяки изъ разныхъ округовъ, и, по увѣренію здѣшнихъ Русскихъ, значительно отличаются другъ отъ друга по языку. Хотя точнѣйшее изслѣдованіе разныхъ остяцкихъ нарѣчій и не входитъ въ кругъ моей дѣятельности, но уже и для общаго обсужденія языка и еще такъ грубаго и не обработаннаго, какъ языкъ остяцкій, полезно и даже необходимо сравненіе нѣсколькихъ нарѣчій. Кроме того, я надѣюсь добыть здѣсь въ теченіе же этого лѣта и необходимыя свѣдѣнія о казымскихъ Самоѣдахъ. Въ такомъ случаѣ я могъ бы съ наступленіемъ перваго зимняго пути продолжать свое путешествіе по какому-нибудь другому направленію. Согласно академической инструкціи и собственному желанію, постарался бы я тогда пробраться прежде къ Тазу, за тѣмъ къ Енисею, и потомъ, познакомившись вполнѣ съ общимъ сѣвернымъ нарѣчіемъ самоѣдскаго языка, перешелъ бы къ южнымъ его развѣтвленіямъ. Вотъ планъ, котораго я еще пока придерживаюсь, хотя предвижу, что выполненіе его встрѣтитъ большія затрудненія. Важнѣе всего то, что я еще не знаю можно ли съ сургутской стороны пробраться къ Тазу, а потомъ, слѣдуя этому плану, мнѣ уже нельзя будетъ посѣтить на этотъ разъ Самоѣдовъ, живущихъ въ окрестностяхъ Нарыма, потому что для нихъ пришлось бы проѣхать нѣсколько сотъ верстъ отъ Енисея къ Оби. Для избѣжанія этого крюка я могъ бы распорядиться и такимъ образомъ: провести всю слѣдующую зиму у разныхъ самоѣдскихъ племенъ по Оби, весною перебраться вверхъ по Кету въ Енисей, спуститься внизъ по нему и возвратиться вверхъ по Тазу. Все это, впрочемъ, будетъ зависеть отъ разныхъ обстоятельствъ и отношеній, которыхъ впередъ опредѣлить невозможно.

ПУТЕВОЙ ОТЧЕТЪ.

Самарска, 24 іюня (6 іюля) 1843.

Мая 25 (6 іюня) отпавился я, съ моимъ спутникомъ, по узкой и перовной лѣсной дорогѣ, изъ Тобольска въ Бронникову, первую станцію

по Березовскому тракту. Съ Бронниковой сухопутное сообщеніе прекращается; мы сложили свои пожитки въ небольшую лодку и поплыли внизъ по Иртышу.

Послѣ продолжительнаго, мѣсяцы длившагося странствованія сухимъ путемъ, съ радостью промѣняешь сани и тарантасъ на самую жалкую лодку. Что касается собственно до меня, то я искони имѣлъ особенное пристрастіе къ путешествію по рѣкамъ. Рѣки—первые пути, по которымъ я ѣздилъ, и въ послѣдствіи часто приводилось мнѣ по нимъ плавать. Въ дѣтствѣ еще познакомился я со многими сѣверными рѣками Финляндіи. Возмужавъ, я часто плавалъ по нимъ въ Лапландіи и въ сѣверной Россіи. И теперь меня радовала, какъ нельзя болѣе, возможность познакомиться съ одной изъ главныхъ рѣкъ Сибири. Подобно пляшущей дѣвушкѣ движется Иртышь тысячами граціозныхъ изгибовъ, боясь встрѣтиться съ своимъ возлюбленнымъ, съ Обью, несущейся со стороны къ нему на встрѣчу. Иртышь положительно одна изъ красивѣйшихъ рѣкъ Сѣвера. Онъ не возбуждаетъ и не потрясаетъ чувства шумными водопадами, отвѣсными скалами и крутыми горами, какъ многія изъ рѣкъ Финляндіи и Лапландіи; теченіе его не такъ одинаково льносно, какъ многихъ рѣкъ сѣверной Россіи, на которыхъ чувство, подавляемое вѣчнымъ однообразіемъ, цѣпенѣетъ и усыпляется. Въ немъ все соединяется въ картину великолѣпнѣйшей гармоніи. Теченіе его быстро, но ровно; онъ безконечно богатъ рукавами, островами, мысами, заливами; берега его разнообразны: то высоки и круты, то понижаются въ луга, убранные роскошной растительностью. Но ничего не можетъ быть пріятнѣе для глазъ—разбросанныхъ по срединѣ рѣки группъ цѣстующихъ деревьевъ, поднимающихся, кажется, прямо изъ воды. Проѣзжающему въ маленькой остроконечной лодкѣ по быстрымъ струямъ рѣки, онъ кажется плавающимъ садомъ. При закатѣ солнца онъ оглашается меланхолическими нѣнями пернатыхъ—меланхолическими, говорю я, потому что на прекрасномъ челнѣ китайской дѣвы покоится черта какой-то грусти. Она груститъ, какъ береза въ «Калевалѣ» о томъ, что лишена рачительнаго ухода и еще не то, чѣмъ бы могла быть въ рукахъ мудраго. Дичь всегда производитъ грустное впечатлѣніе, — даже и въ великолѣпнѣйшемъ весеннемъ убранствѣ, она походитъ на невѣсту въ траурѣ. Впрочемъ, близъ Иртыша первоначальная дикость нѣсколько уже превозможена: по крайней мѣрѣ она не такъ гнетуща, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ Сѣвера. Это, можетъ-быть, отчасти и потому, что Иртышь въ историческомъ отношеніи важнѣе и извѣстнѣе большей части другихъ рѣкъ Сѣвера. При нѣкоторомъ знаніи судебъ Сибири и именно во времена завоеванія ея, по Иртышу безпрестанно натыкаешься на исторически замѣчательныя мѣстности. Кроме того, здѣсь услышишь и много такого, чѣмъ

не найдешь въ лѣтописяхъ: кормчій рассказывалъ безконечныя исторіи и большею частію о чудесныхъ богатыряхъ, остяцкихъ и татарскихъ князьяхъ, Ермакъ и Кучумъ. Не мало содѣйствуетъ также интересу путешествія по Иртышу и сближеніе съ лицами различныхъ націй: съ Русскими, Татарами, Остяками, не говоря уже о ссыльныхъ, между которыми, кромѣ Русскихъ, я встрѣчалъ Поляковъ, Нѣмцевъ, Французовъ, Калмыковъ, Киргизовъ и др.—Одно, на что можно было бы здѣсь пожаловаться—это безотвязные комары въ лѣтніе мѣсяцы; но гдѣ жъ страна въ цѣломъ мѣрѣ, которая не имѣла бы своего *malum necessarium*?

Завернувъ на короткое время въ татарскія юрты, близъ Карвина, я плылъ потомъ безостановочно до Демьянска, волости, которая, по Фишеру, называлась прежде *Немлянскою*, по имени одного остяцкаго князька *Немляна*. Остяки называютъ это селеніе Нумъ-ямъ, т. е. Верхнимъ ямомъ, или Верхнею станціею, въ противоположность Самаръ-яму (Самаровой), которая въ прежнія времена была ближайшею, ниже при Иртышѣ находящеюся станціею. Въ Демьянскѣ я надѣялся найдти Вогуловъ, и нѣсколько заняться ихъ языкомъ; главное же—провѣрить Вогульскій Катехизисъ, который мнѣ далъ въ Тобольскѣ, (извлеченіе изъ него, какъ я слышалъ, было дано и г. Регули). Но надежда моя не исполнилась, и я оставилъ Демьянскъ раньше, чѣмъ предполагалъ. Отсюда я поплылъ прямо въ Денщикову (по остяцки *Toltem*), гдѣ думалъ остановиться для занятія остяцкимъ языкомъ. Я могъ, конечно, заняться имъ еще и за Демьянскомъ, и во все время нашего плаванія внизъ отъ сего послѣдняго, но я опасался, что языкъ южныхъ Остяковъ уже попорченъ татарскимъ и русскимъ вліаніемъ, и потому негоденъ для изученія. Съ другой стороны и вѣхать къ сѣвернымъ, обдорскимъ Остякамъ мнѣ теперь не хотѣлось, ибо это не совсѣмъ соответствовало главной цѣли моего путешествія; къ тому жъ, еще прежде, занимаясь въ Обдорскѣ самоѣдскимъ языкомъ, я пріобрѣлъ уже нѣкоторыя свѣденія о нарѣчій тамошнихъ Остяковъ. Имѣлъ я также при этомъ въ виду и то, что иркутскій діалектъ остяцкаго языка, можетъ быть, наиболѣе распространенный и, судя по образованію жителей, самый развитой, и потому во всякомъ отношеніи способище служить основой грамматической обработкѣ языка. Наконецъ, я зналъ, по прежнему опыту, какъ трудно достать въ Обдорскѣ годнаго, знающаго русскій языкъ переводчика. Впрочемъ послѣднее затрудненіе встрѣчалось мнѣ вездѣ, во вѣсѣхъ моихъ странствованіяхъ между дикими и полудикими народами Россіи. Подозрительные вообще, они питаютъ особенную недовѣрчивость ко всякимъ филологическимъ розысканіямъ, думая, что, узнавъ ихъ языкъ, начнутъ сочинять на немъ книги, и потомъ силою заставить юное поколѣніе читать ихъ. Такъ и въ Денщиковой, ни одинъ Остякъ не со-

глашался добровольно открыть мнѣ сокровищницу языка своего. Но это бы еще ничего; гораздо хуже было то, что большая часть жителей Денщиковой были Русскіе, и можно было опасаться, что здѣсь вкралось въ языкъ гораздо болѣе русенцизмовъ, чѣмъ въ другихъ деревняхъ съ менѣе смѣшаннымъ народонаселеніемъ. Поэтому я оставилъ Денщикову и проплывъ 44 версты, прибылъ въ Цингалинскіе юрты (по остоячки wâds—itra, т. е. селеніе подъ городомъ), гдѣ живутъ одни Остяки. И въ этой деревнѣ я встрѣтилъ также упорное сопротивленіе, какого жители ея вѣроятно никому не оказывали съ самыхъ временъ Ермака. Они тайкомъ повѣстили о моемъ прибытіи во всеѣмъ окружнымъ деревнямъ, и Остяки двухъ волоостей собрались на совѣщаніе въ Цингалинскъ. На совѣщаніи было положено отвѣчать отказомъ на все мои требованія, какія бы они ни были. Но и я на этотъ разъ рѣшился не поддаваться. Узнавъ о составленномъ противъ меня заговорѣ, я лично явился въ ихъ собраніе, и скоро добился того, что Остяки дали двухъ стариковъ для обученія меня языку ихъ. За сѣмъ я жилъ съ ними постоянно въ добромъ согласіи и, занимаясь своимъ дѣломъ безпренятственно, пользовался съ ихъ стороны самымъ любезнымъ обращеніемъ, какого только можно требовать отъ полуварварскаго народа. Такимъ образомъ я прожилъ въ Цингалинскѣ цѣлые три недѣли; остался бы, можетъ-быть, и еще на недѣлю; но желаніе побывать на славной во всеѣмъ околodкѣ остояцкой ярмаркѣ въ Силареккой ускорило мой отъездъ. Теперь я ѣду туда и остановился на нѣсколько дней въ Самаровой, поджидая почту. Не зная на что употребить это время ожиданія, я рѣшился перевести изъ невѣрной памяти на бумагу все, что въ продолженіи моего плаванія по Иртышу, показалось мнѣ замѣчательнымъ. О самой однакожь рѣкѣ я почти ничего не могу сказать такого, что не было бы уже извѣстно изъ описаній разныхъ путешествій и Штукенберговой гидрографіи Россіи, за исключеніемъ можетъ-быть нѣкоторыхъ частныхъ, изслѣдованіемъ которыхъ и я не могу заняться, потому что оно не соединимо съ цѣлью моего путешествія. Вълѣдствіе этого я ограничусь только двумя—тремя замѣтками на счетъ того, что въ описаніи Штукенберга, вообще чрезвычайно точною, —кажется мнѣ не совсемъ вѣрнымъ.

4. По Штукенбергу наибольшая глубина Иртыша близъ Тобольска не превышаетъ 16 аршинъ и разлитія ея нигдѣ не бываютъ значительны, потому что въ полоую воду онъ подымается, выше своего обыкновеннаго уровня, только на одну сажень (ч. 11, стр. 379). Но что должно разумѣть здѣсь подъ «обыкновеннымъ уровнемъ» воды? По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, вода въ Иртышѣ постоянно подымается, начиная со вскрытія рѣки до послѣднихъ чиселъ іюня; за сѣмъ она мало по малу понижается въ теченіи всего лѣта, никогда не останавливаясь на какой-нибудь опре-

дѣленной высотѣ. (1) Иногда въ дождливые годы, около 4 сентября ст. ст.), вода въ Иртышѣ вдругъ подымается на полуаршинъ или на цѣлый аршинъ, но скоро опять понижается и къ началу зимы достигаетъ наименьшей высоты. Следовательно, съ ранней весны до поздней осени, Иртышъ постоянно или подымается, или понижается, и про «обыкновенный уровень» воды въ лѣтніе мѣсяцы не можетъ быть и рѣчи. Но хотя уровень волиѣ и не устанавливается, поселяне все-таки опредѣляютъ подъемъ весеннихъ водъ сравненіемъ съ наимѣнѣ измѣняющимся уровнемъ въ осеннее время. По ихъ словамъ весенняя вода въ обыкновенные годы на 3 или на 4 сажени выше лѣтней воды во второй половинѣ Августа. Мнѣ сказывали, что въ послѣднихъ числахъ августа высота нижняго Иртыша достигаетъ въ мелкихъ мѣстахъ отъ 4 до 5 сажень, въ обыкновенныхъ отъ 6 до 8, а въ самыхъ глубокихъ отъ 16 до 18 сажень. Въ продолженіе моего плаванія по Иртышу, а это было во время наибольшаго подъема его, я опускалъ лотъ въ разныхъ мѣстахъ и находилъ весьма различную глубину, отъ 7 $\frac{1}{2}$ до 12 и 15 сажень. Это подтвердило, о чемъ говорили и Остяки всѣхъ прибрежныхъ мѣстъ, — что дно Иртыша чрезвычайно ямисто и неровно вѣдствие рыхлой почвы, легко вымытаемой быстротой рѣки, несущейся тысячами извивовъ. Изъ всего сказаннаго, кажется, что у Штукенберга весенній подъемъ уменьшенъ и что найденная близъ Тобольска высота уровня не можетъ служить общимъ мѣриломъ. — Далѣе Штукенбергъ говоритъ, что Иртышъ нигдѣ не разливается значительно; по моему и это положеніе требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Относительно ближайшей сосѣдки своей, Оби, Иртышъ, конечно, заливаетъ меньшіе пространства; но въ сравненіи со многими другими подобными себѣ рѣками, онъ выступаетъ изъ береговъ своихъ значительно. Нынѣшнюю, необыкновенно впрочемъ многоводную весну ширина Иртыша близъ Бронниковой и Филатовой равнялась почти верстѣ, что, какъ увѣряютъ, вдвое больше обыкновенной его ширины въ августѣ мѣсяцѣ. Близъ Самаровой я едва могъ различать лѣсъ, находившійся по ту сторону рѣки, и мои спутники увѣряли, что на пространствѣ 20 верстѣ нѣтъ ни одной пристани, хотя кое гдѣ и видѣется низенькій лѣсистый островокъ едва-едва приподнимающійся изъ воды. Во многихъ деревняхъ бани, амбары и другія строенія были залиты; часто вода доходила даже до самыхъ жилищъ. Луга лежали на нѣсколько сажень подъ водою. Большую часть

(1) У Штукенберга читаемъ, что всѣ сибирскія рѣки возвышаются дважды: въ апрѣлѣ и маѣ, когда на равнинахъ таетъ снѣгъ, и въ іюнѣ и іюль, когда съ горъ стекаетъ снѣговая вода. Ничего этого не знаютъ Остяки, живущіе по нижнему Иртышу: по ихъ словамъ возвышеніе воды въ Иртышѣ происходитъ мало по малу и равномерно, начиная со вскрытія до Петрова дня.

моего путешествія по Иртышу я плылъ по затопымъ лугамъ, болотамъ и по образовавшимся отъ наводненія рѣчнымъ рукавамъ. Вообще весною по Иртышу образуется новый путь, которымъ ходятъ не только малыя остяцкія лодки и тобольскіе каюки, но и самыя большія томскія плоскодонныя суда, нагруженныя чаемъ, съ которымъ поднимаются вверхъ до Тюмени. А что внизъ по теченію этимъ путемъ можно проплыть 70 верстъ менѣе чѣмъ въ 6 часовъ, это по даннымъ Штукенберга можетъ даже показаться невѣроятнымъ— а оно однакожь дѣйствительно такъ. Именно отъ этихъ наводненій настоящія рыбныя ловли по Иртышу и начинаются поздно лѣтомъ. Въ началѣ іюля всѣ низменности еще подъ водою; надъ нею возвышаются только горы и крутые берега, у которыхъ конечно не удобно ловить неводами, а этотъ способъ ловли главный, какъ по Оби, такъ и по Иртышу. Эти наводненія, не только по Оби, но мѣстами и по Иртышу, мѣшаютъ также и земледѣлію, потому что часто вода заливааетъ самыя плодородныя мѣстности. Въ Самаровой и въ некоторыхъ другихъ русскихъ деревняхъ жалуются даже на недостатокъ корма для скота. Изъ всего этого очевидно, что разливы Иртыша не слишкомъ-то маловажны. Если сами по себѣ или сравнительно съ разливами Оби они и кажутся незначительными, то значительно по крайней мѣрѣ то, что экономія страны находится въ некоторой отъ нихъ зависимости.

2. Извѣстно, какъ замѣтилъ и Штукенбергъ, что Иртышъ протекаетъ безпрестанно извиваясь и изгибаясь. Но не менѣе замѣчательно и то, совершенно опущенное изъ виду, что во многихъ мѣстахъ онъ прорылъ сквозь рыхлую почву новыя, прямѣйшія ложа, называемыя здѣшними Русскими *полуями* (Полуи—слово заимствованное, вѣроятно, изъ финскаго языка: оја-пуоі половина рѣки), а также и *прялицами*. Въ некоторыхъ мѣстахъ главный токъ рѣки перебирается въ новое русло, и прежнее, называемое *старицею*, лѣтомъ обыкновенно пересыхаетъ, несмотря на то, что весною оба русла судоходны. Я обратилъ вниманіе на это явленіе только въ концѣ моего плаванія по Иртышу, и потому не могъ уже собрать полныхъ свѣдѣній о старицахъ нижняго Иртыша. Сказывали впрочемъ, что старицы есть и въ окрестностяхъ Демьянска, близъ Суботниной, Заводинскихъ юртъ, Реполы и друг., и что многія изъ нихъ такъ уже пересохли, что прежнія теченія рѣки можно теперь опредѣлить только предположительно, по преданіямъ. Равно заслуживаютъ вниманія и такъ называемыя *куры*, которыми Иртышъ чрезвычайно богатъ. Это рукава или развѣтленія рѣки, уходящія далеко въ равнины, и теряющіяся въ нихъ безъ всякаго истока. Собственно они не что иное какъ обыкновенныя *протоки*, засорившіяся на одномъ концѣ наносною землею.

3. Касательно береговъ и Иртышъ имѣетъ то общее со многими дру-
п. т. II.

гими рѣками европейской Россіи и Сибири, что правая сторона крута и гориста, лѣвая напротивъ ровна и низменна. Оттого и по Иртышу правый берегъ называется горнымъ (*unt-pêlek*—горная сторона), лѣвый *луговымъ* (*uigit-pêlek*—луговая сторона). Остатки называютъ еще правую, гористую и менѣе плодородную сторону словомъ *âdem-bêlek*, т. е. дурной стороною. Впрочемъ эта сторона не вездѣ одинаково бесплодна, напротивъ во многихъ мѣстахъ она очень способна и для скотоводства и для земледѣлія, и это обыкновенно бываетъ тамъ, гдѣ горы нѣсколько удаляются отъ рѣчнаго ложа. Поэтому и на ней много листовнаго лѣса, какъ-то: березъ, осипъ, боярышника, тополей и разныхъ видовъ ивы. Вообще же господствующій на этой сторонѣ лѣсъ хвойный: сосна, ель, кедръ и лиственница. Последнія встрѣчаются и на лѣвой сторонѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва песчана и бесплодна. Но я не намѣренъ пускаться здѣсь въ геологическія и естественно-историческія подробности, и потому ограничусь только самыми рѣзкими очерками береговъ Иртыша. Какъ я сейчасъ сказалъ, правая сторона его гориста, лѣвая низменна. Сія последняя, по внѣшнему своему виду, представляетъ три рода береговъ: 1) низменные луга и болота, 2) высокіе, обрывистые берега, которые Русскіе называютъ *ярами* (по остаткамъ *rep*) и 3) далеко выдающіяся въ рѣку отмели или *пески*, какъ называютъ ихъ Русскіе. Такіе берега встрѣчаются впрочемъ вмѣстѣ съ горами и на правой сторонѣ рѣки. Чѣмъ дальше спускаешься внизъ по Иртышу, тѣмъ меньше выступаетъ гористая природа, тѣмъ вообще ниже становятся берега какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонѣ. За Реполой горы исчезаютъ совсѣмъ изъ виду, и ихъ не видно до самой Самаровой. Впрочемъ горы по нижнему Иртышу и не такъ высоки. Замѣчательны своей высотой нѣкоторые мысы, а именно: 1) Начинской, 2) Кошелевской, 3) Кателовской, 4) Вошкинской, 5) Цингалникскіе, 6) Реполовской и 7) Самаровской. Близъ Цингалника по высокому мысу на той и на другой сторонѣ рѣки. Эти, какъ и Вошкинской, принадлежатъ къ отдѣльнымъ горнымъ узламъ; всѣ же остальные находятся въ связи съ большими горными системами. Касательно взаимнаго отношенія между обоими берегами, не безъ основанія, слѣдующія замѣчанія:

а) Если на правомъ берегу выступаетъ въ рѣку гора, (что часто бываетъ), то на лѣвомъ обыкновенно образуется мель (песокъ), иногда яръ. Отсюда:

б.) Горѣ на правомъ берегу часто соответствуетъ песчаная отмель на лѣвомъ.

в.) Обрывистому берегу или такъ называемому яру на правой сторонѣ почти всегда соответствуетъ такой же яръ на лѣвой.

г.) Тамъ, гдѣ на лѣвомъ берегу есть гора, и на противоположномъ также гора.

Впрочемъ я видѣлъ только двѣ горы на лѣвомъ берегу Иртыша; одну недалеко отъ Цингалинскихъ юрть, называемую Остяками *Wáds-unt* или *Wáds-ochta*, т. е. гора-крѣпость; и другую, *Tjukés-unt* въ десяти верстахъ выше первой. Какъ уже сказано, эти горы отдѣльные горные узлы; онѣ тянутся нѣсколько верстъ по одному и тому же направленію и обанчиваются крутыми мысами. Гора *Tjukés-unt* тянется вдоль рѣчнаго берега, а *Wáds-unt* образуетъ напротивъ уголъ съ рѣкою, которая въ этомъ мѣстѣ перегибается съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Разсказываютъ, что, гдѣ теперь она протекаетъ между двумя горами, встарину было озеро, и что прежде Иртышъ омывалъ западный бокъ Вадеъ-унта, который стало-быть первоначально находился на правомъ берегу его. Преданіе это весьма достоверно, тѣмъ болѣе, что мѣсто, называемое прежнимъ русломъ Иртыша, низменно и весною совѣмъ заливаема. Такая же низменность (*соръ*) находится и на западной сторонѣ Тьюкесъ-унта и заставляеть думать, что и тамъ рѣка перемѣнила свое русло.

4. Мы замѣтили выше, что рыбныя ловли по Иртышу начинаются какъ скоро низменный песчаный берегъ начнетъ выходить изъ-подъ воды. Тогда обыкновенно появляются на немъ русскія рыбачьи общества или такъ называемыя артели, состоящія изъ десяти человѣкъ. Кромѣ невода, они незнаютъ иной рыболовной снасти. Въ каждой артели по два невода, длиною, смотря по мѣсту, отъ 250 до 300 сажень, и каждымъ неводомъ дѣйствуютъ поочередно по пяти человѣкъ. Это рыболовство, главное на Иртышѣ, продолжается отъ конца іюля до 1 октября ст. стilia. Тутъ ловятся въ огромномъ количествѣ: осетръ (*Acipenser sturio*), стерлядь (*Acipens. ruthenus*), нельма (*Salmo Njelma*) и кромѣ того безчисленное множество другихъ менѣе значительныхъ родовъ, каковы: щука, окунь, налима, ершь, карась, язъ, (*Cyprinus idus*), чебакъ (*Cyprinus lacustris*), и др. Мукунь (*Salmo Muksun*) не подымается вверхъ по Иртышу и водится только въ Оби. Точно такъ же и такъ называемый *Зирокъ* (*Salmo Vimba*) ловится болѣе въ Оби, нежели въ Иртышѣ. Осетровъ же и стерлядей, напротивъ, больше въ Иртышѣ, нежели въ средней Оби. Нельма поднимается въ одинаковомъ обиліи по обѣимъ рѣкамъ. Подъемъ рыбы вверхъ по рѣкамъ начинается какъ только воды начинаютъ сбывать, и продолжается до поздней осени. На слѣдующую весну она снова спускается внизъ не задолго до вскрытія или и во время самаго вскрытія рѣкъ. И тутъ Остяки проводятъ сѣти подъ ледъ для ловли осетра и стерлядей; вообще же они мало занимаются ловомъ ихъ.

Послѣ этихъ бѣглыхъ замѣчаній о рѣкѣ, скажу нѣсколько словъ и

объ Остякахъ, древнѣйшихъ обитателяхъ береговъ ея. Окруженные со всѣхъ сторонъ Русскими и Татарами, они утратили, кромѣ языка, все особенное и національное. Татарское вліяніе не такъ значительно; но за то русское оказывается всею: въ религіи, въ нравахъ, обычаяхъ, и въ чувствованіи и въ мысленіи. И если, несмотря на то, все-таки не трудно отличить русское отъ остяцкаго, то это только по различію степеней образованности обоихъ народовъ. Остякъ срубаетъ себѣ избу или юрту точно такъ же, какъ Русскій; но она, естественно, у него и тѣснѣе и хуже во всѣхъ отношеніяхъ (¹): полна грязи и всякихъ насѣкомыхъ. По Иртышу Остяки, по примѣру Русскихъ, начали заниматься скотоводствомъ; но въ Цингалинскѣ, больше лошадей, нежели коровъ. Слышалъ я, что южнѣйшіе изъ живущихъ по Иртышу Остяковъ начали заниматься и земледѣліемъ; но сѣвернѣйшіе не слѣдуютъ въ этомъ отношеніи примѣру Русскихъ, между которыми оно распространено до Реполы. Извозничество, теперь главный промыселъ Остяковъ въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ, замѣтено ими также отъ Русскихъ. Но древнѣйшій и до сихъ поръ едва ли не главный промыселъ ихъ, которымъ они занимались еще до прихода Русскихъ, есть рыболовство. На это указываютъ отчасти и остяцкія названія разныхъ рыболовныхъ орудій, напр: *chodèp*—сѣть, *jadam*—неводъ (по татар. *ilim*), *sájep*—родъ верши, *pin*—плетенка; *pos*—малая плетенка, *wag*—защуда и проч.; равно какъ и дознанный фактъ, что уже во время завоеванія они имѣли постоянныя жилища и даже нѣсколько укрѣпленій по берегамъ Иртыша. Чтò же, какъ не рыбная ловля, могло переманить ихъ съ тундры къ рѣкѣ, отъ кочующей къ осѣдой жизни (²)? Но и въ этомъ промыслѣ Русскіе далеко опередили Остяковъ. Хотя на основаніи *ius prius occupantis* послѣдніе и владѣютъ почти всею землею и водою по нижнему Иртышу, а Русскіе живутъ здѣсь большею частью, какъ мызники, они занимаются рыболовствомъ только въ небольшихъ озерахъ, заводяхъ и рукавахъ, лучшія же угодья, и именно вышеупомянутые *пески*, отдають въ наемъ Русскимъ. Причиной этого почитаютъ всеобщую бѣдность, которая не позволяетъ Остякамъ обзавестись большими неводами, необходимыми для рыбной ловли въ самой рѣкѣ. Но настоящая причина

1) Хотя Остяки и не отличаются тѣмъ, что строятъ собственно для себя—они славятъ однакожъ отличными плотниками и поселенцы весьма дорожатъ имъ.

2) Я слышалъ отъ Русскихъ поселенцевъ, что до прихода ихъ Остяки не знали сѣтей и многихъ другихъ нынѣ употребляющихся рыболовныхъ снарядовъ, что во время разлива они заружали небольшія рѣчки, рукава и бухты особаго рода плотинами (*wag*), и когда вода сбывала ловили спускающуюся внизъ рыбу плетенками (*pos*). Почти тоже рассказываютъ и о рыболовствѣ Самоѣдовъ по обѣимъ сторонамъ Урала. Но туземцы не соглашаются съ этимъ, и Остяки увѣряютъ, что они издавна умѣли дѣлать изъ крапивы разные рыболовные снаряды.

заключается въ лѣности, небрежности и недостаткѣ согласія. Не трудно было бы жителямъ цѣлой деревни сложиться, купить большой неводъ и съобща самимъ ловить рыбу на пескахъ, вмѣсто того, чтобы отдавать первому проходивцу лучшій источникъ пропитанія, за ничтожные 50 рублей, раздѣляемая на всю деревню. — Точно такъ же и звѣроловство, бывшее прежде, вмѣстѣ съ рыболовствомъ, главнымъ промысломъ Остяковъ, теперь весьма незначительно. Всѣ дорогіе звѣри перевелись, частію вслѣдствіе беспорядочной ловли, частію же, какъ говорятъ Остяки, потому, что въ послѣднія времена лѣса вездѣ выгорѣли. Соболѣи, лисицы, и песцы (*Canis Lagopus*), нѣкогда составлявшіе богатство страны, теперь уже рѣдкость. Чаше попадаются медвѣди, лоси и сѣверные олени, но и за ними не слишкомъ охотятся, по крайней мѣрѣ Остяки. Вообще трудно сказать, чѣмъ эти люди занимаются серьезно и ревностно, за исключеніемъ ѣды, сна и ѣданья, въ чемъ ихъ превзойдутъ развѣ одни Самоѣды, нѣсколько еще оправдываемые въ этомъ отношеніи далеко низшей степенью образованности (1). Остякъ по большей части живетъ день за день, а потому и день и жизненная потребность обозначаются у него однимъ словомъ *chát*. Добылъ онъ нѣсколько больше необходимаго на день, въ слѣдующій онъ уже лежитъ себѣ, или отправляется въ ближній кабакъ. Но эта грубая, праздная и безпечная жизнь не можетъ долѣе продолжаться. Еще Теокритъ пѣлъ, что бѣдность учитъ искусствамъ; такъ и Остяки, по настоящему экономическому положенію своему, противъ воли должны будутъ улучшить бытъ свой.

Чтобы сообщить еще нѣкоторыя подробности о внѣшнемъ и внутреннемъ бытѣ Остяковъ, отправимся въ одну изъ остяцкихъ юртъ. Въ нее ведетъ сквернѣйшее крыльцо и дверь такая низкая, что, не остерегшись, я ударился лбомъ о верхнюю балку. Оглушенный этимъ ударомъ, я забылъ крестнымъ знаменіемъ оказать должное уваженіе къ ряду образовъ, стоящихъ въ переднемъ углу. Эта забывчивость и не совсѣмъ обыкновенное мое появленіе, такъ перепугали полунагихъ дикарей, что они тотчасъ же бросились на дворъ и за печку. Тѣмъ лучше намъ осмотрѣть юрту. Первое, что бросается здѣсь въ глаза—это особенный подозрительный сѣрый цвѣтъ скамей, столовъ, стѣнъ и пола. Тотъ же цвѣтъ—единственная роспись и всей домашней посуды и утвари: блюды, чашечки, пожей, наполненной сѣвовой водою кружки и берестяной кошолки. Полъ кривъ и косъ, и мѣстами опустился; стѣны растрескались и всѣ въ щеляхъ.

1) Надо замѣтить, что Остякъ, принявшись однажды за какую-нибудь работу, трудится уже изъ всѣхъ силъ, съ необыкновеннымъ упорствомъ и выдержкой. Но разшевелить его можетъ одна только нужда.—

наполненных тысячами наѣжкомыхъ, наведшихъ Лютера на мысль: какого-то вида они будутъ на небѣ. Кругомъ по стѣнамъ идетъ скамья. Стульевъ и кроватей нѣтъ; послѣднія замѣняются широкимъ помостомъ, заканчивающимъ оба конца скамьи. Печь обыкновенной русской кладки и съ трубою, но не примыкаетъ къ стѣнѣ, а соединяется съ нею посредствомъ другой низенькой печки, употребляемой днемъ для приготовления кушанья. Въ верхней части ея находится отверстие, въ которомъ почти всегда видишь котель, наполненный ухой, похлебкой, молошной кашей или другимъ какимъ либо кушаньемъ. Окно четыре: по два въ двухъ стѣнахъ, образующихъ уголъ, въ которомъ стоять образа; каждое окно шести-стекольное, но стеколъ только два: остальные замѣнены сосновыми дощечками, корою, пузыряремъ, бумагой и другими непрозрачными вещами. Пропеходящая отъ этого темнота мѣшаетъ подробнѣшему осмотру. Да и хозяинъ, узнавшій отъ ящика, что я не людоѣдъ, является привѣтствовать высокоблагороднаго гостя своего. Это дѣлается здѣсь обыкновеннымъ образомъ, безъ колѣнопреклоненія и цѣлованія рукъ, обычныхъ въ Обдорскѣ. Интересенъ однакожь взглядъ, которымъ Остякъ окидываетъ меня въ началѣ. Это взглядъ охотника, надѣющагося на добычу и въ то же время опасющагося какъ бы самому не сдѣлаться жертвою. Въ этомъ взглядѣ выражается желаніе слабаго существа обезопасить себя и, если возможно, овладѣть своимъ противникомъ. Это проявляется впрочемъ и во всемъ обращеніи Остяка. Все въ немъ хитрость и обманъ, притворное смиреніе и покорность. Онъ безпрестанно толкуетъ о Богѣ и великомъ государѣ, расхваливаетъ избранныхъ царемъ и Господомъ, жалуется на свою бѣдность и на убытки, которые терпитъ отъ поселенцевъ. Но лишь только разговоръ коснется предметовъ кажущихся Остяку подозрительными, онъ тотчасъ же прикидывается глухимъ, безтолковымъ, жалкимъ, увѣряетъ, что ничего не знаетъ, и то и дѣло напоминаетъ свои остяцкія привилегіи. Впрочемъ нѣкоторая степенность скрытности дѣйствительно есть въ характерѣ Остяка; все же остальное: мелочная хитрость; крайнее смиреніе и жалкій видъ—маска, надѣваемая при случаѣ и вскорѣ сбрасываемая, и тутъ, Остякъ становится простымъ, прямымъ, честнымъ сыномъ природы, немного только угрюмымъ, грубымъ и упрямымъ. Этой шероховатости характера соответствуетъ и вышность: выдающіяся скулы, значительно углубленные глаза, широкія плечи, коренастый, неуклюжій станъ, черные, стоячіе волосы и т. д. Несмотря однакожь на все это, увѣряютъ, что никто не превзойдетъ бѣднаго Остяка въ доброжелательствѣ, услужливости и другихъ качествахъ добраго сердца. И самая грубость, неворотливость и неуклюжесть смягчаются нѣкоторымъ образомъ, принадлежащимъ всему финскому племени добродушнымъ юморомъ, который Русскіе называютъ

востротою, сознавая, что по этой части они должны уступить Остякамъ и Самоѣдамъ.

Но и совѣтъ забыть, что мы еще въ юртѣ и что я не познакомилъ еще васъ съ хозяйкой. Она уже оправилась отъ испуга и спокойно сидитъ за ткацкимъ станомъ. Конечно она не разсердится, если мы подойдемъ къ ней поближе и похвалимъ ее прекрасное тканье. Въ самомъ дѣлѣ оно заслуживаетъ похвалы, не только по плотности, но и по самому матеріалу. Это не конопля и не ленъ, а растеніе, гораздо болѣе распространенное—крапива, по остяцки *puđen* (¹). Остяцкая хозяйка умѣетъ выработывать изъ нее рубашки, которыя прочтѣе обыкновенныхъ русскихихъ и не уступаютъ имъ въ тонинѣ, бѣлизнѣ и чистотѣ. Такая точно рубашка и на нашей хозяйкѣ, и притомъ ея *plus ultra* щегольства. Рукава, грудная и спинная части и всѣ края ея изукрашены изящѣйшимъ шитьемъ. И кто бы могъ подумать, что и это богатство красокъ, которымъ блеститъ шитье—ея собственное произведеніе? Она сама выпряла пряжу, сама выкрасила ее, сама приготовила изъ кореньевъ красную и зеленую краску, и наконецъ сама же вывела, въ досужіе часы, эти великолѣпные азятскіе узоры. Стекланнныя бусы на воротникѣ и отворотахъ конечно куплены, но она сама нанизала и расположила ихъ такъ красиво. Кромѣ прекрасной рубашки она можетъ показать намъ еще красивый праздничный нарядъ, тоже ея собственной работы. Нарядъ этотъ состоитъ изъ тонкаго, съ переди открытаго, суконнаго полукафтаныя, окаймленнаго бусами и блестящими оловянными украшеніями. На праздничныхъ рукавицахъ и башмакахъ ея также нашиты бусы; почти изъ однихъ блестящихъ бусъ и ожирелье. Все это свидѣтельствуетъ о трудолюбіи, искусствѣ и тонкомъ вкусѣ нашей хозяйки. Жаль только, что въ ежедневной своей жизни она нисколько не думаетъ о чистотѣ и опрятности. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, виноваты мужья. Они обременяютъ бѣдныхъ женъ всякаго рода тяжелою работою, притупляющею ихъ способности и не дающею времени для присмотра зз хозяйствомъ. Остяки до сихъ поръ обращаются съ женами какъ съ рабынями. Меня самого нѣсколько разъ пробуждали крики жены, вырываемыя побоями мужа; съ годъ тому назадъ въ Цингалинскихъ юртахъ производилось даже формальное сѣдствіе о томъ, что одинъ Остякъ, буквально, заѣлъ свою жену до смерти. Но еще постыднѣе и унизительнѣе для женщины позорная торговля Остяковъ дочерьми. Дѣвушка, пока она въ родительскомъ домѣ, лелѣется. О ней заботятся, хлопочуть—для чего? Для того, чтобъ сдѣлать ее хорошей женой, хорошей хозяйкой? Нисколько. Къ чести человѣчества можно

(1) Какъ сказано выше, Остяки нѣкогда дѣлали изъ крапивы и свои сѣти. Теперь у нихъ въ бо́льшемъ употребленіи конопля, которая противостоитъ сырости лучше крапивы.

пожалуй, допустить, что тутъ иногда дѣйствуетъ безсознательно и родительская любовь; но справедливость требуетъ все-таки сказать, что при воспитаніи дочерей Остякъ имѣеть въ виду выгоду точно такъ же, какъ и при выкармливаніи лисицъ. Выкормилъ хорошо—хорошо и заплатятъ. Хорошій товаръ никогда не залеживается, и дочерей продаютъ въ жены болѣе-дающему. Вотъ обыкновенная плата за жену на Иртышѣ: (1)

1. Отъ двухъ до трехъ сотъ рублей деньгами.

2. Одна лошадь, одинъ быкъ и одна корова.

3. Отъ 7 до 10 различныхъ платьевъ.

4. Пудъ муки, ведро водки и нѣсколько хмѣлю для свадебной пирушки.

Приданое, получаемое женщиною изъ родительскаго дома, заключается только въ нѣсколькихъ платяхъ, и къ этому иногда прибавляется лошадь и корова. Понятно, что не всякій въ состояніи заплатить за невесту требуемую сумму (по татар. *калымъ*, по остяц. *танъ*), и по этому часто случается, что молодой парень, вкравшись въ сердце дѣвушки, крадетъ и ее самое, и обвиняется въ ближайшей церкви. Между живущими по Иртышу Остяками это обыкновенный способъ отдѣлываться отъ платы за невесту.—Вотъ и наша хозяйка, красавя, признается, что и она была похищена или, вѣрнѣе, что «отъ любви убѣжала съ отца съ матери». Но пощадимъ ея стыдливость, и обратимся съ разспросами къ дѣдушкѣ, сидящему въ углу, у печки. Богатый лѣтами и опытомъ, онъ можетъ разказать намъ что-нибудь о давнемъ. Онъ знаетъ, что нѣкогда, еще до прихода Русскихъ, Остяковъ и Татаръ, по Иртышу всея этой страной владѣла Чудь. Удивительный силой и мощью, нравами и обычаями, жизнью и характеромъ, народъ этотъ избралъ мѣстомъ жительства высочайшіе мысы и горныя вершинны по Иртышу. И жили они не вмѣстѣ, а каждый особо. Они окончались высокими валами, обрылись глубокими рвами, изъ коихъ многіе еще и теперь видны. Эти работы были имъ ни почемъ, потому что они были такъ сильны, что перебрасывали другъ другу разныя орудія черезъ рѣку. Не зная христіанства, не зная никакого закона, ни гражданскаго порядка, они обладали однакожъ многими искусствами, неизвѣстными людямъ нынѣшняго вѣка. Ими они пріобрѣли себѣ все богатства міра, и жили безъ труда и заботъ. Все, что они дѣлали—дѣлали играя и только для собственнаго удовольствія. Пекуныя кузнецы, они выковывали изъ золота, мѣди и желѣза прекрасныя вещи и украшенія, которыя и теперь часто находятъ на мѣстахъ ихъ прежнихъ жилищъ. Все свои сокровища и драгоценности они закопали въ землю, когда свѣтъ христіанства ослѣпилъ ихъ, и побѣдоносное оружіе Ермака

(1) По Оби плата эта, говорятъ, значительно больше.

принудило их оставить свои жилища и бѣжать въ страны неизвѣстныя. И много еще другаго знаетъ старикъ про гигантовъ Сѣвера, но мы не приводимъ дальнѣйшихъ разсказовъ его, потому что они большею частію вертятся около извѣстныхъ событій изъ временъ завоеванія Сибири и явно относятся къ Татарамъ и язычникамъ—Остякамъ. Такъ многіе Чудскіе городки, встрѣчающіеся на берегахъ Иртыша, даже и по историческимъ свидѣтельствамъ — древніе остяцкіе и татарскіе окопы. Два изъ нихъ упоминаются въ древней Русской гидрографіи, подъ названіями: *градъ Рязани* и *градъ Уки*; первый, именуемый Татарами *Аримзанъ* (Русскими—Аримзанская), находится въ 8 верстахъ ниже Бронниковой; второй въ 80 (по гидрографіи въ 20) верстахъ ниже Аримзана. Кромѣ того преданіе говоритъ о столькихъ Чудскихъ городкахъ, сколько по Иртышу высокихъ мысовъ (см. выше). Естественно, что тутъ самая уже высота составляла укрѣпленіе; но такъ какъ въ языкѣ различается обыкновенное возвышеніе—*unt*, отъ крѣпости—*wäs'* или *wads* (Зырян. *vodzj*, финс. *vasta* т. е. нѣчто *предпоставленное* или *противопоставленное*), такъ и преданіе, вмѣстѣ съ видимыми доселѣ валами и рвами, доказываетъ, что тутъ кое-что и дѣло рукъ человѣческихъ.

Нашъ съдой старикъ могъ бы конечно объяснить намъ и не одну руну о древней мудрости и вѣрѣ; но онъ очевидно боится говорить объ этомъ. Кажется въ тайнѣ онъ поклоняется еще богамъ отцовъ своихъ. Русскіе поселенцы увѣрили меня, что Остяки, живущіе по Иртышу, еще молятся и приносятъ жертвы по старому, и въ глубинѣ лѣсовъ поклоняются древнимъ идоламъ своимъ. Я же знаю навѣрное, что, подобно многимъ другимъ финскимъ народамъ, они питаютъ священное уваженіе къ медвѣдю, и величаютъ его «прекраснымъ звѣремъ», «косматымъ дѣдушкой», и т. д. Въ моемъ чемоданѣ хранится мѣдный медвѣдь, бывшій нѣкогда у Остяковъ великимъ, чудодѣйственнымъ богомъ. Еще и до нынѣ у Остяковъ, живущихъ по Иртышу, сохраняется обычай чествовать пришествіемъ всякаго убитаго медвѣдя; тутъ они поютъ, пляшутъ, пьютъ пиво и совершаютъ разные обряды, которые нѣкогда были въ употребленіи и у Финновъ и у Лопарей. Но полнѣйшія подробности о прежнихъ религіозныхъ понятіяхъ Остяковъ я сообщу при описаніи обдорскихъ Остяковъ (см.—выше),—теперь же нѣкогда, потому что почта пришла; надо отправляться далѣе.

ПИСЬМА.

КЪ АССЕССОРУ РАББЕ.

Самарова 24 іюня (6 іюля) 1845.

Когда солище печетъ, комары кусаютъ, голова болитъ, а кожа обливается по́томъ, что́ остается человѣку дѣлать, какъ не забратся въ балаганъ лодки и тутъ, предавшись сладкой дремотѣ, предоставить рѣкѣ нести себя, куда Богу угодно? Я сидѣлъ и работалъ почти четыре недѣли въ жалчайшей остояцкой юртѣ у Иртыша, гдѣ меня за-живо почти съѣли комары, клопы и блохи и, сверхъ того, одолѣвало еще другое вшивое общество, состоявшее изъ польскихъ и нѣмецкихъ ссыльныхъ и именно изъ старыхъ спившихся бабъ. Все это терзало и мучило меня страшно, наконецъ, выведенный окончательно изъ терпѣнія, я велѣлъ перенести свои пожитки на небольшую лодку, страхнулъ съ себя всѣхъ этихъ гадовъ и уѣхалъ. Такимъ образомъ я очутился въ Самаровой, большой русской деревнѣ при слияніи Оби и Иртыша, во 180 верстахъ къ сѣверу отъ прежняго моего мѣстопробыванія, Цингалинска или Цингалы. Въ Самаровой я могъ бы остаться на долго и жить хорошо, но меня разобрала охота съѣздить на ярмарку. На ярмарку ѣдитъ все, чтобъ повеселиться—почему жъ и мнѣ не поѣхать? Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ на сомоѣдской ярмаркѣ; побуждаемый желаніемъ подновить сглаживающееся воспоминаніе, не взирая на двѣ ночи, проведенныя безъ сна, я продолжаю, даже не отдохнувши, мое путешествіе до Силярка, гдѣ только что начинается большая остояцкая и сомоѣдская ярмарка. Въ Самарову я заѣхалъ только для того, чтобы записать хлѣбомъ и написать отвѣтъ на два письма твои, невыразимо обрадовавшія меня въ этой пустынь. Первое изъ нихъ я получилъ еще 20 іюня въ Цингалинскѣ вмѣстѣ съ письмомъ отъ Виллебранда; послѣднее, съ черною каемкою, вручилъ мнѣ почталіонъ въ самую минуту моего отъѣзда изъ Цингалинска, 4 іюля. Оно, если я не ошибаюсь, отъ 10 іюня и, слѣдовательно, пролетѣло 4000 верстъ менѣе, чѣмъ въ четыре недѣли. Печальныя вѣсти не замедляютъ. Смерть старика сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ ничего важнаго и скорбе можетъ быть названа утѣшительнымъ явленіемъ; но съ этою смертью сопряжены такія обстоятельства, которыя потревожили мой сладкій сонъ подъ балаганомъ (*).

(*) Письмо это содержало въ себѣ извѣстіе о смерти Матіаса Кастрена, пробета въ Кеми, дяди и благодѣтеля Александра Кастрена. Онъ умеръ 80-ти лѣтъ отъ роду.

Планы мои на будущее время слѣдующіе: теперь я ѣду въ Сиярское, во 125 верстахъ отъ Самаровой, чтобы повидать тамъ Самоѣдовъ и собрать отъ нихъ свѣдѣнія, отъ которыхъ будетъ зависеть мое путешествіе осенью и зимою. Изъ Сиярской я сворочу въ сторону (отъ Оби), въ небольшую деревушку, гдѣ, какъ говорятъ, кромѣ Остяковъ, есть и казымскіе Самоѣды. Въ этой деревушкѣ я намѣренъ прожить до послѣднихъ чиселъ августа и потомъ направить свой путь въ сургутскую сторону. Въ самый Сургутъ, по всей вѣроятности, я попаду не ранѣе сентябрю, если только извѣстія, полученные въ Сиярской, не заставятъ меня перемѣнить этотъ планъ. Кланяйся моимъ друзьямъ отъ твоего безтолковаго брата и странника по Біарманландіи.

ПУТЕВЫЙ ОТЧЕТЪ.

Сургутъ, 1 Сентября (13) 1843 года.

Оставивъ Цивгалинскія юрты при Иртышѣ, я намѣревался безъ остановки продолжать путешествіе до Сиярской, небольшой русской деревни на верхней Оби, гдѣ въ день Петра и Павла бываетъ большая ярмарка, на которую съѣзжается много Остяковъ и Самоѣдовъ. Но въ Самаровой мое рвеніе было нѣсколько охлаждено. Мнѣ сказали, что Господь Богъ наказалъ тамошнихъ жителей большимъ потопомъ, что они оставили свои жилища по Оби и по ея притокамъ и ушли въ отдаленные лѣса, что имъ уже не до ярмарки и они думаютъ только какъ бы не умереть съ голоду. Говорили, что и самая деревня, въ которой бываетъ ярмарка, вмѣстѣ съ кабаками и трактирами, залита весеннею водою; наконецъ, что какъ звѣриная, такъ и рыбная ловля нынѣшнею весною были очень неудачны, и потому нечего привозить на ярмарку. Вѣдѣствіе всего этого позагали, что въ нынѣшній годъ едва ли ярмарка и будетъ; но что, во всякомъ случаѣ, отыскиваемые мною Самоѣды на нее не пріѣдутъ. При этомъ, какъ бы въ вознагражденіе, мнѣ сообщили, что въ деревнѣ Топорковой или Скрипунновой, нѣсколько въ сторонѣ отъ проезжей дороги изъ Самаровой въ Сиярское, есть одинъ работникъ Самоѣдъ. Поэтому я рѣшилъ завернуть въ Топоркову, а тамъ, можетъ-быть, пробраться все-таки и въ Сиярское. Рѣкою отъ Самаровой въ Топоркову около 70 верстъ, и я проплылъ ихъ въ одну бурную ночь. По пріѣздѣ въ Топоркову, мнѣ сначала сказали, что никакого Самоѣда у нихъ нѣтъ; но формальные розыски старосты

открыли наконецъ черноволосаго карлика, самоѣдство котораго однакожь оспоривали, и по преимуществу тѣмъ, что онъ носилъ русскую рубашку, и принялъ русское имя. Несмотря на то, для меня онъ былъ Самоѣдъ, и не по однимъ чернымъ волосамъ, а и потому что и отецъ и мать его были Самоѣды и самоѣдскій языкъ онъ почиталъ своимъ роднымъ языкомъ. Отыскавъ этого, я началъ, разумѣется, развѣдывать—нѣтъ ли гдѣ, по близости, еще и кромѣ его, точно такъ, какъ ботаникъ, найдя одно рѣдкое растеніе, начинаетъ искать вокругъ другихъ его экземпляровъ. И дѣйствительно, при помощи старосты, я открылъ въ этой деревнѣ, одного за другимъ, еще шесть Самоѣдовъ. Сначала я былъ увѣренъ, что это какіе-нибудь проходимцы, которыхъ неудачи на тундрѣ заставили попытать счастья между Русскими; но коково же было мое изумленіе, когда я узналъ, что они съ незапамятныхъ временъ живутъ на Оби и составляютъ особое, отдѣльное племя. Племя это, называемое *Iewshi* (*Iewschi*), по ихъ словамъ, было нѣкогда довольно многочисленно, но постепенно, вельдѣствіе близкаго соседства Остяковъ и Русскихъ, уменьшилось до восьми семействъ, которыя кочуютъ по берегамъ *Chantsche-jaha*, *Nistjei* и другихъ небольшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Обь съ южной стороны, не-вдалекѣ отъ Топорковой. Обрадованный такимъ открытіемъ, я оставилъ отдѣльныя лица и началъ поиски за дѣльми племенами. Хотя, по обыкновенной сибирекой скрытности и осторожности, отъ меня и таили многое, мало по малу я разузналъ однакожь, что еще два нѣсколько большія племена кочуютъ по Лямину Сорю и по верхнему Назыму, двумя рѣкамъ, впадающимъ въ обьской рукавъ съ сѣвера. Всѣ эти племена, какъ мнѣ сказывали, совершенно сходны съ сѣверными соседями своими, Казымскими Самоѣдами, по языку, религіи, правамъ и образу жизни. Существованіе этихъ племенъ не можетъ не интересоватъ историка и этнографа, потому что они могутъ выполнить промежутокъ, раздѣляющій Самоѣдовъ, кочующихъ по Ледовитому морю отъ южныхъ—Алтайскихъ. Самоѣды, о которыхъ теперь идетъ рѣчь и къ которымъ можно причислить и *Аганскихъ* (см. ниже), образуютъ, можетъ быть, переходное звено отъ Тымскихъ или всѣхъ Нарымскихъ Самоѣдовъ на югъ къ Казымскимъ на сѣверѣ. Къ нимъ послѣднимъ они и сами причисляютъ себя, потому что приходятъ платить подать на рѣку Казымъ, въ древній полуразвалившійся Юильскій городокъ. Племена эти важны и для филолога, ибо они говорятъ нарѣчіемъ, которое представляетъ много данныхъ для опредѣленія сродства самоѣдскаго языка съ финскимъ. Но я скоро возвращусь къ этому предмету, а теперь буду продолжать отчетъ о дальнѣйшемъ моемъ путешествіи.

Въ Топорковой меня также увѣрили, что на Силарекую ярмарку, если даже она и будетъ, соберется очень не много народа, и потому я рѣ-

шился окончательно не ъхать туда. Этому рѣшенію содѣйствовала отчасти и страшная непогода съ грозой и градомъ. Градины или скорѣе ледяныя ядра, имѣвшія до двухъ дюймовъ въ поперечникѣ, перебили почти все стекло въ деревнѣ, къ великому горю хозяевъ, потому что новыхъ стеколъ достать было не откуда. Между тѣмъ какъ хозяйка моя плачемъ, крикомъ и жалобами выражала свое горе, я спокойно сидѣлъ въ безстекляной избѣ, радуясь, что надъ мной покрайней мѣрѣ кровля, весьма въ таковыхъ случаяхъ благодатная. На первый разъ я пробылъ впрочемъ не долго въ Топорковой, отправился вскорѣ въ негальную Чебакову, къ живущимъ здѣсь Остякамъ. Я поѣхалъ сюда собственно для разузнанія отношенія остяцкаго нарѣчія на Иртышѣ къ тому, которымъ они говорятъ на верхней Оби. Оказалось, что въ Чебаковой языкъ ихъ не потерялъ еще никакихъ существенныхъ измѣненій, и я пробылъ здѣсь нѣсколько недѣль, продолжая изученіе его, начатое еще на Иртышѣ. Возвратившись за тѣмъ въ Топоркову, я уже исключительно занялся самоѣдскимъ, и когда ознакомился, на сколько было нужно, съ господствующимъ въ этихъ мѣстахъ самоѣдскимъ нарѣчіемъ, отправился въ Сиярское, и оттуда еще за десять верстъ къ Бальнскимъ юртамъ, находящимся уже въ Сургутскомъ округѣ, Тобольской губерніи. Въ этихъ юртахъ я нашелъ опять двухъ Самоѣдовъ племени *Ничу* (Nitschu), съ Лямина Сора, и началъ съ ними новый курсъ самоѣдскаго языка, который, по случайнымъ причинамъ, кончился однакожь скорѣе, чѣмъ бы мнѣ хотѣлось.

На основаніи, какъ прежняго, такъ и теперешняго моего изученія этого языка, я еще болѣе убѣдился въ сродствѣ его съ финскимъ или, еще вѣрнѣе, съ финскими языками. И какой же прольется свѣтъ, отъ одного уже окончательнаго доказанія этого, на старину Финновъ, на ихъ далекія связи и всемірное значеніе. До послѣднихъ временъ на все финское племя не обращали почти никакого вниманія. Не зная древнѣйшихъ судебъ его, разбросанныя вѣтви его почитали бесполезными побѣгами родоваго древа человечества, которые историкъ преспокойно обрубалъ, предавая забвенію и гибели. Если въ послѣднее время возрѣнія на это племя начали измѣняться, то этимъ мы по преимуществу обязаны Петербургской академіи наукъ. Ученныя экспедиціи, посылаемая ею для обработки этнографіи, статистики и естественной исторіи Россіи, обнаруживали мало по малу связь, существующую между живущими въ Россіи народами финскаго происхожденія. И такъ какъ оказалось, что вѣтви финскаго племени съ древнѣйшихъ временъ сосредоточились около Уральскихъ горъ, то и начали обозначать все племя названіемъ *Уральскаго* и придавать ему не малое значеніе во всемірной исторіи. Исторіографъ финскаго племени, Ф. Г. Миллеръ, говорить, что «къ этому племени принадлежатъ многіе народы,

прославившіеся военными подвигами и торговою дѣятельностію», п что «именно финскіе народы дали сильнѣйшій толчокъ тѣмъ передвиженіямъ народовъ, которыя въ Европѣ извѣстны подъ названіемъ великаго переселенія народовъ». (Müller, der Ugrische Volksstamm Th. 1, S. 5.). Къ этому слѣдуетъ еще присовокупить доказанное вліаніе финскаго племени на древнѣйшее образованіе Сѣвера. Такимъ признаніемъ единства и всемірно-историческаго значенія этого племени изслѣдованіе дошло, конечно, до весьма важнаго результата; но оно не можетъ, однакожь, остановиться на этомъ. Кто жъ не пойметъ, что племя, перенесенное на пустынные скалы Урала, еслибъ оно никогда и не было такъ сосредоточено въ самомъ себѣ, все-таки разобщено отъ всего остальнаго человѣчества. Исторія не знаетъ никакого другаго племени, которое бы сошло съ Уральскаго хребта, и предположеніе Финновъ разобщенной народной группой совершенно несогласимо съ результатами, которые, въ послѣднее время, сравнительное языковѣднѣе добыло въ отношеніи еродства народовъ. Изслѣдованіе никакимъ образомъ не можетъ удовлетвориться до тѣхъ поръ, пока не отыщется связи, соединяющей финское племя съ какою-нибудь, бѣльшею пли меньшею частью остальнаго человѣчества; а что таковая связь дѣйствительно есть и притомъ въ такой степени, какой доселѣ не допускали еще и самыя смѣлыя предположенія, въ этомъ я убѣжденъ вполне. Чрезъ еродство съ Самоѣдами Финны неоспоримо связуются съ Алтайскими народами. Что Самоѣды вышли съ Алтая—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому что такъ много вѣтвей этого племени отбрыто и частію откроется еще близъ этого горнаго хребта. А такъ какъ Финны еродственны съ Самоѣдами, то естественно должны имѣть и одну съ ними прародину. Прослѣдимъ внимательно протяженіе финскаго племени—увидимъ, какъ я уже и сказалъ въ другомъ мѣстѣ, что оно распространено, съ незначительными перерывами, отъ береговъ Ботническаго залива почти до подошвы Алтая. Итакъ что бы ни говорили о разобщенности и безсвязности этого племени, все-таки нельзя не взять во вниманіе важную въ историческомъ отношеніи связь, проявляющуюся въ томъ, что оно, такъ сказать, не замыкало пути, которымъ начало свое переселеніе.

Къ сейчасъ приведеннымъ доказательствамъ выхода Финновъ съ Алтая, присовокупляется еще ихъ неоспоримое еродство съ Татарами или правильнѣе съ Тюрками, которые и доселѣ составляютъ одинъ изъ главныхъ народовъ Алтая и, по мнѣнію Клапрота, исконные обитатели его. О еродствѣ между Тюрками и Финнами заговорилъ, сколько мнѣ извѣстно, первый—знаменитый филологъ Раскъ, основываясь на нѣкоторыхъ филологическихъ данныхъ. За тѣмъ и Гельзингфорскій профессоръ Гейтлингъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя, въ грамматическомъ отношеніи чрез-

вычайно важныя сходства обонхъ языковъ. Эти доbazательства я хотѣлъ подкрѣпить нѣкоторыми новыми, но оставляю ихъ до другаго случая, изъ опасенія зайти слишкомъ далеко. По той же причинѣ я не привожу и основаній, на которыхъ можно признать сродство и 1) между Татарами и Монголами, 2) и между Монголами, Манджурами и Тунгузами, которые всѣ принадлежать Алтайскому хребту. Достаточно уже и намека на сродство Финновъ съ Самоѣдами, потому что отсюда само уже собою слѣдуетъ, что Финны въ такомъ случаѣ соприкасаются со всѣми Алтайскими народами и въ ихъ исторіи находятъ опору и исходную точку собственной исторіи.

Но я такъ уклонился отъ путешествія и отъ настоящей цѣли его, что теперь необходимо бросить взглядъ назадъ на пространства, которыя я оставилъ за собою. Выѣхавъ въ началѣ іюля изъ Самаровой, я цѣлый мѣсяцъ разѣжалъ въ различныхъ направленіяхъ по Оби до Силарскаго. Вся эта страна были наводнена въ это время весеннимъ разливомъ; на широкой, безбрежной водной поверхности глазу не представлялось ничего кромѣ полузатопленныхъ деревень, да небольшихъ острововъ. Повсюду царилъ бѣда и горе. Вслѣдствіе необыкновенно сильнаго разлива, многія остаткія семейства должны были оставить жилища и бѣжать въ лѣса, гдѣ приходилось питаться только тощими зайцами. Тѣмъ, у кого были лошади и коровы, стоило не малаго труда сохранить ихъ. Весенняя рыбная ловля вслѣдствіе была очень неудачна, а начать ловлю обыкновеннымъ лѣтнимъ способомъ т. е. пеходами, не было никакой возможности, потому что и къ концу іюля всѣ берега, способныя для этой ловли, находились еще подъ водою. Точно такъ же не была еще она и съ луговъ, и это лишало надежды заготовить на зиму сѣно, потому что близилась уже и осень съ своими ночными морозами и холодными сѣверными вѣтрами, естественно вредными для растительности, хотя и благотворными тѣмъ, что очищаютъ воздухъ отъ сырыхъ и удушливыхъ тумановъ, которые, тотчасъ по стеченіи воды, начали подыматься изъ болотистой, покрытой иломъ почвы. Туманы эти тяжелы для слабой груди; и на мою они начали дѣйствовать такъ дурно, что, пробывъ нѣсколько дней въ Балы, я принужденъ былъ покинуть это отвратительное гнѣздо, гдѣ, въ довершеніе всего, воздухъ заражался еще невыносимую вонью отъ гнилыхъ рыбныхъ внутренностей, жарившихся на солнцѣ.

Когда я оставилъ Балы, видъ Оби началъ нѣсколько измѣняться. До сихъ поръ во все время моего плаванія я не видалъ сухаго мѣста хоть на русскую версту длины, а теперь, на пути отъ Балы, постоянно видны были оба берега рѣки. Они очень низки и очевидно были залиты, потому что почва вездѣ была покрыта вязкимъ иломъ (няшею), сквозь который пробивалась, со-

вершено прямая осока. Лѣсъ по низкимъ берегамъ состоялъ большею частію изъ вида ивы, называемаго тальникомъ. Въ нѣкоторыхъ, немногихъ впрочемъ, мѣстахъ берегъ возвышался на столько, что не заливался даже и во время весенняго разлива. Но эти мѣста были песчансты и покрывались хвойнымъ лѣсомъ, верескомъ, черничникомъ, сибирскимъ боярышникомъ и различными мхами; впрочемъ настоящихъ возвышенностей по Оби до сихъ поръ я не видалъ еще. Между Сплярскимъ и Сургутомъ даже и пески были очень рѣдки. Берега состояли по большей части изъ такъ называемыхъ яровъ т. е. крутыхъ, глинистыхъ, почти вездѣ одинаково-высокихъ холмовъ, съ наклонившимися деревьями и вообще весьма мрачнаго вида. Повсюду природа проявляетъ здѣсь характеръ страшной дикости. Число жителей, въ отношеніи къ пространству, ничтожно. Къ тому жъ и эти, предпочитая рыбную и звѣриную ловли, совсѣмъ не занимаются земледѣіемъ, и дичь царить всюду. Человѣческія жилища зачастую окружены болотами и непроходимыми лѣсами. Каковы же должны быть остальные, совсѣмъ необитаемые пространства. Болота поперемѣляются некошеными лугами и безплодными, по большей части сгорѣвшими отъ жара, вересковыми полосами. Возлѣ каждаго свѣжаго, зеленеющаго дерева всегда увидишь другое, засохнувшее, готовое повалиться. Молодую траву глушитъ старая, придающая, уже въ іюлѣ, всѣмъ лугамъ сѣровато-пепельный цвѣтъ. Изъ живыхъ существъ рѣдко встрѣтишь что-нибудь кромѣ журавлей, дикихъ гусей и утокъ. Человѣческія жилища чрезвычайно рѣдки. Отъ Сплярскаго до Сургута, на протяженіи почти двухъ-сотъ веретъ, только три маленькія русскія деревни: Кушикова (Куническая), Тундривская (Майорская) и Пимогинская. Между Сплярскимъ и Кушиковой я видѣлъ кромѣ того нѣсколько остяцкихъ лѣтнихъ юртъ; но дальше на всемъ пути не было уже ни одной. Главное населеніе страны—Остяки, но изъ нихъ по самой Оби живутъ весьма не многіе. Большая часть Остяковъ, приписанныхъ къ нижней части Сургутскаго округа, живетъ всю зиму по малымъ притокамъ, впадающимъ здѣсь въ Обь: по Салыму, Балыку, Пымѣ, Юганѣ и др. Только въ лѣтніе мѣсяцы перебираются они на берега Оби, для рыболовства, которое здѣсь принадлежитъ почти исключительно только имъ. По недостатку въ большихъ рыболовныхъ снастяхъ, они ловятъ однакожь обыкновенно не въ самой рѣкѣ, а въ небольшихъ рукавахъ ея. Каждый имѣетъ тутъ свое, определенное давностью мѣсто, стрѣитъ себѣ на лѣто шалашъ изъ бересты, а нѣкоторые срубаютъ и избы. Эти избы не отличаются большимъ удобствомъ. Они чрезвычайно малы, зачастую безъ печи, безъ оконъ, безъ скамеекъ и стола—одни стѣны да полъ, покрытый камышевыми рогожами. Если есть окна, то стекла замѣняются пузыряремъ, а рѣдкая печь складывается

изъ глины съ сѣномъ или тростникомъ. Собственно это и не печь, а очагъ въ уровень съ поломъ и шапкообразной трубой, обмазанной сей-часъ упомянутымъ цементомъ, которымъ покрывается и весь печный уголь, для предохраненія его отъ огня. Кромѣ этого очага, при многихъ лѣтнихъ юртахъ я видѣлъ особенную печь, также складенную изъ тростника и глины, но стоящую на холмѣ, на открытомъ воздухѣ. Въ этой-то обыкновенно и готовятъ пищу, а потому въ передней части ея есть и отверстие для котла. Изъ пристроекъ къ такимъ юртамъ я замѣтилъ только небольшіе чуланы для рыбы.

Выше я сказалъ, что Остяки, приписанные къ нижней части сургутскаго округа, живутъ зимою преимущественно по притокамъ Оби: Салыму Балыку, Пыму и Югану—слѣдуетъ еще прибавить Тормъ-Юганъ, впадающій въ Обь немного выше Сургута. Есть, конечно, и такіе, которые и зиму и лѣто живутъ при своихъ маленькихъ рѣчкахъ, какъ напримѣръ Пымскіе и Тормъ-юганскіе; но изъ тѣхъ, которые лѣтомъ приходятъ ловить рыбу въ Оби, нѣтъ ни одного, который, съ наступленіемъ осени, не возвращался бы на свои зимовья. Это объясняютъ тѣмъ, что выше, въ дремучихъ лѣсахъ, болѣе звѣрей и всякой дичи. Но такъ какъ съ каждымъ годомъ звѣрь становится все рѣже, то и можно предположить, что Остяки вынуждены будутъ наконецъ совершенно основаться по Оби, которая, по обилію рыбы и прекрасныхъ луговъ, можетъ прокормить значительное населеніе. Остяки отчасти уже и понимаютъ выгоды переселенія на Обь, но ихъ останавливаютъ привязанность къ старымъ обычаямъ, боязнь Русскихъ, лѣность, и пуще всего паническій страхъ, внушаемый всякой цивилизаціей. Остякъ боится образованія и цивилизаціи отъ глубоко укоренившагося убѣжденія, что всякое со стороны пришедшее проевѣщеніе уничтожитъ его національность и сдѣлаетъ Русскимъ. У Самоѣда: «сдѣлаться Русскимъ» и «сдѣлаться христіаниномъ» два совершенно однозначущія выраженія. Хотя Остяки большею частію и крещены, но за тѣмъ они ничего уже не хотятъ знать о христіанствѣ, потому что, точно такъ же какъ и Самоѣды, увѣрены, что нельзя быть истиннымъ христіаниномъ, не сдѣлавшись Русскимъ. Можетъ быть причиною этого неловкій претупъ къ обращенію ихъ въ школахъ, устроенныхъ для нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ последнее время; какъ бы то ни было, вѣрно по крайней мѣрѣ то, что обьскіе Остяки, изъ опасенія утратить свою національность, не покидаютъ лѣсовъ и пустынь, недоступныхъ для иноземной цивилизаціи; потому что рѣки, ведущія къ ихъ жилищамъ, не способны ни къ какой правильной коммуникаціи, хотя Остяки и плаваютъ по нимъ въ челнокахъ своихъ.

Въ этнографическомъ отношеніи эти рѣки имѣютъ однакоже большее значеніе. По сообщенной мнѣ Г. Кешеномъ инструкціи, я долженъ былъ

пут. т. II.

собрать вѣрныя свѣдѣнія о Ляминь-Сорѣ, о которомъ такъ много спорили; но такъ какъ эта рѣка, хотя и мейѣ известна, ни въ какомъ однакожь отношеніи нисколько не важнѣе прочихъ маленькихъ рѣчекъ нижней части сургутскаго округа, то я и считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ вообще о всѣхъ этихъ притокахъ Оби.

1) Салымъ, по остатки Содомъ, въ верховьяхъ своихъ течетъ не далеко отъ Иртыша и впадаетъ съ юга въ салымскій рукавъ Оби, около 20 или 30 верстъ выше Сиярскаго. Объ этой рѣкѣ я получилъ отъ Остяковъ не многія и зачастую противорѣчащія одно другому свѣденія. По нимъ, Салымъ заливаецъ, подобно почти всѣмъ большимъ и малымъ рѣкамъ Сибири, огромныя пространства, лѣтомъ же такъ высыхаетъ, что по немъ могутъ ходить лишь небольшіе остацкіе челюки. О динѣ его нѣтъ возможности получить точныя свѣдѣнія, потому что едва ли същестся Остякъ, проѣхавшій по немъ отъ истоковъ до устья; ширина же въ нижнемъ его теченіи доходитъ до 20 и 25 сажень. Прибрежья его, какъ разсказываютъ, частію низменны и болотисты, частію—высокія обрывистыя пустоши, (*урманы*), поросшія соснами, елями, кедрами и лиственницею. Горъ нѣтъ и луговъ мало. Единственные жители—Остяки, изъ коихъ южнѣйшіе приписаны къ тарханской волости, по Иртышу, а сѣверные составляютъ свою особую волость, называемую салымскою. Птѣ и другіе промышляютъ рыбною ловлею и охотою за соболями, лисцами, сѣверными оленями, лосями, бѣлками и друг. Не говоря уже о земледѣліи, имъ неизвѣстно даже и скотоводство. Коровъ нѣтъ вовсе; весьма не многіе держатъ овецъ; ручные сѣверные олени съвсѣмъ перевелсь. Кое у кого есть лошадь, большая же часть ѣздитъ на собакахъ.

2) За Салымомъ по порядку слѣдуетъ Ляминь-Сорѣ. Объ этой рѣкѣ ходили самыя странныя слухи, пока наконецъ Г. Кеппенъ сказалъ о ней настоящее слово, объявивъ, что Ляминь вовсе на морѣ и не огромное озеро на барабинской степи, а просто небольшая рѣчка, впадающая въ Обь съ сѣверной стороны. Обыкновенно ее называютъ Ляминнымъ-Соромъ, но первоначальное самоѣдское ея названіе просто Ламъ или Лами (*Лаэмі*) яха—рѣка Лами. Подъ словомъ *сорѣ* русскіе Сибиряки разумѣютъ заливаемую въ весеннее половодье низменность и вѣроятно потому, что послѣ разлива остается на ней тина или соръ; Ляминь-Сорѣ, какъ говорятъ, разливается также сильно: въ нижнемъ своемъ теченіи иногда даже на 15 верстъ; можетъ-быть, что словомъ *сорѣ* хотѣли обозначить и это свойство. Что же касается до второй половины названія, до слова Ляминь (*Лам*), то я никакъ не могъ разунать настоящее его значеніе. Объ истокахъ Лама или Лямина я получилъ три противорѣчащія одно другому свѣдѣнія. Въ Березовѣ мнѣ положительно говорили, что изъ большаго

озера Тормъ-лора (Тогм-Лог) вытекають три рѣки: *Надыль* направляющійся на сѣверъ и впадающій въ Ледовитое море; *Казыль*, текущій на западъ и сливающійся съ большой Обью, и еще третья рѣка, текущая на югъ и впадающая въ верхнюю Обь. Рассказывавшій мнѣ не зналъ названія послѣдней рѣки; но если онъ говорилъ правду, то по всему вѣроятію эта рѣка Ляминъ, который и по свѣдѣніямъ сообщеннымъ Г. Кешпену березовскимъ исправникомъ, беретъ начало свое не подалеку отъ истоковъ Нарыма. Потомъ я слышалъ, что Ляминъ начинается гораздо южнѣе Тормъ-лора и вытекаетъ изъ нѣсколькихъ превратившихся въ болота озеръ, которыхъ такъ много въ сѣверной Сибири. Наконецъ мнѣ рассказывали, что Ляминъ образуется изъ слиянія трехъ рѣчекъ, изъ коихъ восточная называется у Самоѣдовъ Кежаі, западная Таѣар и средняя Lam. По слияніи этихъ трехъ рѣчекъ, Ляминъ протекаетъ быстро и извиисто по безлюдной, пустынной и болотистой странѣ. По правой сторонѣ его тянется высокая, поросшая густымъ хвойнымъ лѣсомъ пустошь (*урманъ*); лѣвый берегъ напротивъ очень низокъ и большею частью болотистъ. Правая возвышенность, называемая Самоѣдами Laemi-readaga (Ляминская возвышенность, Ляминскій лѣсъ) сопровождаетъ сперва западную рѣчку Татьеръ. Эта возвышенность не очень значительна, но все-таки на столько высока, что не покрывается водою во время весенняго разлива. Ляминъ во всемъ своемъ теченіи наводняетъ окрестности далеко; но осенью суживается до 30 и 20 сажень. Онъ впадаетъ въ 12 верстахъ выше деревни Кушниковой, т. е. въ 130 верстахъ ниже Сургута. Единственные обитатели береговъ его—Самоѣды племени Nitschu (см. выше), приписанные къ кондинской волости. Рассказы, что по Лямину живутъ и Остяки—вздоръ, порожденный тѣмъ, что двѣ или три Остяцкія семьи изъ окрестностей Кушниковой издавна отправляются каждое лѣто на Ляминъ ловить рыбу. По собственному показанію ляминскихъ Самоѣдовъ, ихъ всего 20 семействъ и почти столько же податныхъ душъ. Они живутъ круглый годъ въ жалкихъ лачугахъ изъ древесной коры, въ страшной нищетѣ и питаются преимущественно рыбою, какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Оленей у нихъ очень мало (отъ 1 до 5). Звѣрь ловится плохо, потому что лѣса сильно выгорѣли, на что жалуются по всей сѣверной Сибири. Религіей, правами и домашней жизнью ляминскіе Самоѣды совершенно сходны съ своими единоплеменниками, живущими въ Тобольской губерніи.

3) Въ десяти верстахъ выше Лямина, впадаетъ въ Обь, также съ сѣверной стороны, рѣка *Пыль* (по Остяки *Рунг*). Она нѣсколько меньше Лямина, но также стремительна, мелка и извилиста. Берега ея низки и также затопляются весеннимъ разливомъ. Когда половодье очень велико, устья Пыма и Лямина сливаются, и такимъ образомъ